ВОПРОСЫ ГЕОГРАФИИ

ISSN 0372-5758

146

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТОПОНИМИКИ

РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
RUSSIAN GEOGRAPHICAL SOCIETY

PROBLEMS OF GEOGRAPHY

The collected scientific works were founded in 1946 at the initiative and under the guidance of N.N. Baranskiy at the Moscow branch of Geographical Society of USSR. Publication of the series was resumed in 2009 as the Russian Geographical Society edition

EDITORIAL BOARD:

V.M. Kotlyakov
N.S. Kasimov
P.Ya. Baklanov
V.A. Rumyantsev
A.A. Chibilyov
S.A. Dobrolyubov
K.N. Dyakonov
A.A. Tishkov
N.I. Koronkevich
A.V. Postnikov
V.M. Razumovsky
V.N. Streletsky
K.V. Chistyakov

ВОПРОСЫ ГЕОГРАФИИ

Научные сборники, основанные в 1946 г. по инициативе и под руководством Н.Н. Баранского в Московском филиале Географического общества СССР. Серия возобновлена в 2009 г. как издание Русского географического общества

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик *В.М. Котляков* (председатель)
академик *Н.С. Касимов* (заместитель председателя)
академик *П.Я. Бакланов*
академик *В.А. Румянцев*
академик *А.А. Чибилёв*
член-корреспондент РАН *С.А. Добролюбов*
член-корреспондент РАН *К.Н. Дьяконов*
член-корреспондент РАН *А.А. Тишков*
доктор географических наук *Н.И. Коронкевич*
доктор технических наук *А.В. Постников*
доктор географических наук *В.М. Разумовский*
доктор географических наук *В.Н. Стрелецкий*
доктор географических наук *К.В. Чистяков*

PROBLEMS
OF GEOGRAPHY

Volume 146

URGENT PROBLEMS OF PLACE-NAMES STUDIES

Editorial board:
V.M. Kotlyakov
A.V. Barandeev
R.A. Ageeva
A.A. Herzen

MOSCOW
«Kodeks» Publishing House
2018

ВОПРОСЫ
ГЕОГРАФИИ

Сборник **146**

К 100-летию Института географии РАН
К 60-летию Топонимической комиссии МГО РГО

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТОПОНИМИКИ

Редакционная коллегия:

академик В.М. Котляков
кандидат филологических наук А.В. Барандеев (отв. ред.)
кандидат филологических наук Р.А. Агеева
кандидат географических наук А.А. Герцен

МОСКВА
Издательский дом «Кодекс»
2018

УДК 911+81'373.21
ББК 26.89:81.2-3
В 74

ISSN 0372-5758

Рекомендовано Учёным советом Русского географического общества

Рецензенты:
кандидат географических наук Е.А. Белоновская
доктор географических наук С.А. Буланов
доктор филологических наук Н.В. Васильева
кандидат географических наук Т.А. Галкина
кандидат географических наук И.Ф. Петрова
кандидат исторических наук Е.В. Пчелов
доктор филологических наук Е.Н. Ремчукова
доктор географических наук В.Н. Стрелецкий

В 74

Вопросы географии / Русское географическое общество. – Москва. Издаётся с 1946 г.
Сб. 146. Актуальные проблемы топонимики / В.М. Котляков, А.В. Барандеев, Р.А. Агеева, А.А. Герцен. – М.: Издательский дом «Кодекс», 2018. 312 с.

Сборник содержит статьи, посвящённые различным теоретическим и практическим аспектам ономастических исследований. Ряд статей написан на основе докладов, сделанных на заседаниях Топонимической комиссии МГО РГО, на конференции «Топонимические чтения 2017», на студенческих научных конференциях по топонимике. Статьи написаны учёными из разных регионов Российской Федерации. Сборник представляет интерес для топонимистов, географов, лингвистов, историков, краеведов. Материалы сборника окажутся полезными для студентов, аспирантов, докторантов и всех интересующихся актуальными проблемами современной топонимики.

ISBN 978-5-6040969-6-3

Problems of Geography / Russian geographical society. – M. Published since 1946.
Vol. 146. Urgent problems of place-names studies / V.M. Kotlyakov, A.V. Barandeev, R.A. Ageeva, A.A. Herzen. – M.: "Kodeks" Publishing house, 2018. 312 p.

The collection of articles is dedicated to various theoretical and practical aspects of onomastic studies. The proceedings of the sessions of Place-Names Committee in the Moscow branch of the Russian Geographical Society are reflected here, as well as reports at the "Place-names lectures. 2017". Some articles written by students-participants of scientific conferences are also included. The collection will be of interest for specialists in onomastic studies, geographers, linguists, historians and researchers of local lore. The bulk of papers presented here will be useful for students, post-graduates, competitors for doctor's degree and everybody who is interested in actual problems of modern place-names studies.

ISBN 978-5-6040969-6-3

© Авторы статей, 2018
© Authors of papers, 2018
© Русское географическое общество, 2018
© Russian Geographical Society, 2018

Содержание

Предисловие.....11

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ОНОМАСТИКИ

А.В. Баранде́ев. История топонима (с краеведческим экскурсом) и степень надёжности этимологий в топонимических словарях.....15

А.А. Герцен. Историко-географический контекст перенесённых топонимов.....27

Е.Р. Барбашов. К вопросу о локализации первоначального места поселения вятичей на Верхней Оке.....74

А.В. Баранде́ев. Статус топонимов-советизмов в системе русской топонимии.....97

В.Е. Смирнова. Некоторые аспекты передачи онимов России в трудах французских путешественников XVI и XVIII вв.....106

Г.С. Доржиева. Французские анемонимы в международной ономастической терминологии.....119

II. РЕГИОНАЛЬНАЯ ТОПОНИМИЯ

А.Г. Шайхулов. Методологические аспекты составления идеографического словаря топонимов Урало-Поволжья, Казахстана, Сибири и Северо-Востока Российской Федерации.....128

Л.П. Михайлова. Лоция Белого моря 1930 г. как источник изучения системы номинации гидрообъектов Европейского Севера.....135

О.С. Евсеева. От *Чёрной Сосны* до *Белого Мха* (значение цвета в топонимии смоленско-белорусской приграничной зоны).....144

Е.В. Цветкова. Местная географическая терминология в костромской микротопонимии.....148

М.В. Боброва. Наименования частей населённых пунктов Верх-Язьвинского сельского поселения Пермского края.....154

Л.В. Шарифуллина, Д.Д. Хайрутдинов. Особенности топонимической системы сельских поселений Мамадышского района Республики Татарстан (на примере деревни *Тёплое Болото*).....160

А.А. Казанкова, В.Н. Левина. Названия улиц в сёлах Тамбовской области.....167

А.Н. Беляев. О происхождении топонима *Авдон* в Башкортостане.....170

А.В. Чуманов. К вопросу о происхождении топонима *Шуш*.....174

III. ВНУТРИГОРОДСКАЯ ТОПОНИМИЯ

Т.П. Соколова. Коммерческие урбанонимы: свобода творчества или спекуляция на эпатаже? 179
В.О. Максимов. О месте исторических топонимов во внутригородской топонимии 191
Р.В. Разумов. Региональные особенности систем урбанонимов (на примере больших городов Московской области) 197
А.Б. Рыжков. Сакрализация мемориальной топонимии в общественном сознании 200
М.Н. Козинцева. Принципы номинации внутригородских объектов *Волгограда* и *Ковентри*. Сопоставительный аспект 209
Н.А. Жук. Названия отелей *Москвы* и *Нью-Йорка* сквозь призму топонимики 214

IV. НАЗВАНИЯ НАРОДОВ. ЛИЧНЫЕ ИМЕНА. ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Т.А. Сироткина. Этнонимия многонационального региона как зеркало национальной идентичности 222
Р.Г. Жамсаранова. «Хамниган» – этноним или экзоним? 227
А.И. Назаров. Фамилии уральских казаков с формантом *-ков* / *-цков* 236
А.С. Коваленко. Особенности репрезентации библейских антропонимов в современных ономастиконах России и США 256
Ю.Е. Сапогова, Д.А. Салимова. Образовательный потенциал использования художественной ономастики в научно-исследовательской деятельности учащихся 265

V. ЛИТЕРАТУРА ПО ТОПОНИМИКЕ (2009–2018)

А.В. Баранде́ев, Р.А. Агеева. Литература по топонимике (2009–2018) 272

Сведения об авторах 309

Content

Foreword 11

I. THEORETICAL PROBLEMS OF ONOMASTIC SCIENCE

A.V. Barandeev. The history of place-name (with a local excursus) and the degree of etymological reliability in place-names dictionaries 15

A.A. Herzen. Historic-geographical context of transferred toponyms 27

E.R. Barbashov. On the localization of the Vyatichi primary settlement in the Upper Oka region 74

A.V. Barandeev. The status of Soviet place-names in Russian toponymic system 97

V.Ye. Smirnova. Some aspects of the translation of Russian place-names in the works of French travellers in XVI and XVIII centuries 106

G.S. Dorzhieva. French anemonyms in international onomastic terminology 119

II. REGIONAL PLACE-NAMES

A.G. Shaykhulov. Methods of compiling the ideographic dictionary of place-names in the Urals, the Volga region, Kazakhstan, Siberia and the North-East of the Russian Federation 128

L.P. Mikhailova. Sailing directions of 1930 as a source of studies on the naming system of North-European hydrography 135

O.S. Yevseyeva. From *Black Pine-tree* to *White Moss*. The meaning of the colour in place-names of Smolensk-Byelorussian border-line 144

E.V. Tsvetkova. Local geographical terminology in Kostroma microtoponyms 148

M.V. Bobrova. The partial names of settlements in Verh-Yazva village of Perm territory 154

L.V. Sharifullina, D.D. Hairutdinov. Particular features of place-names in the settlements of Mamadysh district (village *Tyoploye Boloto*, the Tatarstan Republic) 160

A.A. Kazankova, V.N. Levina. The street-names of settlements in the Tambov region 167

A.N. Belyaev. On the origin of the place-name *Avdon* in Bashkortostan 170

A.V. Chumanov. On the origin of place-name *Shush* 174

III. URBAN PLACE-NAMES

T.P. Sokolova. Commercial urban names: is it freedom of creative work or speculative purposes? 179

V.O. Maximov. The role of historical place-names inside the city 191

R.V. Razumov. Local features of urban names systems (as compared with Moscow regional cities) 197
A.B. Ryzhkov. The sacralization of memorial place-names in social consciousness 200
M.N. Kozintseva. The nominative principles of urban names in *Volgograd* and *Coventry*: the comparative aspect 209
N.A. Zhuk. Naming of *Moscow* and *New York* hotels as seen through place-names studies 214

IV. ETHNONYMS. ANTHROPONYMS. PROPER NAMES IN FICTION

T.A. Sirotkina. Ethnonyms of multinational region as a mirror of national identity 222
R.G. Zhamsaranova. «Hamnigan» – ethnonym or exonym? 227
A.I. Nazarov. Surnames with the formant *-skov* / *-tskov* (*-сков* / *-цков*) of the Cossacks and their descendants in the Urals 236
A.S. Kovalenko. The peculiarities of presenting the biblical proper names in modern anthroponymy of Russia and the USA 256
Yu.E. Sapogova, D.A. Salimova. The educational potential of proper names in belles-lettres for the research-work carried out by the pupils 265

V. REFERENCE LIST ON PLACE-NAMES (2009–2018)

A.V. Barandeev, R.A. Ageeva. Reference list on place-names (2009–2018) 272

List of the authors 309

Предисловие

Настоящий сборник отражает деятельность Топонимической комиссии Московского городского отделения Русского географического общества за 2009–2017 гг. и содержит в основном статьи, подготовленные на основании апробированных докладов, сделанных на заседаниях комиссии, на конференции «Топонимические чтения 2017», на студенческих научных конференциях по топонимике, а также работы учёных из разных регионов Российской Федерации.

Топонимика – одна из наиболее популярных современных наук, теснейшим образом связанная с изучением топонимического кругозора человека и статуса географических названий в обществе. Топонимический материал активно привлекают и анализируют в своих исследованиях географы, краеведы, историки, социологи и представители других наук. Однако, к сожалению, далеко не всегда работы, написанные нетопонимистами, отличаются высоким научным уровнем, поскольку их авторы не всегда имеют соответствующие базовые знания, не учитывают важнейшую литературу изучаемой проблемы, не имеют представления о методах топонимического исследования, не владеют категориально-понятийным аппаратом топонимики и научным стилем изложения.

Весьма примечательно, что подобная ситуация характерна и для современной зарубежной топонимики. Так, исследователь из Великобритании Ричард Коутс отмечает резкое увеличение количества популярных книг по английской топонимии, которые написаны неспециалистами на крайне низком уровне, а поэтому не только бесполезны, но и вредны (Coates R. Popular books on English placenames – a serious issue in onomastics // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 2. С. 143–158).

В сложившейся негативной ситуации виноваты не только авторы лженаучных произведений, не прошедших независимое рецензирование, но и сами топонимисты. Некоторые из них в своих работах допускают смешение в употреблении терминов *топонимика* и *топонимия*, *микротопонимика* и *микротопонимия*; оперируют обозначениями, образованными с нарушением законов терминообразования: *урбонимия* вместо *урбанонимия*, *оттопонимические* вместо *оттопонимные*, *отэтнонимические* вместо *отэтнонимные* и т.д.

Употребление терминов без понимания их логико-понятийного содержания отражено в некорректных обозначениях типа *городская топонимика*, *топонимика морей*, *топонимические названия*, *ойконимические наименования*, *гидротопонимика* и др., весьма распространённых в работах современных краеведов. Отдельные географы оперируют в своих публикациях ложноориентирующими обозначениями типа *географическая ономастика*, что нарушает установленное дефинитивное содержание соответствующих терминов. Как ни парадоксально, но все указанные ошибки встречаются даже в некоторых кандидатских и докторских диссертациях (!). Как справедливо заметил в одном из своих выступлений академик В.М. Котляков, в современных научных исследованиях академизм, к сожалению, исчезает. В настоящем сборнике отмеченные факты некорректного оперирования топонимической терминологией получили соответствующую оценку.

Представленные в сборнике статьи сгруппированы по рубрикам, отражающим актуальные аспекты изучения разных категорий имён собственных, и прежде всего – топонимов.

Первый раздел сборника посвящён общим проблемам ономастики. В нём читатель найдёт статьи, в которых объективно оценивается степень надёжности этимологий в топонимических словарях; убедительно рассмотрена слабо разработанная в топонимической литературе проблема перенесённых топонимов; предпринята новаторская попытка локализации исконного поселения вятичей на Верхней Оке с учётом фактов топонимии; определён статус топонимов-советизмов в системе русской топонимии; выявлены аспекты передачи русских онимов в сочинениях французских путешественников XVI и XVIII веков; проанализирован корпус названий ветров во Франции.

Второй раздел сборника, самый обширный, содержит статьи по региональной топонимии. В них представлены разыскания о методических аспектах составления идеографического словаря топонимов конкретных регионов; проведён текстологический анализ одного ценного источника изучения систем номинации гидрообъектов Европейского Севера; рассмотрено значение цвета в топонимии смоленско-белорусской приграничной зоны; выявлена специфика местной географической терминологии в костромской микротопонимии; показаны особенности номинации сельских улиц и частей населённых пунктов одного сельского поселения Пермского края; рассмотрена специфика топонимической системы сельских поселений одного из

районов Республики Татарстан; представлен анализ названий улиц в сёлах Тамбовской области; дана всесторонняя оценка этимологиям, предложенным для топонимов *Авдон* и *Шуш*(*енское*).

Третий раздел сборника объединяет статьи, посвящённые исследованию внутригородской топонимии и отличающиеся актуальной научно-публицистической направленностью: критически проанализированы формы коммерческих урбанонимов, предложена их неймингова экспертиза – новое актуальное направление ономастических исследований; определён статус исторических топонимов в столичной внутригородской топонимии; показана специфика урбанонимов, характерных для больших городов Московской области; рассмотрены причины сакрализации мемориальной топонимии в общественном сознании на примере топонимии Санкт-Петербурга; выявлены принципы номинации внутригородских объектов *Волгограда* и *Ковентри*; представлен сравнительный анализ топонимической составляющей в названиях отелей *Москвы* и *Нью-Йорка*.

Четвёртый раздел сборника включает статьи, в которых показана специфика этнонимии многонационального региона; предпринята попытка установления ономастической сущности онима *хамниган*; проанализировано происхождение фамилий уральских казаков; рассмотрены проблемы репрезентации библейских антропонимов в русском и американском ономастиконах; обосновывается необходимость использования поэтической ономастики в научно-исследовательской деятельности учащихся школ и студентов вузов.

В пятом разделе сборника представлена отечественная и зарубежная топонимическая литература, изданная за последнее десятилетие. Знакомство с ней позволит исследователям уверенно ориентироваться в актуальных проблемах современной топонимики.

Статьи печатаются в авторской редакции. Мнение редколлегии сборника не всегда совпадает с мнением авторов статей. В частности, нет достаточных оснований для включения названий ветров в систему ономастической терминологии, поскольку любая терминология представляет собой систему нарицательных обозначений, имеющих **абстрактный** характер, и соответствующие дефиниции, в отличие от номенклатуры – системы имён собственных, т.е. названий, обозначающих понятия, **предметность** которых ярко выражена.

За аутентичность цитат несут ответственность авторы. Примечания ответственного редактора даны в квадратных скобках [ ].

Авторы искренне признательны рецензентам сборника за ценные замечания, способствовавшие улучшению рукописи: Е.А. Белоновской, кандидату географических наук, ведущему научному сотруднику Института географии РАН; С.А. Буланову, доктору географических наук, ведущему научному сотруднику Института географии РАН; Н.В. Васильевой, доктору филологических наук, главному научному сотруднику Института языкознания РАН; Т.А. Галкиной, кандидату географических наук, старшему научному сотруднику Института географии РАН; И.Ф. Петровой, кандидату географических наук, старшему научному сотруднику Института географии РАН; Е.В. Пчелову, кандидату исторических наук, зав. кафедрой вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ; Е.Н. Ремчуковой, доктору филологических наук, профессору кафедры общего и русского языкознания РУДН; В.Н. Стрелецкому, доктору географических наук, зав. отделом социально-экономической географии Института географии РАН.

А.В. Барандеев

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ОНОМАСТИКИ

УДК 801.311, 81.373.6, 81.374

История топонима (с краеведческим экскурсом) и степень надёжности этимологий в топонимических словарях

© 2018 г. А.В. Барандеев

Топонимическая комиссия МГО РГО, Москва, Россия
abarandeev@mail.ru

The history of place-name (with a local excursus) and the degree of etymological reliability in place-names dictionaries

A.V. Barandeev

Place-Names Commission, Moscow urban branch of the Russian Geographical Society, Moscow, Russia
abarandeev@mail.ru

The basis of the article is the analysis of cartographical sources and old Russian written texts. It is the history of the Moscow urban name *Vyatskaja street* that is under review, which has no trust-worthy etymology until nowadays. The analysis of different etymological versions made it possible to reveal the degree of reliability for each of them. The history of the given urban name has been interpreted in the context of toponymic local features.

Keywords: ***cartographical sources, etymology, Old Russian texts, reliability, urban name.***

В статье на основании анализа картографических источников и древнерусских письменных текстов рассмотрена история московского урбанонима *Вятская улица*, который до сих пор не имеет убедительной этимологии. Критическое рассмотрение различных этимологических версий позволило установить степень надёжности каждой этимологии. История данного урбанонима интерпретируется в контексте локальных топонимических особенностей.

Ключевые слова: ***древнерусские тексты, картографические источники, степень надёжности, урбаноним, этимология.***

Позитивная результативность топонимического исследования в значительной степени зависит от метода, выбранного исследователем из комплекса методов (исторический, формантный, картографический, этимологический и др.), используемых в современной топонимике (Развитие…1970; Матвеев, 2006). Наиболее сложен этимологический метод, предполагающий наличие обширных знаний в области русистики, сравнительно исторического языкознания, индоевропеи-

стики. Применение этого метода позволяет приблизиться к пониманию истинного происхождения топонима.

Этимологии топонимов отражены в современных словарях и энциклопедиях, фиксирующих наиболее достоверные на данный момент версии происхождения географических названий. После выхода в свет первого издания «Краткого топонимического словаря» В.А. Никонова (1966), одного из основоположников современной топонимики, прошло полвека. Долгие годы этот словарь остаётся настольной книгой нескольких поколений исследователей, хотя без соответствующих этимологических корректировок и дополнений неизбежно устаревает, отражая уровень топонимического этимологизирования середины XX в. К началу XXI в. отечественная и зарубежная топонимика обогатилась рядом серьёзных исследований, в том числе этимологических, которые в той или иной степени должны быть отражены в новейших произведениях топонимической лексикографии.

Естественно, что с развитием топонимической науки даже весьма распространённая и общепризнанная этимология топонима, прочно зафиксированная в лексикографии, может уступить место более надёжной и убедительной этимологии. Один из последних ярких примеров такого рода – пересмотренная традиционная этимология топонима *Саратов*, ранее предполагавшая отражение в его форме *Сарытау* тюркских слов *сары* – ‘жёлтый’ + *тау* – ‘гора’ = ‘жёлтая гора’ (Никонов, 1966, с. 369–370; Поспелов, 2007, с. 445–446). Точный учёт географической (ориентирующей) специфики города, исконно возникшего на острове, позволил увидеть в топониме отражение тюркских слов *сары* – ‘жёлтый’; перен. *“красивый, замечательный”* + *атау* – ‘остров’ (Добродомов, 2014, с. 72–73).

При разработке надёжной этимологии топонима важно учитывать характер топонимического пространства, в котором он функционирует, поскольку в непосредственной близости друг от друга могут находиться названия одинаковой языковой принадлежности. В этом мы убедились на собственном опыте, когда при установлении этимологии этнонима *берендеи* и этнотопонима *Берендеево* (пос. сельского типа в Переславском районе Ярославской области) (Барандеев, 2014, с. 46–70) не обратили внимания на то, что на северо-востоке от этого посёлка расположен *И'тларь* (пос. сельского типа в Ростовском районе Ярославской области).

Происхождение данного названия легенда связывает с именем хана *И'тларя*, убитого русскими лучниками в этом месте. Даже оставляя без оценки достоверность легенды, можно утверждать, что это личное

имя зафиксировано в «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку (XII в.) под 1092 г. в формах *Итларь*, *Итларевичь*, *Итларевъ*, [*И*]*тларевы*. Оно бесспорно имеет тюркское происхождение: *it ~ yt* ‘собака’ + суф. мн. ч. *-lar* (Сравнительно-…, 2006, с. 730–732) – в качестве собирательно-множественного тотемного (отнюдь не ругательного) обозначения племени. На русский язык топоним *Итларь* можно было бы гипотетически перевести как **Собакины* (**Собакино*).

Таким образом, соседство топонимов *Итларь* и *Берендеево* оказалось далеко не случайным – оно убедительно иллюстрирует миграционные процессы тюркоязычных этносов и доказывает справедливость сформулированного В.А. Никоновым закона ряда: топонимы никогда не существуют изолированно друг от друга.

Оценивая целесообразность использования конкретных методов в топонимических исследованиях, следует учитывать справедливое мнение О.Н. Трубачёва о том, что ни один из них «не может претендовать на главную роль по той простой причине, что неисчерпаемое богатство языка превосходит возможности одного метода, и это давно пора понять приверженцам одной теории» (Трубачёв, 1993б, с. 7; Трубачёв, 1993а, с. 3–12). Тем не менее, наиболее привлекательным для профессиональных топонимистов всё-таки остаётся этимологический метод, который, по утверждению А.К. Матвеева, даёт «возможность извлечения совершенно новой лингвистической, исторической и географической информации. Именно по этой причине этимологическая интерпретация стала сердцевиной топонимических исследований» (Матвеев, 2010, с. 112).

При оценке степени надёжности этимологий в топонимических словарях наше внимание привлекли две этимологические версии, касающиеся столичного урбанонима *Вятская ул.* (Савёловский район Северного административного округа; древняя историческая местность *Бутырки*) (рис. 1, 2). Первая из них, наиболее распространённая, представляет собой глухое попутное замечание москвоведа Ю.К. Ефремова: «Вятская улица не имела отношения ни к реке, ни к городу Вятке, а возникла из чьего-то стремления “облагородить” прежнее не слишком гостеприимное имя Вязкая» (Ефремов, 1997, с. 276, 338). Однако совершенно непонятно, кто конкретно решил «облагородить» название и почему оно «негостеприимное»? Данная версия без соответствующей критической оценки закрепилась в топонимических словарях, повторивших предположение о том, что *Вятская ул.* – это «искажённое *Вязкая ул.* (*вязь* – грязь, болотистое место),

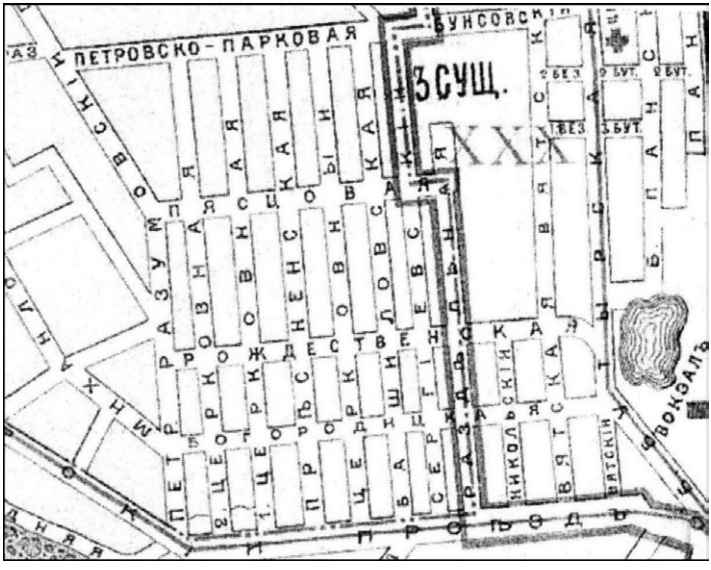

Рис. 1. *Вятская улица* на «Плане города Москвы», изд. А.С. Суворина (1862) etomesto.ru/map-moscow1862

которую кто-то решил “облагородить”» (Улицы…, 2003, с. 69; Имена…, 2007, с. 129). Аналогичный подход к этому названию отражён в одной энциклопедии, причём суффикс *-к-* в урбанониме произвольно заменён на *-ск-*: «Парфюмерная фабрика Ралле, теперь “Свобода”, на Вятской (бывшей Вязской) улице (№ 47)» (Романюк, 2007, с. 561).

Заметим, что форму **Вязкая* (*Вязская*) *ул.* следует рассматривать лишь как гипотетическую, поскольку в письменных источниках она не зафиксирована. Необходимо установить, насколько продуктивна эта версия, связывающая урбаноним **Вязкая* (*Вязская*) *ул.* со словом *вязь*. Как показывает анализ памятников письменности русского языка, слова с корнем *вяз-* известны с древнейшей поры и представлены следующими лексемами в прямых и переносных значениях. Вазати – ‘вязать, связывать кого-либо, что-либо’; перен. ‘погрязать’. Вазатиса – ‘быть связанным, скованным’. Вазити – ‘запутаться’; перен. ‘погрязнуть в грехе’ (Словарь…,1989а, с. 311–312). **ВЯЗНУТИ** – ‘попадать во что-либо вязкое, липкое’; ‘застревать, увязать’ (Словарь…, 1976, с. 285–286). Весьма интересно, что, согласно лексикографическому источнику, употребление прилагательного *вязкий* (*вязс-*, *вяс-*, *-ой*) прослеживается в русском языке лишь с XVIII в. Среди значений этого слова обращает

Рис. 2. *Бутырки* (*Boutyrki*) на карте «Окрестности Москвы» (1724) французского картографа Ж.-Н. Делиля – одно из первых картографических изображений данной местности
http://retromap.ru/forum/viwtopic.php?t=5689

на себя внимание семантика ‘клейкий, тягучий’ и оттенок значения ‘топкий’: «Вяское вкруг было все мѣсто»; «Обширная площадь перед деревнею составляет вязкую болотину» (Словарь…, 1989б, с. 75).

Слово *вязь* – ‘болото, топь’, не зафиксированное в исторических словарях русского языка, встречаем, однако, в Словаре В.И. Даля, где подробно объясняется и значение слова *вязкий* – ‘крепкий или упорный сцеплением частиц своих; липкий, клейкий, тягучий; нехрупкий, неломкий, гибкий, упругий’. «Это болото вязко, не ходи, ног не вытащишь» (Даль, 1955, с. 337–338). В современных русских народных говорах и в географической терминологии словообразовательное гнездо с корнем *вяз-* представлено многочисленными образованиями. Например, в воронежских говорах *вязь* – ‘болото, болотистое место’ (Дьякова, Хитрова, 2009, с. 66). Географические термины *вязь*, *вязелица*, *вязель*, *вязило*, *вязун* в центральных областях России обозначают ‘вязкое, топкое болото, топь’ (Мурзаев, 1999, с. 142).

Анализ ряда гидронимов с корнем *вяз* – ‘болото, топь’ на территории московского региона доказывает их мотивированность. Так, название *р. Вязовка* (правый приток Тасы на востоке Московской области) убедительнее всего объяснять тем, что она протекает по сильно заболоченной местности, а не тем, что в этом гидрониме отражена связь с названием де-

рева *вяз*, которое в Подмосковье встречается очень редко. Аналогично этот же корень отражён в названии *р. Вяз* (правый приток Ямуги в Клинском районе Московской области), протекающей по торфяным болотам. Согласно данным одного из топонимических словарей, гидронимы такого происхождения не единичны в указанном регионе (Поспелов, 2008, с. 203–204).

Весьма интересно, что древнее славянское название очень гибкого (вязкого) дерева семейства ильмовых вязъ (о.-сл. **vęzъ*, ср. лат. *vincīre* – 'связывать, обвивать', лит. *vìnkšna* и лтш. *vîksna* – 'вяз'), известное в древнерусском языке с середины XIII в., тоже мотивировано глаголом вязати (о.-сл. **vęzati*). Лыко этого дерева использовалось для плетения и, в частности, для вязания некоторых частей телеги или саней.

Приведённые факты как будто убеждают в определённой надёжности первой этимологической версии. Например, в Словаре А.М. Щекатова местность *Бутырки* (об этимологии данного топонима см.: Барандеев, 2014, с. 79–87) характеризуется так: «Бутырки из слобод, составляющих предместия <…> Москвы, при озерке, или болоте, из которого текут речки Неглинна и Пресня» (Щекатов, 1801, с. 620). Действительно, будущая *Вятская ул.* в *Бутырках* возникла в древней обширной местности *Горелое болото* (рис. 3, 4).

Современная локализация показывает, что это водораздельное болото, впоследствии подвергшееся осушению и торфоразработкам, располагалось между платформой Гражданская и Савёловским вокзалом. Из болота вытекали реки Каменка, Копытовка, Ходынка и Пресня. Водная насыщенность данной территории доказывается и существованием большого *Бутырского пруда*, отчётливо показанного на Плане столичного города Москвы 1859 г. (см. рис. 4), а ранее и на других картах в виде водного очертания без названия. Из пруда вытекали р. Неглинная и её правый приток *Бутырский ручей*, следы которого видны сейчас в виде неглубокого понижения вдоль Стрелецкой улицы. Впоследствии при строительстве внутригородских объектов реки и ручьи в этом районе были осушены или заключены в коллектор, а пруд осушен (Атлас…, 1935).

Улицы в древней Москве очень редко мостились камнем, и все бытовые отходы просто выбрасывались или выливались за окно и за порог на земляную поверхность улиц, что создавало непролазную грязь. Ситуация усугублялась болотистой местностью, выходом на поверхность грунтовых вод, отсутствием водостоков, а весной – растаявшим снегом. Поэтому для удобства пешеходов и ездоков устраивались деревянные настилы и мостки, о которых упоминали иностранные по-

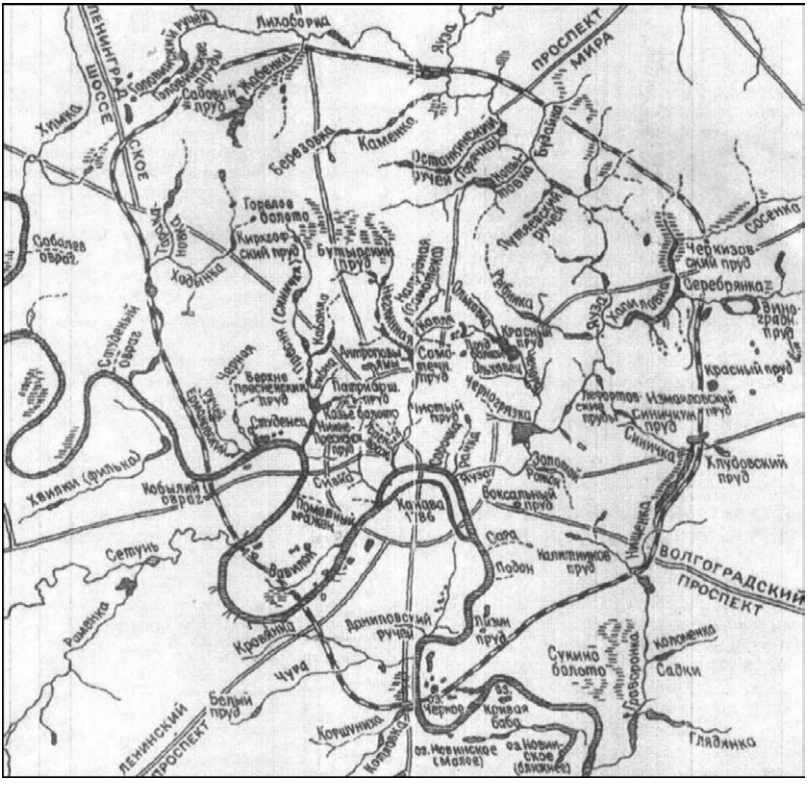

Рис. 3. *Горелое болото* и *Бутырский пруд* на гидрографической карте древней Москвы.
Карта составлена геологом Б.М. Даньшиным (1891–1941)

слы, купцы и путешественники, посещавшие Московию. Например, уроженец Курляндии, дипломат и путешественник Я. Рейтенфельс, побывавший в Московии в 1671–1673 гг., заметил: «Улицы мощены не камнем, а деревянными бревнами, которые постоянно плавают в грязи, либо покрыты слоем пыли <…>» (Цит. по: Сытин, 1958, с. 14).

Предположим, что именно в таком культурно-историческом контексте могло возникнуть название улицы, получившее в обиходно-бытовом русском языке XVIII в. «мотивированную» форму **Вязкая*. Однако закономерно возникает вопрос, а почему же многие другие древние столичные улицы, возникшие в аналогичных физико-географических условиях, не были названы **Вязкими*? Следовательно, первую этимологическую версию нужно признать ненадёжной.

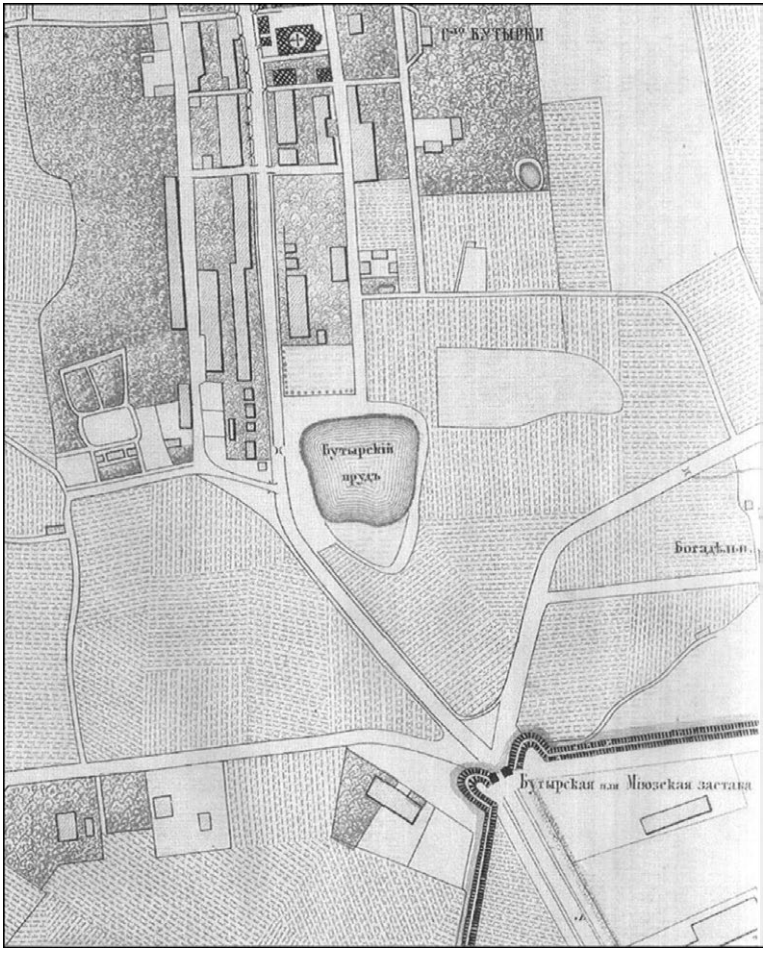

Рис. 4. *Бутырский пруд* на «Плане столичного города Москвы» (1859). etomesto.ru/map-moscow_1859

Вторая версия была выдвинута авторитетными москвоведами П.Н. Миллером и П.В. Сытиным. В своей содержательной книге они указали на ряд интересных фактов: «Дорога из Москвы на Дмитров проходила в XVII в. не по теперешней Бутырской ул., а именно по Вятской [очевидно, из-за того, что *Бутырская* по рельефу располагалась ниже *Вятской* и была более вязкой. – *А.Б.*]. Почему эта главная улица называлась Вятской, можно объяснить следующей догадкой. В 1489 г. Иван III присоединил к московскому государству г. Вятку, а "торговых людей вятчан в Дмитрове

посади". По-видимому, в Дмитрове поселилось много вятчан; ездить в Дмитров могло означать ездить к вятчанам, почему и дорога стала называться Вятской. Часть вятчан могла выселиться из Дмитрова в Москву, осев на Дмитровской дороге» (Миллер, Сытин, 1938, с. 33).

К сожалению, эта версия оставалась неизвестной для последующих исследователей. Между тем она представляется достаточно убедительной, поскольку подтверждается конкретными историческими фактами. Например, Н.М. Карамзин, повествуя о царствовании Ивана III, отмечал: «Подчинивъ себѣ Казань, Государь утвердилъ власть свою надъ Вяткою. <…> Іоаннъ поселилъ земскихъ людей въ Боровскѣ и в Кременцѣ, купцевъ в Дмитровѣ <…>» (Карамзин, 1989, с. 119).

Таким образом, из двух рассмотренных версий происхождения урбанонима *Вятская ул.* только вторая представляется наиболее убедительной. Действительно, «в честь» переселенцев из вятских земель, селившихся на этой безымянной улице с конца XV в., она могла получить в обиходно-бытовом языке форму *Вятская*. Функционирование в русской топонимии таких «переселенческих» названий – далеко не редкое явление. Впрочем, собственно гидроним *Вятка* и топоним *Вятка* имеют иное происхождение (см.: Васильев, 2016, с. 23–39; Казакова, 2011).

Этимологии, предложенные для других топонимов *Вятское*, нуждаются в проверке и тщательном историко-лингвистическом обосновании. Например, согласно сведениям из Интернета, происхождение названия *с. Вятское* (Некрасовский район Ярославской области), упоминаемого в письменных источниках 1502 г., связывают с проходившей рядом с селом дорогой на *г. Вятку*. А происхождение названия *с. Вятское* (Хабаровский район Хабаровского края) объясняют тем, что летом 1859 г. переселенцы из Вятской губернии Котельнического уезда, проплыв вниз по Амуру на баржах 75 вёрст, основали поселение, названное так в память об их родных местах. Если эти сведения достоверны, они подтверждают надёжность рассмотренной выше второй этимологической версии.

В советское время *Вятская ул.* долгие года оставалась улицей с низкоэтажными деревянными домами купеческой постройки и бараками. Поколение, родившееся и выросшее на этой тихой и уютной улице в конце 1940-х – начале 1950-х годов, стало свидетелем значительных перемен. Старое уличное покрытие было заменено асфальтом, по улице ходил трамвай на электрической тяге.

Интересно, что этот вид столичного транспорта появился в 1886 г., заменив конку, и представлял собой трамвайный паровозик (парови-

чок) с несколькими вагонами. Эта первая в столице трамвайная линия на паровой тяге проходила от Бутырской заставы (район современной площади Савёловского вокзала) до Петровской земледельческой академии (МСХА). В 1899 г. в Москве была открыта первая электрическая трамвайная линия, проходившая по Нижней и Верхней Масловке до Старого Петровско-Разумовского проезда и в 1923 г. удлинённая до Коптевского рынка. В 1933 г. при расширении *Бутырской ул.* рельсы перенесли на соседнюю *Вятскую*, история которой оказалась непосредственно связанной с историей московского трамвая (Рогачёв, 1993, с. 130–137).

В 1960-е годы *Вятская ул.* стала застраиваться современными высокоэтажными домами. Фасады некоторых домов, построенных на её чётной стороне, выходят на соседнюю *Бутырскую ул.* С этого времени облик *Вятской ул.* существенно изменился. Тем не менее, о её славном прошлом напоминают сохранившиеся старые здания, сыгравшие важную роль в развитии столичной промышленности и культуры. Так, на нечётной стороне улицы расположено здание бывшей шёлкопрядильной фабрики «Пролетарский труд», основанной в 1899 г. (теперь АО «Полишёлк»). На этой же стороне находятся остатки в прошлом обширного и хорошо оснащённого стадиона «Пищевик», где начиналась история московского «Спартака». Стадион построен в 1940 г., переименован впоследствии в «Автомобилист» и стал в итоге рынком.

Далее наше внимание привлекает причудливое по архитектуре здание бывшего клуба фабрики «Свобода», построенное в 1929 г. и переименованное в послевоенное время в ДК им. М. Горького. Здание существенно перестраивалось в 1950 г., в 2004 г. и превратилось затем в ресторан, который ныне уже не существует. Нельзя пройти мимо старого здания широко известной в СССР косметической фабрики «Свобода», возникшей на базе открытой в 1843 г. Парфюмерной фабрики Товарищества «А. Ралле и К°» и переведённой на *Вятскую ул.* в 1899 г. Теперь это ОАО «Косметическое объединение “Свобода”».

История *Вятской ул.* – яркая интересная страница в топонимической летописи москвоведения. Поэтический образ столичной топонимии представлен в стихотворении И. Волгина:

Названия московских мест
Для моего привычны слуха.
Как для иных привычен лес,
И ливня плеск, и шорох луга.

Как справедливо заметил исследователь московских древностей А.А. Мартынов, «названия урочищ, площадей, улиц и переулков произошли не случайно; не произвольно выдуманы были имена для обозначения той или другой местности. В этих названиях заключается большею частью указание на историческое событие, на известное в своё время лицо, на бытовую черту, на местную особенность; в них хранится память прошедшего, иногда отдалённого. Но память эта слабеет с течением времени; характеристические названия, переходя от поколения к поколению, искажаются, теряют своё первоначальное значение <…>. Возстановлять старые названия, доискиваться их причины и смысла – работа трудная, но в высшей степени интересная» (Мартынов, 1874, с. 1–2).

Действительно, связь времён и поколений, отражённая в истории географических названий, не должна прерываться никогда…

Литература

Атлас геологических и гидро-геологических карт города Москвы / Под ред. Б.М. Даньшина и Н.А. Корчебокова // Тр. Всес. науч.-исслед. ин-та минерального сырья и Московского геолого-гидро-геодезического треста. М.: Всесоюзный картографический трест, 1935. 19 с.

Барандеев А.В. Краткий этимологический топонимический словарь. М.: Принт-Сервис, 2014. 290 с.

Васильев В.Л. Ещё раз о происхождении названий реки *Вятка* и города *Вятка* (совр. *Киров*) // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13. № 2. С. 23–39.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М.: ГИИНЦ, 1955. 699 с.

Добродомов И.Г. К этимологии топонима *Саратов* // Русский язык в школе. 2014. № 7. С. 72–73.

Дьякова В.И., *Хитрова В.И.* Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями). Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2009. 343 с.

Ефремов Ю.К. Московских улиц имена. М.: Вече, 1997 (2-е изд. М., 2006). 496 с.

Имена московских улиц: Топонимический словарь. М.: ОГИ, 2007. 602 с.

Казакова Е.Д. Вятка и *вятчане* в русской языковой традиции // Вопросы ономастики. 2011. № 2 (11). С. 19–50.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 6. М.: Книга, 1989 (репринт изд. 1842–1844 гг.). С. 1–228.

Мартынов А.А. Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями. М., 1874 (4-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012). 224 с.

Матвеев А.К. Ономатология. М.: Наука, 2006. 291 с.

Матвеев А.К. Субъективные факторы и лженаука в топонимических исследованиях // Вопросы ономастики. 2010. № 1 (8). С. 110–117.

Миллер П.Н., Сытин П.В. Происхождение названий улиц, переулков и площадей Москвы. М.: Московский рабочий, 1938. 105 с.

Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. 2-е изд. Т. 1. М.: Картгеоцентр – Геодезиздат, 1999. 339 с.

Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966 (2-е изд., стереотип. М., 2010). 509 с.

Поспелов Е.М. Иллюстрированный атлас мира. География мира: Новейший топонимический словарь. М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. 684 с.

Поспелов Е.М. Географические названия Московской области: Топонимический словарь. М.: АСТ: Астрель, 2008. 601 с.

Развитие методов топонимических исследований. М.: Наука, 1970. 112 с.

Рогачёв А.В. Окраины старой Москвы. М.: МИРОС, 1993. 170 с.

Романюк С.К. Москва за Садовым кольцом: Энциклопедия. М.: АСТ: Астрель, 2007. 896 с.

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 2. М.: Русский язык, 1989а. 494 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 3. М.: Наука, 1976. 288 с.

Словарь русского языка XVIII в. Вып. 5. Л.: Наука, 1989б. 255 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа: Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М.: Наука, 2006. 908 с.

Сытин П.В. Из истории московских улиц. 3-е изд. М.: Московский рабочий, 1958. 844 с.

Трубачёв О.Н. Беседы о методологии научного труда («Трактат о хорошей работе») // Русская словесность. 1993а. № 1. С. 3–13.

Трубачёв О.Н. Образованный учёный // Русская словесность. 1993б. № 2. С. 3–13.

Улицы Москвы. Старые и новые названия: Топонимический словарь-справочник. М.: ИЦ «Наука. Техника. Образование». 2003. 335 с.

Щекатов А.М. Словарь географический Российского государства. Ч. 1. М. 1801. 1300 с.

УДК 801.311, 911.3, 911.5, 913,347.783.55, 912

Историко-географический контекст перенесённых топонимов

© 2018 г. А.А. Герцен

Институт географии РАН, Москва, Россия
gerzen@igras.ru

Historic-geographical context of transferred toponyms

A.A. Herzen

Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
gerzen@igras.ru

Toponyms, classified as transferred, their modern geography and historic-geographical evolution are investigated. Numerous coincidences in the list of toponyms accompanying them have been revealed, indicating a regular order of their distribution and the formation of holistic toponymic systems – a toponymic component of historic-geographical landscapes. The transferred toponyms (such as *Zvenigorod*, *Pereyaslavl*, *Trubezh* and others) are the most striking indicators – the centers of toponymic landscapes formed in the Slavic lands in the early Middle Ages, surrounded by nests of specific accompanying toponyms (oikonyms and hydronyms), many of which have been preserved (for example, *Tsvetyny*, *Taynoe*, *Gonyucheye* and others). The transferred toponyms represent a unique geographical phenomenon, storing extremely interesting and useful historical and linguistic information, and in its totality forming the basis for the toponymic component of the historic-geographical landscape.

Keywords: ***historic-geographical landscapes, historical geography, place-name study, toponymic landscapes, transferred toponyms.***

Статья содержит результаты исследования топонимов, относимых к категории перенесённых. Показана их современная география, а также историко-географическая эволюция. Выявлены многочисленные совпадения в ряду сопутствующих им топонимов, свидетельствующие о закономерном порядке их распространения и формирования целостных топонимических систем – топонимического компонента историко-географических ландшафтов. Перенесённые топонимы *Звенигород*, *Переяславль*, *Трубеж* и другие являются наиболее яркими индикаторами – центрами топонимических ландшафтов, сформировавшихся в раннем Средневековье и окружённых гнёздами специфических сопутствующих топонимов (ойконимов и гидронимов), многие из которых сохранились, например *Цветынь*, *Тайное*, *Гонючее* и другие. Перенесённые топонимы представляют собой уникальное географическое явление, хранящее чрезвычайно интересную и полезную историческую и лингвистическую информацию, а в своей совокупности формирующее основу топонимического компонента историко-географического ландшафта.

Ключевые слова: ***историко-географические ландшафты, историческая география, перенесённые топонимы, топонимика, топонимические ландшафты.***

Введение

Историки, географы, лингвисты давно обратили внимание на проблему перенесённых топонимов, а начиная со времён В.Н. Татищева, В.И. Даля, Н.П. Барсова стали разрабатывать научные подходы к её решению. Большой вклад в фундаментальные исследования по исторической географии и топонимике внесли отечественные и зарубежные учёные М.Р. Фасмер, М.Н. Тихомиров, А.Н. Насонов, И.А. Витвер, В.К. Яцунский, В.А. Никонов, С. Роспонд, Б.А. Рыбаков, Э.М. Мурзаев, Л.Н. Гумилёв, Г.М. Лаппо, В.П. Максаковский, В.В. Седов, Е.М. Поспелов, Я.Е. Водарский, В.С. Жекулин, В.Н. Топоров, А.В. Суперанская, О.Н. Трубачёв, А.В. Постников, Р.А. Агеева, В.П. Нерознак, А.В. Барандеев и другие академические исследователи, многие из которых допускали возможность или даже настаивали на достоверности решения этимологических задач с учётом перенесения и воспроизводства топонимов в результате миграционных процессов. Как интересный феномен и объект внимания публицистов проблема рассмотрена на страницах научно-популярных (в путеводителях) и популярных изданий. Многие вопросы, требующие комплексных решений, ввиду сложности и недостаточной разработанности научно-методического аппарата остаются дискуссионными либо нерешёнными в принципе.

Классической стала дискуссия о правомерности отнесения подмосковного *Звенигорода* и других топонимов к категории перенесённых из регионов более раннего заселения славянами. Скептически предлагал относиться к вероятности перенесения топонима *Звенигород* из Южной Руси А.Л. Шилов, отмечая, что «схожие названия различных местностей и населённых мест могут возникать и от сходных природных условий или обстоятельств их возникновения» (Шилов, 2009, с. 195). В ряду скептиков по отношению к аспекту миграции топонимов следует назвать и В.Л. Васильева, который вместе с тем признаёт широкую известность некоторых хрестоматийных случаев топонимических миграций и призывает обозначить «оппозицию межтерриториальных (макротерриториальных) и внутритерриториальных (микротерриториальных) топонимических повторений. Последние появляются либо в силу пространственной смежности топографических объектов разных классов (стандартные варианты: водоём – селение, местность – селение), либо реализуются благодаря локальным перемещениям переселенцев или – иногда целых населённых пунктов». Но там же признаёт, что «факты

отдалённых топонимических переносов приемлемо доказываются в сравнительно небольшом числе случаев. Эта важная тема нуждается в дальнейшей специальной проработке…» (Васильев, 2012).

Такая позиция поддержана и А.В. Барандеевым: «…мы не исключаем существования переноса названий как топонимической проблемы, хотя к настоящему времени его механизм применительно к древнерусской эпохе детально не исследован» (Барандеев, 2010; Барандеев, 2014, с. 114). Несомненно, что в качестве таких специальных исследований должны выступать комплексные историко-географические изыскания и реконструкции.

Выдающийся географ, один из основателей отечественной географии городов (урбанистики) Г.М. Лаппо так оценивает значение топонимических исследований: «От топонимических словарей и книг по топонимике трудно оторваться. Их чтение отнюдь не пассивное занятие. Оно заставляет размышлять над версиями происхождения названий, втягивает в спор, нередкий между топонимистами. Для меня было важно, что топонимика оказывается окном, через которое можно взглянуть по-особому на историю городов и стран. И конечно, захватывают парадоксы и тайны топонимики» (Лаппо, 2012).

Г.М. Лаппо приводит многочисленные примеры переноса городов (собственно географических объектов) и, соответственно, их топонимов (географических названий). Города по разным причинам иногда меняют место. Ищут такое, которое позволяет им лучше выполнять свои обязанности. Перемещаясь, они брали с собой первоначальное название, сконструированное на основе географической ситуации покинутого места. Так, *Олёкминский острог* был основан в 1636 г. на левом берегу Лены против устья р. Олёкмы, затем его перенесли на 12 вёрст выше по Лене, но острог, ставший впоследствии городом, сохранил первоначальное название – *Олёкминск*.

Город-крепость *Кашира* возник в XIV в. на левом берегу Оки как сторожевой пункт на переправе через Оку у места впадения в неё р. Каширы. В 1620 г. перенесённый на высокий правый берег Оки город сохранил название. Аналогичные истории произошли с *Кунгуром*, *Тотьмой*, *Саратовом*. Наиболее яркий пример, ставший хрестоматийным, – история того, как менял своё место город *Оренбург* (рис. 1). Первоначально он был основан там, где в р. Яик (переименованный после подавления Пугачёвского восстания в Урал) впадала р. *Орь*. По этой реке и получил имя – *Оренбург*. Он должен был стать центром

Рис. 1. «Оренбург ищет удобное место» (Лаппо, 2012)

военно-административной системы, возглавить укреплённую линию, служить операционной базой действий, имевших целью присоединить обширные степные пространства. Новый город-крепость и торговый центр был построен в 1735 г. Но почти сразу же проявились неудобства его положения. Поэтому, сохранив название, город переместился на 182 версты к западу, в урочище Красная Гора. А на прежнем месте обосновалась *Орская крепость*, которая сто с лишним лет спустя была преобразована в город *Орск*. На новом месте город также не закрепился и вновь был перенесён ещё западнее. И опять вместе со своим именем. Так в 1743 г. *Оренбург* нашёл место, которое занимает и сейчас, – у впадения р. Сакмары в Урал (Лаппо, 2004; Лаппо, 2012).

Красноречиво Г.М. Лаппо описывает и пример из более древней истории – пример *Белозёрска*, упоминаемого в летописи под 862 г. в числе самых древних городов Руси, первоначально располагавшегося на противоположном, северном берегу озера *Белого* (ныне деревня Киснема). Повелением киевского князя Владимира в X в. город ввиду угрозы подтопления был перенесён к истоку р. Шексны (район нынешнего селения Крохино). В 1352 г. от «моровой язвы» вымерло свыше половины жителей, это повлекло новый перенос города на 20 км к западу, на место, занимаемое *Белозёрском* и поныне. И каждый раз город перемещался, не меняя своего названия. Годом его образования принят год первого упоминания – 862-й. Логика в этом есть. Название во все трёх случаях соответствовало местоположению (на *Белом озере*). Город продолжал оставаться центром примерно той же округи и выполнял те же

функции. Городов-претендентов на ту же роль поблизости не было. *Белозёрск* менял своё местонахождение подобно человеку, у которого при сохранении места службы менялось место жительства (Лаппо, 2012).

Но даже в приведённых примерах предметом исследования географа (и это понятно) становились собственно географические объекты, пусть даже меняющие местоположение и сохраняющие названия. Одноимённые и схожие по звучанию топонимы, стабильные, существующие поныне, либо достоверно зафиксированные прежде, особенно со сложной этимологией и не всегда ясной историей, объектом исследований географов не становились.

Топонимы, за которыми устойчиво закрепилось представление об их перенесённом характере, многократно и пристально рассматривались с помощью исторических и, в особенности, лингвистических методов. Притом собственно географические методы фактически не применялись. Во многом поэтому даже в новейших исследованиях, посвящённых этой проблеме (в частности, топонима *Звенигород*), фиксируется нерешённость вопроса и ныне (Поспелов, 2007, 2008; Шилов, 2009), а также высказываются пожелания о том, что новые исследования дополнят или уточнят рассуждения о его этимологии (Барандеев, 2010; Барандеев, 2014, с. 116). Очевидно, что такими дополнениями должны стать результаты именно географического анализа исследуемого феномена, озадачивающего историков и лингвистов уже не первую сотню лет. Задача географа – ответить на вопрос, имеется ли в одноимённых топонимах – феномене, выявленном историками на страницах летописей, исследованном лингвистами, обнаружившими между ними взаимосвязь, – система? Обнаружится ли при полимасштабном картографическом анализе географическая система – особый топонимический территориальный комплекс? Для этого рассмотрим предметно основные топонимы, считающиеся перенесёнными, их географическое положение и сложившийся окружающий топонимический ландшафт.

Переяславли и Трубежи

Самый северный из известных *Переяславлей* – ***Переславль-Залесский***. Новейшее энциклопедическое издание сообщает следующие важные сведения о нём и его начальной истории: город в южной части Ярославской области, центр Переславского района. Население 40,9 тыс. чел. (2013). Расположен на юго-восточном берегу озера *Плещеево*, в месте

впадения в него р. Трубеж… Город *Переяславль* (с XV в. – *Переславль-Залесский*), вероятно, основан между 1100 и 1108 гг. переяславским (*Переяславля Южного*) князем Владимиром Всеволодовичем Мономахом на восточном берегу озера *Плещеево* (*Клещино*) как один из форпостов на границах суздальского Ополья. Впервые упоминается в Типографской летописи под 1152 г., когда ростово-суздальский князь Юрий Владимирович Долгорукий перенёс город на современное место и заложил каменный Спасо-Преображенский собор. На левом берегу р. *Трубеж* при впадении в неё р. *Мурмаж* сооружены укрепления (сохранился вал длиной около 2,35 км, высотой до 10 м). Через *Переяславль* проходила так называемая Великая Переяславская дорога на Ростов и Ярославль.

С XII в. вокруг города стали возникать крупные монастыри, древнейший из них – Никитский монастырь. Центр *Переяславского княжества* (последняя треть XII – начало XIV вв.) (БРЭ, 2014. Т. 25, с. 679). Земли древнего Переяславского княжества давно и детально изучены историками и археологами, богатое наследие региона доступно широкой общественности, пользуются популярностью многочисленные туристские маршруты, на высоком уровне проводятся экскурсионные программы, разработанные местными краеведами, музейными работниками. Богатейший археологический материал, изученный специалистами, а также выставленный в местных экспозициях подтверждает более раннее начало социально-экономического развития региона, нежели середина XII в., связанное с именем Юрия Долгорукого и длительное время бывшее хрестоматийным, особенно в исторической и краеведческой литературе. За упомянутым в энциклопедии местом изначального основания города на восточном берегу озера, где действительно обнаружены остатки городища (современное село *Городище*, к северу от *Переславля-Залесского* – см. рис. 1.), сохраняется древнее имя *Клещин*.

Поселение было одним из центров дославянского – мерянского населения: археологические памятники мери VII – начала XI вв. сконцентрированы в районах озёр Неро и Плещеево у городов Ростов и Переславль-Залесский Ярославской области, а также в Суздальском ополье (БРЭ, 2012. Т. 20, с. 45). Предположение о том, что переяславский князь Владимир Мономах в самом начале XII в. именно на месте *Клещина* основал *Переяславль*, а Юрий Долгорукий спустя полвека перенёс его чуть южнее, – попытка соединить противоречивые фактологические данные современной науки, летописные сведения и классическое представление о перенесённом характере названия.

В классической форме это представление сформулировано Е.М. Поспеловым: ойконим перенесён из Киевской земли, где город *Переславль* упоминается уже под 907 г. С XV в. для отличия от других одноимённых городов к названию *Переславль* добавляется определение *Залесский*, то есть находящийся в *Залесье*, – так в Древней Руси называли Ростово-Суздальское княжество (Поспелов, 2007).

На топографической карте (рис. 2) видим общегеографическую обстановку местности, которая включает и гидролого-геоморфологический компонент, и сложившийся транспортный каркас, и современную застройку, а также фундаментальную культурологическую информацию – многочисленные объекты наследия различных эпох (крепостные валы, монастыри, храмы), в том числе богатую топонимию, и другие сведения. Детальное изучение топографических карт формирует представление о топонимическом компоненте местного ландшафта, или топонимическом ландшафте. Среди наиболее примечательных географических названий в связи с вопросом о перенесённых топонимах особое внимание следует обратить и на название реки, в устье которой расположен Переславль-Залесский – *Трубеж*.

***Переяславль-Рязанский* (*Рязань*)**. Современный административный центр Рязанской области (население – 530,3 тыс. чел., 2014) расположен на правом берегу р. Ока, в месте впадения в неё р. *Трубеж*, важный транспортный узел. Город сформировался во второй половине XI в. на основе славянских поселений, существовавших с IX–X вв. Первоначально назывался *Переяславль-Рязанский*. Официальной датой основания города считается 1095 г. (она указана в приписке второй половины XVI в. в Следованной Псалтири конца XV – начала XVI вв.). С конца XI в. входил в состав Муромского княжества, после 1129 г. – Рязанского княжества. Начиная с конца XII – начала XIII вв. и вплоть до XVI в. продолжалась насыпка земляного вала кремля. При раскопках на территории кремля обнаружены фрагменты частоколов и мостовых (начиная с XII–XIII вв.), остатки кладбища первой половины XII в. и др. В конце XIII – первой половине XIV вв. в *Переяславль-Рязанский* постепенно была перенесена столица Рязанского княжества и центр Рязанской епископии из *Рязани* (*Рязань Старая*). Территория города выросла примерно в 1,5 раза, увеличилась плотность застройки и численность жителей (в 3–4 раза) (БРЭ, 2015. Т. 29, с. 161–163).

Название *Рязань* впервые упоминается в летописи под 1096 г., причём это упоминание относилось не к современной Рязани, а к горо-

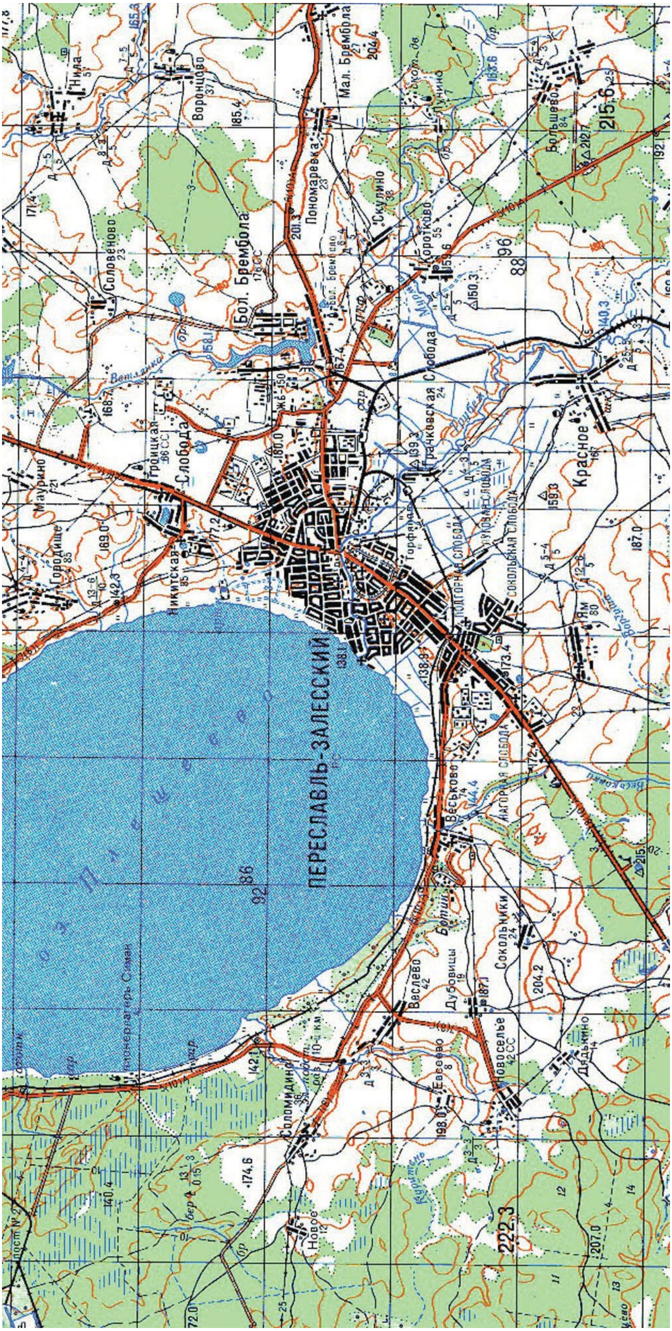

Рис. 2. Переславль-Залесский. Фрагмент топографической карты 1978 г.

ду, расположенному на правом берегу Оки, значительно ниже по её течению, – ныне село *Старая Рязань*. После разорения этой Рязани в 1237 г. Батыем центр Рязанской земли переносится в город *Переяславль-Рязанский*, который в 1778 г. стал главным городом Рязанского наместничества и получил имя *Рязань*, под которым известен и в наши дни (Поспелов, 2007). *Старой Рязани* среди исчезнувших городов на территории России принадлежит особое место. В древней Руси, как считают историки, богатый город был третьим по значению после Киева и Новгорода. Он был главным в Великом княжестве Рязанском – крупном объединении удельных княжеств, которое смело выдвинулось в сторону степи, грозящей набегами.

Сама *Рязань* – стольный город – географически стояла впереди дружины рязанских городов. *Рязань* первой была готова встретить врага и первой пала под натиском полчищ Батыя в декабре 1237 г. на пятый день осады… Не поднялась после страшного погрома во время татаро-монгольского нашествия блистательная *Рязань*. Правда, на пепелище ещё несколько столетий существовал город, но это была лишь бледная тень былого величия. Прежнее значение *Рязань* себе не вернула, и в 1778 г. была исключена из списка городов Российской империи. Обязанности главного города перешли к *Переяславлю-Рязанскому*… Видимо, Екатерина II и её администраторы рассудили, что столь славное имя, напоминающее о героическом городе, одним из первых встретивших нашествие орд Батыя, не должно исчезнуть (Лаппо, 2012). Как видим, история великой *Рязани* хорошо известна, а момент перехода от одного города к другому документально зафиксирован, исторически понятен и объясним.

В то же время к группе перенесённых топонимов относится и само старое название современной *Рязани – Переяславль*. И здесь мы находим *Трубеж* – небольшую реку, впадающую в более крупный водоток – Оку. Топографическая карта (рис. 3) демонстрирует ещё несколько весьма примечательных названий: ойконимы *Соколовка* (район *Рязани*, фланкирующий юго-восточное направление от кремля) и *Городищи* (пригородное село, выше по течению реки) сами по себе, конечно, совершенно «естественного» происхождения, с прозрачной этимологией, номинация которых, безусловно, может быть мотивирована локальными физико-географическими и историко-культурными обстоятельствами, однако удивительное сочетание, обнаруживающее прямую аналогию с топонимической картиной вокруг *Переславля-За-*

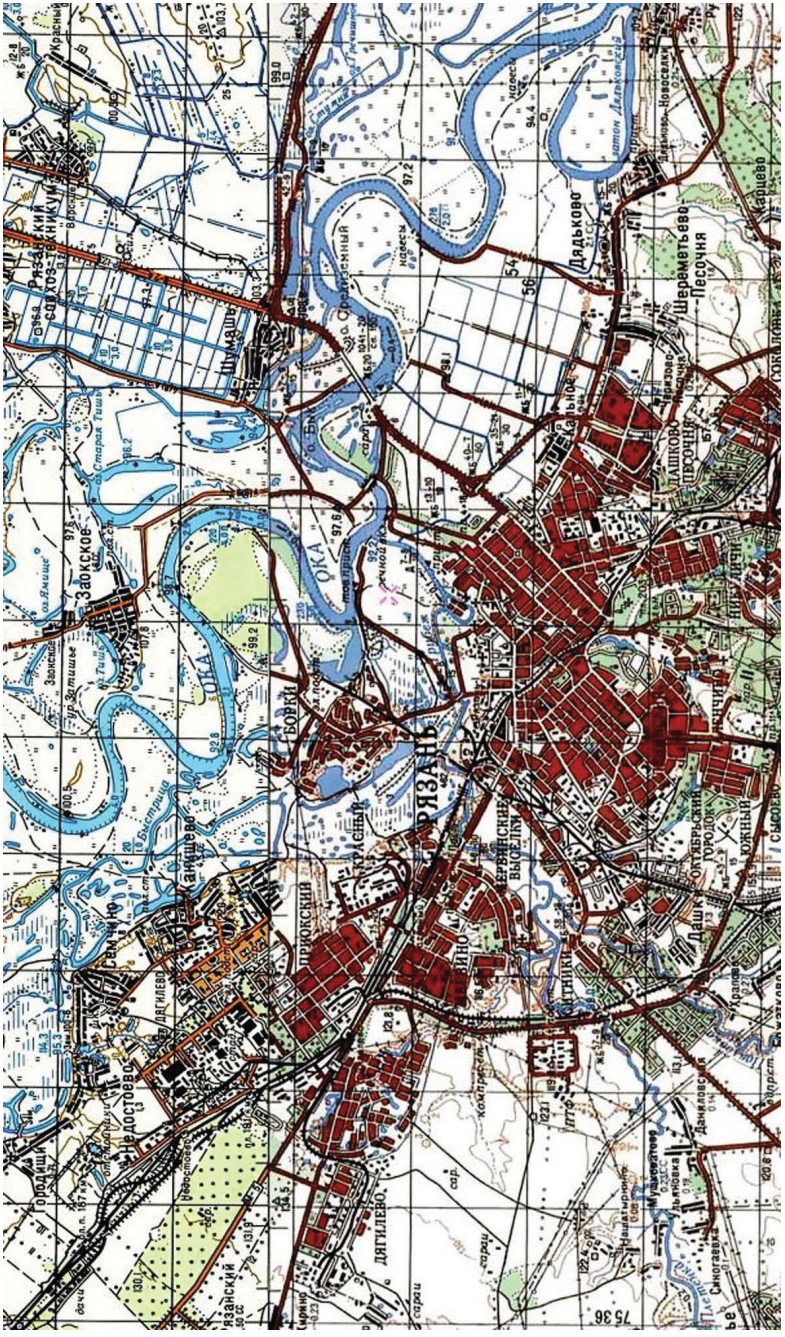

Рис. 3. Рязань. Фрагмент топографической карты 1983 г.

лесского (напомним, к северу от него – *Городище*, к югу *Сокольники* и *Сокольская Слобода*), заставляет задуматься.

Устоявшаяся этимология топонимов с основой *Сокол-* (*Сокольники* – район в Москве, одноимённые деревни в Дмитровском и Истринском районах Московской области, *Сокольниково* – деревни в округе Домодедово и Можайском районе, *Соколова Пустынь* – деревня в округе Ступино) связывает их с некалендарными личными именами *Сокол*, *Сокольник* (пристав *Митя Сокольник*, 1491 г.; крестьяне *Назарко Сокол*, 1495 г.; *Нестерик Соколов*, 1498 г.; помещик *Костя Соколников*, 1521 г.; игумен *Иосиф Сокол*, XVI век) (Поспелов, 2008, с. 486–487). Однако в самих этих именах следует видеть в первую очередь как раз не собственно личное имя, которое всякий раз различается, что очевидно даже из перечисленных примеров, а второе имя – по сути прозвище, связанное с деятельностью человека. Е.М. Поспелов (2008, с. 487) отмечал, что «форма множественного числа в названиях, связанных с некалендарным личным именем по профессиям, обычна (ср. *Гончары*, *Кузнецы*, *Рыбаки* и др.)». В *Соколах* и *Сокольниках* всё-таки скрываются не столько лица, «занимавшиеся уходом и обучением соколов и других ловчих птиц для царской охоты», сколько их более древние коллеги – представители с более общими и востребованными должностными обязанностями, особенно в предшествовавший период неспокойного Средневековья. Давшие свои имена населённым пунктам, окружающим на стратегических подступах центры древнерусских княжеств, *Соколы* и *Сокольники* – в этом смысле не просто носители личных имён, а именно дозорные, выполнявшие первоочередную – военно-оборонительную и сопутствующие ей функции.

Даже если в обоих случаях сочетание *Городище–Сокольники* является просто чудесным совпадением, очевиден подход основателей древних княжеств к формированию функционально-территориальных моделей освоения жизненно важного пространства – вмещающего ландшафта и его топонимическое оформление. Но всё-таки такое совпадение в совокупности с хрестоматийными *Переяславлем* и *Трубежем* вряд ли совершенно случайно.

Кроме указанных топонимов следует обратить пристальное внимание на название одной из проток в пойме Оки – *Быстрица*, озеро *Гречишное*, а также интересные с топонимической точки зрения имена речных осерёдков – острова *Бык* и *Средиземный*.

Современная топографическая карта при всей своей фундаментальной значимости отражает не всю топонимию. Иногда исчезают и

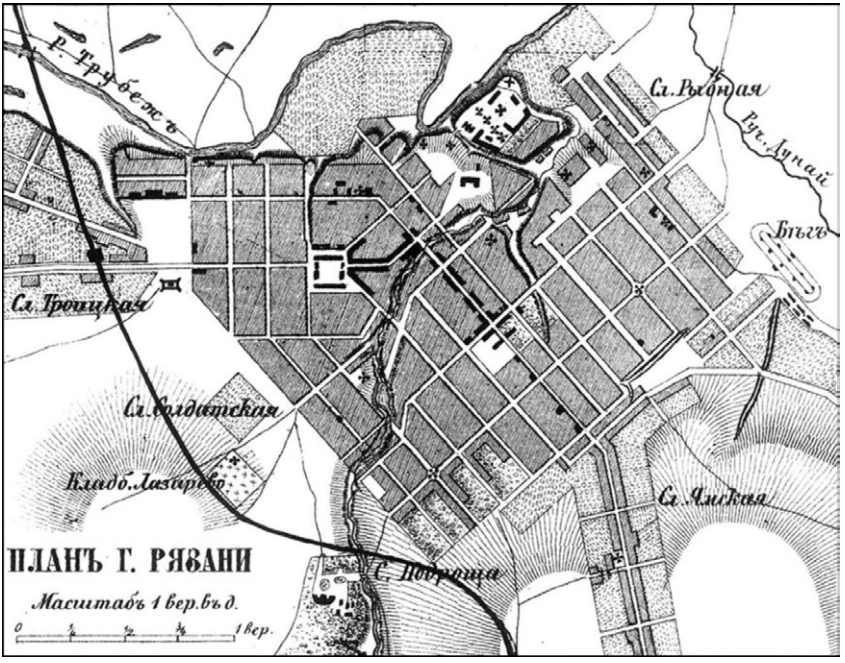

Рис. 4. Рязань. План города, 1871 г.

сами географические объекты, вслед за ними утрачиваются названия. Большим подспорьем топонимисту служит ретроспекция картографического наследия – богатейшего фонда старинных географических карт. Примером такой карты служит прекрасный план города Рязани второй половины XIX в. (рис. 4), на котором находим ещё один пример перенесённого топонима – протекающий к северо-востоку от старой части города на месте старицы Оки ручей *Дунай*, отсутствующий на современных картах по причине исчезновения вследствие мелиоративных работ, проведённых в пойме реки в советское время.

***Переяславль-Русский* (*Переяслав-Хмельницкий*)** – город в центральной части Украины, в Киевской области, центр Переяслав-Хмельницкого района, население – 27,9 тыс. чел. (2013). Расположен на левом берегу р. *Трубеж*, при впадении в неё р. *Альта*. Основан под названием *Переяславль* в 993 г. киевским князем Владимиром Святославичем на месте победы над печенегами. Вплоть до середины XIII в. в источниках упоминается как *Переяславль*, *Переяславль Русский* (в историографии также *Южный*), с XV в. – *Переяслав*.

Упоминание города в «Повести временных лет» под 907 г. признаётся либо поздней вставкой летописца, либо названием одноимённого города, находившегося на другом месте (его следы не найдены). Укрепления детинца (площадью около 10 га) построены в конце X в., а окольного города (площадью около 80 га) – между 1136 и 1142 гг. (по инициативе князя Андрея Владимировича Доброго). С момента основания неоднократно подвергался нападениям печенегов, с 1060-х годов – половцев, однако ни разу не был ими взят. По завещанию Ярослава Владимировича Мудрого стал третьим «по рангу» городом Древнерусского государства. Центр Переяславского княжества (в 1054–1239 гг.) (БРЭ, 2014. Т. 25, с. 679–681). Название от древнерусского двуосновного личного имени на *-слав* с притяжательным суффиксом *-jь-*.

В источниках XII–XV вв. часто называется *Переяславль-Русский* для отличия от городов *Переяславль-на-Трубеже* (он же *Переяславль-Рязанский*…), *Переяславль* в Залесской земле (…*Переяславль-Залесский*). В 1943 г. переименован в *Переяслав-Хмельницкий* в честь гетмана Богдана Хмельницкого (ок. 1595–1657 гг.), под руководством которого Переяславская Рада в 1654 г приняла решение о воссоединении Украины с Россией (Поспелов, 2007, с. 394). На современной топографической карте (рис. 5) и плане исторического центра города, реконструирующем топографию середины XII в. (рис. 6), видим знакомые по предыдущим примерам особенности географического положения города, сформировавшегося на удобном мысу при слиянии двух небольших речек, недалеко от впадения в крупную реку – *Днепр* – и топонимическую диаду *Переяславль–Трубеж*.

Действительно, в «Повести временных лет» *Переяславль* впервые появляется «в лѣто 6415» (907 г.) в условиях договора с греками: «…И заповѣда Олегъ дати воемъ на 2000 кораблий по двѣнатьчать гривнѣ на ключь, и потом даяти углады на руские городы: пѣрвое на Киевъ, таже и на Черниговъ, и на *Переяславлъ*, и на Полътескъ, и на Ростовъ и на Любечь и на прочая городы; по тѣмь бо городомъ сѣдяху князья, подъ Ольгом суще…», причём дважды – «…Приходящии русь да витают у святаго Мамы, и послеть царство наше, да испишют имена ихъ, и тогда возмут мѣсячное свое — пѣрвое от города Киева, и пакы ис Чернигова и *Переяславля* и прочии городи» (Библиотека…, 1997). По аналогии с договором 6415 г. был составлен и договор с греками великого князя Игоря 6453 (945 г.), повторяющий предыдущие положения: «…*И* приходящимъ имъ, да витають у святаго Мамы, да послеть царство наше, да испишеть имена ихъ, и тогда възмуть мѣсячное свое, сли слѣбное свое, а гостье

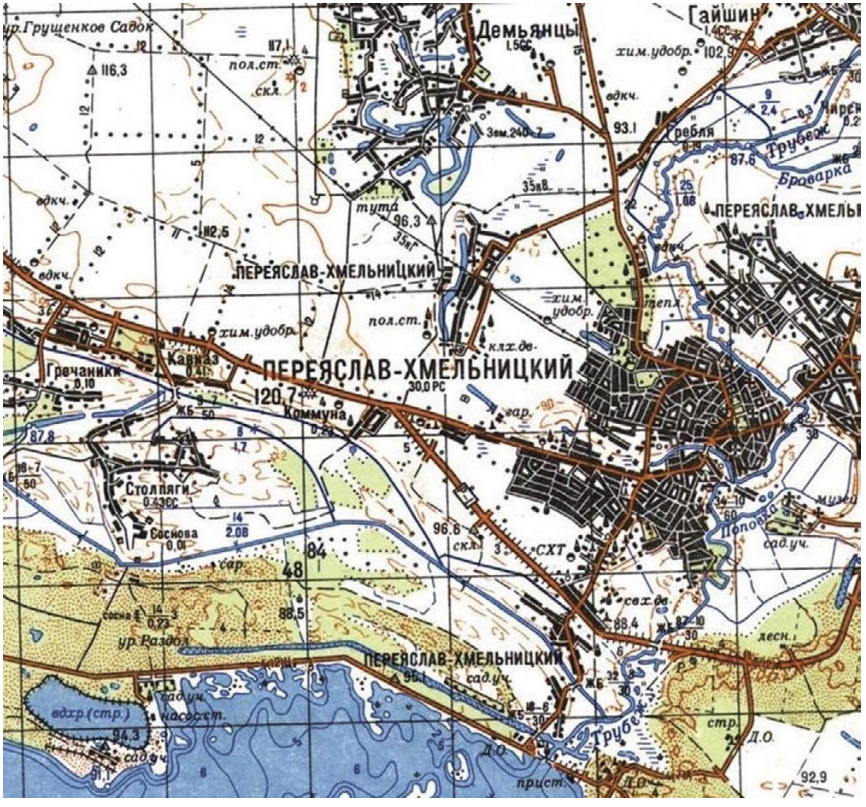

Рис. 5. Переяслав-Хмельницкий. Фрагмент топографической карты 1989 г.

мѣсячное свое, пѣрвое от града Киева, и пакы ис Чернигова и ис *Переяславля* и прочии городи…» (Библиотека…, 1997). Обозначенные в энциклопедии противоречия в изначальной датировке возникновения города объясняются деталями, сообщаемыми «Повестью…» под 6501 (993 г.) о битве Владимира Святославича с печенегами, что и вызвало давнюю дискуссию в исторической науке: «…Володимеръ же поиде противу имъ. И усрѣтѣ я на Трубеши на броду, кдѣ нынѣ Переяславль… И вьскликоша русь, а печенѣзѣ побѣгоша, а русь погнаша по нихъ, сѣкуще ѣ, и прогнаша их. Володимѣръ же, рад бывъ, и заложи городъ на броду томь и нарче и́ *Переяславль*, зане перея славу отрокъ…» (Библиотека…, 1997).

Правдоподобность сведений договоров с греками великих князей Олега и Игоря не может вызывать сомнений, и положение упоминаемого в них *Переяславля*, особо выделяемого в списке русских горо-

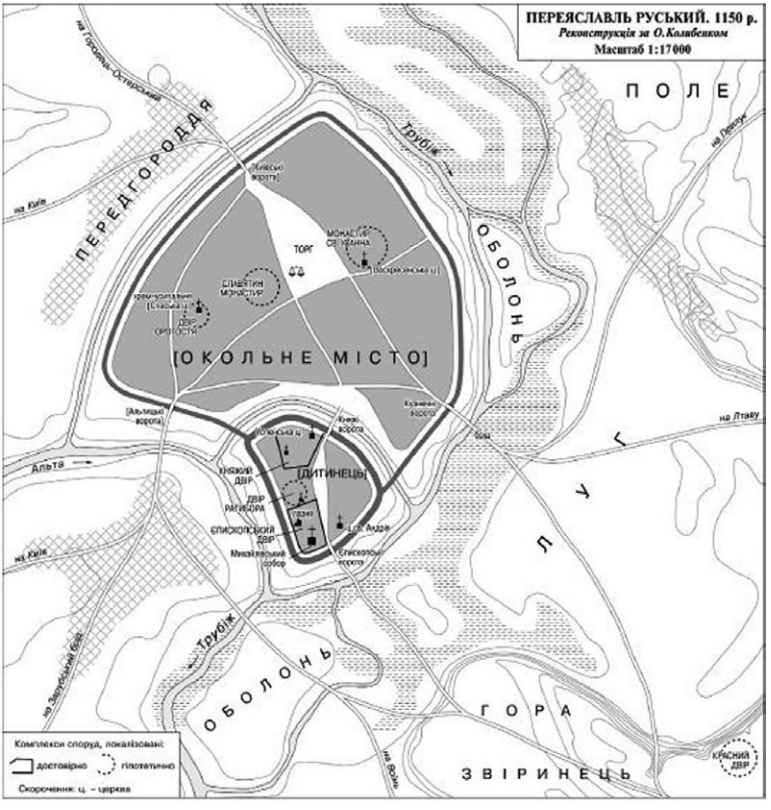

Рис. 6. Переяславль-Русский. 1150 г. Карта-реконструкция (Енциклопедія. Т. 8. 2011)

дов наряду с Киевом и Черниговом, говорит само за себя. Ближе к истине те специалисты, которые придерживаются мнения о том, что речь идёт, вероятно, не о данном *Переяславле*, а о ещё более древнем. Совершенно не исключено, что *Переяславль-Русский* был также перенесён на своё нынешнее место на левом берегу Днепра с юго-западной стороны, как и его младшие северо-восточные собратья, вместе с *Трубежами* и другими сопутствующими топонимами.

В случае с *Переяславлем-Русским* среди таких примеров выделяются *Зверинец* (гора на левом берегу Трубежа), *Оболонь* (острова-осерёдки), ойконим *Гречаники* (вдоль цепочки небольших озёр в пойме Днепра; ср. с названием озера *Гречишное* у *Переяславля-Рязанского*) и особенно ярко гидроним *Альта* (варианты – *Лътица, Ильтица, Иртыца*; древнее

название болота у её истоков – *Л(ь)то, Алто, Олто*), который по признанию акад. О.Н. Трубачёва, «представляет своим происхождением и этимологическими связями довольно специфическую проблему <…>. Тут можно вспомнить о таком явлении, замеченном исследователями, как стойкая тенденция распространения гидронимов и топонимов из Прикарпатья и Поднестровья, вообще – с юго-запада на среднеднепровское левобережье» (Трубачёв, 1968, с. 167).

Важнейшие замечания О.Н. Трубачёва, солидарного со своими зарубежными коллегами (D. Detschew, E. Tanase, H. Krahe), сближавшими название р. *Альта* с целым рядом старых европейских гидронимов близкой структуры (*Alutus* – современный *Olt*, *Altos* в Македонии, *Alto* в Иллирии, *Alitna* в Паннонии и Нижней Мизии, *Altinum* в Венеции, а также ряд гидронимов Западной Европы), в контексте общей проблематики перенесённых топонимов заслуживают небольшого отступления и пристального внимания. «Вероятнее всего, среднеднепровская *Альта* – не равноправный представитель древнего ареала *alt- / elt-*, но занесена туда с юго-запада, с Балканского полуострова, непосредственно из восточной его части, как некоторые другие гидронимы, во всяком случае на среднеднепровском побережье. Вовсе не обязательно думать, что начальный гласный в форме *Альта* (и вариантах) всегда вторичен, как результат новой вокализации после падения редуцированных. В данном случае мы имеем скорее совпадение с такими примерами, где действительно речь может вестись только о вторичном, протетическом развитии нового гласного ввиду падения старого редуцированного (ср. *И-рпень* : *Ропск*). Любопытно остановиться на варианте *Иртыца*… Едва ли перед нами простая описка на карте. Предполагая для этого варианта в принципе ту же эволюцию, что и для *Альта*, мы получим древнюю его форму **Arъta*, которая интересна тем, что тоже указывает на Дакию: гидроним *Alutus*, *Олт*, судя по названию стоянки *Arutela* на названной реке, имел древний вариант **Aruta*, на что указал еще Томашек… Следовательно, *Иртыца* на Среднем Днепре как бы подтверждает несамостоятельность гидронима Альта и его вариантов, потому что, помимо **Aluta*. с Балканского полуострова занесена туда также и **Aruta* с такой приметой, как дакский ротацизм» (Трубачёв, 1968, с. 167–168).

Повторим, что эти наблюдения и выводы крайне важны. Они фиксируют одновременно и широкий географический охват топонимического переноса, и его чёткую направленность, и историческую глубину явления, несомненно, уходящую в пределы не позднее середины I тыс. н.э. Идёт ли речь о синхронных миграционных процессах, нашедших своё отражение в

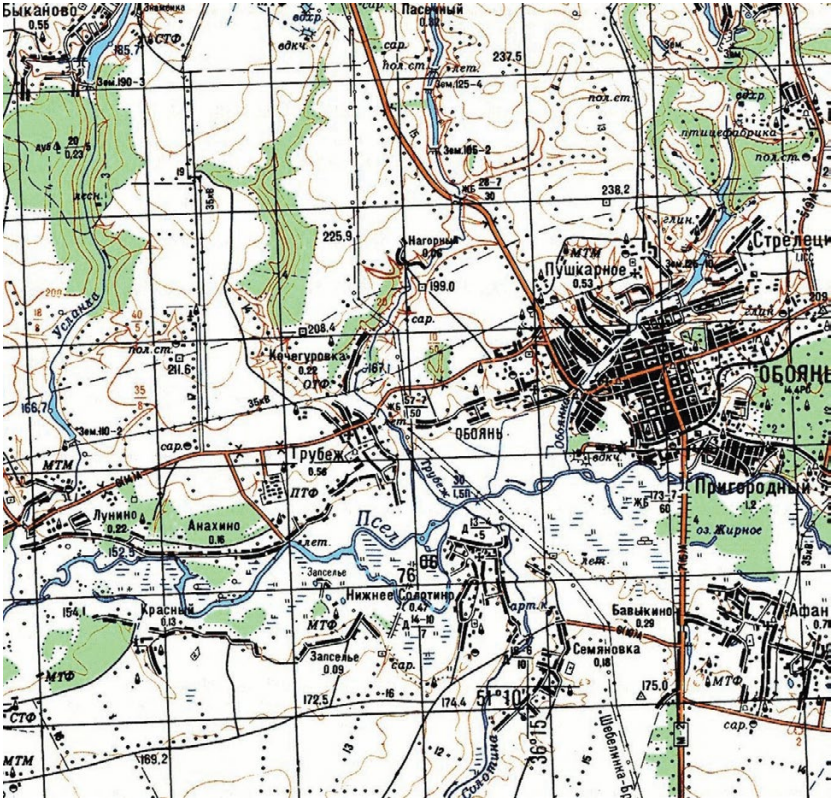

Рис. 7. Трубеж-Псёлский. Фрагмент топографической карты 1992 г.

топонимии, либо о неоднократно повторявшихся событиях исторического процесса – вопрос, требующий дальнейшего углублённого рассмотрения.

Главный вывод, который мы можем сделать из обстоятельного анализа гидронима *Альта* – тот, что сами события, безусловно, происходили, а топонимический перенос имел чётко выраженную географическую направленность – с юго-запада на северо-восток, что совпадает с направленностью распространения гидронима *Трубеж*, историко-географический контекст распространения которого служит предметом настоящего исследования. В связи с этим следует упомянуть, что в бассейне левобережного *Днепра* имеются как минимум ещё четыре весьма примечательных *Трубежа* – два гидронима и два ойконима.

Два из них видим на топографической карте Обоянского района Курской области (рис. 7). Западная часть города *Обоянь* прилегает к

долине ***Трубежа*** при его впадении в *Псёл* (л. пр. Днепра). На противоположном – правом берегу *Трубежа* расположено одноимённое село. В числе топонимов в окрестностях *Трубежа-Псёлского* встречаем названия северных пригородов Обояни – *Стрелецкое* и *Пушкарное* – признаки военно-оборонительного характера центра, село *Быканово* на р. *Усланка* (правый приток р. Псёл ниже по течению после впадения Трубежа; остров *Бык* в Рязани также сразу за устьем *Трубежа* вниз по течению Оки), село *Нижнее Солотино* прямо напротив *Трубежа*, в устье р. *Солотина* (левый приток р. Псёл; ср. с названием *Солотча* – древний пригород *Переяславля-Рязанского* в устье одноимённой реки – левого притока Оки), а также указанное на более крупномастшабном плане к северо-западу от *Трубежа* урочище *Сухая Плота*, говорящее о названии долины и временного водотока – правого притока *Трубежа* (ср. с названием одного из истоков *Трубежа-Рязанского – Плетенка*). Да и сама *Обоянь*, видимо, обнаруживает этимологические параллели с топонимом *Оболонь* – названия пойменных участков в *Переяславле-Русском* и Киеве.

Третий ***Трубеж*** из этого списка – гидроним в Климовском районе Брянской области (рис. 8) – правый приток р. *Снов* (правый приток *Десны*, левый приток Днепра). Одноимённого ойконима на реке не сохранилось, однако весьма примечательно название деревушки на левом берегу в среднем течении *Трубежа – Старый Городок*. Урочище *Тетерев* в пойме *Снова* повторяет крупный гидроним правобережной Украины – *Тетерев* (правый приток Днепра), вдоль течения которого расположены города *Чуднов*, *Житомир*, *Коростышев*, *Радомышль*, *Иванков* и множество других населённых пунктов с интересными названиями (*Рудня, Буки, Корчак, Соколова Гора, Свитын, Клетчин, Слобода-Селец, Быстри, Левков* и др.).

В Брянской области также расположен четвёртый из упомянутых топонимов – ***Трубчевск***. Население 13,9 тыс. чел. (2015). Расположен на р. Десна, в 53 км от железнодорожной станции Суземка. Город возник во второй половине XII в. на основе поселения IX–XI вв. В 1164–1500 гг. – центр Трубчевского княжества. Во второй половине XII в. расширился, к детинцу (40×40 м) примыкал треугольный в плане окольный город (800×500 м), где был возведён каменный храм. Впервые упоминается в «Повести временных лет» под 1185 г. как *Трубечск* (БРЭ, 2016. Т. 32, с. 451–452), затем и под более поздними датами как *Трубечь*, *Трубецк*, *Трубческ*, *Трубежск*. Название по расположению на р. *Трубеж* (она же *Трубечь*, *Трубежь*, *Трубешь*). Гидроним от *труба* «поток, ручей в ущелье, русло реки

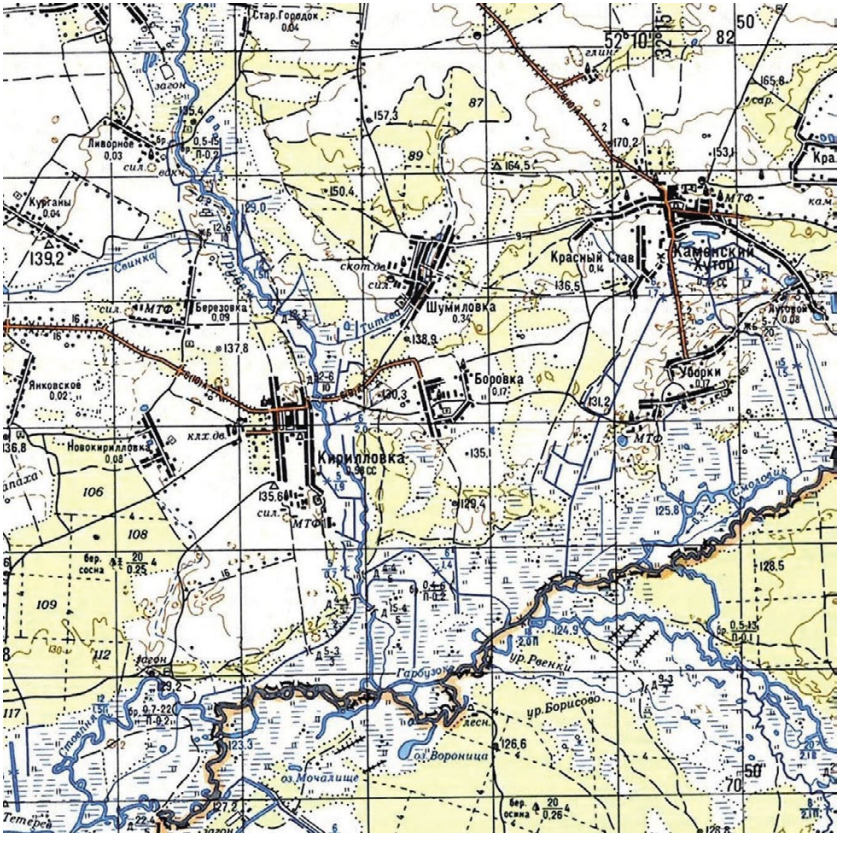

Рис. 8. Трубеж-Сновский. Фрагмент топографической карты 1990 г.

и др.» (Поспелов, 2007, с. 511). Вместе с тем, хотя и видим (рис. 9), что непосредственно в пределах *Трубчевска* реки с названием *Трубеж* не обозначено, сомнений в свидетельстве Е.М. Поспелова нет, наоборот – находим удивительное совпадение с топографией *Переяславля-Русского*, где в *Трубеж* впадает речушка *Поповка*: точно с таким же названием тянется вдоль безымянной долины, впадающей в речку, давшей имя *Трубчевску*, небольшая деревушка. Среди сопутствующих топонимов: ойконимы *Городцы* (восточный пригород *Трубчевска*) и *Селец* (расположен на протоке Десны *Быстрик*; ср. *Быстрица* – протока Оки, ойконимы по берегам Тетерева *Слобода-Селец* и *Быстри* – пригороды Житомира).

Особое место в перечне сопутствующих *Трубчевску* топонимов принадлежит деревне *Кветунь*, где археологи обнаружили остатки од-

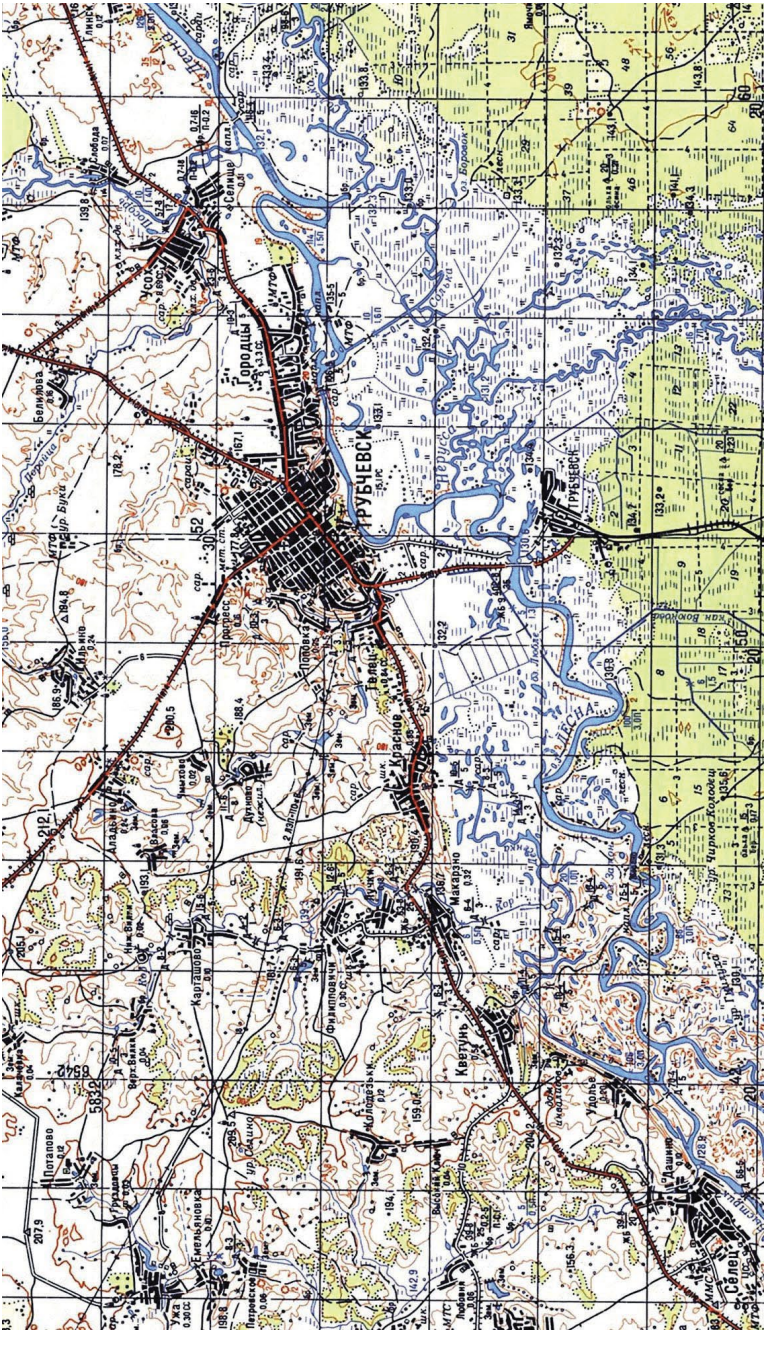

Рис. 9. Трубчевск. Фрагмент топографической карты 1983 г.

ного из центров северян (IX–X вв.) и древнерусского многоэтничного предгородского центра (конец X–XII вв.; зафиксированы женские захоронения пяти восточнославянских племён, балтов и финно-угров), который в XII–XIII вв., вероятно, превратился в загородную княжескую резиденцию. Изучались городище, селище, многочисленные курганы (в том числе частичное трупосожжение в полуземной «камере» с накладками на пояс, рубеж X–XI вв.); на городище – плинфы от церкви или княжеских хором; на селище – следы железоделательного производства и изготовления извести и др. (БРЭ, 2016. Т. 32, с. 451–452).

Другие топонимы, сопутствующие *Трубчевску* (*Красное*, *Колодезьки*) и обнаруживающие многочисленные аналогии в окрестностях Псёлского и Сновского Трубежей, Житомира и Переяславлей, как и *Городцы*, конечно, не могут рассматриваться исключительно как перенесённые, так как могли образоваться на новых местах самостоятельно, независимо от места изначального переселения общности, сформировавшей собственный топонимический ландшафт. Но несомненно и то, что они являются важнейшими элементами таких ландшафтов и индикаторами их свойств и особенностей, многочисленные совпадения в рамках которых говорят об устойчивых моделях топонимического оформления ландшафта, воспроизводстве привычной географической картины в новых реалиях.

Историко-географический анализ распространения топонима *Трубеж* позволяет предположить местонахождение ещё одного их собрата – в районе *Заруба*, одного из древнейших городов Среднего Поднепровья. Вот что о нём пишет Ю.Ю. Моргунов: древнерусский город, крепость на правобережье Днепра. В летописях упоминался с 1096 по 1223 гг., в том числе как брод – одна из главных переправ войск кочевников и русских князей… Здесь киевские и переяславские князья проводили переговоры с половцами. В современных исследованиях идентифицируется с комплексом археологических памятников в урочище *Городки* (***Трубы***) у бывшего хутора Монастырёк, между бывшим селом Зарубинцы и селом Трахтемиров (Каневский район Черкасской области, Украина), напротив устья р. *Трубеж* и древнерусского города *Переяславль* (Переяслава-Хмельницкого…). Крепость («Восточное городище», 0,65 га) располагалась на высоком мысу, по периметру укреплена бревенчатыми стенами (дважды обновлялись после пожаров), рвом, двойным эскарпом; построена в XII в., погибла в середине XIII в. Часть территории застроена жилищами с глинобитной печью в углу. Рядом – неукреплённые посе-

ления и грунтовый могильник (в основном на «Западном городище»). Заруб известен как важный религиозный центр. У подножия городищ, в урочище Церковище… остатки Зарубского монастыря, в том числе каменные фундаменты двух храмов XII–XIII вв. (один из них – церковь Успения), найдены плинфа, штукатурка с фресками и др. … На месте Заруба существовали поселения трипольской культуры, шнуровой керамики культурно-исторической общности, культуры валиковой керамики, лесостепной скифской археологической культуры, один из важных укреплённых центров зарубинецкой культуры, поселения культуры Луки-Райковецкой, ставшие одним из эталонов её изучения (среди находок – арабские дирхемы, украшения и др.) (БРЭ, 2008. Т. 10, с. 276).

Название урочища *Городки* (*Трубы*), расположенного на правом берегу Днепра, ровно напротив устья Трубежа левобережного, у переправы между ними, выделено нами в тексте не случайно. Нет сомнений, что это отголосок ещё одного *Трубежа* (см. выше этимологию, указанную Е.М. Поспеловым). Также предположим, что название *Заруб* относилось к восточной части комплекса – «Восточное городище» (на топокарте 1868 г. отмечены *Зарубинцы*, 1941 г. – *Зарубенцы* и *Г. Зарубино*), в то время как «Западное городище» – тот самый Переяславль, дважды упоминаемый в «Повести временных лет» в первой половине X в. (в 907 и 945 гг.) и перенесённый в 993 г. Владимиром Святославичем на левый берег Днепра, о чём в рамках централизованной градостроительной политики Руси предметно и ясно упоминает летопись.

Название *Переяславль*, возникшее на Руси в конце IX – начале X вв., несомненно связано с *Преславом* (Великим) – высокоразвитым городом (с начала IX столетия), куда в 893 г. была перенесена столица Первого Болгарского царства. В 968 г. он был завоёван русами под командованием великого князя Святослава Игоревича, который годом ранее присоединил придунайскую часть Болгарии и сделал *Переяславец* в устье Дуная (*Преслав Малый*, до 1950 г. – *Прислав*, ныне – *Нуфэру* в румынском уезде Тулча) столицей Руси (967–972 гг.). Оба населённых пункта изобилуют древним, античным и раннеславянским археологическим наследием.

Приводя классическую этимологию Е.М. Поспелова, следует вспомнить и слова О.Н. Трубачёва о Трубеже: “Некоторым образованиям из числа гидронимов с исходом *-ж* трудно отказать в древности, и при этом они производят впечатление славянских названий, правда не всегда ясных для нас. Таковы *Любеж* (бассейн Тетерева), *Литмиж* (бассейн Днестра) <…>. К числу неясных, даже загадочных по словообразованию от-

несём и известный *Трубеж* (др.-русск. *Трубеж*, *Трубешь*, *Трубишь*…). Ни одна из существующих попыток истолковать это слово полностью не удалась, если иметь в виду, казалось бы, очевидное объяснение *Трубеж* : *трубить* или другое, более проблематичное – *Трубеж* от **ter-* ‘тереть’… Как видим, не вносят ясности и древние, летописные формы этого гидронима <…>. Что касается словообразовательного оформления в духе «очевидной» этимологии (*Труб-еж*), ср. наличие у Трубежа в бассейне Псла левого притока под названием *Рубеж* <…> и его апеллативные связи. Из числа апеллативов взято *Здвиж* (приток Тетерева <…>), ср. одно из местных нарицательных названий болота – украинское здвиж <…>. Апеллативные истоки ясны в случае с названием *Теребеж* (бассейн Днестра), о котором можно говорить уверенно как об имени **terb-ežь* от глагола **terbiti* ‘корчевать, теребить’, известном в топонимии также у южных и западных славян” (Трубачёв, 1968, с. 187–188). Следует согласиться с мнением о большей близости к форме топонима глагола *трубить*, нежели *тереть*, во всяком случае о его более естественном сближении с корнем *труб-* в славянской языковой среде.

Звенигороды

Наиболее известен ***Звенигород*** *Подмосковный* (*Залесский*). Расположен к западу от Москвы, население 13,1 тыс. чел. (2007). Основан на левом берегу р. Москвы, вероятно, ростово-суздальским князем Юрием Владимировичем Долгоруким в середине XII в. В ходе археологических раскопок на городище *Городок* (площадь 3,4 га; окружено кольцевым валом высотой с напольной стороны до 8 м, общей протяжённостью 800 м) выявлены слои и деревянная стена XII в. В домонгольское время к северо-востоку от городища сложился Нижний (или Супонев) посад. Звенигород впервые упоминается в духовных грамотах великого князя владимирского Ивана I Даниловича Калиты (1336 и 1339 гг.) как село, передаваемое в удел его сыну Ивану (будущему великому князю владимирскому Ивану II Ивановичу). Как город вновь сформировался к 1350-м годам, когда, согласно завещанию Ивана II Ивановича (1358 г.), *Звенигороду* были подчинены окрестные волости и сёла (БРЭ, 2008. Т. 10, с. 334–335). На топографической карте расположение *Городка* можно определить по церкви Успения (конец XIV в.), обозначенной к западу от основной застройки, на мысу между левым берегом р. Москвы и впадающим в неё небольшим ручьём (рис. 10).

Рис. 10. Звенигород на Москве (Залесский). Фрагмент топографической карты 1983 г.

Обстоятельнейшим образом этимология этого названия, не без основания считающегося загадочным, рассмотрена в работах А.В. Барандеева, который совершенно справедливо задаётся вопросом, метко сформулированным в стиле топонимической притчи: «Звенит ли Звенигород?» (Барандеев, 2010; Барандеев, 2014, с. 106–119). Вопрос этот не случаен: представление о «звенящем Звенигороде» – не просто расхожее или классическое, оно – часть историко-культурного кода, встречающееся и у В.И. Даля – «Не только звону, что в Звенигороде, есть и на Москве», и у А.Л. Барто – «… Как от звона бубенцов, Весь звенит Звенигород». Или вот, например: «В звучном имени Звенигород – гул сторожевого колокола, который несётся над долиной Москвы-реки, предупреждая об опасности» (Лаппо, 2004, 2012).

Наиболее распространённые этимологии названия *Звенигород* исходят из кажущейся «прозрачности»: считают, что его первая часть связана со словом *звон*, а следовательно, это или город, в котором звонили в сторожевые колокола при приближении неприятеля (Taszycki, 1947; Никонов, 1966; Фасмер, 1967), или город с обилием церквей, имевших колокольный звон (Роспонд, 1972). Однако простота названия лишь кажущаяся, поскольку предложенные этимологии не находят аналогий в русской топонимии (Поспелов, 2008). Неудивительно, что некоторые исследователи (В.П. Нерознак, Е.М. Поспелов, А.В. Барандеев) критически относятся к «звеняще-колокольной версии» (Шилов, 2009, с. 193–206). И сам А.Л. Шилов не поддерживал её, предложив собственный вариант: *Звенигород* (< **Звеный город*) могло означать "город на холме округлой формы (или находящийся в петле реки)" или же "город, укрепления которого образовывали округлую (а не угловатую) фигуру" (Шилов, 2009, с. 204).

Впрочем, коллег не убедили предложенные этимологические коррективы (Барандеев, 2014, с. 116). Более вероятно образование ойконима от речного названия с основами на *зве-*, *звин-*, ср. *Звиняч*, *Звинячка*, *Звеняка* и т.п. (Нерознак, 1983, с. 76–77). Е.М. Поспелов также допускал образование от двуосновного личного имени на *Звени-* (например, Звенислава – дочь великого князя Всеволода Ольговича, XII в.). «Обе возможности вполне согласуются с наиболее распространенными способами образования названий населенных пунктов» (Поспелов, 2008, с. 258). Однако для разработки надёжной этимологии подмосковного топонима *Звенигород* необходимо учесть, что в Древней Руси существовали другие города с аналогичным названием (Барандеев, 2010; Барандеев, 2014, с. 106–119).

Их древность и многочисленность давали исследователям все основания причислять название подмосковного *Звенигорода* к категории перенесённых топонимов: «в Ростово-Суздальское княжество оно перенесено из-под Киева; в его основе личное имя (ср. *Звенислав*, *Звенимир*) или гидроним (ср. реки *Звинеч, Звиняка, Звенига*)» (Поспелов, 2007, с. 193). Ко времени основания подмосковного *Звенигорода* в южнорусских землях уже существовали *Звенигород* в Галицкой земле и *Звенигород* под Киевом. Это даёт основание считать, что название *Звенигород* было перенесено в Московскую землю с юга. Впервые мысль о перенесённом характере названия *Звенигород* ещё в 1746 г. высказал В.И. Татищев (1774, т 3, с. 482–483). Он ставил *Звенигород* в один ряд с такими известными ойконимами, как *Переяслав*, *Владимир*, *Галич*, перенесение которых с юга сомнений не вызывает (Поспелов, 2008, с. 258). Мнение о перенесённом с юга названии подмосковного *Звенигорода* было поддержано в XIX в. авторитетом В.И. Даля. В современной исторической и краеведческой литературе прочно закрепилось мнение академика Б.А. Рыбакова, согласно которому возникновение подмосковного Звенигорода, а следовательно, и его названия, нужно отнести к эпохе более ранней, чем XIV в., – ко времени «Мономаха и Юрия Долгорукого, когда в Суздальской залесской стороне возникали Переяславли и Вышгороды. А реки получали южные имена (Трубеж, Лыбедь и др.)» (Рыбаков, 1949, 1982; Барандеев, 2010; Барандеев, 2014, с. 108).

Считается, что все другие *Звенигороды* располагались на южнорусской территории (Барандеев, 2010; Барандеев, 2014, с. 109). Но исследователи не обращали внимание на ближайший к подмосковному – ***Звенигород-Северский***, располагавшийся в верховьях Оки, в землях древнего славянского племени северян. Позднее он стал центром удельного княжества, существовавшего в XIII – начале XV вв. на территории современной Орловской области, от которого осталось хорошо сохранившееся городище на высоком берегу р. *Неполодь* при впадении в неё лога *Попов Верх*.

Исследования В.М. Неделина позволили определить по расположению археологических памятников приблизительные границы Звенигородского удельного княжества (рис. 11). Звенигородский удел занимал восточную часть Карачевского княжества. Вокруг стольного города было разбросано несколько укреплённых поместий-замков, по-видимому, принадлежащих боярам или приближённым дружинникам звенигородского князя, остатками которых являются городища в деревне *Гонючее*, селе *Маслово*, селе *Редькино*, деревне *Черемисино*, посёлке *Надежда*, деревне *Мерцалово*.

Рис. 11. Звенигородское княжество. XIII–XIV вв. Картосхема-реконструкция. (Неделин, 2001).

Согласно Писцовой книге Орловского уезда 1594–1595 гг. некоторые из них имели собственные названия: у села Маслово – *Белое городище*, у деревни Мерцалово – *Жидоморское городище*, у посёлка Надежда – *Медково городище* (Неделин, 2001). На топографической карте окрестностей Орла (рис. 12) местоположение Звенигородского городища можно определить у крутой излучины р. Неполодь к югу от села *Спасское*: эта часть населённого пункта сохранила собственное название – *Орлово Гнездо*.

Три названия на картосхеме-реконструкции средневековой географической картины Звенигородского удельного княжества и его окружения не просто «прозрачно» говорят о перенесённом характере, а прямо указывают на своё западное южнорусское происхождение: *Люцк* (ср. *Луцк* на Волыни), *Жидомерь* (*Житомир* – к западу от Киева), *Хотимль* (*Хотин*, польское *Chozim* – на Днестре). Обозначенные на

Рис. 12. Звенигород-Северский. Фрагмент топографической карты 1986 г.

картосхеме В.М. Неделина и упоминаемые в источниках топонимы красноречиво дополняются названиями, обнаруживаемыми на современной топографической карте: р. *Цветынь* с одноимёнными селом в устье и городищем на берегу Оки (ср. *Кветунь* под Трубчевском), село *Тайное* выше по течению Оки, у которого сохранилось городище *Гонючее* (*Гонючево*), и село *Плещеево* напротив заболоченного участка в пойме Оки (ср. озеро *Плещеево* у Переяславля-Залесского).

Звенигород-Киевский. Упоминается в «Повести временных лет» под 1097 г. в контексте междоусобицы русских князей: «Святополкъ же хотяше пустити`и, но Давыдъ не хотяше, блюдася его. И на ту ночь ведоша`и *Звенигороду*, иже есть городъ малъ у Киева, яко десяти веръстъ

<...> въдале, и привезъше`и на колѣхъ, окована суща, и съсадиша`и с колъ и въведоша в-истобъку малу» (Библиотека…, 1997). В Ипатьевской летописи читаем: «въ лѣто 6658 (1150): Изѧславъ же поклонивсѧ сѣма мчнѣкома и ѿцѣю своему Вѧчеславу и рече ему тъı сѧ ѿце не труди. но ать поѣду азъ къ *Звенигороду* (*Звинигородоу*). противу Володимероу. а тъı со мною поусти. полкъ свои. а самъ. ѿцѣе еди въ *Киевъ* (*Кыевъ*) коли тобѣ годно. Вѧчеславъ же рече что снѣу оу мене дружинъı моеѣ. Вси с тобою пущаю. Изѧславъ же приѣха в Киевъ. и тако оударѧ. И оу трубъı съзва Киѣнъı. и поиде ис Киева полкъı своими. противу Володимиру (Володимероу) тако река. се ми есть ближе к тому поиду переже. и поима брата Володимера и снѣа своего Мьстислава. поиде къ *Звенигороду*. и ту пришедѣ ста полкъı своими и приде ему вѣсть wже оуже Володимиръ (Володимеръ) идеть чересъ *Перепетово*. Изѧславъ же то слъıша поиде ѿ *Звенигорода* къ *Тумащю*. и ту придоша к нему Чернии Клобуци…». Также упоминается в 6659 (1151) г., в описании маршрута князей из Киева: «и тако поидоша. другъ друга не wста, но вси с радостью по своихъ кнѣзехъ и на коних и пѣши многое множество шедше и сташа оу *Звенигорода* (*Звинигорода*). на ночь заоутра же в середу въсташа поздѣ и не дошедъше сташа оу *Василева*. wбѣду…» (Полное собрание…, 1908, с. 399–400, 434).

Летописные данные свидетельствуют о том, что этот *Звенигород* находился поблизости от Киева, а также *Василёва* (совр. *Васильков* на р. Стугне), то есть в юго-западной стороне от столицы. При этом по признанию авторов «Этимологического словаря летописных географических названий Южной Руси» и современной «Украинской исторической энциклопедии», местонахождение *Звенигорода-Киевского* до сих пор окончательно не установлено: с ним связывают несколько древнерусских городищ. Среди них – городище в селе *Дзвонковое* на р. *Ирпень*, а также расположенные немного восточнее и ближе к Киеву городища у села *Вита-Почтовая* на р. *Северке* (ровно полпути от Киева к Василькову), *Сираково* (урочище *Серяков,* по имени легендарного основателя городища – князя *Серяка*) у села *Хотов* на р. *Вите*, *Пирогово* и *Китаевское* (в пределах городской черты современного Киева) (Етимологічний…, 1985; Енциклопедія.., 2005). *Дзвонковое* (укр. *Дзвінкове*, на карте 1837 г. – *Zwonkowaja*, на карте 1868 г. – *Звонковая*) – наиболее вероятный вариант: топонимически прозрачно связанный с первоисточником (*Звенигород / Звинигород > Звинь-город > Звинь-ков > Звинкова > Звинковая > Звонковая > Звонковое > Дзвонковое/Дзвінкове*) географически весьма интересен своим расположением (рис. 13) между

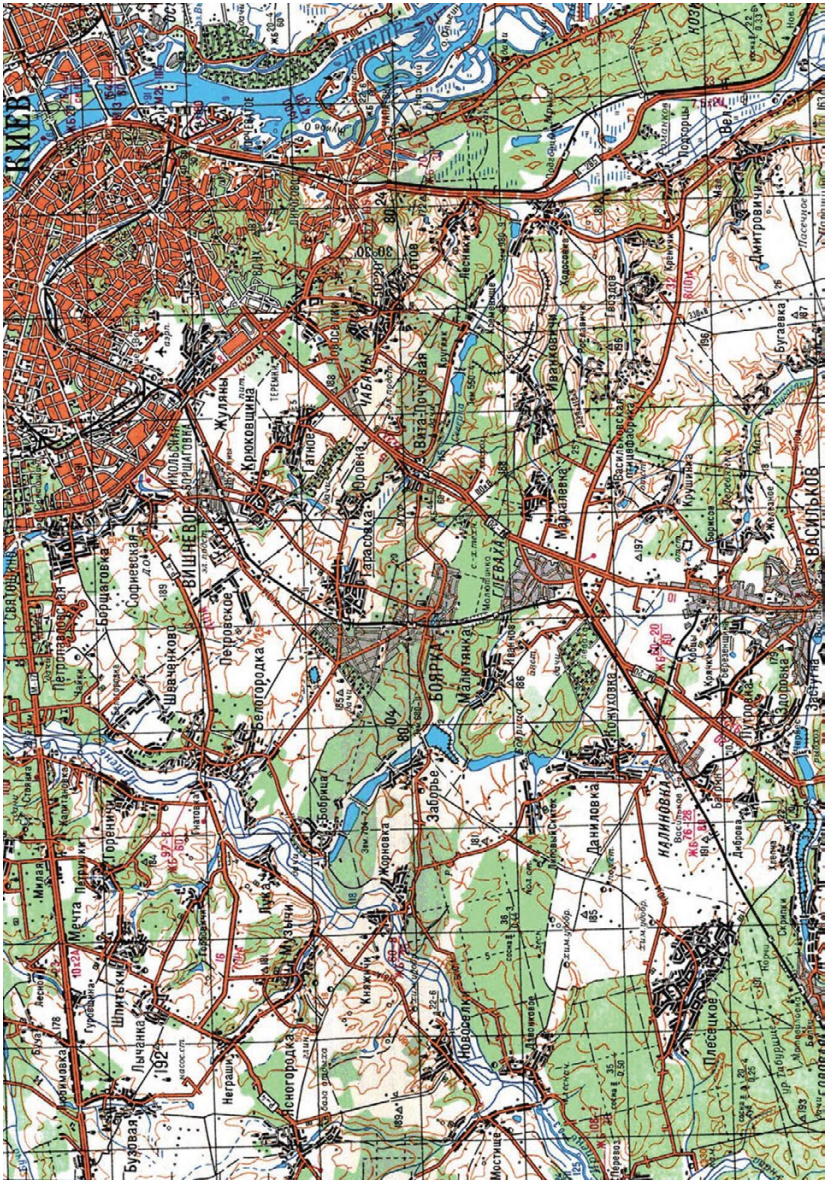

Рис. 13. Юго-западные окрестности Киева. Фрагмент топографической карты 1986 г.

населёнными пунктами *Черногородка* (выше по течению Ирпени – древнерусский *Чернев*) и *Белгородка* (ниже по течению Ирпени – один из крупнейших древнерусских городов – *Белгород-Киевский*).

Говоря о топонимах и гидронимах Киевской земли, в том числе упомянутых в связи с историей *Звенигорода-Киевского* и перенесённых в Русь северо-восточную – Рязанскую и Залесскую, необходимо обратить внимание ещё на несколько красноречивых примеров. Небольшой правый приток *Трубежа*, пересекающий всю старую часть Рязани и окружающий кремль, несмотря на значительное преобразование (во многих местах спрятан в коллектор) сохраняет и сегодня своё южнорусское название – *Лыбедь*, одноимённое своим аналогам во Владимире (правый приток р. *Рпень*) и Киеве (правый приток Днепра). К слову, гидронимия Владимира и Киева неразрывно связана и другими параллелями наряду с *Лыбедью*: названия самой *Рпени*, впадающей в Клязьму, и ещё одного её правого притока – *Почайны* (*Почайки*) – скопированы с *Ирпени* и *Почайны* киевских. В свою очередь, расположенный в южной части Киева, в непосредственной близости от устья *Лыбеди* Свято-Троицкий Китаевский монастырь (Китаевская пустынь) в исторической местности *Китаев* с богатым археологическим наследием, пещерным комплексом, городищем X–XIII вв. и преданием, связывающим его с князем Андреем Боголюбским, заставляют в свете изучаемой проблемы по-новому взглянуть на топонимию древнейшей части Москвы.

Расположенные в непосредственной близости друг от друга *Китайгород*, *Полянка* и *Киевец* (село, находившееся между Остоженкой и берегом р. Москвы, упоминавшееся в документах XIV–XV вв. (Поспелов, 2008) могут обрести существенно более целостный историко-географический контекст своего происхождения. С учётом того, что ещё пять *Китайгородов*, сохранившихся на Украине, расположены непосредственно вдоль общего маршрута предполагаемых миграций, правдоподобность такой версии существенно возрастает. То же относится и к *Перемышлям*, *Галичам*, *Угличам*, а также, возможно, даже к *Белгородам*, *Новгородам*, *Вышгородам*, гидронимам *Уж*, *Остёр*, другим топонимам, закономерное распространение которых ещё ждёт своего выявления.

К югу от Киева расположен ещё один *Звенигород*, претендующий, правда с меньшими основаниями, на звание Киевского – на р. *Гнилой Тикич* (при слиянии с *Горным Тикичем* образует р. *Синюха* – летописные *Синие Воды*, левый приток Южного Буга). Ныне это город ***Звенигородка*** Черкасской области (рис. 14). То, что ранее он имено-

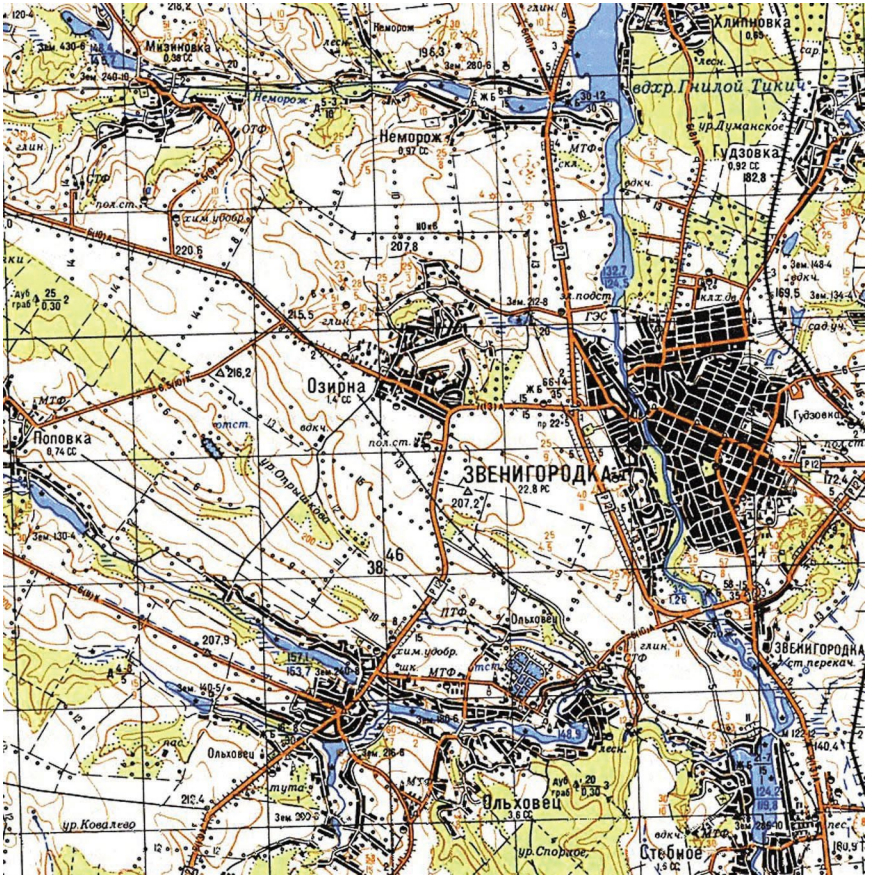

Рис. 14. Звенигородка (Звенигород на Тикиче). Фрагмент топографической карты 1993 г.

вался *Звенигородом*, подтверждают старинные географические карты (рис. 15). Переход *Звенигородъ* > *Звенигородка* оформляется в самом конце XVIII в. и фиксируется официальными картографическими изданиями: на «Генеральной карте части России разделенной на губернии и уезды с изображением почтовых и других главных дорог» (1799) еще *Звенигородъ*, а на «Карте Новороссийской губернии из 12 уездов» (1800), а также более поздних изданиях – уже *Звенигородка*.

На Украине есть ещё два населённых пункта с названием *Звенигородка* – села-пригороды Александрии (Кировоградская обл.) на р. *Ингулец* (правый приток Днепра) и Веселинова (Николаевская область) на

Рис. 15. Южная часть Киевской губернии. Фрагмент «Генеральной карты части России разделенной на губернии и уезды с изображением почтовых и других главных дорог», 1799 г.

р. *Чичиклея* (правый приток Южного Буга). Оба села поздние, возникли в период колонизации Степной Украины XIX–XX вв. Здесь, по всей видимости, наблюдаем пример топонимического переноса именно из ближайшего к ним *Звенигорода на Тикиче*, чей топоним к началу XIX в. устойчиво оформился в современной огласовке.

Вместе с тем на Западной Украине имеются как минимум ещё четыре *Звенигорода*, гораздо более древних. Наиболее известен из них – ***Звенигород-Червенский*** (*Галицкий,* а также *Южный*) на р. *Белка* (приток Полтвы, левый приток Западного Буга, бассейн Вислы). Важные сведения о нём сообщают энциклопедические источники: *Звенигород Южный*, древнерусский город (ныне село *Звенигород* Пустомытовского района Львовской области). Впервые упомянут в «Повести временных лет» под 1086 г. в связи с убийством под его стенами владимиро-волынского князя Ярополка Изяславича. С 1125 г. – центр владений князя Владимирка Володаревича, который позднее передал его племяннику Ивану Ростиславичу Берладнику.

В XII–XIII вв. *Звенигород* был важным стратегическим пунктом в междоусобных войнах русских князей и борьбе с венграми. Археологические исследования 1960–80-х годов показали, что он состоял из расположенных между рукавами реки укреплённых детинца и посада (площадью 12 га). А.А. Ратичем были изучены остатки каменного двор-

ца и церкви XII в. За чертой укреплений находились грунтовые могильники и пригороды, один – с торговой площадью и деревянной церковью Параскевы Пятницы (XII–XIII вв.), пол которой был вымощен керамическими поливными плитками. Во влажном грунте северо-восточного пригорода, исследованного И.К. Свешниковым, сохранились деревянные изделия (бытовая утварь, детские игрушки, музыкальные инструменты и другое), постройки срубной и каркасно-столбовой конструкции, мостовые. Многие жилые дома имели подклеты, глинобитные и каменные печи. Изучены остатки мастерских и кузниц с горнами. Среди находок – бронзовые писала, вислые актовые печати XII в., серебряные украшения, византийская и западно-европейская стеклянная посуда, оружие (БРЭ, 2008. Т. 10, с. 335–336). Весьма интересен топонимический ландшафт *Звенигорода-Червенского* (рис. 16), который, в свою очередь, на австрийских военных картах Галиции и Лодомерии (1779–1783 гг.) и Галиции и Буковины (1861–1864 гг.) фигурирует в двух различных вариантах: соответственно *Zvinigrod* и *Dzwinogrо́d*.

Названия окружающих *Звенигород* сёл *Подгородище*, *Городыславичи*, *Старое Село* давно привлекли внимание историков и топонимистов, которые справедливо предполагают, что это оборонительные форпосты древнего города. Сообщение о принадлежности города Ивану Ростиславичу Берладнику относится, скорее всего, к другому, ещё более южному *Звенигороду*, зато, конечно, именно о нём идёт речь при загадочном упоминании XIX в. о Звенигороде «в Брежанской округе над ручьём в одной миле от Николаева» (Барандеев, 2010; Барандеев, 2014, с. 113): на современной топокарте (см. рис. 16) обозначены и *Бережаны* (в пригородной зоне Львова, к югу от *Винников*) и *Николаев* (к востоку от *Звенигорода* и *Городыславичей*), ошибочно отнесённые к Тернопольской области, в которой, тем не менее, имеются и свои *Бережаны*. В перечне перенесённых топонимов, встречающихся в окрестностях *Звенигорода-Червенского*, весьма выразительно село *Ганачевка*, занимающее стратегическое положение к востоку от княжеского центра на перевале у водораздела бассейнов Западного Буга и Верхнего Днестра (ср. с названием древнерусского городища *Гонючее* (*Гонючево*) – восточного форпоста *Звенигорода-Северского*).

К юго-востоку от *Звенигорода-Червенского* ровно по прямой, на равномерном удалении друг от друга (90–110 км) расположены ещё два галицких *Звенигород*а, а также ещё один в 60–75 км от них.

Ближайший к Звенигороду-Червенскому – ***Звенигород на Стрыпе*** – пригородное село города Бучач (Тернопольская область) в XIX в. принад-

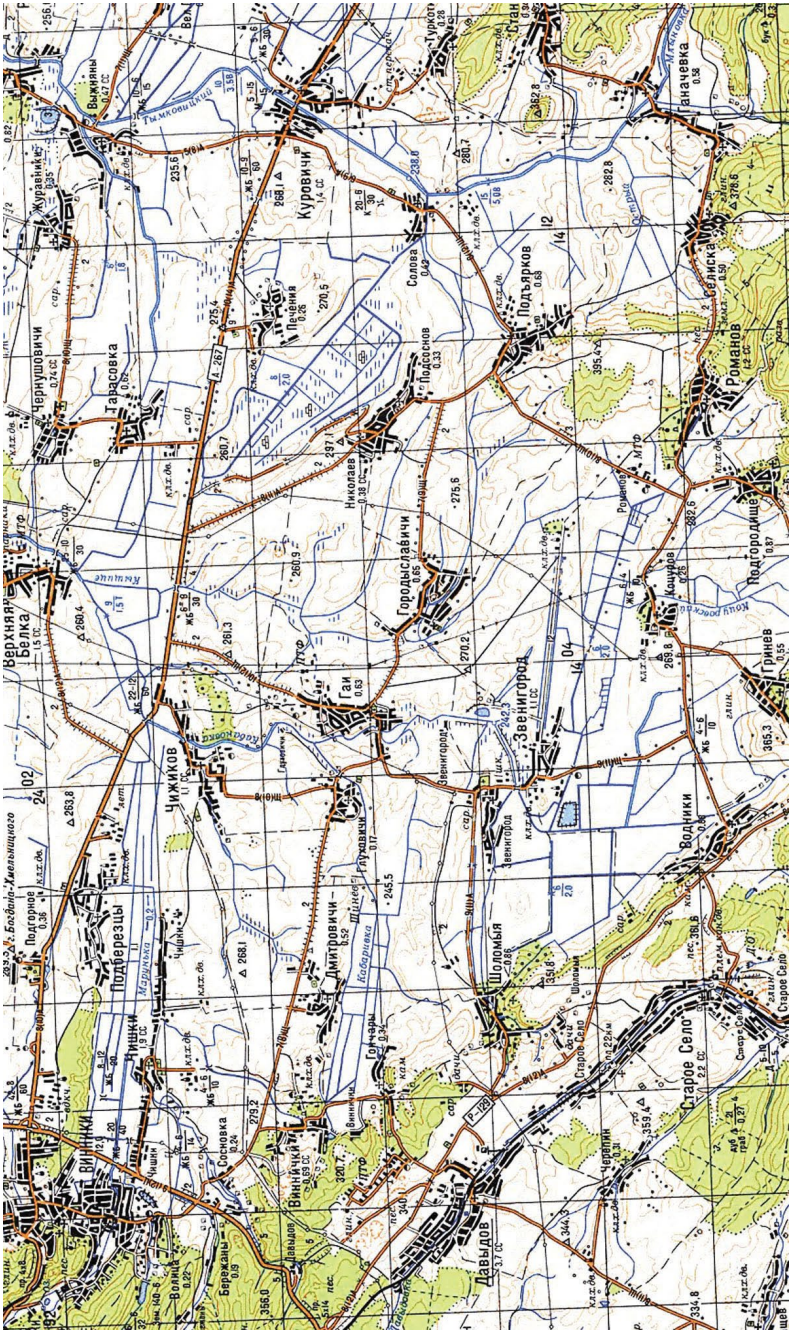

Рис. 16. Звенигород-Червенский. Фрагмент топографической карты 1985 г.

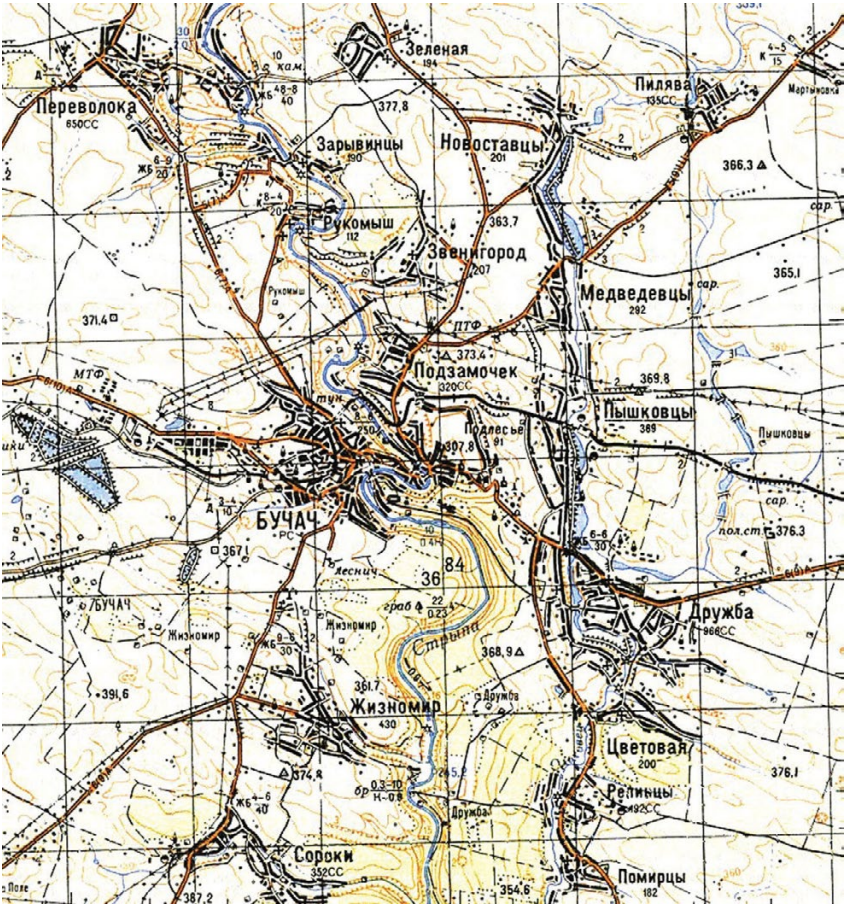

Рис. 17. Звенигород на Стрыпе. Фрагмент топографической карты 1978 г.

лежал греко-унитскому монастырю (Барандеев, 2010; Барандеев, 2014, с. 113). В топонимическом ландшафте среднего течения Стрыпы (левый приток Днестра), окружающем Бучач и Звенигород (рис. 17), выделяются два удивительных названия населённых пунктов к югу и юго-востоку от них, аналоги которых встречались при описании предыдущих регионов – ойконимы *Жизномир* (ср. с *Житомир* и *Жидомерь – Жидоморское городище* у деревни Мерцалово под *Звенигородом-Северским*) и *Цветовая* (ср. названия сёл и славянских городищ *Цветынь* на берегу Оки под *Звенигородом-Северским*, а также гидроним, и *Кветунь* под *Трубчевском*). Кроме названных топонимов следует назвать и другие встречающиеся в данном

Рис. 18. Звенигород на Стрыпе. Фрагмент «Австрийской военной карты Галиции и Лодомерии (майора Фридриха фон Мига)», 1779–1783 гг.

ландшафте весьма интересные ойконимы *Рукомыш*, *Зелёная*, *Сороки* и, как ни странно, гидроним *Ольховец*, возможно, и другие. Чрезвычайно интересно и то, что аналогично более западному *Звенигороду-Червенскому*, *Звенигород на Стрыпе* встречается на старинных картах в разном написании, причём синхронно на двух листах одной австрийской карты конца XVIII в. (рис. 18) – *Zwinirod* и *Dzwinogrod*, что в очередной раз свидетельствует о вариативности огласовки одного и того же топонима.

Отстоящий от прямой, по которой расположились описанные ранее *Звенигороды* на Белке и на Стрыпе, несколько к востоку – ***Звенигород на Збруче***. Ныне это место, к югу от населённого пункта Крутилов (Гусятинский район Тернопольской области), в центре большого лесного района на Подольской возвышенности при впадении ручья, протекающего по долине с обрывистыми склонами в реку Збруч (рис. 19), ойконимически не обособлено на современных топографических картах. Однако местные жители называют крутой мыс и всю местность вокруг *Звенигород*. Известно об этом и академическим историкам, проводившим здесь в 1984–1989 гг. большие археологические исследования и выявившим крупнейший комплекс славянских святилищ IX–XIII вв. Збручского культового центра (пять городищ, более 20 поселений и связанных с ними могильников) (Русанова,

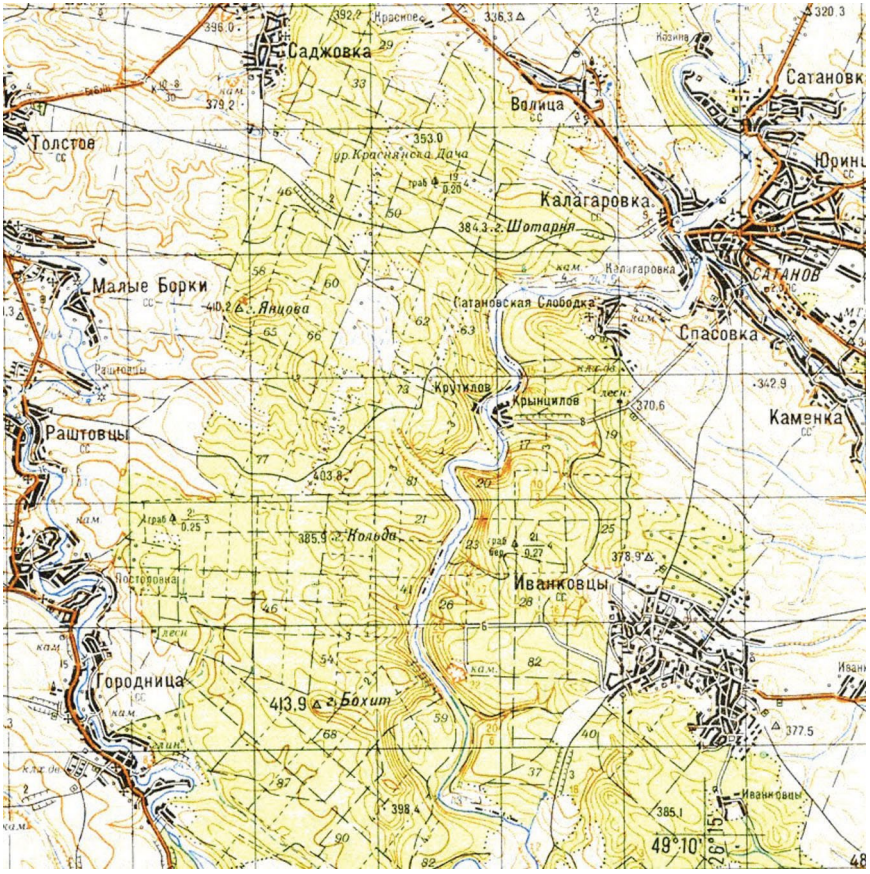

Рис. 19. Звенигород на Збруче. Фрагмент топографической карты 1985 г.

Тимощук, 2007). То, что одно их городищ неслучайно носит название *Звенигород*, подтверждает и старинная австрийская карта (рис. 20), на которой холм к югу от Крутилова обозначен как *Dzwinogród B(erg) – гора Дзвиногруд*.

В числе других примечательных топонимов местной округи, конечно, названия самих городищ Збручского комплекса и сохранившихся населённых пунктов – *Говда* (под горой *Кольда*), *Богит* (под горой *Бохит*), *Крутилов*, *Крынцилов*, *Раштовцы*, *Городницы*, а также гидронимы *Гнилая* (правый приток Збруча – ср. *Гнилой Тикич*, на котором стоит *Звенигородка*) с собственным правым притоком *Тайна* (ср. с названием села *Тайное* на Оке, у которого сохранилось городище *Гонючее*), ойконимы *Ольховчик*, *Ольховцы* к югу от комплекса и др.

Рис. 20. Звенигород на Збруче. Фрагмент «Австрийской военной карты Галиции и Буковины», 1861–1864 гг.

В 70 км к югу от комплекса древнеславянских языческих святилищ, чуть выше устья Збруча стоит ***Звенигород на Днестре*** (рис. 21), наиболее загадочный и наименее изученный. Первые летописные сведения о нём и образуемом им древнем княжестве польские источники относят уже к X–XI вв. Здесь, анализируя «Список русских городов дальних и ближних» (1394–1396), размещал его М.Н. Тихомиров (Słownik…, 1880–1902; Тихомиров, 1956; Барандеев, 2010; Барандеев, 2014, с. 111–112). Расположен город в стратегически важном месте – на высоком левом берегу, прямо над крупной излучиной реки (в античности – *Тирас*), по которой с древнейших времён шла оживлённая торговля, что давало возможность контролировать движение на несколько километров и вверх, и вниз по течению. Сохранилось богатое археологическое наследие, в том числе укрепления древнерусского времени, неоднократно расширявшиеся и обновлявшиеся. Крепостные сооружения на берегу Днестра обозначены на австрийской топографической карте конце XVIII в. (рис. 22). Сообщение летописи о принадлежности города Ивану Ростиславичу Берладнику относится именно к этому *Звенигороду*: Берладское княжество к югу от этих мест, за Днестром, навигацию по которому контролировал город

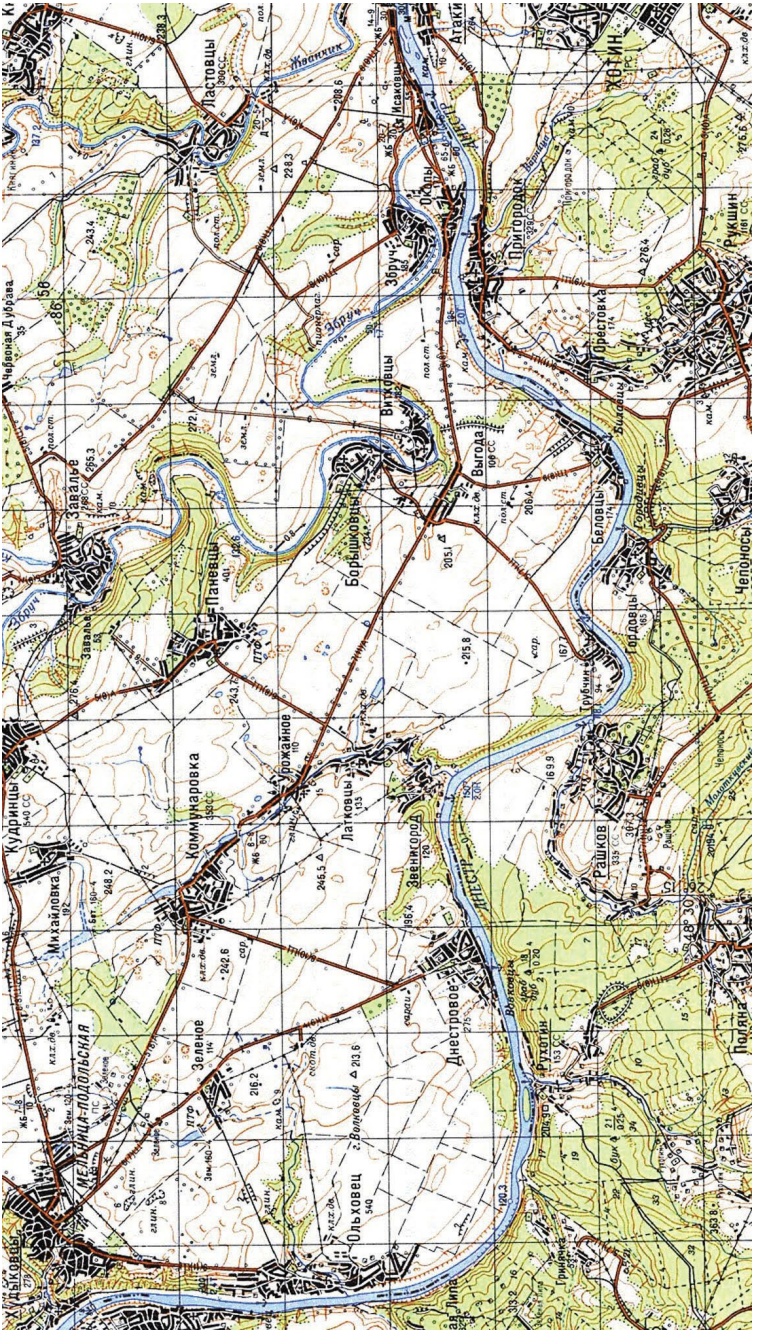

Рис. 21. Звенигород на Днестре. Фрагмент топографической карты 1978 г.

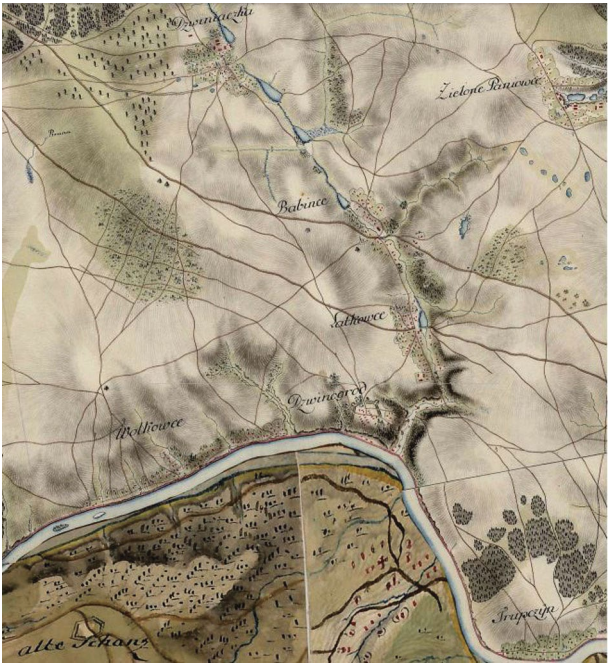

Рис. 22. Звенигород на Днестре. Фрагмент «Австрийской военной карты Галиции и Лодомерии (майора Фридриха фон Мига)», 1779–1783 гг.

на высокой горе, в устье маленькой речки, впадающей в него с весьма примечательным названием – *Дзвины* (укр. *Дзвіна*; *Дзвинячка*).

Таким образом, совершенно справедливо и обосновано предположение А.В. Барандеева о том, что наиболее вероятной и убедительной следует считать гидрографическую версию происхождения топонима *Звенигород*. Звонкий, шумный характер течения древних рек вполне мог отразиться в названиях городов, что хорошо согласуется с предметно-конкретным мышлением наших далёких предков (ср. древнерусский глагол звенѣти ‘громко звучать; греметь, грохотать; звякать, звенеть’). «Звонкий корень» широко прослеживается в названиях днестровских притоков, например, *Звинечный*, *Дзвонец*, *Дзвиняч*, *Звиняч*, *Звинячка*, *Дзвинячка*… (Барандеев, 2010; Барандеев, 2014, с. 116). Но в данном случае речь не просто о вероятном происхождении топонимов от гидронимов. Здесь пример прямой взаимосвязи: уникального сочетания конкретного гидронима – *Дзвина* (*Дзвинячка*; подписана на австрийской топокарте 1861 г.; в верховьях сохранился одноимённый ойконим – *Дзвинячка* – см. рис. 22, 23; на рис. 21

Рис. 23. Звенигород на Днестре. Фрагмент «Специальной карты западной части Российской Империи (генерал-лейтенанта Шуберта)», 1832 г.

Коммунаровка) с конкретным ойконимом – *Дзвиногрод* (*Звенигород*) – города, возникшего в устье реки, от которой он получил название.

Среди сопутствующих топонимов следует выделить и правобережные *Рашков* (с древнейшими памятниками пражской культуры и культуры Лука-Райковецкая), *Рухотин* (с крупнейшим городищем) и правобережные сёла *Ольховец* (ср. ойконимы *Ольховчик*, *Ольховцы* к югу от *Звенигорода на Збруче*, гидроним *Ольховец* к востоку от *Звенигорода на Стрыпе*), *Зелёное* (ср. *Зелёная* к северу от *Звенигорода на Стрыпе*). Но самый замечательный среди сопутствующих топонимов – *Трубчин* (название соседнего *Звенигороду* села на Днестре, в нескольких километрах ниже по течению).

Звенигород на Днестре, по всей видимости, наиболее древний среди всех его братьев-тёзок, рассмотренных в настоящем исследовании. Определить и подтвердить это было невозможно без комплексного историко-географического, детального картографического и топонимического анализа. Только здесь встречается прямая топографическая

и топонимическая взаимосвязь *гидроним – ойконим*. Важнейшим аргументом, конечно, выступают и результаты археологических исследований, согласно которым правобережье Днестра и соседнее Прикарпатье, непосредственно соседствующие со Звенигородом на Днестре, – регион самых ранних славянских памятников пражской культуры и культуры Лука-Райковецкая, восходящих к середине V в. н.э. (Русанова, Тимощук, 1984; Баран, 1988). Другая важная особенность – повышенная концентрация выявленных топонимических ландшафтов, сформированных по единой модели, приурочена именно к левобережью Верхнего Днестра и его притоков. Конечно, в контексте истории и географии Преславов дунайских нельзя полностью сбрасывать со счетов упоминание о *Звенигороде* в Болгарии. Вместе с тем эволюция переноса выявленных топонимических ландшафтов в восточнославянских землях явно восходит к своему днестровскому первоисточнику.

Применяя картографический метод для систематизации обширного топонимического материала и анализируя карту перенесённых топонимов (рис. 24), видим, что не следует говорить просто об одном или двух совпадениях, случайных сочетаниях, бессистемно сконцентрированных в разных географических точках. Налицо системная закономерность расположения топонимов, исторически и географически обусловленная миграциями носителей смоделированного и зафиксированного в памяти топонимического ландшафта, – важнейшего компонента воспроизводимого в процессе освоения новых историко-географических ландшафтов. Аналогичную картину показал картографический анализ распространения топонимов с основами *Молдав-* / *Молдов-* в Центральной Европе, выявивший, что в основе топонимических ландшафтов (кластеров) лежит первичный гидроним – название реки, в бассейне которой на основе единой модели для всех кластеров образуется куст из других однокоренных топонимов, напрямую связанных с ним географически и исторически, эволюционно вторичных по отношению к нему (Паскарь, Герцен, 2016).

Заключение

Географические названия *Звенигород*, *Переяславль*, *Трубеж* с их вариантами (*Дзвенигрод*, *Переслав*, *Трубчин* и т.п.) служат достоверными примерами перенесённых топонимов. Всем им сопутствуют множество своеобразных топонимов (*Цветынь*, *Житомир*, *Гонючее* и др.),

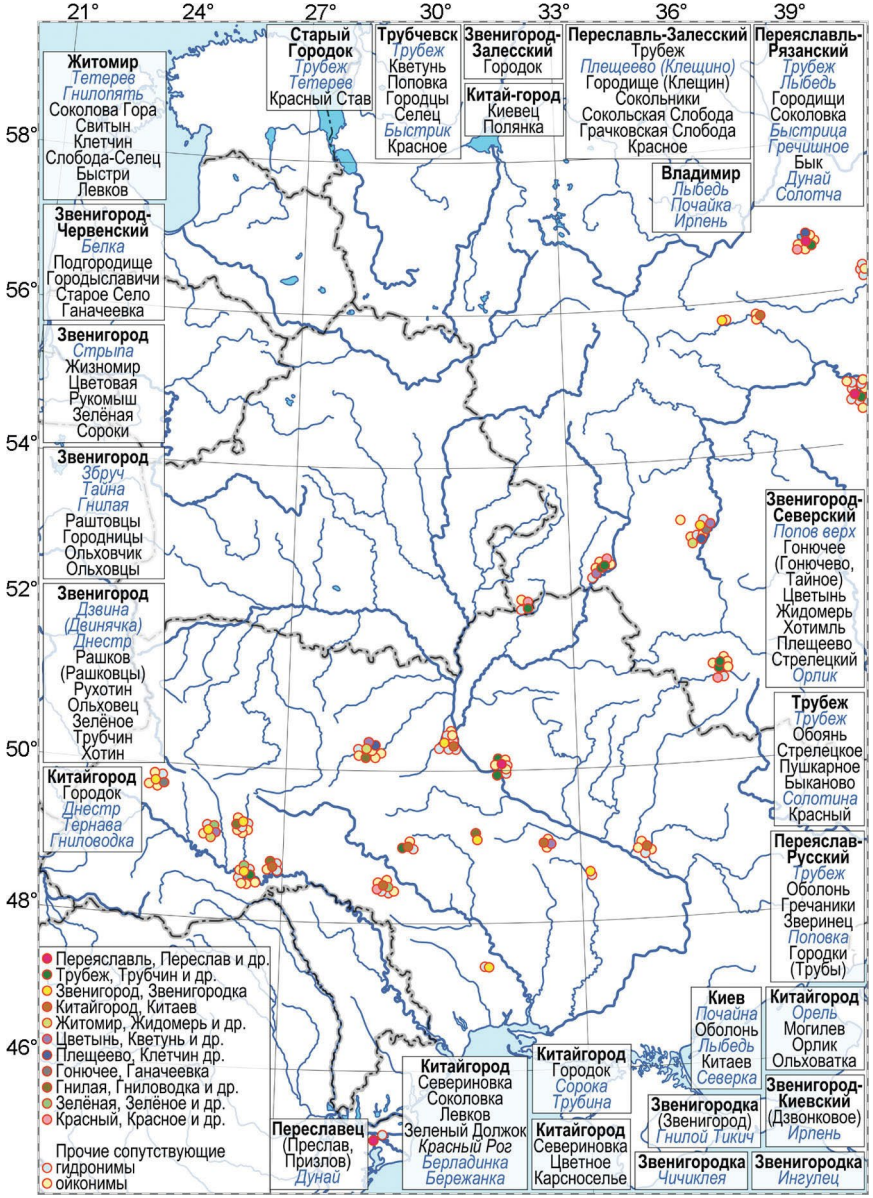

Рис. 24. Перенесённые топонимические ландшафты (Герцен, 2017)

зачастую неоднократно повторяющихся, в совокупности образующих целые комплексы – топонимические системы, компоненты историко-географических ландшафтов (Герцен, 2013), сформировавшихся в славянских землях в раннем Средневековье.

Перенесённые топонимы представляют собой уникальное географическое явление, хранящее чрезвычайно интересную и полезную историческую и лингвистическую информацию, а в своей совокупности формирующее основу топонимического компонента историко-географического ландшафта. Выявление и понимание структуры топонимического компонента (топонимического ландшафта) продуктивно и даже возможно только при применении комплексного историко-географического подхода, когда учитываются не только история вопроса, время фиксации того или иного географического названия, отдельные филологические особенности онимов как единиц языка, но и географические факторы и все обстоятельства в целом. И охват распространения явления на макрогеографическом уровне, и топографические особенности местности, и сам неразрывно связанный с ней топонимический компонент не существуют отдельно от историко-географического контекста, формирующего в результате длительной эволюции целостные историко-географические ландшафты.

Топонимический компонент – это важнейший индикатор такого ландшафта, а историко-географическая реконструкция этапов и стадий его развития позволяет понять эволюцию ландшафта в целом, выявить ландшафтообразующие элементы, ценнейшие объекты наследия, основы устойчивости многокомпонентных комплексов, в которых сформированы и существуют современные социально-экономические и культурологические системы.

Топонимические индикаторы нагляднейшим образом иллюстрируют конкретные историко-географические обстоятельства миграционных процессов, о чём многие десятилетия спорили историки и лингвисты, догадываясь об их возможно большом значении, но не получая прямых доказательств со стороны географов. Перенесённые топонимы служили лишь интересным элементом ономастических систем, лингвистической и исторической загадкой, формирующей ещё больше вопросов, нежели ответов, в то время как на самом деле они представляют собой великолепный историко-географический феномен, надёжный и устойчивый «якорь» топонимических ландшафтов, географических, исторических и лингвистических систем изучаемых регионов.

Благодарности. Работа выполнена в Институте географии РАН по госзаданию «Пространственная динамика, градиенты и территориальные конфликты в современной России» № 01201356200 (№ 0148-2014-0014).

Литература

Баран В.Д. Пражская культура Поднестровья. По материалам поселений у с. Рашков. Киев: Наукова думка, 1988. 160 с.

Барандеев А.В. История географических названий: Русская топонимия в терминах. 2-е изд. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2010. 320 с.

Барандеев А.В. Краткий этимологический топонимический словарь. М.: Принт-Сервис, 2014. 290 с.

Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. Т. 1: XI–XII века. СПб.: Наука, 1997. 543 с. Электронная версия: http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4869.

Большая Российская энциклопедия: В 35 т. М.: БРЭ, 2004–2017. Электронная версия: https://bigenc.ru/.

Васильев В.Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.: Языки славянских культур, 2012. 816 с.

Герцен А.А. Историко-географические ландшафты Северо-Западного Причерноморья // Вопросы географии. Сб. 136. Историческая география. М.: ИД «Кодекс», 2013. С. 228–242.

Енциклопедія історії України: В 10 т. Київ: Наукова думка, 2003–2013.

Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. Київ: Наукова думка, 1985. 254 с.

Лаппо Г.М. Имена городов. Топонимические размышления геоурбаниста // География. Первое сентября. 2004. № 22, 24.

Лаппо Г.М. Города России. Взгляд географа. М.: Новый хронограф, 2012. 504 с.

Неделин В.М. Орёл изначальный. Орёл: Вешние воды, 2001. 280 с.

Нерознак В.П. Названия древнерусских городов. М.: Наука, 1983. 207 с.

Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966. 509 с.

Паскарь Е.Г., Герцен А.А. Топоним Молдавия: древнейшие упоминания и новые этимологии // Русин. 2016. № 1 (43). С. 9–35.

Поспелов Е.М. Иллюстрированный атлас мира. География мира: новейший топонимический словарь. М.: Русские словари: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. 683 с.

Поспелов Е.М. Географические названия Московской области: топонимический словарь. М.: АСТ: Астрель, 2008. 600 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. 571 с.

Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М.: Наука, 1972. С. 9–89.

Русанова И.П., Тимощук Б.А. Кодын славянские поселения V–VIII вв. на реке Прут. М.: Наука, 1984. 88 с.

Русанова И.П., Тимощук Б.А. Языческие святилища древних славян. 2-е изд. М.: «Ладого-100», 2007. 304 с.

Рыбаков Б.А. Раскопки в Звенигороде (1943–1945 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 2. № 12. М.; Л.: АН СССР, 1949. С. 125–133.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982. 592 с.

Татищев В.Н. История Российская. Т. 1, ч. 1. М., 1768; Т. 1, ч. 2. М., 1769; Т. 2. М., 1773; Т. 3. М., 1774; Т. 4. СПб., 1784; Т. 5. М., 1848.

Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1956. 475 с.

Трубачёв О.Н. Названия рек правобережной Украины. М.: Наука, 1968. 289 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 томах. М.: Прогресс, 1964–1973.

Шилов А.Л. Звенигород, Белгород, Новгород, Вышгород // Вопросы географии. Сб. 132. Современная топонимика. М.: Наука, 2009. С. 193–206.

Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1880–1902.

Taszycki W. Nazwa miejscowa Żmigród // Rozprawy i studia polonistyczne. T. I, Wrocław–Kraków, 1958. S. 187–190.

УДК 801.311, 902, 911.3, 912, 913

К вопросу о локализации первоначального места поселения вятичей на Верхней Оке

© 2018 г. Е.Р. Барбашов

Тульский областной центр краеведения, туризма и экскурсий
barbashovevgenii@mail.ru

On the localization of the Vyatichi primary settlement in the Upper Oka region

E.R. Barbashov

The Tula regional Centre of local studies, tourism and excursions
barbashovevgenii@mail.ru

The subject of the article is the arrival of the Slavic group Vyatici led by prince Vyacheslav (his name gave birth to the whole ethnonym) in the Upper Oka region). There are no trust-worthy essays in scientific literature concerning the primary settlement of this Slavic group in the given region. So the present article is an attempt to the complex solution of that problem. The object of the investigation is microtoponyms of the Oka current (30 kilometres). There are lots of *Vyrka* river-names here, and central part of this area is *Vecheslavl'* – the Old Slavic tribal centre. So, the Slavic group led by Vyacheslav might have settled on the territory in question between Belyov end Chekalin towns.

Keywords: *microtoponyms, Upper Oka region, Vyatici.*

В статье рассмотрена проблема заселения Верхней Оки славянской группой вятичей под руководством князя Вячеслава (этноним образован от его имени). В научной литературе отсутствует достоверная информация о первоначальном заселении данного региона. В статье предпринята попытка найти комплексное решение проблемы. В связи с этим исследованы микротопонимы в диапазоне 30 км на берегах Оки, среди которых много гидронимов *Вырка*, а в центре региона находился *Вечеславль* – центр поселения древнерусского племени. Автор утверждает, что славянская группа под водительством Вятко-Вячеслава могла заселить данную территорию между современными городами Белёвом и Чекалином. Статья имеет междисциплинарный характер, содержит новые исторические данные и поэтому представляет интерес для топонимистов, географов, историков, археологов и этнографов.

Ключевые слова: *вятичи, микротопонимы, регион Верхней Оки.*

В настоящее время принято считать, что славянское население в бассейне Верхней Оки появилось в VIII–IX вв., об этом говорят и археологические данные. Нестор Летописец – автор «Повести временных лет» – помещает на Оке славянское племя вятичей: «*Бяста бо два брата въ лясехъ – Радимъ, а другыи Вятъко. И пришьдъша седоста Радимъ на Сожю,*

и прозъвашася радимичи; а Вятъко седе съ родомъ своимъ по Оце, отъ него же прозъвашася вятичи» (Лаврентьевская…, 1962, с. 13). Поэтому именно на Оке и надо искать то место, куда первоначально пришёл со своими родами летописный *Вятко*, в противном случае летописец упомянул бы любой приток Оки, на котором изначально поселились современники *Вятко*.

Историкам и археологам известно о продвижении вниз по Оке ранних славян, осваивавших бассейн этой реки. Так, в калужском течении Оки, в среднем и верхнем течении р. Упы ранние славяне появляются в IX в., а в районе г. Каширы и в низовьях р. Москвы только в X в. (Прошкин, 2001, с. 35; Сидоров, 2004, с. 46–50; Кашкин, 2006). Согласно данным источникам, заселение славянами Верхней Оки до рек Упы и Жиздры произошло в VIII в. Можно ли сейчас, сузив ареал поиска, найти конкретное место поселения предводителя славянских родов – *Вячеслава*? Конечно, можно! Если его имя вошло в название крупного племенного объединения и сохранилось в веках, то потомки изначальных вятичей не могли забыть столь важное для них место, и они его, как мы увидим, не забыли.

«*Оброчная выпись 1584 года*» писца Никиты Григорьевича Ржевского игумену Белёвского Спасо-Преображенского монастыря Геласию «*На перевоз через р. Оку, рыбные ловли и бобровые гоны в Оке и принадлежащих озерах и истоках*» содержит одно крайне интересное для нас свидетельство. В перечне озёр по правому берегу р. Оки от с. Никола-Гастунь и до устья р. Зуши (80 км) только одно озеро имеет привязку к местности – ориентир на поселение: «*…озерко Святое, озерко Сныховское, озерко Везовое. **Да противу Вечесловле озерко Вечесловская**, озерко Шершинь, озерко Сосенки…*» (Маштафаров, 2002, с. 57).

Озеро *Вечесловское*, упоминаемое рядом со Свя́тым и Сны́ховским озёрами, хорошо известно. В 1976 г. в ходе мелиоративных работ это озеро было спущено в Оку и распахано. Сейчас на этом месте заросшая ивовым кустарником озёрная котловина, известная как Ми́цкое озеро (Гудкова Анна Васильевна, 1938 г.р., д. Бесе́дино; Ерохина Татьяна Ивановна, 1912 г.р., д. Береговáя). Действительно, в другом аналогичном документе Спасо-Преображенского монастыря, датируемом 1628 г., упоминается на этом месте озеро Мицкое, но уже нет *Вечесловского*. По сути, это два разновремённых названия одного водоёма, данные до и после Смутного времени (Белевская…, 1858, с. 369). Следующее за *Вечесловским* и упоминаемое в грамоте правобережное озеро Ше́ршинь находилось напротив монастыря в г. Белёве, следующее озеро – Со́сенки под дер. Се́стринские Дво́рики и т.д.

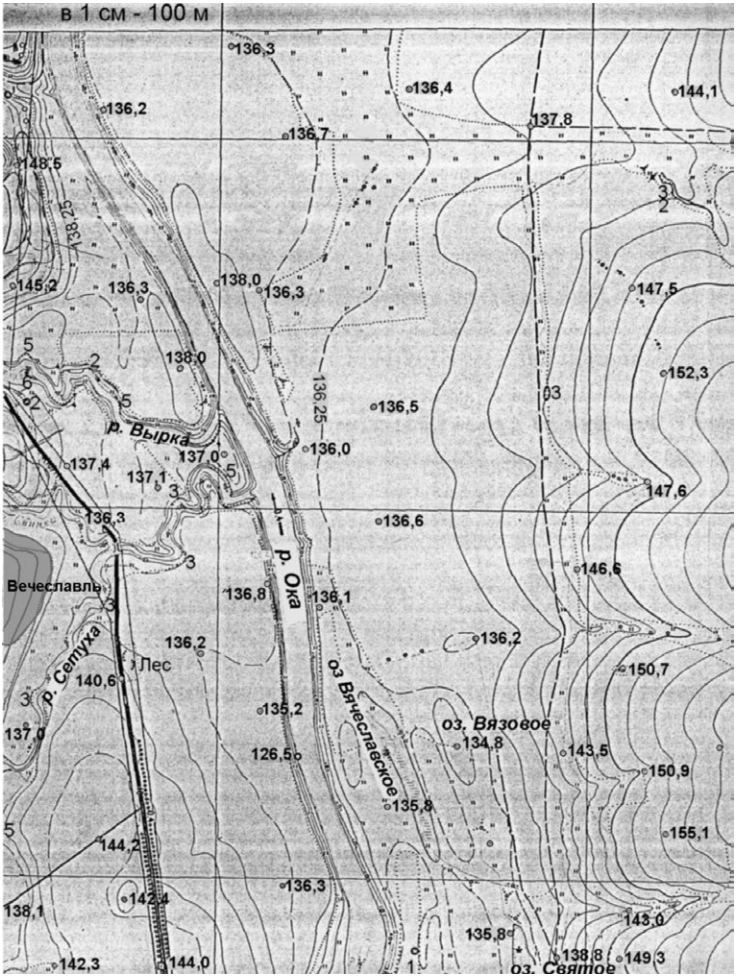

Рис. 1. Поселение (топоним) Вечеславль

Ни в одном известном документе нет упоминания о поселении *Вечеславль*, неизвестен этот топоним и местным жителям. Это обстоятельство побудило автора исследовать противоположный (левый) от упоминаемого озера берег р. Оки. В 2003 г. напротив озера *Вечесловского* был найден *Вечеславль*, неизвестное науке древнее селище (Болтёнки-I, ТОИАЛМ). Размеры поселения 350×200 м (рис. 1). По подъёмному материалу оно датируется периодом раннего железного века, мощинской и роменской культурами, здесь же обнаружены фрагменты лощёной керамики волынцевской

культуры. Гончарной керамики, которая появляется в этом регионе в середине XI в., на этом селище нет. В количественном отношении славянская керамика роменского типа (раннего и позднего периодов) преобладает над остальными культурами; подъёмный материал передан автором археологам в Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей (ТОИАЛМ). Обращает на себя внимание наличие большого количества железного шлака на поселении, склон оврага северной экспозиции буквально завален им. Найдены обломки лепной керамики с вваренными в неё остатками металла и железного шлака. Здесь находился древний металлургический центр. По всей видимости, это мог быть центр рода, если судить по названию посёлка и наличию ремесленного производства.

Это подтверждают и выводы известного археолога Б.А. Тимощука. В результате сплошного обследования памятников Прикарпатья он сделал вывод о том, что восточнославянская община в VI–X вв. состояла из больших патриархальных семей. В этом союзе семей выделяется одна – самая древняя (материнская) в общине, выполнявшая роль общинного центра. На территории этого посёлка располагались ремесленные мастерские, нехарактерные для других родственных селищ. Ремесло, в первую очередь кузнечное, находилось в руках самой древней семьи. Отпочковавшиеся от неё другие общины занимались в основном земледелием (Тимощук, 1996, с. 83–84). Например, на соседнем с *Вечеславлем* древнем и очень крупном поселении балтов и славян – Катала́нове (Рядово-I, II, ТОИАЛМ) полностью отсутствует железный шлак. На другом, соседнем, самом крупном и древнем на соседней р. *Вырке* селище Дуна́й (Ильино-I, ТОИАЛМ), железный шлак тоже отсутствует. Отсутствует он и в соседней дер. Береговáя – таком же древнем поселении (ТОИАЛМ). В устье р. Коловны́, на её обоих берегах, находился крупный раннеславянский посёлок Волотков (современная деревня Воло́дьково) с материалом мощинской и роменской культур (Краснов, 1999, с. 20–21), на нём тоже нет железного шлака. Названия этих крупных поселений и родовых центров не происходят от княжеских имён, что закономерно.

Гибель *Вечеславля*, согласно археологическим данным, относится к концу X – самому началу XI вв. и по времени совпадает с гибелью белёвских городищ Волы́нь и Хочу́равль, находившихся у деревень Ми́шенское и Федя́щево, исследованных археологами. Другого древнего поселения интересующего нас периода с названием княжеского типа в ареале рек *Вырок* на побережье Оки между городами Белёв и Чекалин нет. Возникает вопрос: откуда писарь в грамоте, идущей на подпись царю, взял ориентир на не-

существующее около шести веков поселение?! Можно предположить, что Н. Ржевским были использованы какие-то более древние грамоты, либо это озеро так исстари называло местное население. Несомненно, озеро было названо по поселению, напротив которого оно находилось, а поселение – по его основателю. В данном случае названо по славянскому старшине родов – князю, имевшему соответствующее, княжеское имя *Вячеслав* или *Вечеслав*, как мы произносим это имя в белёвских говорах.

Наиболее вероятно, что жители средневекового г. Белёва и соседней округи веками сохраняли имя посёлка *Вечеславль*. Также неслучайно, что «Оброчная выпись 1584 г.» сохранила о нём память для потомков, ведь царские грамоты должны были храниться вечно. Если это был другой *Вячеслав*, не приведший сюда группу славян, будущих Вятичей [согласно орфографическим правилам, действующим в современном русском языке, этнонимы пишутся со строчной буквы, а не с прописной. – *Прим. отв. ред.*], то зачем тогда народ сохранял память о пустом месте почти шесть веков? И зачем в этом случае *единственный* в грамоте ориентир на поселение – пустое место? Разве игумен или монахи, а также монастырские рыбаки не знали, где это озеро находится. Имя *Вячеслав* (уменьшительное *Вятко*) происходит от праславянского **Vętjeslavъ* (*большой славой*), ср. чеш. *Vaclav*. Форма написания в грамоте *Вечесл**о**вле* и *Вечесл**о**вское* выступает как явный результат переразложения и «подгонки» под продуктивную посессивную модель на *-ово/-ево* первоначальной йотово-посессивной топонимической формы *Вячеславль, -а, -е* (Трубачёв, 2005, с. 192; Васильев, 2005, с. 73). В белёвских говорах происходит взаимозаменяемость гласных *-е-* и *-я-*. [Если автор имеет в виду звуки, а не буквы, то звуки следовало представить в фонетической транскрипции. – *Прим. отв. ред.*]. Сравни в разговорном языке: *Рязань – Резань, село – сяло, Федящево – Фядящево* и т.п.

Двухосновные имена носили люди с высоким социальным статусом: этот тип имён имел отношение только к князьям. В раннеславянский период мотивированность имени была глубже укоренена в реальностях социальных и религиозных отношений, чем, например, в современном мире. Но главное в том, что сама мотивированность имени в раннеславянский период была иной. Прежде всего, она была теснее и жёстче связана с прагматическими задачами и целями. Сам выбор мотивации был более жёстким, поскольку он в большей степени должен был отражать классификационное назначение имени, отсылающее к месту, которое носитель данного имени занимал в социальной структуре общества. Новорождённого (или инициируемого) могли нарекать отнюдь не всяким

именем, но только тем, которое отвечает его месту в социальной структуре общества, точнее, месту, занимаемому его семьёй, роднёй, предками в роде или даже племени, как в их настоящем, так и в прошлом.

В этих условиях скорее человек должен был соответствовать имени (первенство имени над носителем имени), нежели имя – человеку. «Пользователи» имён независимо от того, получили они их по наследству, по традиции или создали сами, живо ощущали значения этих имён, как бы справлялись с ними, контролируя смыслом имён своё поведение (по крайней мере, в отмеченных «сильных» ситуациях). В центре обширной совокупности двусоставных славянских имён стоят два ключевых элемента, обладавших практически равными по мощности и значимости пространствами «вхождений» (проективными пространствами), *-mir- и *slav-. *Slav-/*-slav- связан с комплексом «чести и славы», определявшим шкалу высших ценностей эпохи «военных демократий».

Если обратиться к ранним свидетельствам о двусоставных именах (VIII–X вв.), то оказывается, что *практически все* они относятся к людям «княжеского» ранга, не ниже правителя племени и соответствующей племенной территории, но нередко их носителями оказываются люди, стоявшие во главе пред- и раннегосударственных образований (Топоров, 2006, с. 24, 76, 78). Формант *-ль* в этом ойкониме служит признаком принадлежности. Это наиболее древняя модель в наименовании поселений. Формант *-ль* унаследован ещё от праиндоевропейской эпохи. В славянской топонимии при его помощи образовывались названия поселений преимущественно со значением притяжательности от личных имён (на Верхней Оке: *Вечеслав – Вечеславль, Ростислав – Ростиславль, Мстислав – Мстиславль, Хотимир – Хотимль, Родимир – Родимль, Лютимир – Лютимль* и т.д.).

Топонимы, отражавшие эти имена, выступали наименованиями центров осваиваемых территорий, а названия на *-ль* были связаны с центрами родовых общин. Следовательно, соответствующие топонимы маркировали землевладельческие центры в период первоначальной славянской колонизации этой территории. В жёсткой связи антропоним плюс суффикс *-ль* сказалась зрелость данной топонимической модели, высокая продуктивность её в раннеславянское время, вылившаяся в широкий массив соответствующих географических названий по всему славянскому миру. Вместе с тем в этой жёсткости можно ощутить момент социально обусловленной знаковости, своеобразное топонимическое выражение высокого социального статуса носителей двухосновных личных имён как владельцев селений, номинация которых отмечена моделью с

топоформантом *-ль* (Горбаневский, Дукельский, 1983, с. 150; Васильев, 2005, с. 38–39). В нашем случае ранние славяне – будущие *вятичи* – приходят на уже существовавшее балтское поселение и ассимилируют его, что подтверждается не только археологическими артефактами, критерием ассимиляции служит смена языка. По мнению В.В. Седова, группа славян под предводительством *Вятко*, пришедшая на Верхнюю Оку, не выделялась собственными этнографическими особенностями. Она сформировалась на месте и отчасти в результате воздействия местного балтского населения, которое вместе с пришлыми славянами и составило отдельную этнографическую группу вятичей (Седов, 1999, с. 81–82).

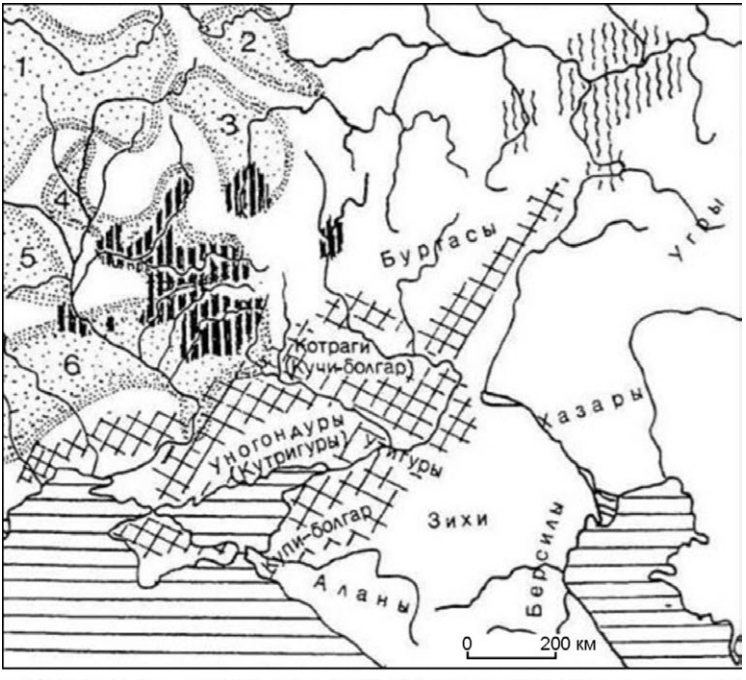
Аналогичного мнения придерживается О.Н. Трубачёв: «Повторяемость этнонимов – известный феномен у славян, но, ни на Западе, ни на Юге этнонима «Вятичи» нет (Ср. Поляне киевские и Поляне польские; Смоляне смоленские и Смолене западные; Северяне курские и Северяне среднедунайские; Словене ильменские и Словене балканские и т.д.). Среди славян упоминается *v(a)ntit,* имя народа и области в восточных источниках X века, позволяющие судить о виде, в котором имя вятичей фигурировало до X века включительно, когда подверглось общему у восточных славян падению носовых гласных. Ни с венетами, ни тем паче с антами (и то, и другое – чужие для славян аллоэтнонимы) этимологически связывать *vętitje – вятичи* не имеет смысла, несмотря на популярность таких опытов. Перед нами – случай, когда древнее племя первоначально вообще племенного названия *не имело*, вплоть до момента личной унии, с возглавившим их князем по имени Вячеслав (Вятко)» (Трубачёв, 2005, с. 192). Б.А. Рыбаков также считал этнонимы *Радимичи* и *Вятичи* патронимическими (Рыбаков, 1987, с. 28).

По мнению Г.А. Хабургаева, существует непосредственная связь этнонимов на *-ичи* (Кривичи, Дреговичи, Радимичи и Вятичи; исключение – Уличи) с ареалом раннедревнерусской славянизации балтов (IX в.). В данном случае правильно и предположение о том, что доверие летописца к легенде подтверждает не только этнографическое и диалектное своеобразие этих радимичей и вятичей, но и актуальность сопоставления их с другими поселенцами русско-польского пограничья, в частности ятвягами и пруссами. Считается, что балты приняли участие в этногенезе *вятичей* и *радимичей*. Об этом говорят характерные украшения – шейные гривны, которые не принадлежат к числу распространённых в восточнославянском мире X–XII вв. Только у двух племён – *радимичей* и *вятичей* – они получили относительно широкое распространение.

Анализ радимичских шейных гривен показывает, что прототип многих из них находится в балтских древностях, а обычай их широкого употребления обусловлен включением в этногенез этого племени балтских аборигенов. Распространение шейных гривен в ареале *вятичей* также отражает взаимодействие славян с балтами. Среди вятичских украшений есть шейные гривны, неизвестные в других древнерусских землях, но имеющие полные аналогии в летто-литовских материалах (Седов, 1970, с. 138–140; Хабургаев, 1980, с. 95–99).

Появившееся в последнее время в околонаучных кругах сомнение в происхождении этнонима «Вятичи» от антропонима *Вячеслав*, далеко от истинного положения вещей и смахивает на этимологическую глупость, бездумно заимствованную авторами интернет-сайтов из научных, но кабинетных этимологий. Так, польский лингвист Станислав Роспонд предложил гипотезу о происхождении этнонима *Вятичи* от индоевропейского *ven-t* – "мокрый, влажный" (праславянское *vet*), т.е. "жители воды" (Роспонд, 1972, с. 40). Эта гипотеза служит типичным примером «кабинетной» этимологии, которая не учитывает географические реалии. А что, другие славяне не жили у рек и озёр или не обожествляли водную стихию? Почему именно *вятичей* здесь надо было выделить? При этом С. Роспондом не учитывается такой факт, как изначальное поселение вятичей на Верхней Оке – реке весьма малой по объёму воды не в пример другим славянским племенам, осевшим на гораздо более полноводных реках и озёрах, но почему-то от этого ставших менее «мокрыми» и «водяными», чем вятичи.

Изучая типы славянских этнонимов, а также их связь с гидронимами, О.Н. Трубачёв отмечал, что есть прямое соотношение между этническими особенностями разных народов и способами образования этнонимов. У славян многие этнонимы обязаны своим возникновением рекам: *ободриты,* которое означает 'жители по реке Одеру'; словене *ильменские* – 'жители озера Ильмень'; *полочане* – 'жители по реке Полоте'; *бужане* – 'жители по реке Буг'. Параллели из этнонимии кельтов, иллирийцев, фракийцев многочисленны: *Ambisontes* – 'племя по обе стороны реки Изонты', *Narensioi* – 'жители по реке Нарон', *Ambarri* – 'племя по обе стороны реки Арар'. Племя *Ижора* получило название от р. Ижоры. То же самое касается и балтийского племени *Дайнава,* которое произошло от одноимённой реки в Литве. Древние пермяне (предки современных коми и удмуртов) употребляли слово *кам* для обозначения главной реки и племени, проживавшего в её бассейне (этноним *ком, кам*) – современная р. *Кама* и народ *Коми* (Агеева, 2012, с. 112–119). В нашем слу-

а — ареалы археологических культур:
1 — тушемлинской;
2 — позднедьяковской;
3 — мощинской;
4 — колочинской;
5 — пражско-корчакской;
6 — пеньковской;
б — распространение волынцевских древностей;
в — территория именьковской культуры;
г — ареал болгарских племён и направление их миграции на среднюю Волгу.

Рис. 2. Юго-Восточная Европа накануне становления волынцевской культуры

чае вятичи должны были называться «*Окцы*», жители по реке Оке, но не обезличенно «жители воды», как считает С. Роспонд, тем более что практически все славяне вообще не представляли себе жизни без водной стихии, которую обожествляли, и селились исключительно у воды.

На селище *Вечеславль* выявлен керамический материал волынцевской культуры древних русов. В настоящее время существование славянской волынцевской культуры (отдельно от роменской) уже не вызывает каких-либо возражений (рис. 2 и 3). По времени она предшествует

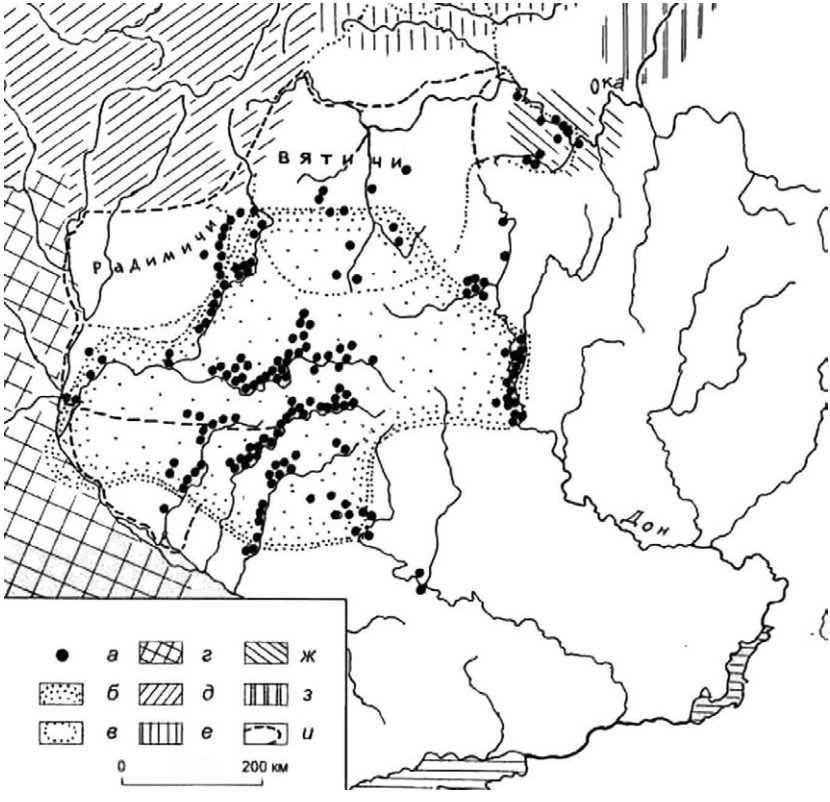

Рис. 3. Славянская волынцевская культура
Черниговская земля: *а* – памятники роменской и боршевской культуры и аналогичные древности Окского бассейна; *б* – ареал волынцевской культуры (русов); *в* – границы регионов расселения радимичей и вятичей к XII в.; *г* – ареал дулебской и антской групп восточного славянства; *д* – кривичей смоленско-полоцких; *е* – славян, представленных браслетообразными незавязанными височными кольцами; *ж* – рязанско-окских могильников; *з* – муромы; *и* – границы Черниговского и Переяславского княжеств (по А.Н. Насонову).

роменской и датируется VII–VIII вв. В последние десятилетия ранние горизонты волынцевской культуры были объектами специального анализа, проведённого археологами С.П. Юренко и О.А. Щегловой. Они датируют ранние горизонты этой культуры VII в., а поздние – VIII в. При этом переселенцы «волынцевцы» не создавали новых поселений, а подселялись к аборигенам (Седов, 1995, с. 192, 198).

Г.П. Смолицкая, составившая перечень гидронимов всего бассейна Оки, отмечает, что в верховьях Оки выявляется ареал раннесла-

вянской гидронимии. Он очерчивается между устьями рек Зуши и Жиздры в левобережье, и до бассейна р. Упы в правобережье. Особенно мощный пласт архаичной раннеславянской гидронимии отмечен между реками Зуша и Упа. В бассейнах этих рек он заметно ослабевает, а севернее, западнее и восточнее отмечен спорадически (Смолицкая, 1974, с. 59–62). Отсюда следует вывод, что раннеславянская и архаичная гидронимия в данном регионе соответствует территории распространения волынцевской культуры древних русов, до этого около трёх веков проживавших изолированно на средней Волге и нижней Каме и известных в археологии как славяне именьковской культуры (см. рис. 2).

Можно исследовать древнюю подвижность славянского ареала с помощью ономастической этимологии. Важнейшим материалом для этого служат состав и происхождение гидронимов, т.е. топонимический фактор. Однако динамика этнических передвижений отражается в топонимии не прямо, а преломлённо. Кучность однородных славянских названий как раз характеризует зоны экспансии, колонизованные районы, а отнюдь не очаг возникновения, который по самой логике должен давать неяркую, смазанную картину, а не вспышку (Трубачёв, 2013, с. 18). Это мы увидим на примере наших рек *Вырок* и списка архаичных раннеславянских гидронимов Белёвского края, составленного автором (рис. 4).

В данном случае речь пойдёт о реках *Вы́рах*, получивших названия от славянского географического термина *выр, вир* – ‘омут’, ‘пучина’, ‘углубление на дне водоёма’, т.е. ‘омутистая река’, что соответствует особенностям малых рек (Мурзаев, 1999, с. 140; Толстой, 1969, с. 212–213). В г. Белёве находятся две реки Вырки, ещё три Вырки находятся между городами Белёвом и Чекалином. Одна из *Вырок* имеет название *Малая Вырка*, а другая *Вырка* имеет приток *Малую Вырку*. *Большая Вырка* имеет два притока – *Верхнюю* и *Нижнюю Вырки*, при этом у нас уже есть *Верхняя Вырка*, есть и другая *Большая Вырка*. Все *Вырки* до XVII в. в документах именовались просто *Вырами*, как они получили эти названия исстари. Все *прилагательные* к ним появились исключительно на поздних топографических картах с целью хоть какого-то их различения (не ранее XIX в.). Эти прилагательные к *Вырам* местному коренному населению, проживающему на этих реках, *практически неизвестны и не употребляются*. Таким образом, на 30-километровом участке находятся пять рек *Вырок*, а с их при-

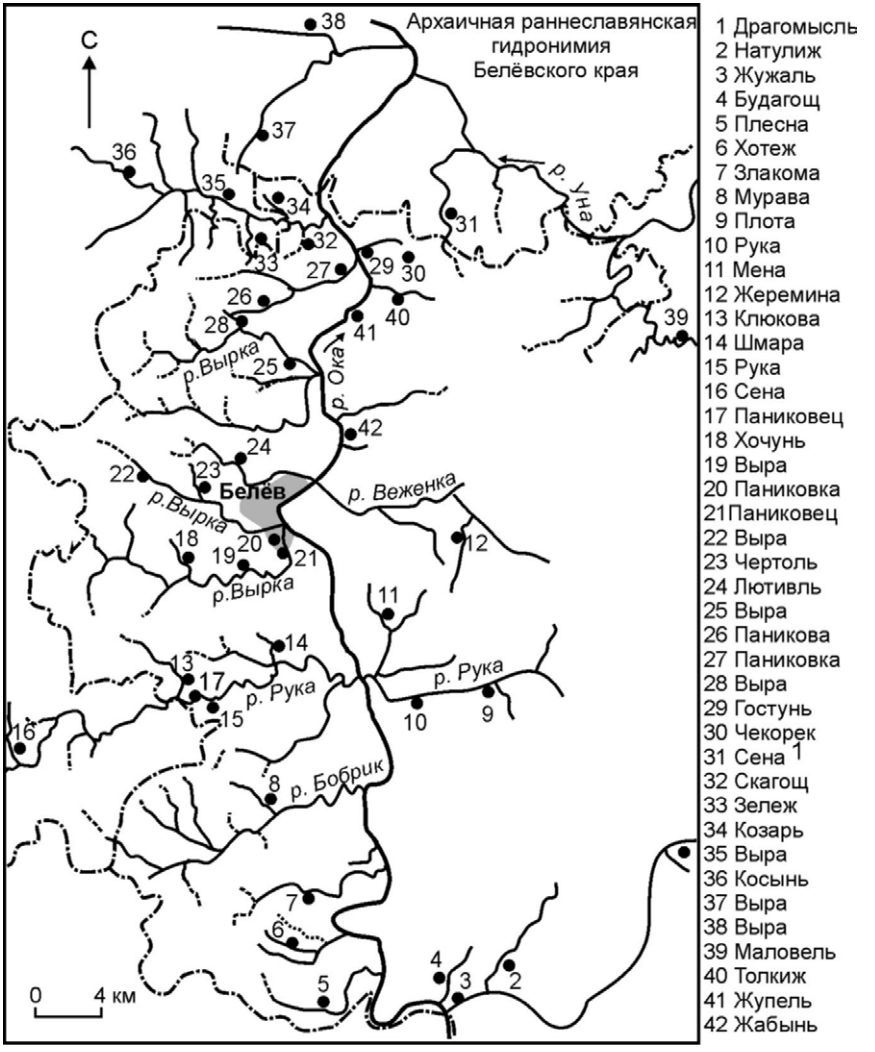

Рис. 4. Архаичная раннеславянская гидронимия Белёвского края

токами и тоже *Вырками* – восемь! Все эти *Вырки* являются левыми притоками Оки и следуют одна за другой. Исключение составляют р. Се́туха длиной 16 км (метонимическая калька *Вырке*) да ещё два ручья, пересыхающие летом, – Люти́мка и Пани́ковка. Здесь перед нами топонимический феномен, аналогов которому, пожалуй, не найти в восточнославянском мире. Вот уже на протяжении более тысячи лет

местное население испытывает определённые неудобства, связанные с различением этих *Вырок*.

Функция любого топонима заключается в различении географических объектов, выделении их по определённым особенностям, чтобы не запутывать пространственную ориентацию на местности, поскольку любое название давалось с позиции некоего сообщества, которое этот топоним сохраняло. Поэтому каждый топоним является частью какого-либо культурного ландшафта, в нашем случае очень ограниченного пространства, около 30 км. Топонимисты знают, что в одном и том же культурном ландшафте не может быть двух рек или гор с одинаковыми названиями, а здесь буквально подряд пять рек *Вырок*! Всему вышеизложенному можно найти топонимическое подтверждение на этой же территории.

В Белёвском районе находятся древние поселения, возникшие в одно время и получившие названия от четырёх родовых старшин, носивших одно имя – *Хот / Хоч: Хоте́ж, Хочу́нь, Хо́чев, Хочу́равль* (ТОИАЛМ). Интересно, что, называя свои поселения одновременно с *Вырами*, родовые старшины понимали, что их надо ещё и различать, поэтому они оформляли свои родовые поселения разными топоформантами. Другое дело Родина – р. *Выра*, священная земля предков, с которой вынужденно пришлось уйти, вот с этим свыкнуться не смогли. Аналогичная ситуация в Белёвском крае и с гидронимами, имеющими балтскую корневую основу *ист-*, – это реки *Ста́*, *Исти́чка*, *Исти́ца*, *Исти́к*, которые тоже оформлены различными топоформантами. Древние родовые центры, стоявшие на Оке, в устьях крупных рек и контролировавшие эти реки, имеют названия *Устье* – в устье р. Нугрь и *Жере́мин* – в устье р. Упы (от славянского *жере́мо* – ‘устье’). [В древнерусском языке в указанном значении известно употребление слова жерело, но отнюдь не *жеремо*. – *Прим. отв. ред.*]. Между Хотежом и Хочево – 40 км; между Истой и Истиком – 60 км; между Устьем и Жереминым – 80 км, однако все эти ойконимы и гидронимы имеют существенные топонимические отличия.

Причина возникновения такого странного топонимического явления относительно рек *Вырок* одна – *вынужденное* переселение массы славянского населения из одного региона в другой. В историческую эпоху это может быть приход на Верхнюю Оку славян под предводительством *Вятко*. Каждый славянский род, пришедший с *Вятко* на наши земли, назвал речку, на которой поселился, *Выра* в память

о вынужденно оставленной родине. Например, река Трубеж есть в Переславле-Залесском, Переславле-Рязанском и на исходной Родине – Переславле-Русском (Хмельницком). Кроме р. Трубеж, в Переславле-Рязанском и Переславле-Русском есть реки Лыбедь, а такие факты не могут носить случайный характер.

Значительная часть волынцевских и раннероменских памятников прекратили своё существование вследствие пожаров и пожаров со следами разгрома (вторая половина VIII в.). Такие поселения присутствуют на заключительном горизонте волынцевской культуры. Аналогичная картина наблюдается и в раннероменское время, представленное двумя горизонтами сожжённых поселений. Важный момент – наличие на сожжённых поселениях кладов (Кашкин, 2012, с. 92–93).

Веским аргументом в пользу рассмотренной нами версии о происхождении топонимического феномена *Вырок* может являться раннеславянский посёлок *Вечеславль*, находившийся в устье р. Сетухи и в центре территории, между пятью *Вырками*. Поскольку первые славяне подселялись к балтам, то переименовывать их *Вырку – Сетуху* не стали, со своим уставом в чужой монастырь не лезут. Сетуха является метонимической калькой р. *Вырке*, поскольку её название переводится из языка балтов, как и славянское название *Вырки*. Гидроним *Сетуха* отражает балтский апеллятив – древнелитовское *sietuva* – "глубокое место в реке, омут", что означает "омутистая река" (Агеева, 2004, с. 167). Сюда следует добавить, что вся гидронимия бассейна Сетухи (кроме сухих оврагов) является балтской (реки Во́нинец (Монинец), Дубра́ва, Челмено́к, Патро́на, Мелече́ва).

Всего в 4 км выше по р. *Сетухе* от *Вечеславля* находится самое крупное в Верхнем Поочье (в междуречье Зуши и Жиздры) селище балтов и ранних славян – *Катала́нов*. Площадь этого поселения огромна (около 50 га). Археологи его назвали мегаполисом балтов. На Катала́новском селище отмечена керамика фатьяновской культуры, всего периода раннего железного века, мощинской, волынцевской, салтовской, роменской культур, Древней Руси, и вплоть до XVII в. Это тоже очень важный факт и отнюдь не случайный: рядом одновременно и на одной реке проживали два разноэтнических племенных вождя, балтский в *Катала́нове* и славянский *Вячеслав* в *Ве(я)чеславле*. Поэтому и осталась *Сетуха* у славян непереименованной на славянский лад. И этот факт – отнюдь не случайность. Река *Сетуха* не только представляет древнейшую метонимическую кальку соседней

р. *Вырке* – она ещё у балтов одновременно была калькой балтскому названию этой *Вырки*, которая в письменных источниках XIX в. упоминается как *Вырпа*: *«В Оку около Белёва впадают 4 Выры: Волыння* (*Фатьяновская*)*, Малая в самом городе… рядом с Сетухою Вырпа, со впадающею в оною Шачею…»* (Маштафаров, 2002, с. 57).

Балтославянский гидроним *Вырпа* удивителен по той причине, что он возник ещё во времена раннего контакта балтов со славянами на рассматриваемой нами территории. Позднее он стал полностью балтским, и тогда эта река стала одновременно метонимической и простой калькой р. *Сетухе*. Сравните балтские гидронимы с формантом *-па*: *Ипа*, *Лупа*, *Риппа*, *Орпа*, *Жукопа* и др. в «Кратком топонимическом словаре Белоруссии» (Жучкевич, 1974).

Река *Вырпа* со славянской корневой основой *выр* – ‘омут’ и балтским формантом *-па* могла получить такое название при раннем контакте местных балтов с пришлыми на Верхнюю Оку славянами зарубинецкой культуры в III–IV вв. н.э. В это время из районов Среднего и южной части Верхнего Поднепровья позднезарубинецкие племена переселяются на Верхнюю Оку. Их явные следы прослеживаются археологически в Белёвском районе на селищах У́ткино-IV и Тарату́хино-V (сборы автора, ТОИАЛМ). Балтославянская почепская культура, в сложении которой сыграли роль славяне и западные балты, совместно с местными племенами восточных балтов юхновской культуры, формирует на Верхней Оке новую археологическую культуру. Так возникла мощинская культура, включавшая не только славян и пришельцев из Балтии, но и местные племена балтов. Эта культура просуществовала с IV в. до прихода сюда славян в VIII в. и постепенно была ассимилирована славянами. Славянские зарубинецкие и послезарубинецкие племена испытали на Верхней Оке сильное влияние балтов, но не смогли утвердиться в местной среде и были ими ассимилированы, поэтому носители мощинской культуры вплоть до VIII в. оставались восточными балтами (Седов, 1970, с. 41–48; Шмидт, 2001, с. 32–34; Шмидт, 2003, с. 58).

В Белёвском районе множество малых рек сохранили свои двойные названия (субстратные и славянские), данные на разных языках, что также далеко не случайно (Барбашов, 2014, с. 70–78). Примечательно, что для четырёх *Вырок* из пяти удалось установить по древним и старым письменным источникам, подкреплённым местной топонимией, их дославянские названия: *Людéма*, *Вы́рпа*, *Исти́к* и *Во́лна*.

Исключение составляет первая и самая верхняя из *Вырок*, впадающая в Оку в г. Белёве, так как в её бассейне не сохранилось ни одного дославянского гидронима (Барбашов, 2014, с. 70–73). Как мы видим, реки *Вырки* указывают на конкретное место, откуда начал шириться этноним *Вятичи*. Это не противоречит научным фактам, так как и *Вечеславль*, и *Вырки* находятся в центре черниговской волости «Вятичи» XII в. Сюда следует добавить, что данные истории, археологии и лингвистической географии по микрорегиону, изначально очерченному реками *Вырками*, совпадают. К тому же он входит в рассмотренный выше верхнеокский раннеславянский регион, ограниченный архаичными гидронимами в междуречье Зуши и Упы.

Литовский археолог и этнограф М.Б. Гимбутас составила интересную схему, на которой показаны «островки» балтского населения в X–XII вв., оставшиеся после славянской экспансии (Гимбатус, 2004, с. 157). Территориально её данные полностью совпадают с выводами Г.П. Смолицкой. Наиболее вероятно, что на этой территории разведчики князя *Вячеслава* смогли договориться с балтскими князьями и родовыми старшинами о подселении к ним. Этот вывод подтверждается таким фактом, как отсутствие в бассейнах рек *Вырок* городов-твердей (кроме Твердь-Вырска). Южнее по Оке в основном ареале расселения изначальных вятичей нет ни одного города тверди, кроме Мценска на р. Зуше, который едва ли не единственный на этой большой территории.

В междуречье Зуши и Упы находятся городища и селища, получившие свои названия от имён их основателей либо по особенностям местности. Автором отмечены крупные поселения, получившие свои названия от имён княжеского происхождения, выявленные из материалов Белёвской Вивлиофики XVI–XVII вв. и осмотренные на местности (подъёмный материал в ТОИАЛМ; рис. 5). Как мы видим, только рядом с *Вечеславлем* ещё находились родовые центры *Ду́ков* и *Люти́мль*, получившие свои названия от имён князей (они же и самые крупные селища в бассейнах рек *Вырки* (*Малой*) и *Лютимки*) и контролировавшие их бассейны. На селищах *Дуково* и *Лютимль* находится большое количество железного шлака, впрочем, как и на остальных указанных селищах княжеского происхождения. Эти факты тоже не могут быть случайными.

Наоборот, если мы города тверди, отмеченные суффиксом (топоформантом) *-ск*, наложим на схему М.Б. Гимбутас, в которой от-

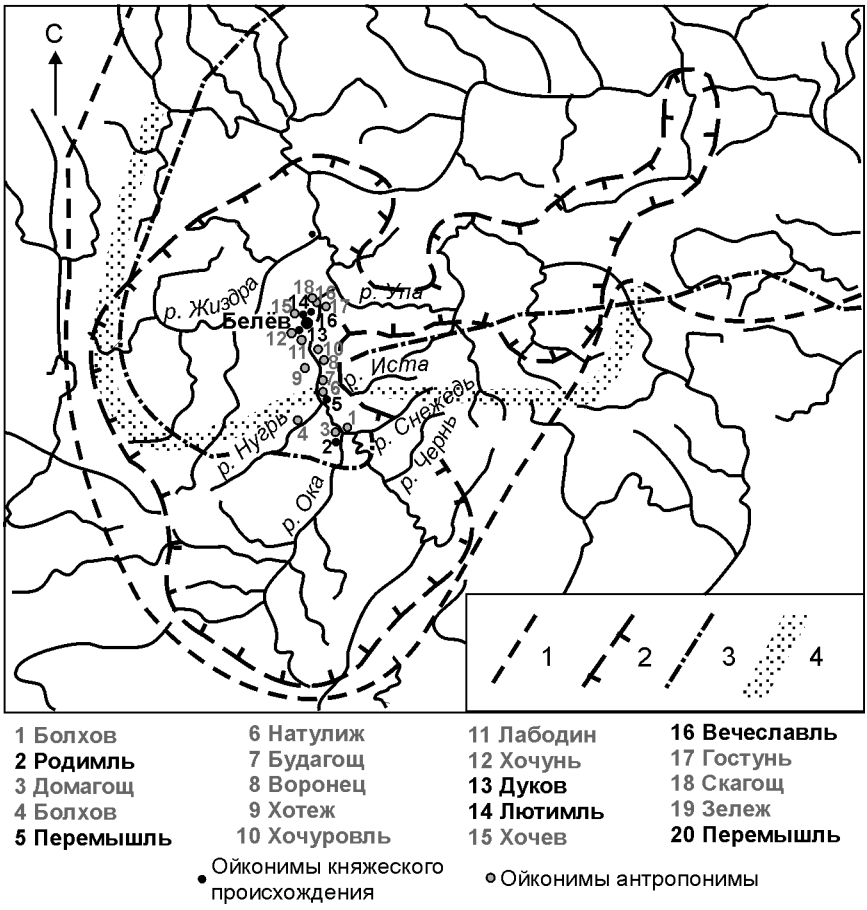

Рис. 5. Ойконимы княжеского происхождения
Границы расселения вятичей в IX–XI вв.: 1 – земля вятичей (по А.В. Арциховскому); 2 – распространение славянских памятников в IX–нач. X вв.; 3 – ареал концентрации памятников XI–нач. XII вв.; 4 – южная граница вятичей в XII в. (по А.К. Зайцеву).

мечен «островок» балтов X–XII вв., то они локально в неё впишутся. Славянский топоформант *-ск* выделяет категорию городов, изначально задуманных и построенных как тверди (ср. *Изборск*, *Смоленск*, *Брянск*, *Козельск* и т.д.). Согласно данной схеме при вхождении в «позднебалтский» ареал ранние вятичи уже на пограничных с реками Вырками территориях основывают города-тверди: Твердь-Вырск и Песко́вáтск, а рядом на Оке – Лобы́нск и Девяго́рск (Девятигорск).

Это можно объяснить несговорчивостью балтских князей в этом месте. Данный вывод не говорит о том, что колонизации балтов славянами в этом «позднебалтском» ареале не было. Но то, что ранние славяне встретили здесь определённые трудности, в результате которых ассимиляционный поток внутри этой территории мог изначально пойти по балтскому пути, очевиден и не требует дополнительных подтверждений. Впрочем, этот вывод дополнительно подтверждается известными этнографическими данными. Так, этнография районов Калуги, Москвы, Смоленска и западнее вплоть до середины XIX в. явно говорит о её балтском характере (Гимбутас, 2004, с. 156–157; Вайшкунас, 2004, с. 170).

Волынцевская археологическая культура, как было отмечено выше, была идентична на левобережье Днепра и на Верхней Оке; роменская археологическая культура, вышедшая из волынцевской в указанных регионах, также представляла собой единое целое. Если принять во внимание научную гипотезу о постепенной инфильтрации населения из Днепровского Левобережья на Верхнюю Оку, имевшую место в VIII в., то в этом регионе и следует искать р. *Выру*, и такая река есть. Река *Вира* (у курян она *Выра* – 62 км) – это левый приток р. Сейм в его нижнем течении на границе Курской и Сумской областей. На этой *Выре* находился древнерусский город *Вырь* (*Вырск*) (современное село *Виры-Старые* Белопольского района Сумской области). Эта территория входит в зону распространения волынцевской и роменской культур. Поселения этих культур изучались археологически (посёлки *Виры* и *Виры-Старые*, Белопольский район), но археологические выводы не были опубликованы (Куза, 1996, с. 22).

Таким образом, данная территория и река могли быть местом исхода для *Вятко* и его родов. Важно отметить, что в основном ареале волынцевской и роменской культур находится всего одна р. *Выра* – приток Сейма. По соседству, но за её пределами, находятся древние города Лебедин и Глинеск. За пределами верхнеокского ареала рек *Вырок*, но также по соседству с ним тоже находятся древние города *Ла́бодин* и *Гли́неск*, последний под этим именем упоминается ещё в 1565 г. – современное село *Гли́нищи* Одо́евского района Тульской области. На Лабодинском городище в Белёвском районе автором выявлена керамика мощинского, волынцевского и раннероменского типов (ТОИАЛМ).

Почему изначально *Вячеслав* со своими родами сел на Верхней Оке, в ареале, очерченном реками *Вырками*?

Во-первых, славянами стал контролироваться безволоковый водный путь по Оке в Днепр. Из огромного Самодуровского озера-болота на границе Орловской и Курской областей раньше вытекали реки Голова Оки и её приток Бобрик; с другой стороны этого водоёма выходили реки Снова и Свапа, впадавшие в Сейм.

Во-вторых, вятичи стали контролировать другой безволоковый водный путь из Оки в Дон, по которому шёл транзит серебра на Русь и Скандинавию. Из Иван-озера выходили раньше две реки – Дон и Шат, последняя впадала в приток Оки – Упу. Самая нижняя, пятая *Вырка* впадает в Оку в 2 км ниже устья Упы.

В-третьих, вятичами стал контролироваться водный путь по р. Жиздре, ведущий через систему волоков в р. Десну.

В-четвёртых, р. Сетуха и её приток Челменок текут по кромке кратера древнего палеовулкана среднедевонского периода, известного в науке как Нагóйская депрессия (рис. 6). Древние поселения *Вечеславль* и Каталанов находятся на внутренней части кромки кратера этого вулкана, над линией земного разлома (Барбашов, 2014, с. 185–197). Науке широко известен факт, что в древних поселениях, расположенных не далее 10 км от активных разломов в земной коре, проживает около 90% населения. Древние люди, обладавшие определёнными знаниями, безошибочно определяли геоактивные, благодатные места и геопатогенные – опасные для всего живого, хотя и те, и другие зоны находились в пределах земных разломов (Лихачёва, Тимофеев, 2002).

В-пятых, по этой причине рядом с древними *Вечеславлем* и Каталановом, в сёлах *Сны́хово* и *Гостýнь* (*Николо-Гастунь*), находились древнейшие культовые комплексы для всего Верхнего Поочья, причём находились они в центре кратера древнего вулкана. Автором в селе *Сныхово*, на древнем святилище, на котором до Безбожной пятилетки стояла церковь Кузьмы и Демьяна, в 2002 г. найден культовый гранитный валун яйцевидной формы, сегодня известный в научных кругах как Сныховский камень. По заключению археологов, на камне фиксируется композиция из трёх фигур: беременной бобрихи с наложенным на её нижнюю часть живота фаллосом (символом плодородия), над бобрихой выбита беременная рыба. В этой древней композиции заложена идея плодовитости и воспроизводства промысловых бобров и рыб, а через это благополучие как следствие – плодовитость первобытных коллективов. Металлические орудия камня не касались, изображения были выбиты на камне в период неолита каменными

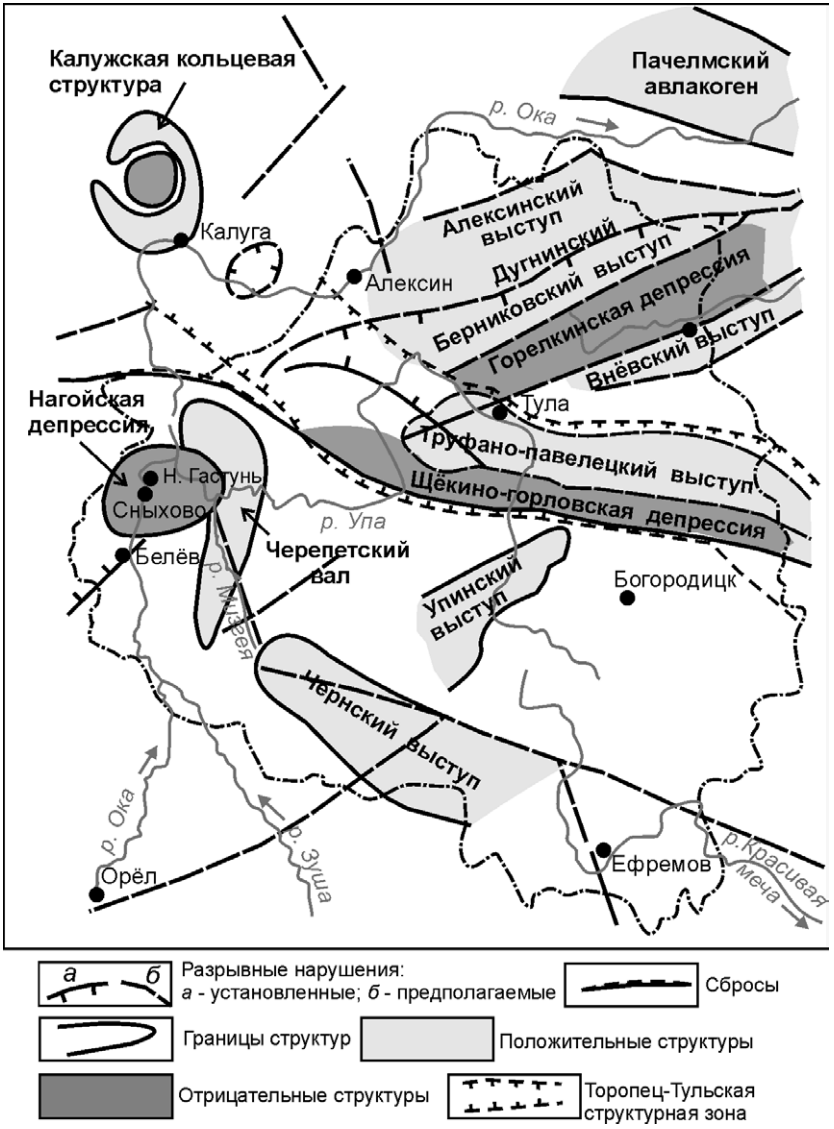

Рис. 6. Нагойская депрессия.
Схема тектонического строения Тульской области

орудиями. Датируется культовый камень IV тыс. до н.э., и сегодня это единственный артефакт того периода в Центральной России. Сейчас камень находится в краеведческом музее г. Белёва. В селе Николо-Га-

стунь самая древняя каменная церковь в Тульской области (до 1620 г.) построена внутри культового кромлеха из гранитных валунов. На одном из камней выбит круг, обозначающий солнце. Как мы видим, появление первых славян, ведомых *Вятко* именно на этой территории, произошло совсем не по воле случая.

Кстати, территория по р. Оке между городами Белёв и Калуга, ещё с периода распространения христианства на этой земле, получила название *Монастырщина*. Здесь, всего на 100 км течения Оки расположено 13 древнейших монастырей, возникших на языческих капищах и святилищах. Такой кучности древних монастырей нет во всём бассейне Оки, который равен по площади территории Великобритании. Этот факт тоже не случаен.

Совокупная топонимическая картина после нашего комплексного исследования и применения четырёх смежных научных дисциплин в этом верхнеокском регионе весьма интересна и поучительна. Она даёт веские аргументы, говорящие о том, что славянский князь *Вячеслав* привёл свои роды на Верхнюю Оку, а именно на территорию между городами *Белёвом* и *Чекалином*, в микроареал, изначально очерченный реками *Вырками*. Именно отсюда начала шириться Земля Вятичей и получил распространение славянский этноним Вятичи.

Литература

Агеева Р.А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2004. 254 с.

Агеева Р.А. Как появились названия рек и озёр. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 312 с.

Барбашов Е.Р. Река русов. Тула: Аквариус, 2014. 416 с.

Белевская вивлиофика издаваемая Н. Елагиным. Собрание древних памятников об истории Белева и Белевского уезда в 2-х томах. Т. 1. М., 1858.

Васильев В.Л. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т, 2005. 467 с.

Вайшкунас Й. Народная астрономия Белорусско-Литовского пограничья // Балто-славянские исследования. Вып. XVI. М.: Индрик, 2004. С. 168–179.

Гимбутас М. Балты. Люди янтарного моря. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 223 с.

Горбаневский М.В., Дукельский В.Ю. По городам и весям «Золотого кольца». М.: Мысль, 1983. 190 с.

Жучкевич В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск: Изд-во Белорусского гос. ун-та, 1974. 448 с.

Кашкин А.В. Археологическая карта России. Калужская область. 2-е изд. М.: Ин-т археологии РАН, 2006. 310 с.

Кашкин А.В. Роменцы в Курском Посеймье. Итоги разведочных работ от И.И. Ляпушкина до наших дней // Славяне восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы междунар. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения И.И. Ляпушкина (1902–1968 гг.), Санкт-Петербург 3–5 декабря 2012 г. СПб., 2012.

Краснов Ю.А. Археологическая карта России. Тульская область. Ч. 1. М., 1999. С. 20–21.

Куза А.В. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников. М., 1996.

Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. 3-е изд. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 392 с.

Лихачёва Э.А., Тимофеев Д.А. Рельеф среды жизни человека (геологическая геоморфология). Ч. 1. М.: Медиа-Пресс, 2002. 288 с.

Маштафаров А.В. Акты XVI в. Спасо-Преображенского монастыря г. Белёва из собраний РГАДА // Белёвские чтения. Вып. II. М.: МГУЛ, 2002. 209 с.

Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. 2-е изд. Т. I. М.: Картгеоцентр – Геодезиздат, 1999. 340 с.

Прошкин О.Л. Хронология древнерусских поселений Верхнего Поочья // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы IX науч. конф. 21–23 марта 2001 г. Ч. I. Калуга: Полиграфинформ, 2001. С. 34–41.

Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М.: Наука, 1972. С. 9–89.

Рыбаков Б.А. Мир истории. Начальные века русской истории. М.: Молодая гвардия, 1987. 352 с.

Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.: Наука, 1970. 200 с.

Седов В.В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 1999. 321 с.

Сидоров В.В. Первые вятичи на Средней Оке // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья. Материалы VI науч. конф. 28 февраля – 3 марта 1995 г. Калуга, 2004.

Смолицкая Г.П. Картографирование гидронимии Поочья // Вопросы географии. Сб. 94. Топонимия Центральной России. М.: Мысль, 1974. С. 59–69.

Тимощук Б.А. Восточнославянская община VI–X вв. н.э. М.: Наука, 1996. 192 с.

Толстой Н.И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М.: Наука, 1969. 262 с.

Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 2. Индоевропейские языки и индоевропеистика. Книга 2. М.: Языки славянских культур, 2006. 728 с.

Трубачёв О.Н. В поисках единства: Взгляд филолога на проблему истоков Руси. 3-е изд. М.: Наука, 2005. 286 с.

Трубачёв О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. 2-е изд. М.: Наука, 2013. 489 с.

Хабургаев Г.А. Становление русского языка. М.: Высшая школа, 1980. 189 с.

Шмидт Е.А. Мощинская культура в верхнем течении рек Угры и Днепра // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы VIII региональной науч. конф., 17–19 марта 1999 г. Калуга, 2001.

Шмидт Е.А. О заселении славянами Верхнего Поднепровья и смежных территорий Поочья // Материалы X региональной науч. конф. 25–27 марта 2003 г. Калуга, 2003.

УДК 801.311, 912, 321.74

Статус топонимов-советизмов в системе русской топонимии

© 2018 г. А.В. Барандеев

Топонимическая комиссия МГО РГО, Москва, Россия
abarandeev@mail.ru

The status of Soviet place-names in Russian toponymic system

A.V. Barandeev

Place-Names Commission, Moscow branch of the Russian Geographical Society, Moscow, Russia
abarandeev@mail.ru

The article deals with such special ideological layer of place-names as Soviet toponyms. It is the history of its forming that is under consideration. Thematic groups of the vocabulary were chosen for this category of names, their substance and status were discovered. The causes of non-stable spelling were found for place-names with the first component *Novo-*, and some arguments were suggested in favour of writing such kind of names in one.

Keywords: ***Soviet toponyms, thematic groups, spelling, status, unification.***

В статье проанализирован особый идеологический пласт в русской топонимии – топонимы-советизмы. Рассмотрена история формирования данной категории топонимов, формирующих определённые тематические группы, и определены их содержание и статус. Выявлены причины нестабильной орфографии топонимов с первым компонентом *Ново-*. Предложены аргументы в пользу унификации орфографии топонимов данного типа.

Ключевые слова: ***орфография, статус, тематические группы, топонимы-советизмы, унификация.***

Топонимы как особый разряд имён собственных уникальны по своей социальной природе. Они сопровождают человека от его рождения до последних дней жизни и даже после них. Топонимы заключают в себе ценную культурно-историческую информацию, указывая на время заселения территорий определёнными этносами, на свою языковую принадлежность, на мотивы номинации и на многое другое. Поэтому далеко не случайно в цивилизованном мире топонимы имеют статус ценных памятников материальной и духовной культуры народа. Однако топонимы – наименее защищённая от произвола власти часть имён собственных, испытывающая во все времена мощное воздействие многих экстралингвистических факторов.

В дореволюционной России переименование (деноминация) географических объектов не имело регулярного характера в отличие от России послеоктябрьской. Взяв на вооружение опыт Великой французской революции 1789–1794 гг., советская власть стала активно искоренять неугодные названия, заменяя их новыми. В топонимической литературе справедливо указано на глобальный характер таких переименований (Мурзаев, 1995).

По мнению А.М. Селищева, топонимическая специфика революционной эпохи заключается в следующем: «Чем глубже происходящие процессы в общественно-экономической и политической жизни страны, тем сильнее *сдвиги* в топонимии, как и в других областях языковой деятельности. Многочисленные новые наименования населённых пунктов, появившиеся после Октября, ярко *отражают содержание своей эпохи. <…> Не менее значительна и самая форма новых названий*: во многих случаях ясно обнаруживается стремление придать форме повышенное значение, что находится в связи с общим повышенным настроением и энтузиазмом эпохи» (Селищев, 1968, с. 88–89).

В огромном репертуаре слов, рождённых Октябрьской революцией, выделяются своей чёткой идеологической направленностью следующие лексико-тематические группы топонимов.

Первая группа представлена названиями, связанными с именем В.И. Ленина и появившимися на карте России уже в 1917 г. в результате переименования малых и больших сельских населённых пунктов. Например, в честь вождя были переименованы село *Богородское* (1917 г., Кировская область), хутор *Свинарев* (1917 г., Ростовская область); сёла *Романово* (1918 г., Могилёвская область), *Талдом* (1918 г., Московская область), *Романово* (1920 г., Липецкая область), *Кольчугино* (1922 г., Кемеровская область), *Кокушкино* (1923 г., Татарстан) и др.

К концу 1923 г. насчитывалось десять сельских населённых пунктов, которым было присвоено имя вождя мирового пролетариата. В 1919 г. в Москве в его честь были переименованы *Рогожская* и *Сенная площади*, *Николо-Ямская* и *Воронья улицы* и *Симонова слобода* (Ерофеев, 1985; Поспелов, 1993, с. 3).

Весьма примечательно, что с 1920-х годов начался процесс присвоения географическим объектам имён других вождей Октябрьской революции – так политическая элита, сама того не осознавая, продолжила императорскую традицию. Среди первых были увековечены (в том числе путём переименования) имена Л.Д. Троцкого, И.В. Ста-

лина, Г.Е. Зиновьева и А.И. Рыкова: *Троцк* (с 1923 г., Гатчина); *Сталино* (с 1924 г., бывшая *Юзовка*, современный *г. Донецк*); *Зиновьевск* (с 1924 г., бывший *Елисаветград,* современный Кировоград, Кировоградская область, Украина); *Сталинград* (с 1925 г., бывший *Царицын*); *Совпосёлок имени т. Рыкова* (с 1925 г., пригород *Царицына*) (Поспелов, 1989, с. 17).

Итоги деноминационной кампании 1920–30-х годов отражены в официальном справочнике (АТД, 1940). Согласно статистическим данным, среди названий городов и посёлков городского типа имя И.В. Сталина фигурирует 10 раз, имя С.М. Кирова – 17 раз, имя Г.К. Орджоникидзе – 10 раз, имя В.В. Куйбышева – 7 раз. От пяти до семи городов и посёлков были названы именами К.Е. Ворошилова, Л.М. Кагановича, М.И. Калинина, В.М. Молотова (Поспелов, 1989, с. 18).

Вторая группа объединяет географические объекты, подвергшиеся переименованию, поскольку в их названиях фигурировали царские имена и слова *царь*, *император*. Так, изменили свои названия *г. Царевококшайск* (основан в 1584 г. на *р. Кокшайка* под названием *Царев город на Кокшайке*) – с 1919 г. *Краснококшайск* (совр. Йошкар-Ола); *г. Екатеринодар* – с 1920 г. *Краснодар*; *г. Царевоса́нчурск* (впервые упоминается в 1584 г. как царское укрепление в пограничной полосе) – с 1923 г. *Са́нчурск* (Кировская обл.); *залив Императорская Гавань* – с 1923 г. *Советская Гавань* (залив в Японском море, Хабаровский кр.) и т.п.

Третью группу формируют имевшие религиозное содержание названия внутригородских столичных географических объектов и городов, например: в 1918 г. *Воскресенская пл.* (названа по выходящим на неё Воскресенским воротам Китай-города, дорога от которых вела к Воскресенскому монастырю на Тверской ул.) стала *пл. Революции*; в 1919 г. *Большая* и *Малая Алексеевские ул.* (названы по церкви Алексия-митрополита, известной с 1625 г.) – *Большой Коммунистической ул.* (с 2008 г. – *ул. Александра Солженицына*); в 1930 г. *Никольская ул.* (названа в XVI в. по монастырю Никола Старый) – *ул. 25 Октября* (с 1991 г. – снова *Никольская*) и др.

Аналогичной деноминации подверглись города *Воскресенск* (назван по церкви Воскресения Христова) – с 1930 г. *Истра* (Московская обл.); *Богородск* (образован как город в праздник Покрова Пресвятой Богородицы) – с 1930 г. *Ногинск* (Московская обл.); *Сергиев Посад* (назван в честь Сергия Радонежского) – с 1930 г. *Загорск* (по партийному псевдониму В.М. Лубоцкого *Загорский*) и т.д.

Четвёртая группа представлена в целом немногочисленными образованиями-переименованиями, связанными с восстановлением

национальных форм топонимов как одной из форм реализации идеи о праве наций на самоопределение. Например, укрепление *Пе́тро-Алекса́ндровск*, основанное в 1873 г. в низовье Амударьи, – с 1920 г. *Турткуль*; укрепление *Верное*, заложенное в 1854 г. в урочище Алматы́ (с 1885 г. *Верный*) – с 1921 г. *Алма-Ата*; *Пржевальск* – с 1921 г. *Карако́л*; *Петровск-Порт* (с 1857 г.) – с 1922 г. *Махачкала*; *Скобелев* (с 1907 г.) – с 1924 г. *Фергана* и некоторые другие.

В результате данного позитивного преобразования русская форма иноязычных топонимов была приближена к их фонетическому облику и произношению в языках-источниках: *Ашхабад* вместо *Асхабад*, *Батуми* вместо *Батум*, *Ереван* вместо *Еривань*, *Сухуми* вместо *Сухум*, *Тбилиси* вместо *Тифлис*. Ср. совр. офиц. *Алматы*, *Кызылорда*.

Пятая группа включает топонимы, в словообразовательной структуре которых фигурирует прилагательное *Красный*, но не как обозначение цвета и не в значении ‘красивый’, а в идеологическом значении ‘революционный’. Группа представлена также сложными топонимами с основой *Красно-*. Например: *Красный Боец* (с 1918 г., Саратовская область), *Красный Сули́н* (с 1920 г., Ростовская область), *Красный Луч* (с 1920 г., Луганская область Украины), *Красный Текстильщик* (с 1929 г., Саратовская область), *Красный Боевик* (с 1930 г., Тамбовская область); *Красноград* (с 1922 г., Харьковская область Украины), *Красноусо́льский* (с 1928 г., Башкирия), *Краснокамск* (с 1929 г., Пермская область), *Красногорск* (с 1932 г., Московская область) и мн. др. (Поспелов, 1990).

Шестую группу формируют топонимы-советизмы с первым компонентом *Ново-*, которые построены по словообразовательной модели, известной в русской топонимии с XVIII в.: *Новохоперск* (с 1768 г., Воронежская область), *Новоржев* (с 1777 г., Псковская область), *Новоград-Волынский* (с 1796 г., Житомирская область Украины).

В советский период резко увеличивается количество названий такого типа, которые присваиваются новым городам и посёлкам. Например: *пос. Новосокольники* (с 1925 г. – город, Псковская область); *г. Нововолынск* (с 1950 г., Волынская область Украины); *г. Новокуйбышевск* (с 1952 г., Самарская область); *пос. Новополоцк* (с 1963 г. – город, Витебская область Белоруссии); *пос. Новочебоксарск* (с 1965 г. – город, Чувашия); *пос. Новоульяновск* (с 1967 г. – город, Ульяновская область); *пос. Новокубанское* (с 1966 г. – *г. Новокубанск*, Краснодарский край) и мн. др.

Анализ топонимов данного типа, содержащихся в официальном справочнике (СССР…, 1974), свидетельствует о том, что к середине 1970-х годов

насчитывалось более ста названий городов и посёлков с первым компонентом *Ново-*, которые возникли за период с 1920 по 1974 г. Особенно много таких топонимов появилось на карте СССР в 1950–60-е годы (51 название).

Использование таких названий для номинации различных географических объектов оказывается рационально удобным. Образующиеся коррелятивные пары топонимов отражают известную преемственность в общей системе русской топонимии, поскольку демонстрируют неразрывную связь исторического прошлого с настоящим: *Полоцк – Новополоцк*, *Ульяновск – Новоульяновск* и т.п. Другим преимуществом таких названий служит чёткое проявление адресно-ориентирующего признака, указывающего на то, что рядом со старым населённым пунктом расположен новый: в 12 км от *Полоцка* расположен *Новополоцк*, а в 26 км от *Ульяновска – Новоульяновск* и т.п. (Барандеев, 1977, с. 102–106; Шанский, 1985, с. 86).

Широкое распространение в русской топонимии названий указанного типа, к сожалению, сопровождается их неустойчивой орфографией, представленной в широкой практике печати то в виде слитного написания элемента *Ново-*, то в виде дефисного, на что мы обратили внимание 40 лет тому назад (Барандеев, 1975, с. 66–70). В действующем до сих пор (нонсенс!) Орфографическом своде 1956 г. предложена компромиссная формулировка правила: названия данного типа предложено писать **через дефис**, «<…> кроме тех, слитное написание которых закрепилось в справочных изданиях, на географических картах и т.п. <…>» (Правила…, 1956, с. 39). Однако критерий закреплённости в данном случае не действует, поскольку пишущему практически невозможно учесть всех случаев закреплённости/незакреплённости.

В новой редакции Орфографического свода 1956 г. топонимы с первыми компонентами *Старо-*, *Верхне-*, *Нижне-*, *Средне-*, *Ближне-*, *Дальне-*, а также *Бело-*, *Красно-*, *Чёрно-* и т.п. предложено писать **слитно**. Весьма примечательно, что первый элемент *Ново-* в этом перечне отсутствует, поскольку для топонимов, включающих его, «нормализаторы» предложили без всяких на то оснований разнобойное написание, серьёзно расшатывающее общее правило. В примечании к правилу о слитном написании географических названий читаем: «Первая часть *Ново-* может писаться в таких названиях как слитно, так и через дефис, напр.: *Новомосковск*, *Нововязники*, но: *Ново-Переделкино*, *Ново-Косино*, *Ново-Огарёво*» (Правила…, 2006, с. 131).

Возникает вопрос, почему среди примеров здесь фигурирует именно топоним *Ново-Огарёво*? Не потому ли, что «нормализаторы» хотели

разнобойным написанием подчеркнуть особый статус обозначенного топонимом объекта, но фактически дискредитировали его орфографически (в Интернете, к сожалению, уже закрепилось дефисное написание данного топонима).

По нашему глубокому убеждению, с учётом картографической и широкой практики печати топонимы с первой частью *Ново-* во всех без исключения случаях следует писать **слитно**, поскольку в структуре названий данного типа господствуют *подчинительные* отношения между компонентами, что должно быть логически реализовано только в **слитном** написании (Барандеев, 2009, с. 210–211; Барандеев, 2017, с. 192–193). В картографической практике советского периода это правило было чётко узаконено и строго соблюдалось (Правила…, 1967, с. 11), хотя в широкой практике печати имели место разнобойные написания. К сожалению, такие написания стали характерны и для современной картографической практики, например: *Ново-Дурово*, *Ново-Александровка – Новобараково*, *Новобокино* и т.п. (Атлас, 2008, с. 60). Впрочем, в авторитетных произведениях отечественной ономастической лексикографии топонимы указанного типа представлены в правильном написании (Имена…, 2007; Агеенко, 2010, с. 509–512; Суперанская, 2013, с. 84).

Рассмотренные лексико-тематические группы, естественно, не исчерпывают всего многообразия семантических и структурно-словообразовательных типов топонимов-советизмов, рассмотренных ранее в топонимической литературе (Селищев, 1968, с. 45–96; Вопросы…, 1985; Бондарук, 1990; Никитин, 2001, 2003).

К середине XX в. весьма определённо проявились негативные последствия предшествующих наименований и переименований. Так, в 1960 г. в столичной внутригородской топонимии после установления границ Москвы по МКАД насчитывалось 20 одноимённых *Советских* улиц, располагавшихся в разных районах (*Кунцево*, *Вешняки, Бабушкин*, *Люблино*, *Перово* и др.). Наличие таких дублирующих названий лишало их важной адресно-ориентирующей функции и приводило к путанице, поэтому в 1962–1986 гг. постепенно название *Советские* улицы было решено заменить на другие.

В последующее время многие топонимы-советизмы также не избежали переименований: в постсоветский период их сменили старые, но возрождённые названия. Причём некоторые населённые пункты деноминировались до пяти раз (!), что резко нарушало стабильность топонимической системы русского языка. Среди многочисленных серий переи-

менований такого рода отметим следующие: *Пермь – Молотов – Пермь*; *Бердянск – Осипенко – Бердянск*; *Нижний Новгород – Горький – Нижний Новгород*; *Тверь – Калинин – Тверь*; *Екатеринбург – Свердловск – Екатеринбург*; *Луганск – Ворошиловград – Луганск – Ворошиловград – Луганск*; *Рыбинск – Щербаков – Рыбинск – Андропов – Рыбинск*; *Дзауджикау – Владикавказ – Орджоникидзе – Владикавказ*.

В результате такой деноминации некоторые населённые пункты, полностью сменив свои исконные названия, стали исторически абсолютно неузнаваемы, поскольку утратили генетическую связь с исходно-мотивирующей формой древнего топонима, с его языковой принадлежностью. Например: *Царицын* (< тюркск. *сары* ‘жёлтый’ + *су* ‘вода’) – *Сталинград – Волгоград*; *Саарское село* (финск. *saari* ‘остров’) – *Царское Село – Детское Село – Пушкин*; *Юзовка* (англ. антропоним *Хьюз*) – *Сталино – Донецк* и т.п.

Топонимы-советизмы как памятники ушедшей эпохи сохранились и на современной карте России. Некоторые из них неоднократно повторяются в разных регионах: *Заветы Ильича*, *Всходы Октября*, *Заря Свободы*, *10-й год Октября*, *Красный Октябрь*, *Великий Октябрь*, *Красный Пахарь*, *Красный Балтиец*, *Красный Богатырь*, *Страна Советов*, *Новый Мир*, *Новый Свет, Новый Быт*, *Новая Жизнь*, *Колхозная Ахтуба*, *Вторая Пятилетка*, *Разумный Труд*, *Волна Революции* и т.п.

Интересно, что ряд топонимов-советизмов образован по достаточно редким топонимическим моделям номинативно-лозунгового характера: *Серп и Молот* (Владимирская область); *Плуг и Сеялка*, *За Темпы* (Пензенская область); *Третий Решающий* [год пятилетки. – *А.Б.*] (Волгоградская область) (рис. 1).

В отдельных российских регионах топонимы-советизмы до сих пор представлены достаточно компактным массивом названий. Например, в восточной части побережья Волгоградского водохранилища встречаем многочисленные топонимы рассмотренного типа: *Искра*, *Ленинское, Комсомолец*; *Светлый Быт*, *Маяк Октября*, *Путь Ильича* и др.

В системе русской топонимии названия-советизмы – яркая страница, которую невозможно ни вырвать, ни переписать, как бы мы ни относились к итогам Октябрьской революции. История топонимов-советизмов весьма поучительна и может помочь найти обоснованное решение актуальной проблемы номинации/деноминации географических объектов. В современную эпоху разгула экстремизма, национализма и вандализма географические названия как ценные памятники

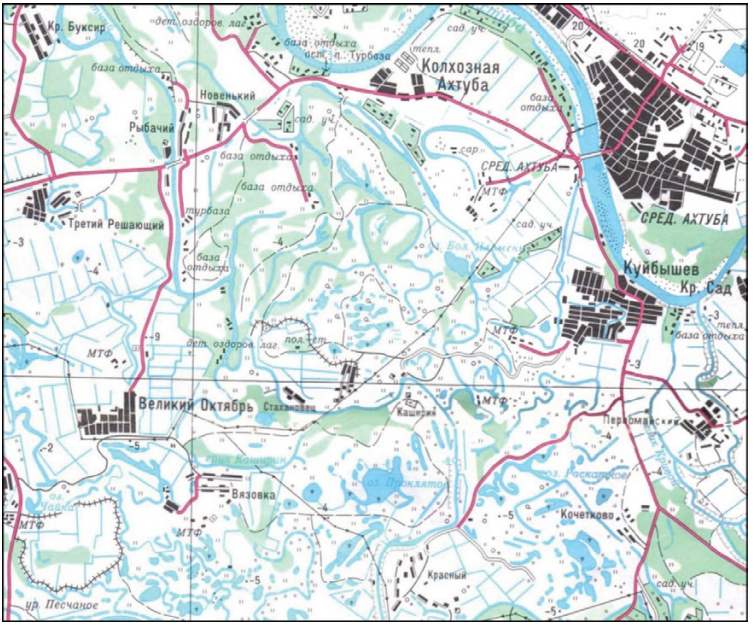

Рис. 1. Топонимы-советизмы на карте Волгоградской области

материальной и духовной культуры народа особенно нуждаются в охране согласно продуманной языковой политике (Барандеев, 2010).

Литература

Агеенко Ф.Л. Словарь собственных имён русского языка. Ударение. Произношение. Словоизменение. М.: Мир и Образование, 2010. 880 с.

АТД – СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1 мая 1940 г. М.: Изд-во Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1940. 411 с.

Атлас «Рязань. Рязанская область». Вып. 4. М.: Полиграфинвест, 2008. 64 с.

Барандеев А.В. Неупорядоченное написание // Русская речь. 1975. № 1. С. 66–70.

Барандеев А.В. Новые названия на карте СССР // Русская речь. 1977. № 5. С. 102–106.

Барандеев А.В. О пользе новой редакции правил русского правописания для орфографии топонимов // Вопросы географии. Сб. 132. Современная топонимика. М.: Наука, 2009. С. 207–214.

Баранdеев А.В. Нужно ли переименовывать географические объекты? // Русский язык в школе. 2010. № 6. С. 89–95.

Баранdеев А.В. История географических названий: Русская топонимия в терминах. 4-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2017. 320 с.

Бондарук Г.П. Новые названия на территории СССР // Топонимика СССР. М.: Московский филиал ГО СССР, 1990. С. 81–86.

Вопросы географии. Сб. 126. Географические названия в Москве. М.: Мысль, 1985. 224 с.

Ерофеев И.А. Имя В.И. Ленина на карте Москвы // Вопросы географии. Сб. 126. Географические названия в Москве. М.: Мысль, 1985. С. 24–32.

Имена московских улиц: Топонимический словарь. М.: ОГИ, 2007. 608 с.

Мурзаев Э.М. Девятый вал переименований // Топонимика и география. М.: Наука, 1995. С. 214–244.

Никитин С.А. Концепция советского топонима (по архивным материалам первых лет советской власти – 1918–1926 гг.) // Toponimia i oronimia. Kraków, 2001. С. 363–372.

Никитин С.А. Лингвистические аспекты переименований географических объектов в России: дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. М., 2003. 220 с.

Поспелов Е.М. Персональные мемориальные названия // Топонимия и общество. М.: Московский филиал ГО СССР, 1989. С. 35–52.

Поспелов Е.М. Переименования городов и сёл в СССР // Топонимика СССР. М.: Московский филиал ГО СССР, 1990. С. 54–73.

Поспелов Е.М. Крушение мифа: создание и крах топонимической Ленинианы // Топонимия России. М.: Московский центр РГО, 1993. С. 3–9.

Правила русской орфографии и пунктуации. М.: Учпедгиз, 1956. 176 с.

Правила написания на картах географических названий СССР. 2-е изд. М.: Недра, 1967. 27 с.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник. М.: Эксмо, 2006. 480 с.

Селищев А.М. Из старой и новой топонимии / Избранные труды. М.: Просвещение, 1968. С. 45–96.

СССР. Административно-территориальное деление союзных республик. М.: Известия, 1974. 704 с.

Суперанская А.В. Словарь географических названий. М. АСТ-ПРЕСС- КНИГА, 2013. 208 с.

Шанский Н.М. Двуосновные названия городов в русском языке / Русское языкознание и лингводидактика. М.: Русский язык, 1985. С. 82–94.

УДК 801.311, 81.373.2, 912, 811.133.1

Некоторые аспекты передачи онимов России в трудах французских путешественников XVI и XVIII вв.

© 2018 г. В.Е. Смирнова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
veras777@mail.ru

Some aspects of the translation of Russian place-names in the works of French travellers in XVI and XVIII centuries

V.Ye. Smirnova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
veras777@mail.ru

This article contains the analysis of Russian onyms as they are represented in literary works written by French travellers in the 16th and 18th centuries. As a result, some methods have been found, which were used by those French authors for the translation of Russian proper names. They are: adaptation, transcription / transliteration, translation of loan-words. Every method has its peculiarities for a certain historical period, and it reflects the degree of cultural interaction between France and Russia. The French authors try to show not only the names of large settlements or hydrographic objects, but also the names of smaller objects that are important for economic cooperation with Russia: e.g. ports, custom-houses, store-houses. The influence of English elements adapted earlier has been noted, as well as referent correlation of a central appellative with several objects at the same time.

Keywords: ***onyms, methods, translation, culture, cooperation, France, Russia.***

Статья посвящена анализу русских онимов, представленных в литературных трудах французских путешественников, побывавших в России в XVI и XVIII вв. Определены методы перевода французскими авторами русских собственных имён: адаптация, транскрипция/транслитерация, перевод заимствованных слов. Каждый метод имеет специфику для определённого исторического периода и отражает степень культурного взаимодействия между Францией и Россией. Французские авторы в своих трудах стремились зафиксировать не только названия больших поселений или гидрографических объектов, но и названия более мелких объектов, важных для экономического сотрудничества с Россией: например, портов, таможен, складов. Отмечено влияние ранее адаптированных английских элементов, а также референтное соответствие центрального апеллятива с несколькими объектами в один и тот же период.

Ключевые слова: ***онимы, методы, перевод, культура, взаимодействие, Франция, Россия.***

Первые франко-русские контакты относятся к XVI в., именно тогда Франция проявила интерес к России в связи с победами русских войск в Ливонии (Haumant, 1913, с. 2). Англия и Голландия с 1553 г. уже имели в России торговые привилегии (Vianey, 2012, с. 1, 3). Франция тоже стремилась завязать экономические и политические отношения с Россией, и в 1586 г. была организована торговая экспедиция французского моряка Жана Соважа из Дьеппа в Архангельск. Путь пролегал вдоль побережья Норвегии, через Северный мыс, вдоль Кольского полуострова, мурманского побережья, в Белое море до устья Северной Двины и далее по её течению до современного Архангельска, куда Ж. Соваж прибыл в конце июня 1586 г. Целью экспедиции было не только заключение торговых контрактов, но и получение информации о культуре, языке, географии страны, с которой предполагалось дальнейшее сотрудничество.

Рассказ капитана Ж. Соважа о путешествии в Россию Северным морским путём является первым письменным свидетельством прямого контакта между Россией и Францией. В данной статье делается попытка проанализировать названия, содержащиеся в тексте документа. Для сопоставления материалом исследования также будет служить книга «Путешествие в Сибирь» французского аббата Ж.-Ш. Д'Отроша, который посетил Россию в 1761 г. Он выехал из Парижа в ноябре 1760 г., проехал через Страсбург, Вену, Варшаву, Ригу, Санкт-Петербург, Москву, Новгород, Вятку, Соликамск и прибыл в Тобольск в апреле 1761 г.

Задача данной работы – выделить и проанализировать онимы России в письменных высказываниях французов о России XVI и XVIII вв., исследовать способы их передачи в языке, выявить их общие черты и особенности.

Начнём с XVI в. и рассмотрим онимы в порядке убывания их частотности в тексте. Самую высокую частотность (12 употреблений) имеет топонимическая единица *Saint-Nicolas* (Святой Николай). Топоним представлен уже в названии отчёта французского моряка: «La route et la saison qu`il faut prendre pour faire le voyage de *Saint-Nicolas pays* de Moscovie par le Nord (Путь и время года, которые нужно выбрать для путешествия в Святой Николай в Московии через Север)».

Чтобы соотнести топоним с реальными объектами, целесообразно обратиться к тексту Ж. Соважа: «Когда англичане платят на таможне, они оставляют товары на мелководье, чтобы идти в Святой Николай, так как большие корабли не могут преодолеть этот участок и необходимо, чтобы они оставались у острова Святого Николая, который до-

Рис. 1. Остров Ягры

вольно большой, и на котором находится башня Святого Николая, она очень высокая, и её видно далеко из моря. На острове всего два или три дома для солдат, которые охраняют башню» (Vianey, 2012, с. 71). Если тот участок земли, о котором пишет Ж. Соваж, действительно был островом, то наиболее вероятно, что речь идет об острове Ягры, который находится в устье Северной Двины (рис. 1).

В середине XVI в. на нём была построена стоянка, названная «Рейд Святого Николая», где находились склады и жилые дома, жители которых перегружали грузы с крупных морских судов на мелкие, везли

их в Холмогоры и далее в Россию, что совпадает с описанием французского путешественника. На этом острове была также бухта или гавань Святого Николая, упомянутая в рассказе английского путешественника Антония Джейкинсона из Лондона в Москву в 1557–1558 гг.: «Инструкции, данные шкиперам и матросам флота, отправляющего в нынешнем 1557 году в бухту св. Николая в России…» (Английские…, 1937, с. 69), в пометке также значится, что со времени прибытия английского путешественника, предшественника Ж. Соважа Ричарда Ченслора к устью Двины (1553 г.), Двинская губа, а затем всё Белое море, получило название *бухты св. Николая*. Это объясняет и смысл выражения *aller a Saint-Nicolas* (идти в Святой Николай), *entreprendre le voyage …à Saint-Nicolas* (предпринять путешествие в Святой Николай).

Более неоднозначна ситуация с «башней». Современный французский исследователь текстов рукописи Б. Виане полагает, что под топонимической единицей *Saint-Nicolas* автор имеет в виду монастырь, расположенный в устье Северной Двины, перед которым англичане бросали якорь, чтобы пересесть в более маленькие суда и идти далее вверх по течению Северной Двины (Vianey, 2012, с. 59). Монастырь святого Николая упоминается также в истории о путешествии Р. Ченслора: «24 августа 1553 г. он приплыл в устье Северной Двины к монастырю «святого Николая» (Английские…, 1937, с. 12). Действительно, монастырь Святого Николая находился в устье Северной Двины, до XVII в. устье называлось Корельским, а затем Никольским, монастырь совместил в себе оба названия и со временем стал называться Николо-Корельским, или Николаевским Корельским (Денисов, 2007, с. 7), на его территории в XV в. была построена церковь Святого Николая. Но этот монастырь находился и находится не на острове, а на материке, как раз напротив острова. В 1930-х годах вокруг монастыря был организован рабочий посёлок, впоследствии город Молотовск – современный Северодвинск (рис. 2).

Таким образом, одно и то же название француз мог присвоить четырём объектам Русского Севера: острову Ягры; башне, находящейся на нём; Двинской губе или Белому море в целом; Николо-Корельскому монастырю.

Номинация населённых пунктов или их частей по церкви/монастырю – достаточно распространённое явление в топонимии. Так, Е.М. Поспелов указывает на ряд однокоренных топонимических единиц, образованных путём переноса имени Святого Николая Чу-

Рис. 2. Современная фотография Николо-Корельского монастыря: Никольский собор

дотворца с названия церкви на ближайшие географические объекты: *г. Николаевск* (Волгоградская обл. – от Николаевской слободы 1747 г.), *Никольск* (Вологодская обл. – от Никольской слободы, села Никольское XVIII в.), *г. Никольск* (Пензенская обл. – XIX в.), *г. Николаев* (Украина, XVIII век) (Поспелов, 2007, с. 352–353). Аналогичный процесс можно наблюдать и во франкофонной среде: коммуна в Нормандии *Saint-Nicolas-d`Aliermont* (по имени прихода Святого Николая, созданная в 1208 г.), *quartier Saint-Nicolas* в Намюре, в Бельгии, *village de Saint-Nicolas*, основанная в 1694 г. французскими колонизаторами в Квебеке.

Из приведённых примеров видно, что в русской традиции перенос имени святого на географический объект сопровождается морфологическими изменениями имени, во французском же аналитическом языке словоизменение отсутствует, но при этом сохраняется составная часть *Saint* (Святой). Невозможно достоверно знать, в какой форме и от кого (русских или ранее иностранцев) данный русский топоним был впервые воспринят французом, но французский традиционный тип передачи, который выявлен в тексте Ж. Соважа, может свидетельствовать о преобладающем влиянии экстралингвистических факторов, таких как, например, роль Святого Николая в христианской культуре XVI в.

Николай Чудотворец считался покровителем мореходов, рыбаков, охотников как у поморов Русского Севера, так и среди французских

моряков. Этим фактом объясняется высокая частотность названия в русской топонимии и во французском тексте, и узнаваемость иностранными представителями христианской культуры, и быстрая адаптация имени во французском языке. Один из основоположников отечественной ономастики В.А. Никонов подчёркивал, что выбор названия диктуется историческими причинами, которые определяют общественные интересы (Никонов, 2011, с. 25). Освоение Севера с его суровыми условиями, зависимость человека от климата, непредсказуемость морской стихии определяла потребность человека в защите, безопасности, и эту роль выполняли святые.

Вторая по частотности топонимическая единица французского текста *Saint-Michel-l`Archange* (Святой Михаил Архангел) представляет собой именование по тому же типу. Топоним, как и в предыдущем случае, уточняется: *la ville de Saint-Michel-l`Archange* (город), *le chasteau d`Archange* (замок), *la rivière de Saint-Michel-Archange* (река). Город, в который, согласно контексту, привозили товары, предположительно будущий Архангельск. В 1586 г., когда французская экспедиция прибыла в Московию, Архангельска ещё не было. «В 1854 г. при Михайло-Архангельском монастыре (основан в XII в.) было начато строительство города, который в первые десятилетия его существования называли *Новый город*, *Новые Холмогоры*, *Новый Холмогорский город*. Названия были связаны с тем, что к этому городу перешла от с. *Холмогоры* роль главного порта на Сев. Двине. Однако жители называли его по монастырю *Архангельский город*, а с 1613 г. это название было принято к качестве офиц. <…>. Со временем название закрепляется в употреблении в форме *Архангельск*» (Поспелов, 2007, с. 53). В пяти случаях употребления из десяти топоним сокращён до *Archange* (Архангел). Подобное сокращение составного имени наблюдается и в свидетельстве XVIII в. Ж.-Ш. Д`Отроша – в его записках уже существовавший тогда Архангельск представлен транслитерацией русского слова *Archangel* (Архангел).

Что касается реки, то это название связано с топонимом *Saint-Michel-l`Archange* только в начале повествования. Далее в тексте река, протекающая через Архангел, будет названа *la rivière Divine*. В переводе с французского ‘божественная река’ угадывается попытка осмыслить и адаптировать производящую основу русского гидронима Двина, в устье которой и будет построен Архангельск.

Процесс адаптации русских названий во французском языке отражает процесс культурного взаимодействия между Францией и Рос-

сией. В XVIII в. в записках о России французский учёный уже употребляет французские эквиваленты для названий крупных русских городов и регионов: *Russie, Tartarie, Sant-Petersbourg, Moscou, Sibérie, Mer Glacial* (D'Auteroche, 1768). С 1720 г. Россия стала отправлять молодых людей учиться в Брест и Тулон морскому делу (Загрязкина, 2010, с. 12), что, вероятно, подразумевало изучение карт и обмен топографической информацией. Но в XVI в. при первом контакте французов с Россией до этого было далеко, Москва графически передана как *Moscho*, что фонетически не совсем соответствует русскому эквиваленту, но близко к варианту Климента Адамса, второго капитана корабля «Эдуард Бонавентура» в экспедиции Р. Ченслора, который передал на латыни рассказ о путешествии в Московию и обозначил Москву как *Mosco* (Английские…, 1937, с. 56). Адаптированное название у Ж. Соважа мы находим только одно: *Moscovie/Moschovie*.

В России к 1586 г. было созданы карты некоторых территорий – чертежи, самый древний из которых, по оценке В.С. Кусова, датируется 1536 г. (Барандеев, 2005, с. 22). Но получить доступ к такому чертежу французы могли только в процессе контактов с русскими, а их не было. Существовали и европейские карты, в состав которых входили российские территории, например, карта Московского государства, составленная литовским географом Антонием Видом по данным окольничего Ивана Лятцкого (Матэріалы…, 1899, с. 4). Эта карта с подписями на латинском и русском языках была опубликована в 1544 г. Себстьяном Мюнстером в сочинении «Космография», где она сопровождала описание России (рис. 3), и в 1555 г. самим А. Видом.

В 1546 г. карту Московии издаёт австрийский посол Сигизмунд Герберштейн, карта должна будет прилагаться к его ещё не вышедшей книге «Записки о Московии» (рис. 4). Карта С. Герберштейна неоднократно переиздавалась в Европе, издания выходили на разных языках. Так, в 1550 г. в Венеции вышел итальянский перевод «Записок о Московии», который сопровождала карта, гравированная итальянским картографом Яковом Гастальдо (рис. 5), а в 1557 г. появляется карта «Moscouia» для немецкого издания в Вене (рис. 6). Независимо от издания географическая номенклатура передавалась на латыни, на языке страны издания подписывались комментарии и названия карты. На всех вышеперечисленных картах, следуя С. Герберштейну или традиции, сложившёйся на данный момент в Европе, Россия названа «Московия», хотя возможны были и другие варианты, например, «Руссия»

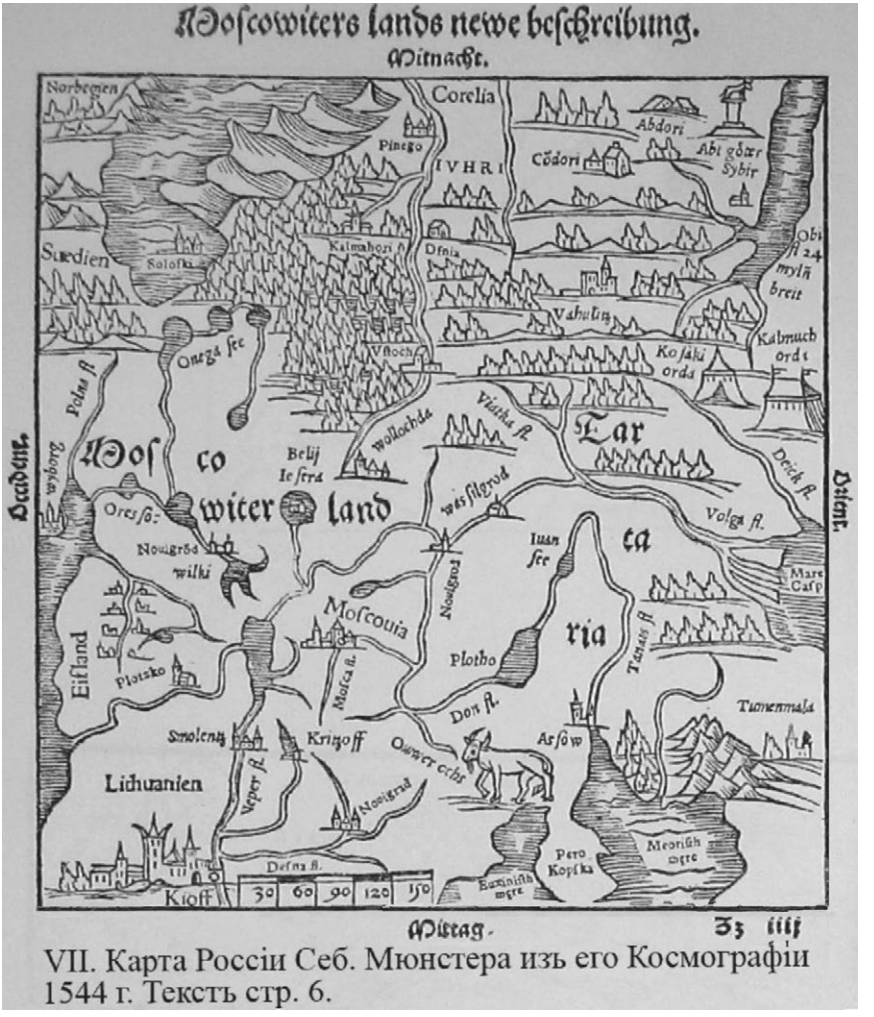

Рис. 3. Карта России С. Мюнстера (1544)

в Северной Европе. Данных о том, что к 1586 г. карта существовала на французском языке, найти не удалось. Этим, возможно, и объясняется вариативность графической передачи топонима в тексте Ж. Соважа.

Создание карты для будущих экспедиций было одним из факторов успешного экономического сотрудничества между Францией и Россией. В тексте прослеживается попытка фиксирования новых географических объектов, важных с точки зрения передвижения и

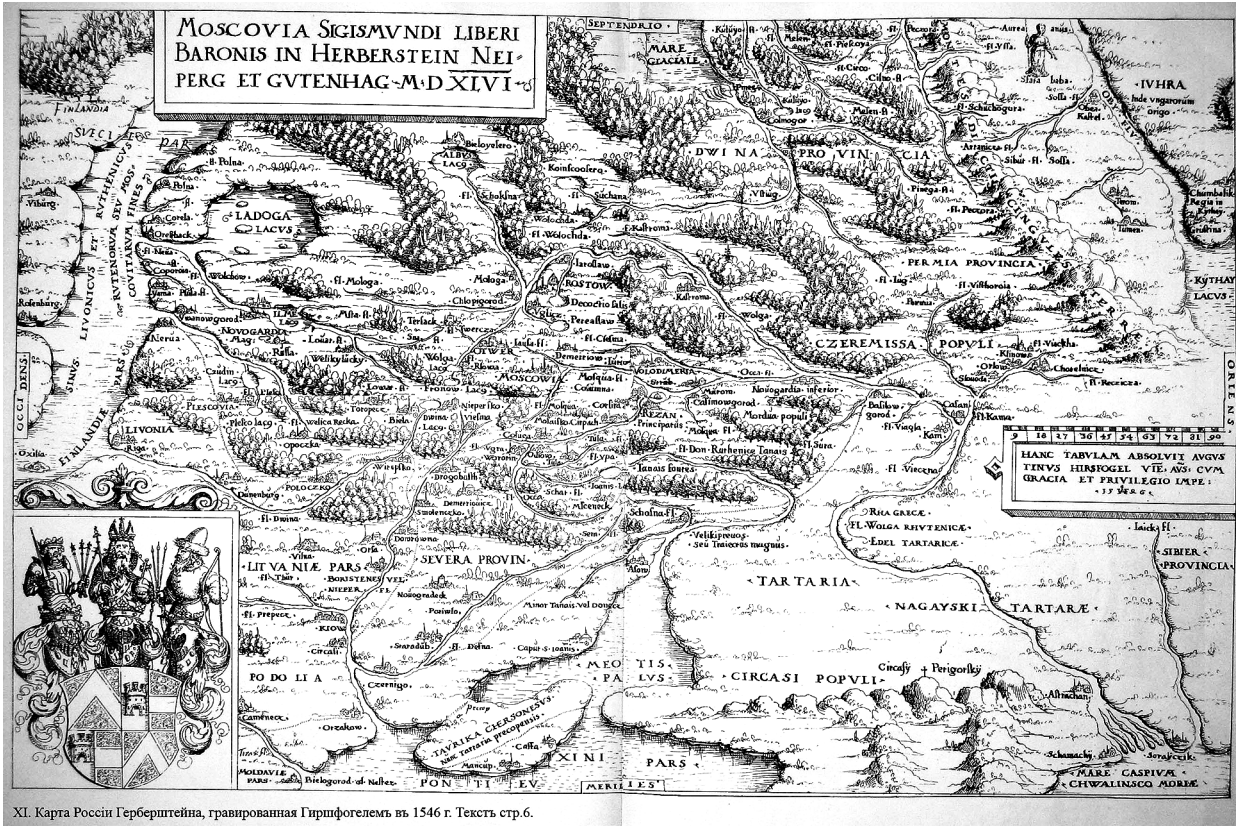

Рис. 4. Карта России С. Герберштейна (1546)

XV. Карта Россіи Герберштейна, грав. на деревѣ Я.Гастальдо для италіанскаго перевода "Записок о Московіи" Venetiis, 1550. Текстъ стр.7.

Рис. 5. Карта России С. Герберштейна (1550)

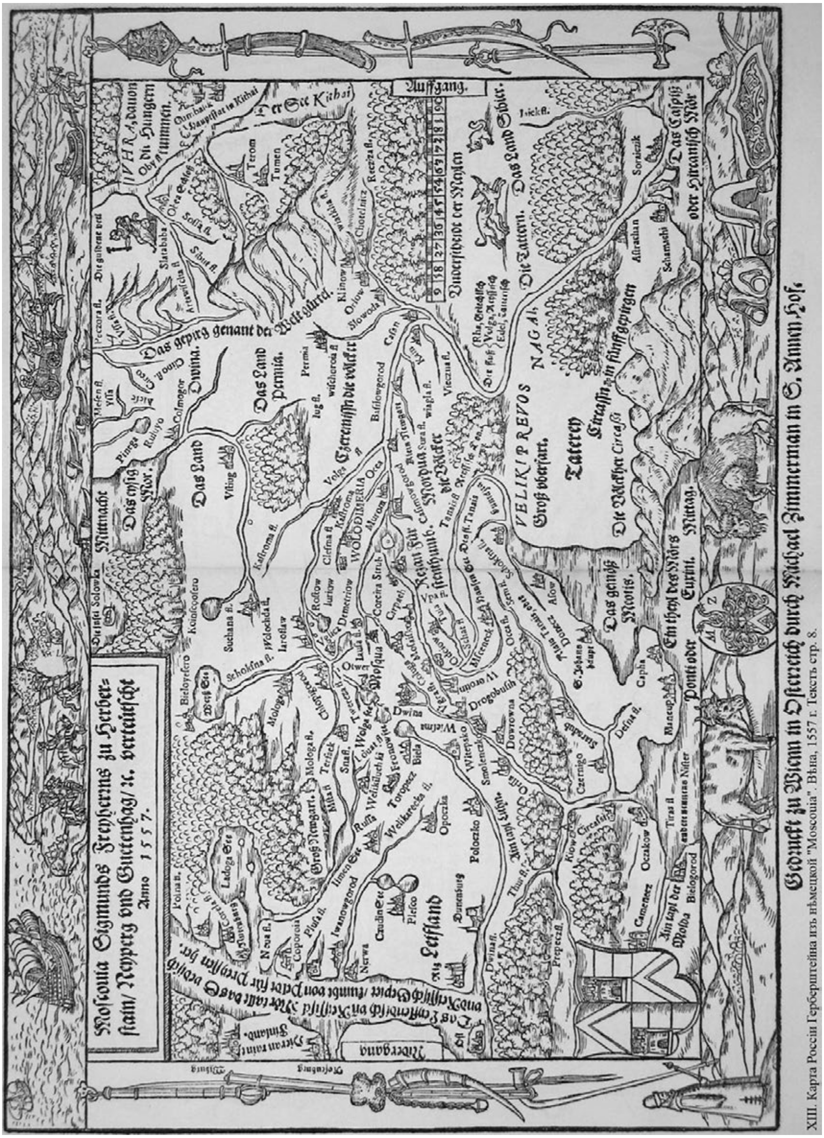

Рис. 6. Карта России С. Герберштейна (1557)

торговли в России: порты, таможни, склады, водные пути. Отдельную категорию представляют собой названия мысов, которые трудно поддаются интерпретации. В документе XVIII в. фиксируются и более мелкие объекты: посёлки, почтовые станции, уже не существующие или переименованные, что также затрудняет интерпретацию, например: hameau *Babikhina,* la poste *de Bolchaia*.

Для новых, незнакомых объектов XVI в. даются несколько вариантов транскрипции/транслитерации: *Valdega (Vologda)/Voluegda/Volgueda* (Вологда); *Colmograt (Kholmogory)/Colmograd* (Холмогоры). Подобная вариативность может быть обусловлена наличием северных говоров у информантов.

Процесс варьирования написания названий характерен и для XVIII в. при характеристике нового объекта: *Niznovgorod/Niznovogorod/Niz-novogorod/Novogorod* (Нижний Новгород); *Volga/Wolga* (Волга). В XVIII в. уже наблюдается ассимиляция транслитерированных онимов, которая выражается в присвоении французских способов словообразования, например, множественного числа имён существительных, суффиксов, в наличии артиклей: *les Ioukagires, les Koriaques, samoyèdes, Zaporoviens*. Некоторые варианты транслитераций не очевидны и требуют дополнительного анализа. Например, соотнесение названия одной из этнических общностей Сибири: *Zongores* с *джунгарами* было возможно только при наличии исторической справки словаря-справочника по истории этнических общностей России (Агеева, 2000, с. 138–139).

Легко узнаваемы калькированные варианты, такие как в XVI в. – *Cap de North* (Северный мыс был важным пунктом Северного морского пути, освоенного ранее англичанами, и снова прослеживается английское влияние), *La mer Blanche* (Белое море), *Sept isles* (Семь островов) и в XVIII в. – *Mer Noire* (Чёрное море), *Mer Glacial* (Ледовое море).

Таким образом, в текстах французских путешественников XVI и XVIII вв. используются следующие способы передачи онимов: адаптация, транскрипция/транслитерация, калькирование, которые имеют свои особенности, характерные для каждого исторического периода и отражают степень культурного взаимодействия между Францией и Россией. Так, в тексте XVI в., относящемся к началу франко-российских культурных контактов, наблюдается влияние английских адаптированных ранее элементов (*Mosch, Cap de North*); референтная соотнесённость одного апеллятива одновременно с несколькими объектами

(*Saint-Nicolas, Saint-Michel-l`Archange*); при встрече с новым объектом попытка адаптировать значение производящей основы к французскому языку (*Divine*). В документе XVIII в. адаптация охватывает более широкий ряд объектов и выражена не только лексически, но и морфологически, фиксируются более мелкие объекты. Для обоих исторических периодов характерна вариативность передачи онима незнакомого объекта.

Литература

Агеева Р.А. Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы. Словарь-справочник. М.: Academia, 2000. 424 с.

Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. с англ. Ю.В. Готье. Л.: Печатный двор им. А.М. Горького, 1937. 307 с.

Барандеев А.В. История с географией в терминах: Книга для учителя. М.: Логос, 2005. 248 с.

Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи. СПб.: Альфарет, 2007. 1004 с.

Загрязкина Т.Ю. Русско-французские культурные связи // Франция и Россия: культурные контакты. М.: ИД «Городец», 2010. С. 7–48.

Матеріалы по исторіи русской картографіи / Под ред. В.А. Кордта. Вып. I: Карты по всей Россіи и южныхъ ея областей до половины XVII века. Изданіе кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ: Типографія С.Н. Кульженко, 1899. 15 с., 32 табл. – URL: http://papacoma.narod.ru/maps/kordt1/kordt1-page4.htm

Никонов В.А. Введение в топонимику. 2-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2011. 184 с.

Поспелов Е.М. География мира: новейший топонимический словарь. М.: Русские словари: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. 683 с.

D'Auteroche J.-C. Voyage en Sibérie. V. 1. Paris: Debure père, 1768. 347 p.

Haumant E. La culture française en Russie. Paris: Hachette et Co, 1913. 571 p.

Vianey B. Tout autour du voyage de Jean Sauvage en Moscovie en 1586. M.: Тезаурус, 2012. 520 p.

УДК 001.4, 811.133.1, 81.373.225

Французские анемонимы в международной ономастической терминологии

© 2018 г. Г.С. Доржиева

Бурятский государственный университет, Улан-Удэ, Россия
galdor@yandex.ru

French anemonyms in international onomastic terminology

G.S. Dorzhieva

The Buryat State University, Ulan-Ude, Russia
galdor@yandex.ru

The article deals with so-called anemonyms (from Old Greek *άνεμος* 'wind' + *ονομα* 'proper name') in France. It is the proper names of winds, hurricanes and other natural calamities that are meant. The examples of French names of winds demonstrate the variety and interaction of regional languages, which may be of interest for cultural studies and may become an additional source for international onomastic terminology.

Keywords: ***anemonyms, regional languages, onomastic terminology.***

Статья посвящена анемонимам во Франции – собственным именам ветров, ураганов и других стихийных бедствий. Примеры французских названий ветров отражают разнообразие и взаимодействие региональных языков, которые могут представлять интерес для культурологии и стать дополнительным источником для международной ономастической терминологии.

Ключевые слова: ***анемонимы, региональные языки, ономастическая терминология.***

> *Онимия, как и любая лексика, живо реагирует на все явления, происходящие в окружающей человека среде, в результате чего имена оказываются невольными регистраторами явления природы и событий, имевших место в общественной жизни.*
> А.В. Суперанская, 2007, с. 36.

Климат Франции отличается чрезвычайным разнообразием, так как на него оказывают влияние географическое расположение, рельеф страны, соседство с Атлантическим океаном и Средиземным морем. Условно Францию делят на пять климатических зон – горную, восточную, средиземноморскую, атлантическую и центральную. Один из основных показателей климата – ветровой режим, включающий в себя сведения о направлении и скорости ветра. В зависимости от

того, откуда и с какими свойствами поступает воздушная масса на территорию Франции, сохраняется то или иное состояние погоды, как правило, в течение нескольких дней. Например, при поступлении воздушной массы с севера обычно бывает очень холодно, с запада – повышается влажность и нередко идёт дождь, при южном ветре наступает потепление, при восточном – холодно зимой, а летом жарко, но в обоих случаях сухо (mafrance.ru›o-francii/klimat/vetrovoj…vo-francii; дата обращения 23 августа 2017 г.).

Из всех стихийных явлений наиболее распространён ветер. В «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской даётся термин *анемоним* (греч. ἄνεμος 'ветер') – «вид онима, собственного имени стихийного бедствия, в том числе ветра, урагана, тайфуна» (Подольская, 1988, с. 29). В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля находим следующее определение этого природного явления: «Ветер – движение, течение, теча, ток, поток воздуха. Ветры подразделяются по различным характеристикам: 1) *сила ветра:* ураган, бора (шторм, буря), жестокий, сильный, ветрища: сильный, слабый, тихий ветер или ветерок, ветерочек, ветерец; 2) *постоянство силы*: ровный, порывистый, шквалистый или голомянистый; 3) *постоянство направления*: пассатный или полосовой, постоянный, изменчивый, круговой (смерч, вихорь или заверть). В устьях рек различают два вида ветра: морской (моряна, нагон, низовой) и береговой (матерой, горыч, сухмень, сгон, верховой)» (Даль, 2006, с. 334).

Основные пути развития номинации и типы собственных имён аналогичны у всех народов, хотя многие частности при этом не совпадают. Г.В. Колшанский определяет номинацию как отражение и закрепление понятийных признаков, отображающих свойства предмета. Акт номинации представляет собой речемыслительный процесс (Колшанский, 1976, с. 19). Проблемами номинации занимались многие отечественные учёные, например, М.В. Голомидова (1998), Э.М. Мурзаев (2001), А.В. Суперанская (2007), Е.Л. Березович (2009), Р.А. Агеева (2012).

В «Словаре ветров» (Прох, 1983) 1845 словарных статей, где зафиксированы 1405 названий ветров всего земного шара, из них наиболее многочисленны французские ветры, включая их параллельные наименования (267; 19%), на втором месте – русские (214; 15%) и на третьем – английские (165; 11,7%). Этимологический и семантический анализ французских ветров позволил нам составить их классификацию согласно мотивам номинации, которая во многом совпадает с топонимической.

Анемонимы-ориентиры

1. ***По направлению ветра.*** Названия ветров по ориентирующим показателям – универсальная закономерность в ономастике. В разных странах она проявляется по-разному, отличаясь только в деталях, что объясняется своеобразием этнокультуры тех или иных народов. Например, *НОРДЕ* (фр. *nordet* < общефр. *nord-est*) – ‘холодный и сухой зимний северо-восточный ветер на крайнем севере Франции’; *СЮДУА* (фр. *sudois*) – ‘юго-западный ветер на Женевском озере’.

Распределение ветра над территорией Франции подвержено заметным периодическим изменениям: на большинстве метеостанций отмечается преобладание зимой юго-западных направлений ветра, а летом – западных и северо-западных. Эта особенность ветрового режима Франции служит для местных жителей известным локативным признаком (4; 1,5%): *ВАН ДЕ СЕВЕНО* (фр. *vent de ceveno*) – ‘востоко-юго-восточный ветер в департаменте Аверон, дующий с гор’; *ПТИ-СЕН-БЕРНАР* (фр. *petit St.-Bernard*) – ‘сильный восточный или востоко-северо-восточный ветер, дующий с перевала Малый Сен-Бернар в долину р. Изер’; *СЕРЮЗ* (фр. *ceruse*) – ‘сильный порывистый и сухой востоко-юго-восточный ветер в Сен-Рафаэль-Фрежю, деп. Савойя’. Более отчётливо эти соотношения проявляются на островах и западных побережьях, где влияние рельефа и городской застройки не так сильно сказывается.

2. ***По месту образования*** (8; 3%). Названия ветров, образованные от родовых терминов при помощи трансонимизации, относятся к естественным, поскольку реализуют первичную функцию онима, отражая место образования ветра. В нашем материале это *АВАЛ* (*vent d'aval*) – ‘низовой ветер’; *АМОН* (фр. *vent d'amont*) – ‘верховой ветер’; *МОН* (фр. *mont*) – ‘восточный ветер, дующий с горного перевала’; *МОНТАНЬ* (фр. *montagne*) – ‘южный ветер в Ломане (департамент Тарн-и-Гаронна)’; *ПРЕМОНТЭ* (фр. *premontais*) – ‘предгорный юго-восточный ветер ураганной силы в Сен-Жерве (департамент Верхняя Савойя)’; *ВАН* (фр. *vent*) – ‘южный или юго-западный влажный порывистый ветер в департаменте Юра и Савойя’. Приведённые анемонимы сформировались в результате многовековых наблюдений местными жителями природно-климатических особенностей окружающего пространства, от которых зависели их образ жизни и практическая деятельность. Параллельные названия этих ветров *западный*, *северный*, *юго-западный*, *северо-восточный* относятся к искусственной номинации.

Специфика рельефа вызвала появление таких дифференциальных признаков, как *долинный* ветер – *БЮЕС* (фр. *buesh*), *ВАЛЭ* (фр. *valais*), *ВЕЗИН* (фр. *vesine*); *морской* ветер – *МАРЕН* (фр. *marin*), *МАРИНАДА* (катал. *marinada*); *береговой* ветер – *МОРЖЕ* (фр., нем. *morget*) ночной береговой северный бриз; *горный* ветер *ПОНТИАС* – 'ночной горный ветер в долине р. Роны', *РУЗО* (фр. *rouseau*) – 'утренний восточный горный бриз, дующий с перевала Перти'.

Относительные анемонимы

Анемонимы данного типа отражают, по терминологии В.Г. Гака, иерархию номинаций: первичные (исходные, прямые), уже рассмотренные нами, и вторичные (производные, косвенные). Под вторичными анемонимами мы понимаем, вслед за Н.В. Подольской (1988, с. 86) «секундарное, непервичное имя», любое имя, образованное от другого собственного имени первичного или непервичного. В нашем материале это названия ветров, производные от оронимов, ойконимов, хоронимов и гидронимов, вторичные по своему происхождению. Особенности рельефа Франции – чередование низменностей, плоскогорий и гор, а также исключительная изрезанность береговой линии – создают благоприятные условия для формирования местных ветров, которые обычно характеризуются постоянством определённых направлений и устойчивостью скоростей. К наиболее распространённым местным ветрам можно отнести морские и береговые бризы, ветры горных систем (горно-долинные и феновые ветры) и мистраль (mafrance.ru›o-francii/klimat/vetrovoj…vo-francii; дата обращения 4 сентября 2017 г.).

1. В данной группе анемонимов наиболее многочисленны *оторонимические* [Неправильное терминообразование: вместо *оторонимические* следовало употребить термин *оторонимные* (ср. *оттопонимные*). – *Прим. отв. ред.*] названия (40; 15%): *АЛЬБЕРТВИЛЛЬ*, *альбервилль* (фр. *albertville*) – 'сухой северо-западный ветер в долине Альбервиль (бассейн Изера)'; *АРДЕННСКИЙ ВЕТЕР* (фр. *vent d'ardennes*) – 'ветер с Арденн, на юге гор – северный, на севере Франции – юго-восточный'; *ВОЖ*, *вогез* (фр. *vosges*) – 'восточный ветер в Нанси, дующий с Вогезов' и др.

2. Вторая группа анемонимов по количественному составу (28; 10,5%) – это перенесённые названия от *хоронимов,* названий регионов

Франции и соседних стран: *ВАН ДЮ МИДИ* (фр. *vent du midi*) – ‘южный или юго-западный тёплый и влажный ветер с дождём’; *НАРБОНЕ* (фр. *narbones*) – ‘сильный северный ветер в Восточных Пиренеях (Франция), дующий со стороны Нарбонны (руссильонская трамонтана)’; *ВАН Д'ИТАЛИ* (фр. *vent d'ltalie*) – ‘юго-восточный, восточный или северо-восточный ветер в районах Франции, прилегающих к итальянской границе’; *ВАН Д'ЭСПАНЬ* (фр. *vent d'Espagne*), *ВАН ПРЮССЬЕН* (фр. *vent prussien*) – ‘восточный ветер с плохой погодой в деп. Уаз’ и др.

3. В исследуемом материале имеются небольшие группы анемонимов, производные от *ойконимов* (6; 2,25%) и *гидронимов* (4; 1,5%): *ГРЕНОБЛЬ* (фр. *vent de Grenoble*) – ‘ветер в Савойской ложбине, дующий со стороны г. Гренобля’; *БОРДЕЛЕ* (фр. *bordelais*) – ‘дующий со стороны г. Бордо’; *АВР* (галл. *abra* ‘вода’) – ‘приток Соммы на границе между Нормандией и Пикардией’.

Описательные анемонимы

Согласно формуле Л.С. Выготского (1982, с. 16)., языковой знак – это единство обобщения и общения, коммуникации и мышления. В процессе мышления человека при постоянной опоре на знаки языка происходит обобщение чувственной информации (воспринятой извне), её замещение языковыми знаками и абстрагирование от компонентов информации, не существенных для формирования мысли (понятия) (Мечковская, 2004, с. 55). Знаковая функция анемонимов состоит в их ассоциативных комплексах значений: ветер служит предвестником погодных изменений, указывает на характер сопутствующей погоды, её сезонный характер и пр.

Утилитарная функция семиотики ветра выражается во влиянии на производственную и экономическую деятельность людей, например, на благоприятные или неблагоприятные условия ведения сельского хозяйства, на бесперебойную работу морского, воздушного и наземного транспорта, на здоровье человека и мн. др. Важное значение приобретают также сведения о повторяемости штилей и слабых ветров, так как связанное с ними устойчивое состояние атмосферы оказывает влияние на экологию воздуха в городах и промышленных районах.

А.В. Суперанская отмечает, что некоторые периодически повторяющиеся явления природы, особенно грозные, разрушительные, имеют индивидуальные названия. Разрушительные циклоны в районе

Тихого и Атлантического океанов обозначаются индивидуальными терминами. Международный комитет по борьбе с разрушительными действиями циклонов установил специальную службу, в задачу которой входит уловить момент зарождения циклона, определить направление его движения и эвакуировать людей из зоны предполагаемого следования циклона (Суперанская, 2007, с. 205).

Анемонимы, связанные с иными характеристиками

Время суток (10; 3,75%): *МАТИНАЛЬ* (фр. *matinal* – 'утренний') – 'холодный и сухой утренний восточный ветер'; *МАТИНЬЕР* (фр. matinière) – 'горный ветер, утренний сток холодного воздуха по долинам рек'; *МИДЖЖОРН* (катал., прованс. *mitgjorn*) – 'южный умеренный *сирокко* в середине дня в Восточных Пиренеях'; *МИЖУР*, *мьежур* (фр. *miejour*) –'влажный южный ветер в Провансе'; *МОРЖЕ* (фр., нем. *morget*) – 'ночной береговой северный *бриз*';

Время года (14; 5,2%): *АЛЬ ДЕ МАРС* (фр. *haledemars*) называют также на валлонском языке «*les hâles di mâs*» 'мартовский биз', дует в марте–апреле; *РЮМИЛЛЬЯН* (фр. *rummillien*) – 'осенний тёплый и влажный ветер, сопровождающийся дождём на юго-западе департамента Верхняя Савойя, дующий в направлении Рюмили (Rumilly)'; *СУЖЕ* (фр. *soujet*) – 'свежий осенний юго-восточный ветер'; *ФЕКЛАЗ* (фр. *feclaz*) – 'зимний северо-западный ветер, оба в Ле-Дезерт (департамент Савойя)'; *ТУРЕЙО* (фр. *toureillo*) – 'сильный южный весенний фен в департаменте Арьеж'.

Температурные (холодный / тёплый) и тактильные (сухой / влажный) характеристики. *Холодный* (36; 13,5%) – *БРАМОН* (фр. *bramont*) – 'холодный северный ветер с перевала в Монсапе'; *тёплый* (16; 6%) – *БИСОРТ* (фр. *bissorte*) – 'тёплый южный ветер'; *горячий* (1; 0,37%) – *МАРОККАНСКИЙ ВЕТЕР* – 'южный или юго-западный горячий ветер'; *знойный* (1; 0,37%) – *ОРО* (прованс. *auro*) – 'сухой и знойный юго-западный ветер во Французских Альпах'; *сухой* (27; 10%) – *БЮЛЬБИ* (фр. *boulbie*) – 'очень сильный, холодный и сухой северный ветер в департаменте Арьеж'; *влажный* (17; 6,4%) – *БАН ДЕ ДАРРЕ* (фр. *bent de darre*) – 'влажный западный ветер с дождём в департаменте Жер'.

Анализ практического материала показывает, что в характеристиках ветров часто выделяется несколько дифференциальных призна-

ков, среди которых доминируют *тёплый и влажный, сухой и холодный, мягкий и сухой.* Например: *АРУЭРГ*, *руерг* (фр. *arouergue*, *rouergue*) – ‘сильный, порывистый, тёплый и влажный западный ветер на юге Центрального массива’; *АЛЬ ДЕ МАРС* (фр. *hale de mars*) – ‘сухой и холодный северный, северо-восточный или восточный ветер (виз) в районе горного массива Морван’; *АСПР* (фр. *aspre*) – ‘мягкий и сухой северо-восточный ветер типа фена’.

Цветовые ассоциации ветров. Символика цветообозначений – одна из ономастических универсалий. По мнению Э.М. Мурзаева, эта особенность чётко выявляется в китайской географии, где *чёрный* цвет (хэй) соответствует *северу*; *красный* (ху) – *югу*; *белый* (бай) – *западу*; *зелёный*, *лазурный* (люй) – *востоку*. Такая же система отмечается во Вьетнаме. В тюркской топонимии принята символика, несколько отличная от китайской, но и здесь *чёрный* (кара) соответствует понятию *север*, *северный*. Прилагательное *белый* (ак) может обозначать *юг*, *восток*, *запад* (по данным разных авторов в разных тюркских языках) (Мурзаев, 1995, с. 85–93; Мурзаев, 2001, с. 142).

Во Франции цветовые ассоциативные связи анемонимов отражают особенности погодных условий: *белый* (*чистый*) ветер (6; 2,25%) – предвестник хорошей погоды, *чёрный* (4; 1,5%) и *коричневый* / *рыжий* ветер (4; 1,5%) – пасмурной, дождливой. В названиях ветров ассоциативные признаки отражены как эксплицитно, так и имплицитно. Например: *ВАН-БЛАН* (фр. *vent blanc*) – ‘белый ветер, сухой и тёплый, сопровождающийся хорошей погодой’; *БЛАН*, *ромьер* (фр. *blanc*, *ramier*) – ‘юго-западный белый ветер в Вильфоре’; *ВАН ДЕ ЛА ПУССЕ* (фр. *vent de la poussée*) – ‘весенний юго-восточный белый ветер в Лионе’; *ЧИСТЫЙ ОТАН* или *Белый отан* – ‘сухой ветер при небольшой облачности и хорошей дальности видимости’; чаще всего наблюдается осенью.

ВАН НЕГР (фр. *vent nègre*) или *ВАН НУАР* (фр. *vent noir*) – ‘северный чёрный ветер в департаменте Коррез и Ло, северо-западный в деп. Канталь’, обычно сухой и холодный с низкой сплошной облачностью. *ЧЁРНЫЙ ОТАН* (фр. *autan noir*) возникает при движении циклона с юга на восток Бискайского залива и предшествует продолжительному дождю. В нашем материале два ветра (0,75%), в зависимости от направления движения и количества осадков, могут быть белыми или чёрными, это ОТАН и МАРЕН. Сильный МАРЕН с осадками называют *чёрным*, а МАРЕН без осадков – *белым*.

Коричневый / рыжий ветер – предвестник дождливой погоды. Например, *РОШБРЮН* (фр. *rochebrune*) – ‘бурный юго-восточный ветер в Межев (департамент Верхняя Савойя)’. Наблюдается весной и осенью перед дождём; *ОРО БРЮНО*, *оро руссо* (прованс. *auro bruno*, *auro rousso*) – ‘восточный ветер в департаменте Аверон’; *ОР РУСС* (фр. *aure rousse*) – ‘северо-западный ветер в меридиональных Севеннах (Франция), обычно влажный ветер средних скоростей, сопровождающийся дождями’; *ОРО БАССО* (прованс. *auro basso*), *ван му* (*vent mou*) – ‘мягкий западный ветер в департаменте Аверон (Франция), сопровождающийся осадками’; *РЫЖИЙ ВЕТЕР*, рыжий биз, биз брюн, сумеречный ветер.

Во Франции наряду с государственным французским языком существуют региональные языки без официального статуса: эльзасский; баскский; бретонский; каталанский; корсиканский; западнофламандский; франкопровансальский; окситанский; языки ойль (исключая французский). Например, общефранцузское название *nord-ouest* северо-западного направления ветра в зависимости от региона имеет различное написание и произношение: *НОРОЭ*, *норвет* (*noroet*) – ‘сильный северо-западный ветер в Ла-Манше и Бискайском заливе’; *НАРОЭ* (фр. *naroet*) – ‘сильный, порывистый и холодный северный или западный ветер на французском побережье Ла-Манша’; *НОРРУА* (*norroit*) – ‘северо-западный морской ветер с ливнями в Булони’; общефранцузское название *sud-ouest* юго-западного ветра передаётся двумя способами: *СЮРРУА* (*surroit*), *сюроэ* (*suroet*) – это продолжительный юго-западный ветер, сопровождающийся холодным дождём на атлантическом побережье Франции, в Ла-Манше и во Фландрии.

Как показывают приведённые примеры, анемонимы Франции отражают многообразие и взаимовлияние региональных языков, их тесные контакты. Многие из анемонимов отсутствуют в общефранцузских словарях и могут стать предметом интересного исследовательского поиска в специальных лексикографических источниках.

Таким образом, любой акт номинации следует рассматривать в контексте культурной традиции, а культурная традиция – это выраженный в социально-организованных стереотипах групповой опыт, который путём пространственно-временно́й передачи аккумулируется и воспроизводится в языковых коллективах, пополняя тем самым международную ономастическую терминологию.

Литература

Агеева Р.А. Как появились названия рек и озёр: Популярная гидронимика. М.: АСТ-Пресс Книга, 2012. 312 с.

Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Пространство и человек. М.: Либроком, 2009. 328 с.

Выготский Л. С. Мышление и речь / Собр. соч. в 6 томах. Т. 2: Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1982. 504 с.

Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике. Дис. на соиск. уч. степ. доктора филол. наук. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 1998. 232 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М.: РИПОЛ классик, 2006. 752 с.

Колшанский Г.В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 5–30.

Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций. М.: Академия, 2004. 432 с.

Мурзаев Э.М. Слово на карте: Топонимика и география. М.: Армада-Пресс, 2001. 448 с.

Мурзаев Э.М. Топонимика и география. М.: Наука, 1995. 304 с.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. М.: Наука, 1988. 192 с.

Прох Л.З. Словарь ветров. Л.: Гидрометеоиздат, 1983. 312 с.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. 2-е изд. М.: URSS, 2007. 365 с.

mafrance.ru›o-francii/klimat/vetrovoj…vo-francii

II. РЕГИОНАЛЬНАЯ ТОПОНИМИЯ

УДК 801.311, 81.373.2, 003.32

Методологические аспекты составления идеографического словаря топонимов Урало-Поволжья, Казахстана, Сибири и Северо-Востока Российской Федерации

© 2018 г. А.Г. Шайхулов

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия
almazufa2004@mail.ru

Methods of compiling the ideographic dictionary of place-names in the Urals, the Volga region, Kazakhstan, Siberia and the North-East of the Russian Federation

A.G. Shaykhulov

The Bashkir State University, Ufa, Russia
almazufa2004@mail.ru

The linguistic union on the territory mentioned in the title is the result of historically established ethnocultural ties between Turkic, Finno-Ugrian and Mongolian peoples. The article deals with the problems concerning the unity of Uralic and Altaic languages, also the genesis of the linguistic union around the Urals and the relations between onomastic (toponymic) systems of the regional languages. The author proposes some methods allowing to determine the systemic nature of a dialectal language not only for a single linguistic group, but for all the languages of taxonomic type. The final goal of such system is to pick out at first the strata of appellative and onomastic words: Common Turkic and Common Finno-Ugrian, and afterwards Common Altaic and Common Uralic strata.

Keywords: ***community of languages, linguistic union around the Urals, onomastic (toponymic) systems.***

В статье представлена характеристика языкового союза вокруг Урала, сложившегося на основе длительных этнокультурных связей тюркских, финно-угорских и монгольских народов. Рассмотрены проблема общности уральских и алтайских языков, а также генезис языкового союза вокруг Урала и отношения между ономастическими (топонимическими) системами языков региона. Автором предложены методы, позволяющие установить системный характер диалектного языка не только одной группы языков, но и всех языков таксономического типа. Системный анализ позволяет вычленить сначала слои апеллятивной и ономастической лексики (общетюркский и общефинно-угорский), а затем общеалтайский и общеуральский пласты.

Ключевые слова: ***языковой союз вокруг Урала, ономастические (топонимические) системы, общность языков.***

Язык – важнейший инструмент приобретения, сохранения и передачи человеческого знания, постоянно аккумулирующий поток информации, поэтому язык не может оставаться неизменным. Даже в генетически однородных языках, в особенности в структурах их корневых основ (это прямо относится как к апеллятивным, так и ономастическим единицам), возможно наличие этимологически тождественных единиц, семантика которых претерпела с течением времени существенные изменения.

На территории Европейской части России от р. Оки до южного Урала тюркоязычные (татары, башкиры, чуваши), финно-угорские (мари, мордва, удмурты) и монголоязычные (калмыки) народы имели наиболее длительные и устойчивые этнокультурные связи. Генезис, сложение и развитие в пределах указанной территории Волго-Камско-Уральского этнолингвистического региона стали, как известно, результатом сложного взаимодействия разновременных этнических и культурных потоков, в том числе из Западной Сибири, Средней Азии, Казахстана, Северного Кавказа и позднее из различных районов северной и центральной России.

Исследованный фактический материал позволяет очертить в пространстве (а возможно, и во времени) ареальную зону контактирования между тюркскими (шире – алтайскими) и угро-финскими (уральскими) языками и вместе с тем выявить отдельные аспекты взаимопроникновения лексических единиц, что в известном смысле облегчает как наблюдения на разных уровнях языка, так и определения генетического соотношения близкородственных языков в том или ином этникуме исследуемого языкового союза. Именно этим и определяется, на наш взгляд, актуальность и важность выдвинутой для обсуждения темы.

Проблема общности алтайских и уральских языков волнует, как известно, умы учёных не одного поколения, но по существу она остаётся нерешённой до настоящего времени. Начиная с XVIII в. вопросами родства уральских и алтайских языков занимались многие известные лингвисты, например, М. Кастрен, В. Шотт, Н.Н. Поппе, Г.И. Рамстедт, Б.Я. Владимирцов, М. Рясянен и др. Видное место в данном ряду принадлежит профессору Дж.Г. Киекбаеву, которому удалось по-новому осветить многие языковые факты, выяснить происхождение, а также историческое развитие грамматических форм родственных языков, что позволило ему сделать обоснованный вывод об их генетическом родстве.

В последнее время ощущается острая необходимость сравнительно-исторического изучения как алтайских, так и уральских языков; многие исследователи предлагают изменить методику исследований. В частности, относя языкознание к точным наукам наравне с математикой, Дж.Г. Киекбаев в своё время отмечал, что «в агглютинирующих языках, какими являются урало-алтайские, аффиксы, нараставшись один на другой, обуславливают в итоге развитие грамматических форм, придают формам определённую семантику. Поэтому прослеживание исторического развития тех или других форм невозможно осуществить вне связи со значением форм, и семантика форм, при этом, должна быть исходной позицией при разработке вопросов исторической грамматики» (Киекбаев, 1996, с. 344). В пределах расселения этих народов и обобщения специфических языковых черт очерчивается (конечно, достаточно приблизительно) территория, представленная в нашем определении как «циркумуральский языковой союз» (ср. термин *волгокамский языковой союз* акад. Б.А. Серебренникова).

Выделим основные ареалообразующие факторы для Волго-Камско-Уральского этнолингвистического региона. Во-первых, это определившаяся ещё в домонгольскую эпоху тенденция формирования общего в основе хозяйственно-культурного типа в сходных природно-географических условиях, хотя они в рамках отдельных этнических образований несколько различались между собой. Во-вторых, это примерно одинаковый уровень общественного устройства, способствовавший, прежде всего в начальных стадиях формирования исследуемого региона, активному этническому взаимодействию и процессам ассимиляции в регионе. В-третьих, это высокий уровень взаимопроникновения этнических территорий финно-угорских и тюркских народов региона, особенно усилившегося в результате миграций XVI–XVII вв. В-четвёртых, это установление такой временно́й указанной выше лингвистической общности, как *волгокамский языковой союз* и несколько шире – *циркумуральский языковой союз*, генезис которого может восходить к древнейшим уральско-алтайским этническим контактам, а формирование основных характеристик происходило в конкретной исторической ситуации региона со второй половины I до середины II тыс. н.э. (Гарипов, Кузеев, 1985, с. 107).

Генетическая пестрота говоров и диалектов, а также их ономастических (топонимических) систем таксономического типа языков региона, несходство условий, в которых они формировались, придают,

конечно же, некоторый абстрактный характер системным отношениям в рамках циркумуральского языкового союза. Очевидно, наиболее реальна связь онимов с апеллятивами в говоре, ограниченном рамками одного населённого пункта. В таком говоре закономерно упорядоченные разноаспектные отношения слов образуют первичную, неделимую системную единицу – микросистему (Вострикова, 1989, с. 14).

Однако у такого подхода есть и существенные недостатки: затрудняет при выявлении ареальной общности лексического (ономастического и апеллятивного) фонда сводимость исследуемого материала по всем языкам региона. Лексические особенности апеллятивных и ономастических (топонимических) единиц диалектов и говоров языков циркумуральского типа мы склонны рассматривать как систему, состоящую из региональных (точнее – ареальных) систем и микросистем. Такая «система систем» носит, конечно, условный характер, поскольку в ней отражаются не только реальные лексические отношения (внутридиалектные системные ряды), но и междиалектные соотношения слов (междиалектные параллели). На уровне такой системы практически можно проводить исследования отдельных лексических отношений, свидетельствующих о системном характере диалектного языка не только одной семьи, но и языков таксономического типа (Попов, 1984, с. 138).

Говоря о хронологических границах идеографических словарей, следует отметить, что в зависимости от источника они могут быть двух типов: словари, отражающие лексику апеллятивную и ономастическую (топонимическую) современного синхронного среза, и словари, отражающие аналогичную лексику в диахронии (V–XX столетий, т.е. начиная с тюркских рунических письмен, а иногда и ранее). Такая типология учитывается и другими исследователями (Сосаева, 2000, с. 142), причём диахронические словари вызывают большой научный интерес ещё и потому, что позволяют проследить в определённых этнолингвистических рамках процесс эволюции системы понятий и языковых выражений (Жамсаранова, 2005, с. 46).

Как известно, в основе разработки материала любого идеографического словаря лежит классификация системы понятий. На первом этапе происходит общее выделение наиболее широких тематических групп, которые постепенно сужаются в рамках более мелких подгрупп. Последним звеном в этой дефиниции является та или иная лексико-семантическая группа слов. Таким образом, выявление и разработка многоаспектных лексико-семантических групп слов (микро-

полей) представляет собой очень важный методологический этап в процессе создания основ идеографического словаря. Всё сказанное относится к апеллятивным основам, т.е. к обычным словам языка.

Иная, хотя в целом и совпадающая в общих параметрах методика используется при построении классификации ономастических (топонимических) единиц близкородственных языков. Конечная цель такой классификации – предварительно осмыслить общий лексический универсум, синопсис алтайских и уральских языков исследуемого циркумуральского языкового союза в рамках их идеографической парадигматики.

В связи с этим в качестве классификационного подхода к описанию лексического апеллятивного и ономастического (топонимического) универсума, мы применили идею, выдвинутую в своё время немецкими учёными-лексикографами Р. Халлигом и В. Вартбургом, осмысление которой в настоящее время находит всё больше и больше сторонников. Предложенную ими синоптическую схему [а) **«Вселенная»**, б) **«Человек»**, в) **«Вселенная и Человек»**] мы изменили в определённой последовательности, что позволило построить достаточно универсальную и более или менее стройную систему для предварительной тематической классификации апеллятивных и ономастических единиц, которая в последующем может быть принята как основа для характеристики идеографической парадигматики ономастикона циркумуральского языкового союза (Шайхулов, 2005, с. 74).

Предлагаемая нами система описания заключается в следующем.

I. «*Природа*» (неживая и живая); **II.** «*Человек*» (как анатомо-физиологическое существо); **III.** «*Общество*» (человек как социальное существо); **IV.** «*Познание*». Такая система априори может помочь также определить в исследуемых языках наряду с односложными корнями и основами слой апеллятивной и ономастической (топонимической) лексики, специфичный только для каждого тюркского (алтайского) и финно-угорского (уральского) языка в отдельности или же для определённых групп в рамках как алтайской, так и уральской семьи языков, и провести тем самым типологическое сравнение на уровне семантических основ, чтобы выяснить, какие же стороны объективного мира отражены в апеллятивной и ономастической лексике.

Таким образом, конечная цель классификации – помочь вычленить в поэтапных исследованиях *общетюркский и общефинно-угорский* (вначале) и *общеалтайский и общеуральский* (на последующих

этапах) пласты. Первый этап связан, как указано выше, с необходимостью сначала выделить в исследуемых тюркских и финно-угорских языках региона все взаимные лексические заимствования, что в свою очередь даст возможность на последующих этапах проводить сравнительно-исторический (этимологический) анализ на уровне лексических праформ этого общего слоя.

Вполне понятно, что предлагаемая схема системы выявления идеографической парадигматики односложных ономастических корней и основ, а также высказанные здесь соображения о методологических аспектах системного подхода в реконструкции словарного фонда языков таксономического типа носят предварительный характер и не претендуют на полноту и окончательносгь. Только дальнейшие исследования могут наполнить эти наблюдения синоптического характера более или менее достоверным содержанием (Шайхулов и др., 2015, с. 277; Шайхулов, 2016, с. 416).

Литература

Востриков О.В. Идеографический словарь русских говоров Среднего Урала // Уральский лексикографический сборник. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. С. 4–16.

Гарипов Т.М., *Кузеев Р.Г.* Волго-Уральский регион культурно-языкового взаимодействия уральских и алтайских этносов // Урало-Алтаистика: Археология. Этнография. Язык. Новосибирск: Наука, 1985. С. 107–113.

Жамсаранова Р.Г. Материалы к региональному топонимическому словарю. Вып. 1. Чита: Поиск, 2005. 46 с.

Киекбаев Дж.Г. Основы исторической грамматики урало-алтайских языков: Структурный анализ морфологического строя тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и угро-финских языков на основе теории определённости в языке. Уфа: Китап, 1996. 368 с.

Попов И.А. К проблеме идеографического словаря русских народных говоров // Междунар. симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографиии: Тезисы докладов. М.: Наука, 1984. С. 138–139.

Сосаева А.А. Актуальные проблемы ономастики в Урало-Поволжском регионе // Евразийство: историко-культурное наследие и перспективы развития: Тезисы докладов и сообщений Междунар.

науч. конф. Уфа, 14–15 сентября 2000 г. Уфа: Восточный университет, 2000. С. 142–143.

Шайхулов А.Г. Циркумуральский языковой союз: проблемы этнокультурной и лингвистической общности (на материале тюрко-монгольских и финно-угорских языковых взаимодействий) // Конф. «Языковые союзы Евразии». Москва, 14–16 ноября 2005 г. Тезисы докладов. М.: Ин-т языкознания РАН, 2005. С. 74–76.

Шайхулов А.Г., *Шайхисламова З.Ф.*, *Асмондьяров В.Н.* Отражение и методологические аспекты интеграционных процессов в диалектных системах языков Урало-Поволжья, Казахстана, Сибири и Северо-Востока России (когнитивно-семантический аспект) // Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений. Тезисы докладов VII Российского философского конгресса. Уфа, 6–10 октября 2015 г. Т. III. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. 277 с.

Шайхулов А.Г. Этнокультурные и этнолингвистические контакты народов Урало-Поволжья, Казахстана, Сибири и Северо-Востока Российской Федерации: Евразийский аспект интерпретации // Татарское языкознание в контексте евразийской гуманитарной науки: Материалы Междунар. науч.-практич. конф. (Казань, 1–4 ноября 2016 г.). Казань: Казанский федеральный ун-т, 2016. С. 416–421.

УДК 801.311, 347.783.55, 912

Лоция Белого моря 1930 г. как источник изучения системы номинации гидрообъектов Европейского Севера

© 2018 г. Л.П. Михайлова

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия
posnm87@bk.ru

Sailing directions of 1930 as a source of studies on the naming system of North-European hydrography

L.P. Mikhailova

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia
posnm87@bk.ru

Sailing directions are an important guide for seamen and business fishery. It is sailing directions written by local country-folk that are especially important. The author describes a new manuscript of that kind that was found in one of northern settlements, gives a linguistic analysis of the text and also shows some examples of toponyms in the White Sea basin and local geographical terms.
Keywords: ***local geographical terms, new manuscript, sailing directions, toponyms.***

Автор статьи аналитически рассматривает морские лоции – важный путеводитель для моряков и рыбаков-промысловиков. Особое внимание уделено лоциям, составленным местными жителями. В научный оборот современной топонимики вводится описание новой лоции, открытой в одном из северных посёлков. Представлен её текстологический анализ и указаны особенности содержащихся в ней топонимов бассейна Белого моря и местных географических терминов.
Ключевые слова: ***местные географические термины, морские лоции, новая рукопись, топонимы.***

Гидрография Белого моря и связанных с ним акваторий, имеющая большое практическое значение для мореплавателей и промысловиков региона, привлекает внимание исследователей разных научных направлений, в том числе топонимистов. Важнейшими источниками системы именований объектов морского ландшафта, обозначения линий движения судна в нужную сторону, по безопасному направлению являются лоции.

Среди них особую ценность имеют лоции, составленные местными жителями, многократно путешествующими по Белому морю с выходом в северные акватории, до берегов Норвегии. Петрозаводский географ-краевед В.П. Ершов, много лет изучающий быт, культуру жителей Се-

вера, создатель этнографического музея Карельского педагогического института (с 2013 г. вошедшего в Петрозаводский государственный университет) собрал коллекцию письменных памятников, среди которых находится лоция, оформленная в книге под названием «Книга Прихода и Расхода Товаров в Сезон 1930 г.». Данный документ содержит 18 страниц размером 21,5×17 см тетради в клеточку. Интерес представляет история находки рукописного памятника (Ершов, 2014 а, б).

Лоции беломорских промысловиков частично опубликованы, некоторые хранятся в музеях. В 1980 г. была опубликована «Книга мореходная с означением мест сколько от одного до другого расстояния и приметы становищом» – девятая Поморская книга, прочитанная, переписанная в 1911 г. и позднее подготовленная к печати Ксенией Петровной Гемп, известным исследователем Русского Севера (Гемп, 1980, с. 19–45). Данная лоция принадлежала О.А. Двинину, жителю села Сумский Посад (западный берег Белого моря), а досталась она ему от деда (Гемп, 1980, с. 12). В рукописи 24 листа высотой 22 см, шириной 17 см. Текст рукописи сопровождается ценными приложениями, включая географические названия, представленные в лоции: по Белому морю – 180 именований, по Баренцеву морю – 110, по Норвежскому морю – 86 (Гемп, 1980, с. 48–68).

Описываемый нами документ, состоящий из 9 тетрадных листов, представляет собой часть поморской лоции. В тексте имеются заголовки:

[1] «Ход из Архангельска в Норвегию» (л. 1 – л. 4об.)

[2] «Ход из Архангельска в Поморье» (л. 4об. – л. 5)

[3] «Ход от Орлова в Онегу» (л. 5 – л. 5об.)

[4] «От Зимних Гор в Мезень» (л. 5об.)

[5] «Описания разных курсов» (л. 6 – л. 6об.)

[6] «Описание становищей и банок» (л. 6об. – л. 7об.)

[7] «Ход в Кольску Губу» (л. 7об. – л. 9об.)

Для сравнения отметим, что в лоции, описанной К.П. Гемп (далее – Лоция 1911), представлено 11 разделов, с которыми частично совпадает лоция 1930 г. (далее – Лоция 1930). Последняя была составлена, по всей вероятности, выборочно, в соответствии с интересующими маршрутами.

При совпадении большей части сведений в обеих лоциях обнаруживаются некоторые различия. В данной статье мы представим обзор гидронимического материала Лоции 1930, отражающего особенности гидрографии Белого моря. В качестве иллюстрации приведём отрывок, связанный с мореходными путями одной части Белого моря – Кольской губой:

«Ход в Кольску Губу»

От Кильдина к Летинскому левее запада стр. 15 к Латинскому итти есть от наволока Поливузии лежит губа Долга в ней по необходимости стоять можно.

От Кильдина с голомяну сторону к Латинскому меж запад шолодник

От Летинского к Торас островам 7об. \\ леве запада на стрик к Оленьим лудам: в лето, а поправе на стрик к Седловатищам: меж лето шолодник

В Тюву: левее лета на стрик

От Погань наволока к Латинскому: в лето за Летинским есть губа волокова в ней стоять хорошо. Под Оленьими стоят на салме.

От Оленьих о берег в Екатерин Гавань итти чисто.

От Торас островов к Оленьим: полеве лета

От Оленьих видно островок Медведко недошет онего в гавань Лодейна салмаходят при полной воде. От Медведка видно наволок То Шуриновы луды стоят на салме салма чиста. Впереди видно остров Сальной Ходят по обе стороны: ход меж лето шолодник От Сального до Шарин наволока в шолодник; от Шарин наволока и от Толстого до Пинегорева он на левой стороны наволок Толстый: лево запада на стрик От Пинегорева передаваться 8 \\ к правой стороне к Абрамовой Пахты: под правой стороной под губой есть корга, а левее наволоки отмелы: немного недошед Пахты на середине есть корга ходят праве ей о Пахту. <…>.

Торас острова заходят от Кольской губы с левой наволок, а над правым есть поливухастоят на салме под левой стороной, а дальше по салме мелко с морску сторону заходит чисто, стоят не дошед перебору, а через перебор лодьям ходу нету. Есть с голоменного конца у острова луды, в них стоять только ото встока опасно, а заходить чисто 8 об. \\

От Кильдина к Цип-наволоку праве побережника на стрик Перво покажется за Кольской губой Пагань наволок от него за Мотовской губой толстой наволок Карабельной от него в тонком наволоке будет Карабельна луда лежит в побережник заходить прямо в губу на правом наволоке большой гурей стоять в губе прямо крестов что на левой руке на Черном кряжу. От Карабельной внизь за наволоком остров Оникиев остров в губу заходить в русску сторону о остров ближе, в салме есть водопоймина на средине итти по обе стороны можно чисто с нижнего конца их губы салмой чисто стоять на салме. Зубовы острова в губы недошед Скарбеевских стоят под русским островом только от немецкого конца есть отмель близко итти не надо. В шолодничну сторону есть водопойминада в щолодник то-же есть. От накого острова из под русской стороны прямо меж лета шолодник 9 \\

О матерой есть губа в ней заходить о праву сторону ближе перво итти меж лето в шолодник а как далее пройдеш, то стать к левому наволоку к Човрунскому на коем гурьи стоять хорошо внизь идут, а заходить в губу при воде а там внутри и в обедник итти. От Скарбеевских видно Вайдогубский наволок Кекур оттянулся а нижний камедной наволок гладкий как поле отот наволок отмело. Да и от Кекурского в губу есть от берегу корги. Вайдогуба заходить в шолотник на средине есть луда ходят праве ей стоят под правой лудой что под правой стороной. Кий остров за Вайдогубску тонкий наволок итти о Вайдогубску сторону дальше от наволока есть луды собой чисти от ней «итти в салму остров округ чист стоят на салме» 9об.

Данная часть текста рукописи занимает более четырёх страниц. По содержанию она соответствует отрезкам текста Лоции 1911, начальные слова которых, обозначающие именования значимых объектов, специально выделены в работе К.П. Гемп: «КОЛЬСКА ГУБА», «ТОРАС», «ОНИКИЕВ». «ЗУБОВЫ». «ВАЙДОГУБА» (Гемп, 1980, с. 39–40).

В обоих текстах большинство слов, форм и оборотов совпадает, хотя сами тексты различаются. Создаётся впечатление, что Лоция 1911 построена более строго в отношении описания курса следования от одного крупного по величине объекта к другому. В Лоции 1930 в сравнении с предыдущей больше подробностей, касающихся прохода от какого-либо пункта до ближайшего. В частности, в ней имеются сведения, отсутствующие в Лоции 1911, например, о пути, связанном с Еловым наволоком; по-разному представлены значимые для определения правильного курса ориентиры, ср. *крест*, *башня*, *колокольня* в сопоставляемых текстах:

Лоция 1911	Лоция 1930
От Пахты ход о праву сторону до Елова наволока, на нем крест; от Елова ити на яму на кроткой воды, чрез Тулому о леву коргуна яму ити при воды (Гемп,1980, с. 39)	От Пахты ход о праву сторону до Елова наволока а на средине корги и леве их ходят только знаючи. От Елова итти в Колу на полной кроткой воде навести башню на колокольню, а если с прибылой водой, то запасатся левее дабы в Тулому да за корги не нанесло течение быстро: стоят на яме (В тексте Лоции 1930 данный отрывок находится на месте, обозначенном выше знаком пропуска <…> (см. выше).

В качестве ориентиров для мореплавателя в данных текстах представлены такие объекты как *крест, башня и колокольня*. В более пространном тексте Лоции 1930, как видим, даётся более чёткая рекомендация по определению направления движения судна: «*навести башню на колокольню*».

Не останавливаясь на особенностях, характерных для разных уровней поморских говоров, отметим лишь такую яркую фонетическую черту,

как произношение сочетания *-нн-* в середине слова, которая разграничивает говор жителя Сумского Посада (создателя Лоции 1911) и Керети (переписчика Лоции 1930). Удвоение *-н-* касается часто употребляемого в лоциях слова *шелоник* (> *шелонник*), происхождение которого связано с названием р. *Шелонь* в Новгородской земле). Лексема в значении ‘юго-западный ветер’ известна русским говорам Карелии и сопредельных областей в нескольких вариантах: *шелоник*, *шелонник*, *шелойник*, *шелодник*. Ср. лексикографические данные последнего времени: «*Все ветра – шало́ник, обедник, побережник, полуночный, сток. Шало́ник – на той стороне, на архангельском береге. Есть река Шелонь, это юго-западный*». Тер.; «*Южный ветер так, а юго-западный — шелонник*». Кем.*; «Шалодник – тёплый ветер с горы, а не с моря*». Кем. «*Ветер шалодник – самый тёплый ветер с гор*» Лоух.; «*С севера ветер север называется, потом побережник, потом запад, потом шалонник, потом летний, потом обедник, потом исток, потом полуночник*». Белом (Словарь русских говоров…, вып. 6, с. 856).

Заметим, что и сочетание *-дн-* преобразуется в *-тн-*, которое также лексикализуется в варианте *шолотник*: «Вайдогуба заходить в *шолотник*» (в иллюстрируемом отрывке); ср. другие данные Лоции 1930: «В Печенгу левее *шолотника* на стрик»; «От Конрога до Кильвик в запад в салму меж запад и *шолотник*»; «От Штапу в Гаусин в *шолотник*» (л. 2) и т.п. Изменение *-нн- > -дн-*, отражающее гиперкоррекцию распространённого в говорах преобразования *–дн- > -нн-* (медный > менный), отражено также в варианте *камедный* (< каменный): «нижний *камедной* наволок гладкий как поле».

В Лоции 1930 содержится большое количество названий разных объектов, связанных с данной акваторией. Выделим некоторые из них:

острова – **Кильдин** 7об., 9; **Торас** острова 7об., 8, 8об.; **Седловатицы** 8; **Медведко** 8; **Сальной** 8; **Оникиев** остров 9; **Зубовы** острова 9; **Скарбеевские** 9, 9об.; **Русский** остров 9; **Кий** остров 9об.;

луды – **Оленьи** луды 8; **Шуриновы** луды 8; **Вайдогубска** (луда) 9об.;

губы – губа **Долга** 7об.; губа **Волокова** 8; **Кольская** губа 8об.; **Мотовская** губа 9; **Карабельна** губа 9; **Вайдогуба** 9об.;

гавани – **Екатерин Гавань** 8; гавань **Лодейна Салма** 8;

утёсы – **Абрамова Пахта** 8об.; **Пахта** 8об.;

кряжи – **Черный кряж** 9;

наволоки (мысы) – **Летинский** 7об.; **Погань** наволок 8; **Шарин** наволок 8; **Толстый** наволок 8; **Пинегорев** (наволок) 8; **Елов**(ый) на-

волок 8об.; **Тонкий** наволок 9об.; **Цип**-наволок 9; **Пагань** наволок 9; **Толстой** наволок 9; **Тонкий** наволок 9; **Карабельный** 9; **Човрунский** наволок 9об.; **Вайдогубский** наволок **Кекур** 9об.; **Кекурский** 9об.;

реки – **Тулома** 8об.

Гидрографические объекты: *водопоймина*, *корга*, *кряж*, *луда*, *матера*, *наволок*, *отмель*, *пахта*, *перебор*, *поливуха*, *салма*, *яма*.

Приметные знаки: *башня* 8; *гурей* 9; *гурьи* 9об.; *колокольня* 8; *кресты* 9.

Обозначение направлений: «*с голомяну сторону*» 7об.; «*с морску сторону*» 8; «*с голоменного конца*» 8; «*в русску сторону*» 9; «*с нижнего конца*» 9; «*от немецкого конца*» 9; «*из под русской стороны*» 9; «*о Вайдогубску сторону*» 9об.

Семантическая характеристика апеллятивной лексики с учётом лексикографических источников может быть представлена в следующей форме. Ниже в тексте приняты следующие сокращения:

Арх. – Архангельская область
Белом. – Беломорский район Карелии
Канд. – Кандалакшский район Мурманской области
Карел. – Карелия
Кем. – Кемский район Карелии
Лоух. – Лоухский район Карелии
Мурм. – Мурманская область
Онеж. – Онежский район Архангельской области
Повс. – повсеместно
Помор. – поморское (у Белого моря)
Севмор. – Североморский район Мурманской области
Сег. – Сегежский район Карелии
Тер. – Терский район Мурманской области

Водопóймина – ‘вдающаяся в море часть берега, мель или камень, покрываемые водой во время морского прилива’ Помор. Арх. 1885, Беломорье (Словарь русских народных…, вып. 4, с. 345), ср. в этом же значении *водопóймян* Арх. 1844, Помор., Беломорье. «Камни, затопляемые во время прилива. Иногда даже в тихое время на водопоймяны изредка неожиданно всплескивает бурун так сильно, что бывает опасен для мелких судов». Беломор. Шейн (Там же);

Гýрей – ‘знак из камней для какой-либо приметы’ Кандалакша (Меркурьев, 1979, с. 37); *гýрей* ‘груда камней, сложенная на морском берегу для обозначения места охоты, промысла’ Онеж. Арх. (Архангельский областной…, вып. 10, с. 157); *гýрий* ‘каменный знак, состав-

ленный из уложенных вертикально (столбом) камней' Тер. Мурм. (Кушков, 2011, с. 40). В значении 'груда камней в виде пирамиды, сложенная на морском берегу для обозначения места охоты, промысла, определения расстояния и т.п.' известны варианты *гу́рей* Арх. 1885, *гуре́й* Арх. 1850, *гу́рий* Арх. 1844 (Словарь русских народных…, вып. 7, с. 238). Примечательны сведения по беломорским говорам: *гу́рий* 'береговой знак в виде пирамиды из камней': *Гу́рий – это камни наложены на берегу, да крест поставлен, дорогу показывают лучше компаса*. Белом. Карел. *В становищах, где можно спастись от ветров, на буграх гурьи выкладут.* (Словарь русских народных…, вып. 1, с. 417).

Ко́рга – 'большой камень, груда камней, скала, возвышающаяся над поверхностью воды' Нюхча Белом. Карел., Сальнаволок, Шижня Севмор. Арх., 'подводный камень, скала под водой во время прилива' Шижня Севмор. Арх., 'подводная каменистая гряда в море, возвышающаяся во время отлива' Ковда, Колвица Канд. Мурм., Тамица Онеж. Арх., 'подводная каменистая мель' Ковда Канд. Мурм., Кянда Онеж. Арх., Сумской Посад Болом Карел., 'возвышенное каменистое место на берегу водоёма' Нюхчозеро Онеж. Арх., 'небольшой остров' Вирма Белом. Карел. (Мызников, 2010, с. 168).

Кряж – 'высокий крутой берег' Севмор. Мурм. (Словарь русских говоров, вып. 3, с. 43).

Лу́да – 'скала, небольшой каменистый островок в море' Вирма, Нюхча, Сумской Посад Белом. Карел., Кянда, Нюхчозеро, Тамица Онеж. Арх., 'гладкая подводная скала, обнажающаяся при отливе' Сумской Посад Белом. Карел., 'каменистая отмель' Вирма Белом. Карел., Вожма Гора, Дуброво Сег. Карел., Нюхчозеро Онеж. Арх. (Мызников, 2010, с. 204–205).

Матера*: *ма́тера*, *матера́ и ***матёра*** – 'обширная часть суши, омываемая водой; материк' Кем. Карел., Тер. Мурм., 'глубинная, возвышенная часть большого острова' Кем. Карел., 'берег материковой части суши' Тер. Мурм. (Словарь русских говоров…, вып. 3, с. 201).

На́волок – 'мыс, полуостров' Вирма Белом Карел. (Мызников, 2010, с. 231); *наволо́к* 'мыс, полуостров' Варзуга, Кандалакша Мурм. (Меркурьев, 1979, с. 89).

О́тмель – 'мелкое место в водоёме' Анциферовский Бор Онеж. Арх. (Мызников, 2010, с. 283).

Па́хта – 'утёс на берегу моря или выдающийся в море'. Многие из таких утёсов обозначаются у моряков и поморов рыбо- и зверо-

промышленников собственными именами: *Абра́мова па́хта* около становища Гаврилово на Мурмане. *Все летино судном выстояли под па́хтой*. Повсеместно (Дуров, 2011, с. 289); ‘отвесистая скала над водой’: *Этта на Абра́мовой па́хты тут до́лго жы́ли*. Кандалакша Мурм. (Меркурьев, 1979, с. 108); ‘утёс на берегу моря, скала; крутой обрыв, падающий к озеру и сложенный кристаллическими породами; крутой скалистый берег’. Ср. саам. *пахт* – “скала” (Терский берег Мурманской обл.) (Мурзаев, 1999, т. 2, с. 116).

Перебо́р – ‘мелкое место, перекат в водоёме’ Кузомень Тер. Мурм. (Меркурьев, 1979, с. 109); ‘мелководная гряда, песчаная или каменистая, поперёк залива, губы или реки’ Беломорье (Гемп, 1980, с. 78); ‘крайняя линия отлива, от которой начинается глубина’. Обычно это самое мелкое место, через которое из открытого моря перебираются в губу, во время отлива пользуются руслом, через которое вода выходит из губы. Варзуга Мурм. (Кушков, 2011, с. 70).

Поливу́ха – ‘камень в море почти вровень с поверхностью воды, над которым бывает постоянное волнение (буруны), водовороты (что опасно для судов)’ Арх. (Словарь русских народных…, вып. 29, с. 71); ‘камень на дне моря, возвышающийся почти до уровня поверхности воды, через который идут волны прилива и отлива, «играет вода»’ Беломорье (Гемп, 1980, с. 78). *Поливу́шка* ‘островок, камень в море, заливаемый водой’ Вирма Белом. Карел. (Мызников, 2010, с. 320).

Са́лма – ‘пролив’ Вирма, Сумской Посад Белом. Карел., ‘пролив между островом и материком’ Нюхчозеро, Солозеро Онеж. Арх., ‘пролив между островами’ Вожма Гора, Сенная Губа Сег. Карел. (Мызников, 2010, с. 382).

Я́ма – ‘глубокое место в реке, озере’ Кянда, Солозеро, Тамица Онеж. Арх. (Мызников, 2010, с. 490).

Представленная часть материала рукописной Лоции 1930, хранящейся в частной коллекции петрозаводского краеведа В.П. Ершова, свидетельствует о богатой гидронимической системе Беломорья, отражающей своеобразие природы Белого моря и восприятие её поморскими жителями. Текст лоции можно интерпретировать в разных аспектах ономастического исследования с учётом истории морской терминологии (Андрющенко, 2006).

Благодарности. Исследование выполнено в рамках реализации комплекса мероприятий Программы развития опорного университета ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет» на 2017 год.

Литература

Андрющенко Н.С. Толковый морской словарь: Основные термины. М.: АСТ: Астрель, 2006. 766 с.

Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецовой. Вып. 1–17. М.: МГУ; Наука, 1980–2016.

Гемп К.П. Выдающийся памятник истории поморского мореплавания XVIII столетия. Л.: Наука, 1980. 80 с.

Дуров И.М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. 455 с.

Ершов В.П. Кереть / Ершов В.П. Что у вас, ребята, в рюкзаках…Петрозаводск: Изд-во Е.А. Барбашина, 2014а. С. 62–73.

Ершов В.П. Лоция из Керети: история находки // «Краеведческие чтения – 2014»: Материалы VIII науч. конф. Петрозаводск, 13–14 февраля 2014 г. Петрозаводск, 2014б. С. 224–229. Электронный ресурс: library.karelia.ru / files / 619.pdf.

Кушков Н.Д. Поморский говор. Пословицы, поговорки, присказки, лексика. Варзуга: Опимах, 2011. 168 с.

Меркурьев Н.С. Живая речь кольских поморов. Мурманск: Мурманское книжное изд-во, 1979. 184 с.

Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. В 2 томах. 2-е изд. М.: Картгеоцентр – Геодезиздат, 1999.

Мызников С.А. Русские говоры Беломорья. Материалы для словаря. СПб.: Наука, 2010. 496 с.

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. Вып. 1–6. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005.

Словарь русских народных говоров. Вып. 1–49. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2016.

УДК 801.311, 81.373.2

От *Чёрной Сосны* до *Белого Мха* (значение цвета в топонимии смоленско-белорусской приграничной зоны)

© 2018 г. О.С. Евсеева

Заборьевская средняя школа, Демидовский район, Смоленская область, Россия
evseevoly@yandex.ru

From *Black Pine-tree* to *White Moss*. The meaning of the colour in place-names of Smolensk-Byelorussian border-line

O.S. Yevseyeva

Zaborye secondary school, Demidovo district, Smolensk region, Russia
evseevoly@yandex.ru

The aim of this paper is to reveal and define the compound place-names that include the words meaning 'colour'. The majority of such place-names have two components connected syntactically. The colour-adjectives in this region do not always reflect the real colour: they may mean 'light' (as *White Moss*) or 'dark' (as *Black-Pine-tree*). The most frequent colour in place-names is green (the symbol of fertility and agriculture). Then the white colour comes (in Russian the corresponding word may be a geographical local term which means 'swamp'). Other colour-adjectives are grey, silvery, black and dark. The red colour is not under review in this paper: it was examined in another special article.

Keywords: ***colour, colour-adjectives, place-names.***

В статье проанализированы сложносоставные топонимы, включающие слова со значением 'цвет'. Большинство таких топонимов в своей структуре имеют два синтаксически связанных компонента. Цветовые прилагательные в данном регионе не всегда обозначают реальный цвет: они могут иметь значение 'светлый' (Белый Мох) или 'тёмный' (Чёрная Сосна). Чаще всего в топонимах данного типа встречается зелёный цвет – символ плодородия и земледелия, а также белый цвет (соответствующее слово в русском языке может быть местным географическим термином со значением 'болото'). Используются и другие цветовые прилагательные: серый, серебристый, чёрный, тёмный. Красный цвет в статье не рассматривался.

Ключевые слова: ***топонимы, цвет, цветовые прилагательные.***

Как известно, территория Смоленщины не однородна. Эта область имеет богатое историческое прошлое, различные природные условия и ресурсы; особое влияние также оказывает соседство западных районов с Республикой Беларусь (Евсеева, 2015, с. 3).

Объектом нашего исследования служат топонимы смоленско-белорусского приграничья. В территориальном плане это приграничные с республикой Беларусь районы Смоленской области: Велижский, Руднянский, Краснинский, Монастырщинский, Хиславичский, Шумячский и

Ершичский, а также приграничные со Смоленской областью районы Белорусской Республики: Городокский, Витебский, Лиозненский, Дубровенский, Горецкий, Кричевский, Климовичский, Мстиславльский и Хотимский. Протяжённость государственной границы составляет 463 км, а собранная картотека составляет около 3000 топонимических единиц.

Цель настоящей работы – выявить и охарактеризовать топонимы, в состав которых входят слова со значением цвета. Данная статья продолжает изучение топонимов смоленско-белорусского пограничья, которое проводилось автором с 2011 г. (Евсеева, 2013, 2015; Королева, Евсеева, 2016).

Составными называются топонимы, которые включают в себя два, реже большее число компонентов, связанных разными типами синтаксических отношений. Абсолютное большинство составных топонимов приграничной зоны представляет собой двухсловное наименование, компоненты которого связаны подчинительной связью и атрибутивными отношениями.

В настоящей работе рассмотрены топонимы, содержащие цветовые прилагательные. Мы не останавливаемся на топонимах, которые содержат прилагательное *красный*, этому посвящена отдельная статья «Из истории топонимов смоленско-белорусского пограничья с корнем *красн-*» (Королёва, Евсеева, 2017).

Цветовые прилагательные, входящие в состав топонимов смоленско-белорусского пограничья, не всегда связаны с реальным цветовым обозначением, так как они многозначны в нарицательном употреблении. Любой цвет может быть охарактеризован по «светлоте», цвету, насыщенности. Так, по признаку «светлоты» самым светлым является белый, тёмным – чёрный, что нашло отражение и в топонимах. Кроме того, для этих прилагательных характерно развитие и переносных значений; *белый* обладает значением ‘чистый’, *чёрный* – ‘грязный, плохой’ (Бахилина, 1975; Василевич и др., 2016).

Мы выявили девять составных топонимических единиц, содержащих в своём составе прилагательные с цветовым значением (для сравнения: топонимов с корнем *красн-* – 26). Среди топонимов данной группы на первом месте по частотности употребления прилагательное *зелёный* (*Зелёный Луг*, два упоминания; *Зелёный Клин*). В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова приводится пять значений данного прилагательного, но только одно мы можем применить относительно топонимии – ‘цвета травы, листвы’ (Ожегов, 1990, с. 231). Данные топонимы связаны со словами *зелень*, *зелёный*, которые являются символами плодородия в сельском хозяйстве.

Не менее интересны топонимы, в состав которых входит прилагательное *белый*. На территории русско-белорусского пограничья встречаются топонимы *Белый Мох*, *Белый Бор*. По данным «Топонимического словаря Смоленской области» подобные географические названия содержат в своих основах местный географический термин *бель* – 'верховое болото-беломощник' (Будаев, Махотин, 2009, с. 23).

В топонимии смоленско-белорусского пограничья встречаются названия, содержащие в своих основах цветовые прилагательные *серый* и *серебряный*: *Серый Камень*, *Серебряный Ручей*. Прилагательное *серебряный* в данном контексте выступает в роли качественного. С.И. Ожегов даёт следующее определение данному прилагательному: «блестяще-белый, с серебряным блеском; отливающий серебром» (Ожегов, 1990, с. 711).

На территории смоленско-белорусского пограничья встречаются топонимы, в основах которых закреплено прилагательное *чёрный*. На территории Мстиславльского района Могилёвской области находится деревня *Чёрная Сосна*. Вероятно, данная топонимическая единица получила своё название благодаря фитонимическому термину *чёрная сосна* – хвойное дерево, вид рода сосна.

В Горецком районе Могилёвской области находим посёлок *Гощ-Чёрный*, расположенный на берегу озера *Гоща*. Древнерусское слово *гощь* означает 'лес'. Дословно получается 'чёрный лес'. В «Словаре русского языка» слово *чёрный* имеет 11 значений. Наиболее подходящими для топонимии являются только четыре: 1) 'цвета сажи, угля'; 2) 'тёмный, в противоположность чему-нибудь более светлому, именуемому белым'; 3) 'принявший тёмную окраску, потемневший'; 4) 'мрачный, безотрадный, тяжёлый' (Ожегов, 1990, с. 879).

Начиная с XVIII в. (возникновение населённого пункта) и по настоящее время топоним претерпел изменения: *Гоща* → *Гощъ* → *Гощ-Чёрный*. Вероятно, лес, окружавший озеро *Гоща*, со временем зарастал и становился тёмным и менее проходимым, тем самым контрастируя с более светлой гладью водоёма. Отсюда и трансформации в наименовании.

Таким образом, среди составных топонимов смоленско-белорусского пограничья, имеющих в своей основе цветовые прилагательные, можно выделить два основных направления мотивации. Одни топонимы связаны с местными географическими терминами (*бель*) или с названиями растений, произрастающих на рассматриваемой территории (*чёрная сосна*). Другие топонимы напрямую взаимодействуют с одним из многочисленных значений нарицательного употребления имён прилагательных.

Литература

Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 292 с.

Будаев Д.И., *Махотин Б.А.* Топонимический словарь Смоленской области. Смоленск: Смядынь, 2009. 352 с.

Василевич А.П., *Кузнецова С.Н.*, *Мищенко С.С.* Цвет и название цвета в русском языке. М.: ЛКИ, 2016. 216 с.

Евсеева О.С. Топонимия смоленско-витебского пограничья, отражающая цветовое восприятие мира, в прошлом и настоящем // Беларуска-руска-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культаралогія: зборнік навуковых артыкулаў. Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава, 2013. С. 220–223.

Евсеева О.С. Топонимия смоленско-витебского пограничья: структурно-семантический аспект. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Смоленск, 2015. 22 с.

Королёва И.А., Евсеева О.С. Топонимия смоленско-витебского пограничья: структурно-семантический аспект (общий обзор) // Материалы по русско-славянскому языкознанию: Вып. 33. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016. С. 296–303.

Королёва И.А., Евсеева О.С. Из истории топонимов смоленско-белорусского пограничья с корнем *красн-* // Изв. Смоленского гос. ун-та. 2017. № 1 (37). С. 72–79.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990. 921 с.

Источники

Административно-территориальное устройство Смоленской области: Справочник. М.: Московский рабочий, 1981. 416 с.

Генкін У.М. Слоўнік адтапанімных дэрыватаў Віцебшчыны. Віцебск: Віцеб. дзярж. ун-т, 2005. 235 с.

Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць: нарматыўны даведнік. Мінск: Тэхналогія, 2009. 668 с.

Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь. Магілёўская вобласць: нарматыўны даведнік. Мінск: Тэхналогія, 2007. 406 с.

Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981.

Смоленская область. Энциклопедия. Т. 2. Смоленск: Смоленский гос. пед. ун-т, 2003. 624 с.

Справочник по вопросам административно-территориального устройства Смоленской области. Смоленск: Принт-Экспресс, 2010. 247 с.

УДК 801.311, 81.373.6

Местная географическая терминология в костромской микротопонимии

© 2018 г. Е.В. Цветкова

Костромской государственный университет, Кострома, Россия
elv15@list.ru

Local geographical terminology in Kostroma microtoponyms

E.V. Tsvetkova

Kostroma State University, Kostroma, Russia
elv15@list.ru

The aim of the article is to present the classification of microtoponyms in Kostroma region that are generated from local geographical terms (appellatives). The types revealed by the author are: 1) the direct transition of the local term (LT) into the place-name, *Podgor* "the place beneath the mountain", 2) the compound names (LT + appellative attribute), *Osinovaya gar'*-, wood "aspen + burning", 3) the compound names of type "LT + onymic attribute", *Babki Veriny gorki* "The old woman Vera's + hill", and so on.

Keywords: ***local geographical terms, microtoponyms, types of microtoponyms.***

В статье представлена классификация основных микротопонимов Костромского края, образованных от местных географических терминов (апеллятивов). В классификации отражены, во-первых, переход местного географического термина в топоним, ср. *Подгор* 'место под горой находится'; во-вторых, составные наименования типа МГТ + апеллятивное определение, ср. *Осиновая гарь* 'гарь на месте осин'; в-третьих, составные наименования типа МГТ + онимическое определение, ср. *Бабки Верина Горка* 'маленькая гора бабки Веры' и т.д.

Ключевые слова: ***местные географические термины, микротопонимы, типы микротопонимов.***

Местные географические термины (далее – МГТ) занимают особое место в апеллятивной и онимической лексических системах говоров, поэтому МГТ посвящена обширная топонимическая литература, см., например: (Микротопонимия, 1967; Вопросы… 1970; Мурзаев, 1999; Ганцовская, 2015 а, б; Горланова, 2017). МГТ обладают высокой информативностью, наглядно фиксируя особенности народной речи, в них отражена история и физико-географическая характеристика территории проживания народа. Особой активностью отличаются МГТ в образовании микротопонимов.

В речи жителей Костромского края в качестве микротопонимов функционируют МГТ, различные по времени возникновения, типу именуемых

объектов, взаимодействию с другими единицами лексической системы говоров, особенностям функционирования в живой народной речи.

Далее в тексте используются следующие сокращения названий районов Костромской области

Антроп. – Антроповский
Буйск. – Буйский
Вохом. – Вохомский
Галич. – Галичский
Костр. – Костромской
Красн. – Красносельский
Макар. – Макарьевский
Мантур. – Мантуровский
Межев. – Межевской
Нейск. – Нейский
Нерехт. – Нерехтский
Октябр. – Октябрьский
Павин. – Павинский
Поназ. – Поназыревский
Пыщуг. – Пыщугский
Солиг. – Солигаличский
Судисл. – Судиславский
Чухлом. – Чухломский

В костромской микротопонимии зафиксированы МГТ разных видов. Они представлены в названиях, связанных с ландшафтом (рельефом, почвами, водными объектами), лесами, полями и т.д. Например: возвышенность *Ве́ре́тье́*; поросшая лесом вытянутая возвышенность *Гре́бень*; лес в болоте *Болотня́к*; дорога в лесу *Во́лок*; тропа *Прямо́шка*; родник *Студене́ц*; часть реки *Верх*; ямы с водой у реки *Бочаги́*; поёмный луг *На́волок*; сырое место *Леди́на*; место в излучине течения реки *Криву́ль*; мелкое место в реке *Мелко́ти́на*; место с быстрым течением *Быстря́к*; поёмный луг *Низи́нка*; болотистое место *Боло́тина*; заболоченное место *Га́тина*; поляна в лесу *Кули́га*; покос *Чи́стка* и мн. др.

Одни МГТ активно функционируют в речи жителей, другие менее активны, а третьи находятся на грани исчезновения, уходят в пассивный запас. О некоторых МГТ напоминают только образованные на их основе микротопонимы. Микротопонимы Костромского края, образованные от МГТ, представлены следующими основными типами.

1. *Отапеллятивные названия, возникшие в результате прямого перехода МГТ в микротопонимы.* Например: поле ***Пальники́*** (*Называют так, потому что раньше на этом месте был лес. Чтобы расчистить место, лес жгли – палили.* – д. Большой Завраг Павин.); ***Бычаги́*** (*После добывания глины-то Бычаги образовались.* – д. Починок-Чапков Костр.); возвышенность ***Уго́р*** (*Завтра собраться всем на Угоре с коровами!* – д. Забегаево Октябр.); ***Уго́рица*** (*Угорица – спуск, местность под деревней. / Спустишься под Угорицу-ту, так гледи по следам-то, куда коров-то погнау.* – д. Лядина Мантур.); ***Подго́р*** (*Место под горой это находится. / У Подгора мы остановились.* – д. Столпино Кадыйск.); сухое место в бо-

лоте ***Гри́ва*** (*Грива – названье сухого места в болоте. Мы в него ходим.* – г. Галич Галич.); место купания на реке ***Яр*** (*Девчонки, пошли купаться на Яр.* – д. Коробейниково Костр.); возвышение по краю поля ***Коса́*** (*Гряда длинная, высокая земли на краю поля. / На Косе вечерами играли, жгли костры.* – д. Мединиково Костр.); возвышенное место ***Рёлка*** (*На Рёлке росло много кедров.* – д. Евдокимово Макар.); Овраг ***Вра́ги*** (*Так и звали овраг-от этот Враги.* – д. Екатеринкино Кадыйск.); тропа ***Гать*** (*Гать-то уж и не знаешь? Это у пруда-то в Репьёве. Там всегда сыро было.* – д. Калинки Судисл.); поле ***Гарь*** (Антроп., Макар. и др.) и мн. др.

2. *Составные наименования типа МГТ + апеллятивное определение (обычно), каким-либо образом характеризующее именуемый объект*. Например: возвышенность ***Подкли́шина гора́*** (*Находится вблизи деревни Степино. Под горой расположен ключ.* – с. Понизье Антроп.); поле ***Ма́ленький Ува́л*** (*Это поле находится между деревней Мундырь и деревней Соколовское. Оно напоминает валы, которые поочерёдно сменяют друг друга. Это самое маленькое поле – всего сорок восемь гектаров пахотной земли. / Мундырьцы на Увале уж боронят.* – д. Мундырь Поназ.); лесная вырубка ***Высо́кая новина́*** / ***Высокая новь*** (*Это место, где был лес, который вырубили, пни выкорчевали, и образовалась поляна. / Высокая новь расположена на высоком месте. / Пойдём-ко по рыжики на Высокую Новину.* – д. Носково Пыщуг.); поле ***Гончáрошная полосá*** (с. Торманово Чухлом.); пастбище ***Дереве́нская поско́тина*** (*Пасли-то и в Деревенской поскотине.* – д. Носково Пыщуг.); место на реке ***Да́льний на́волок*** (Галич.); овраг ***Широ́кий ру́беж*** (д. Макарово Нерехт.); овраг ***Продо́льный враг*** (п. Антропово Антроп.); лес ***Оси́новая гарь*** (Октябр.) и мн. др.

3. *Составные наименования типа МГТ + онимическое определение (обычно), характеризующее именуемый объект*. Например: покос ***Мутóвкин ляд*** (*В этом месте косила семья Мутовкиных.* – д. Екатеринкино Кадыйск.), ***Ба́бки Ве́рина го́рка*** (*Бабка Вера там жила.* – д. Екатеринкино Кадыйск.); лесок ***Арка́шкина гарь*** (*Участок леса был выжжен для поля крестьянином Аркашкой, постепенно это место опять заросло лесом.* – д. Леонтьево Мантур.); луг ***Ша́дрин на́волок*** (*Шадрин – луг у реки, назван по фамилии хозяина Шадрина.* – Сусанн.); лес ***Иса́ковская поско́тина*** (*Исаковская поскотина – это рядом с деревней Исаково. За грибам-то.* – с. Троица Вохом.); часть берега реки ***Ха́рино запле́сье*** (*Река в этом месте как бы подмывает берег. Раньше тут было с. Харино.* – г. Макарьев); ягодное место ***Андреевские валы*** (*Туда ходят за малиной.* – п. Боговарово Октябр.) и мн. др.

4. *Наименования в виде предложно-падежных конструкций*. Например: болото ***За Я́мками*** (*Болото Ямки есь и ещё За Ямками есь. Так За Ямками и зовут.* – п. Кадый Кадыйск.); болото ***На Кули́ге*** (*В болото На Кулиге за ягодам-то хаживала.* – Макар.); место ***За Бочагами*** (*Место, что за Бочагами-то, так За Бочагами и звали раньше-то, а сейчас уж кто и помни* – д. Калинки Судисл.); тропа ***По Га́ти*** (Судисл.); дорога ***Что через Ши́шку*** (*Дак так и называем по Шишке-то – Что через Шишку.* – д. Кондратово Судисл.); местность ***За ло́гом*** (Костр.), покос ***У низи́нки*** (Галич.) и мн. др.

Микротопонимы отражают разнообразие значений МГТ, например: луг ***На́волок*** и возвышенность ***На́волок***, мыс ***На́волок*** и омут ***На́волок*** и др.; возвышенность ***Вере́тья*** и сухое возвышенное место в болоте ***Вере́тья***, тропа ***Вере́тья*** и др.

Особенности объектов (величина, глубина, крутизна и т.д.), передаваемые с помощью разных МГТ, в микротопонимии также находят своё отражение. Например, в названиях оврагов: *Вражек там небольшой, так Вражек его и зовём. А подальше-то Вражина находится.* – Кадыйск. (***вра'жек*** – уменьш. к ***враг***, 'небольшой овраг'; ***вра'жи'на*** – увелич. к ***враг***, 'большой овраг', 'большой, глубокий овраг'); *Вертеп-то? Дак овраг это. Большой он, заросший.* – Макар. (***верте'п*** – 'глубокий, заросший овраг', 'большой, заросший овраг', 'большой овраг с непроходимым кустарником и лесом') и др.

Названия объектов часто распространяются и на окружающую эти объекты территорию, например: *И возвышенность с соснами Шишкой зовут, и место всё рядом тоже* (д. Калинки Судисл.).

Микротопонимы служат свидетелями «прежней жизни» именуемых ими объектов (а также и смежных с ними объектов). Например: *Маленькая-то была когда, тяжело жили. Сама на Бочаги бегала платьице-то постирать. У речки-то там это ямы такие с водой были, так Бочаги их и называли. Сейчас уж и нет их таких-то… Место-то? А так и зовём по-прежнему – Бочаги, значит* (д. Калинки Судисл.). *Вспомнила! В Берёзках-то наших и берёз-то уж нет. Какие уж там грибы. Одно названье и осталось, да и то уж кто теперь называет-то?* (д. Екатеринкино Кадыйск.).

Являясь частью лексической системы говоров, МГТ и образованные от них микротопонимы находятся в постоянном взаимодействии, в определённой степени дополняя друг друга. Только наблюдение за функционированием МГТ в живой народной речи позволяет определить, какую роль они играют: апеллятивную (называя однородные объекты) или микротопонимическую (называя конкретные единичные объекты). Но даже и в этом случае чёткую границу между МГТ-апеллятивом

и МГТ-микротопонимом провести нельзя. Тем более что нередко одно и то же название географического объекта при недостаточно внимательном его рассмотрении может восприниматься по-разному.

Как показывают наши лексические наблюдения, нередко трудно определить, апеллятивом или микротопонимом является то или иное название. Дело в том, что в речи отдельных групп населения (в зависимости от места проживания в поселении, использования/неиспользования или особенностей использования именуемого объекта, наличия других подобных объектов, объединения по роду занятий, родственных отношений и т.д.) данные лексические единицы могут восприниматься по-разному: для одних – как обычные нарицательные названия (наряду с другими подобными названиями однородных объектов), а для других – как имена собственные, используемые для наименования единичных объектов.

Не случайно и в словарях, представляющих МГТ, такие названия часто трактуются как апеллятивы. Например, в «Кратком костромском областном словаре»: **Косяк**. Участок леса, расположенный по краю поля. *В лесу грибов нет, только в косяке, по краю.* Галич. *В косяке-то, говорят, белых много.* Солиг. (Живое…, 2006). В «Словаре говоров Костромского Заволжья»: ***Боровúна***. Сухое возвышенное место среди заболоченного участка леса. *На боровину сходите, там сухо, черники много нынче.* Солиг. (Лосево) (Ганцовская, 2015б; Цветкова 2014, 2015).

Микротопонимы рассматриваемого типа функционируют не только в повседневной обыденной речи сельских жителей, но и в их устном народном творчестве. Например, в таких частушках МГТ можно воспринимать и как апеллятивы, и как названия конкретных мест: *Мой милёнок далеко, На* ***заимке*** *пашет. Я* ***поскотиной*** *иду – Он рукою машет.* (Вохом.). ***Заимка*** ‘отдельная усадьба или промысловая постройка, небольшое поселение за пределами основного селения; место, расчищенное вдали от деревни; часть поля или леса, место для выпаса скота’. ***Поскотина*** ‘пастбище, выгон рядом с деревней, в поле, в лесу, со всех сторон огороженные изгородью, изгорода вдоль такого выгона’. *Завлеку так завлеку, Пускай походит за реку, За реку, за* ***волочек****, Потоскует годичек.* (Павинск.).

Часто можно услышать пословицы, поговорки с такими названиями, например: *У меня дед-то уж давно* ***на Углу*** *лежит.* ***Угол*** *– кладбище.* – п. Антропово Антроп.; *До* ***Криуля****-то палкой не докинешь!* ***Крúуль*** *– покос у реки Никифоры.* – д. Екатеринкино Кадыйск.; Довести до ***Бариновой горы***. ***Баринова гора*** *– возвышенность в лесу Курсаново, за рекой Сущёвкой. На ней стоял дом барина. Вокруг Бариновой-то*

горы ведь и всё места-то неровные. Свекровь мне говорила: «Доведёшь ты меня до Бариновой горы». Это до смерти, значет. Сама-то меня доводила и не до Бариновой горы… – с. Шувалово Костр.

Микротопонимы сохраняют ценные сведения о местных географических терминах, не только подтверждая их наличие в говорах, но и часто дополняя то, что о них известно, иллюстрируя их, а также подчас оставаясь единственным свидетельством о некоторых из них в результате их исчезновения.

Литература

Вопросы географии. Сб. 81. Местные географические термины. М.: Мысль, 1970. 224 с.

Ганцовская Н.С. Меткое костромское слово: хрестоматия. 2-е изд. М.: Книжный клуб Книговек, 2015а. 176 с.

Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома; М.: Терра: Книжный клуб Книговек, 2015б. 512 с.

Горланова И.Б. Микротопонимы XVIII–XX вв. города Костромы // Вест. Костромского гос. ун-та. 2017. № 1. С. 159–162.

Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / Сост. Н.С. Ганцовская, Г.И. Маширова. Кострома: ГОУ ВПО КГУ, 2006. 376 с.

Микротопонимия. М.: МГУ, 1967. 154 с. [Первый отечественный сборник исследований по микротопонимии. – *Прим. отв. ред.*].

Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов: В 2 томах. 2-е изд. М.: Картгеоцентр – Геодезиздат, 1999.

Цветкова Е.В. Ярославский областной словарь как источник сведений о костромской микротопонимии // Ярославский текст в пространстве диалога культур: Материалы междунар. науч. конф. Ярославль, 15–16 апреля 2014 г. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т, 2014. С. 338–342.

Цветкова Е.В. «Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь» как источник сведений о костромской микротопонимии // Вторые Громовские чтения. Русские народные говоры: прошлое и настоящее: Сб. материалов и исследований всеросс. науч.-практич. конф. Кострома, 17–18 октября 2014 г. Кострома: Костромской гос. ун-т, 2015. С. 560–566.

УДК 801.311, 81.373.21, 911.373

Наименования частей населённых пунктов Верх-Язьвинского сельского поселения Пермского края

© 2018 г. М.В. Боброва

Пермский гос. национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия
bomaripgu@yandex.ru

The partial names of settlements in Verh-Yazva village of Perm territory

M.V. Bobrova

The Perm State National Research University, Perm, Russia
bomaripgu@yandex.ru

The article deals with place-names in some parts of Verh-Yazva village (The Western Urals). These names were studied in the course of dialectal expeditions and analysis of cartographical data. The nominative principles of rural and urban place-names have been compared, and the result is that they may have common and different features. The author emphasizes the fact that this kind of investigations is urgent nowadays.

Keywords: ***dialectal studies, expeditions, nominative principles, place-names, urgent.***

В статье проанализированы названия населённых мест в некоторых частях деревни Верхняя Язьва (Западный Урал). Эти названия были изучены в ходе диалектологических экспедиций с привлечением картографических материалов. Сравнительный анализ принципов номинации сельских и городских объектов позволил автору сделать вывод о том, что мотивы номинации имеют и сходство, и отличия. По мнению автора, подобные исследования в настоящее время сохраняют свою актуальность.

Ключевые слова: ***актуальность, диалектология, принципы номинации, топонимы, экспедиции.***

Объект нашего исследования – топонимия, функционирующая в речи жителей одного западноуральского куста деревень – Верх-Язьвинского сельского поселения (далее – ВЯСП), расположенного на юго-востоке Красновишерского района Пермского края. Наиболее древнее упоминание населённых пунктов данной территории относится к XVI в. (перепись Ивана Яхонтова): «…следует, что в 1579 году в районе современного Верхнеязьвинского куста по р. *Язьве* был только один оседлый населённый пункт – починок Орефин» (Лыткин, 1961, с. 10). В настоящее время «на территории сельского поселения 21 населённый пункт, расстояние от г. Красновишерска до центра по-

селения с. *Верх-Язьва* 50 км, существуют транспортные сообщения» (Верх-Язьвинское сельское поселение: URL).

Данные для анализа получены автором в диалектологической экспедиции 2017 г. путём опроса жителей с. *Верх-Язьва*, д. Антипина, анализа карт, составленных агрономами местных хозяйственных объединений. Собранные сведения позволяют не только дать традиционное описание местного ономастикона, но и сделать обобщения лингвокультурологического и этнолингвистического характера, однако в настоящей публикации мы остановимся лишь на описании части актуальной топонимии. Мы получили более 400 онимов разных классов: комонимов, хоронимов, потамонимов, лимнонимов, гелонимов, дромонимов, дримонимов, эргонимов. В статье же сосредоточимся на принципах номинации частей населённых пунктов. Мы выявили 22 такие единицы (т.е. около 5% полученного материала), называющие части с. *Верх-Язьва*, д. *Антипиной* и д. *Сёминой* и функционирующие в живой речи их жителей.

Актуальность исследования названий частей населённых пунктов обеспечивается тем, что подобные единицы нечасто привлекали внимание ономатологов (и это обусловило специфику использованной литературы, частично относящейся к отдалённому уже времени разработки теории микротопонимии).

В большинстве современных населённых пунктов в соответствии с официальными установками принято административное деление на части (районы, микрорайоны и др.), внутри которых используются годонимы, агоронимы. Однако следует признать, что ономастическое пространство сельских поселений складывается согласно принципам, несколько отличным от городских. Например, городские хоронимы могут быть как исторически сложившимися, так и искусственно созданными (ср., например, официальные и неофициальные наименования районов в краевом центре – г. Перми: *Мотовилихинский* или *Мотовилиха* (исторический центр города); *Индустриальный* или *Ипподром*; названия микрорайонов: по именованию новостроек – жилых комплексов: *Ива*, *Архиерейка*; по историческим названиям: *Камская Долина*, *Рабочий Посёлок*, *Красные Казармы* и др.).

Жизнь в сельской местности менее динамична, поселения не только не разрастаются, а, наоборот, их количество постоянно сокращается. Потому и ономастическое пространство более стабильно, речь жителей более консервативна. Отсюда тенденция к предпочти-

тельности исторически сложившемуся ономастикону. В частности, во всех населённых пунктах ВЯСП в соответствии с общегосударственными требованиями имеются официально закреплённые названия улиц, обозначаемые табличками на фасадах домов. Например, в с. *Верх-Язьва* существует 17 годонимов: ***Заречная***, ***Комсомольская***, ***Молодёжная***, ***Набережная***, ***Нагорная***, ***Николая Попова***, ***Пятилетки***, ***Революции***, ***Свободы***, ***Северная***, ***Сельская***, ***Советская***, ***Строителей***, ***Студенческая***, ***Школьная***, ***Юбилейная***, ***Южная***; в д. *Бычиной* – четыре официальных годонима: ***Верхняя***, ***Гилёва***, ***Новая***, ***Палева***; в д. *Антипиной* – пять таких онимов: ***Береговая***, ***Ветлянская***, ***Полевая***, ***Северная***, ***Центральная*** и т.д. Однако для коммуникативного пространства жителей эти онимы неактуальны, вплоть до неспособности сельчан ориентироваться при обозначении конкретного адреса, т.е. улицы и номера дома. Принципиальными оказываются два признака: посессивный (проживание по искомому адресу определённого лица) и локативный (ориентированность на местности: расположение искомого объекта в непосредственной близости от какого-либо иного, специфичного объекта, например больницы, либо отнесённость к конкретной части населённого пункта): «Нет, я так не скажу. Лучше скажите, к кому идёте. Мы ведь знаем, кто где живёт, улицы не помним» (из речи информанта).

Отличны от городских и модели наименования частей сельских населённых пунктов. Так, исследовательница М.А. Шахова отмечала, что для городских хоронимов специфичны определённые компоненты (*-город*, *-посёлок*, *-маш*, например *Соцгород*, *Трудпосёлок*, *Эльмаш* и под.) или метонимическое указание на промышленный объект (*Метзавод*, *Никель*, *Завод* и т.п.) (Шахова, 1982, с. 45). Аналогичное явление наблюдаем в названии *Белище*, именовавшем место молодёжных гуляний в д. *Антипиной*, и *Новый Посёлок* в с. *Верх-Язьва*.

Значительная часть выявленных хоронимов соотносится с такими городскими онимами, которые возникли путём метонимизации – по наименованию деревни, ставшей частью города или пригородом (ср. в Перми микрорайоны *Голованово*, *Лобаново*, *Ферма*, *Кондратово*, *Песьянка*, *Ванюки* и пр.). Сходным образом обнаруживаем в с. *Верх-Язьва* часть *Зарека* или *Заречка*: «Зарека – так деревня раньше называлась. Сама Верх-Язьва была там: часть у моста на том берегу [р. Шудьи, впадающей в р. Язьву и пересекающей село], часть на этом. А здесь [так называлось] – потому что за рекой» (из речи информан-

та). Ср. в д. *Антипиной* части (бывшие деревни) *Антипина*, *Ипатова*, *Карелова* (*Карелы*), *Миронова*, *Нефёдова*; в д. *Сёминой – Сёмина*, *Карпова*, *Макарова*, *Панова*, *Федотова*.

Аналогии обнаруживаются также в наименовании центральной и периферийной частей городского либо сельского населённого пункта. Ср.: «Небольшие населённые пункты, если они расположены у железной дороги, делятся на Город и Станцию (напр. Артёмовский Свердловской области) в тех случаях, когда железнодорожная станция несколько удалена от населённого пункта» (Шахова, 1982, с. 45). В г. Чайковском Пермского края жители *Зари* (микрорайона, именование которого унаследовано от выселка, возникшего здесь в 1925 г.), удалённой от центрального микрорайона *Основной Посёлок*, называют его *Городом*. Так же, как известно, называют ближайший районный центр жители деревень. В речи наших информантов мы зафиксировали функционально тождественные онимы *Село*/*Старое Село* и *Новый Посёлок*: первые называют центральную, историческую часть с. *Верх-Язьва* в отличие от примкнувших к ней деревень, последнее – часть села, которая застраивалась позднее остальных.

Справедливы в отношении наших материалов и те наблюдения, которые сделаны М.А. Шаховой относительно «мелких населённых пунктов (сёл, деревень)». В частности, исследователь отмечал, что там «особенно распространены местные географические термины» (Шахова, 1982, с. 46). Ср. в с. *Верх-Язьва* ***Горцá*** – ‘часть села, расположенная на возвышенности’; в д. *Антипиной* ***Белúще*** – ‘часть деревни, которая располагается на берегу р. Язьвы и раньше использовалось для отбеливания домотканого полотна’.

Кроме того, отмечаются «ориентированные названия» (Карпенко, 1967, с. 21) с приставкой *за-*: ***Зáлог***, часть с. *Верх-Язьва*, расположенная за логом. Попутно выскажем своё мнение и не согласимся с точкой зрения В.А. Никонова, Ю.А. Карпенко и иных ономатологов, считающих такие наименования результатом лексикализации предложных конструкций. Пермские данные – многочисленные географические термины и топонимы *забока*, *заболото*, *завил*, *заволок*, *загарь*, *загора*, *закурья*, *залог*, *залом* и др. (Полякова, 2007); *Загора*, *Залог*, *Заосинник*, *Зарека*, *Зародники*, *Заугор* и др. (Список, 1928, с. 80) – позволяют утверждать, что такие конструкции стали основой для самостоятельной модели образования апеллятивной и ономастической географической лексики. Далеко не случайно, что в речи жителей с. *Верх-Язьва* от-

сутствуют понятия ‘за рекой’ / За Рекой, ‘за речкой’ / За Речкой, ‘за логом’ / За Логом, которые бы функционировали наряду с зафиксированными онимами *Залог*, *Зарека*, *Заречка*.

По-видимому, квалитативную природу имеет хороним *Козловка* (часть с. *Верх-Язьва*). С именованием жителей бывшей деревни, ставшей частью д. *Антипиной*, связан оним (катойконим) *Карелы*, используемый наряду с исходным наименованием *Карелова*. Откатойконимное происхождение имеет и название *Японцы* из первичного наименования позднего происхождения *Япония*. Эти единицы также подтверждают справедливость наблюдений, сделанных М.А. Шаховой.

В речи местных жителей функционируют и такие именования: в материалах М.А. Шаховой названия типа *Камчатка*, *Китай*, в наших – *Япония* (часть с. *Верх-Язьва* с относительно густой застройкой, с относительно небольшими приусадебными участками), *Шанхай* (часть д. *Антипиной*, преимущественно с социально неблагополучным населением). В истории ономастики подобные онимы назывались «непервичными именами», «вторичными топонимами», «топонимическими метафорами» (Карпенко, 1967; Печерских, 1974; Подольская, 1988, с. 45, 86), однако мы предпочитаем термин, получивший распространение в последнее время, – *прецедентные имена* (Ахметова, 2013).

Представляет интерес существование своеобразных «топонимических синонимов» – рядов онимов, называющих один и тот же объект и характеризующих его с разных сторон (т.е. имеющих различную мотивацию): *Горца* / *Новый Посёлок*; *Япония* / *Японцы*; *Село* / *Старое Село*; *Карелова* / *Карелы*.

Несмотря на то, что ВЯСП является местом проживания коми-язьвинцев, мы зафиксировали онимы только русского происхождения. Считаем это случайностью, проявлением неполноты полученных материалов, обусловленной тем, что коми-язьвинцы, владеющие и регулярно использующие при коммуникации родной язык, немногочисленны; коми-язьвинские наименования малоупотребительны и не востребованы. Но, хотя такие онимы не были озвучены при опросе, они, вероятно, существуют, как существовали и (частично) продолжают функционировать коми-язьвинские топонимы иных разрядов – комонимы и микротопонимы (*Повóст* – коми-язьвинское название с. *Верх-Язьва*, вероятно, от русского *погост*; *Керъéл* – коми-язьвинское название д. *Антипиной*; *Квим Сéрог Кóкул* – урочище у д. *Антипиной* и др.).

Таким образом, для современных названий частей сельских населённых пунктов Пермского края актуальны разнообразные принципы номинации таких географических объектов. Исследованные имена собственные демонстрируют наличие общих и различных тенденций в сельском и городском ономастиконе.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Пермского края в рамках научного проекта № 17-14-59602.

Литература

Ахметова М.В. Прецедентные онимы в неофициальной ойконимии // Вопросы ономастики. 2013. № 1 (14). С. 41–57.

Верх-Язьвинское сельское поселение: официальный сайт // [Электронный ресурс]. http://krasnovishersk.permarea.ru/verh-jazva (Дата обращения: 05.09.2017 г.).

Карпенко Ю.А. Свойства и источники микротопонимии // Микротопонимия. М.: МГУ, 1967. С. 15–22.

Лыткин В.И. Коми-язьвинский диалект. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 228 с.

Печерских Т.А. Вторичные топонимы типа *Камчатка* // Вопросы ономастики. Вып. 8–9. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1974. С. 25–27.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. М.: Наука, 1988. 192 с.

Полякова Е.Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь: Пермский ун-т, 2007. 420 с.

Список населённых пунктов Уральской области. Т. I. Верхкамский округ. Свердловск: Изд. орготдела Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окружных исполкомов, 1928. 85 с.

Шахова М.А. К вопросу о названиях частей населённых пунктов // Вопросы ономастики. Вып. 15. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1982. С. 45–47.

УДК 801.311, 811.512.145

Особенности топонимической системы сельских поселений Мамадышского района Республики Татарстан (на примере деревни *Тёплое Болото*)

© 2018 г. Л.В. Шарифуллина, Д.Д. Хайрутдинов

Средняя общеобразовательная школа № 7, Набережные Челны, Россия
sto3@bk.ru

Particular features of place-names in the settlements of Mamadysh district (village *Tyoploye Boloto*, the Tatarstan Republic)

L.V. Sharifullina, D.D. Hairutdinov

Secondary school № 7, Naberezhniye Chelny, Russia
sto3@bk.ru

The article is about the place-names of *Tyoploye Boloto* ('the Warm Marsh'), village. The authors give some examples of toponymic variety, e.g. the ancient hydronyms *Arnyash*, *Bersut*, *Bahtiyar* a.o. So the river-name *Bersut* comes from the ethnic name bersil of Mongolian or even Old Turkic origin. The etymologies of a number of place-names are cited, including those generated from proper names and appellatives: personal names, names inside the settlements, names of churches, hills, woods etc. The place-names of the mentioned settlement reflect different ways of nomination, religious and cultural ideas of local inhabitants.

Keywords: *ethnonyms, etymologies, hydronyms, nomination, place-names, rural settlements.*

В современных топонимических исследованиях актуально изучение топонимии сельских поселений. Из топонимикона деревни *Тёплое Болото* привлечены для анализа самые древние названия – гидронимы *Арняш*, *Берсут*, *Бахтияр*. Предложена этимология гидронима *Берсут* – от этнонима *берсил* монгольского или древнетюркского происхождения. Указаны этимологии для ряда названий, образованных от собственных имён и апеллятивов: имена людей, названия частей поселения, церквей, гор и холмов, лесов и др. Топонимы в целом представляют собой родственную систему, характеризующуюся разными способами номинации, религиозными и культурными представлениями местного населения.

Ключевые слова: *гидронимы, номинация, сельские поселения, топонимы, этимологии, этнонимы.*

Топонимическая система сельского населённого пункта включает различные группы топонимов и апеллятивов, которые участвуют в организации жизнедеятельности местного населения. Одним из актуальных направлений современной топонимики, которое представляет собой богатый материал для воссоздания целостной топонимической

картины определённого региона, является изучение топонимических систем сельских населённых пунктов (Алексеев, Сафронов, 2015; Девликамов, Шарифуллина, 2015).

В научной литературе существует немало определений топонимической системы, среди которых можно выделить определения, сформулированные в разное время И.А. Воробьёвой, Ю.А. Карпенко, Э.М. Мурзаевым, В.А. Никоновым, О.С. Чесноковой.

А.В. Суперанская предлагает наиболее универсальное среди прочих определение. По её мнению, *топонимическая система* – «известное единство топонимов той или иной территории, обусловленное общностью психологии населяющего её языкового коллектива, своеобразным направлением его мышления, общностью восприятия окружающей действительности, что, в частности, подтверждается наличием на каждой территории своих топонимических моделей и некоторого круга часто повторяющихся топонимов. Топонимическая система строго территориальна. Она может включать элементы многих языков, складываясь на основе названий всех расположенных на данной территории объектов, независимо от их языковой принадлежности и диалектных особенностей. Топонимическая система объединяет разноязычный топонимический материал в топонимический массив, характеризующийся определёнными признаками» (Суперанская и др., 1997, с. 55; Бондалетов, 1983).

Кроме того, при изучении разного рода местных названий следует помнить, что топонимическая система фиксирует три ряда отличий: отличие топонимов от нетопонимов; отличие топонимов одного класса от топонимов другого класса; отличие отдельных топонимов друг от друга. Топонимические системы создаются местным населением на базе его словоупотребления, они проверены и отработаны на местах, благодаря чему всё в них бывает уравновешенно, сбалансированно. В рамках всей страны местные топонимические системы объединяются в одну макросистему.

Одной из важнейших составляющих топосистемы, как правило, служат гидронимы, которые представляют собой наиболее древнюю часть топонимов и непосредственно связаны с историей заселения изучаемой территории. Объектами нашего исследования стали названия рек *Арняш, Берсут, Бахтияр*.

Гидроним *Арняш* (название речки, протекающей по территории Мамадышского района) имеет несколько вариантов написания на географических картах: *Арняш, Эрнэш, Урнаш-баш.* Очевидным для толко-

вания служит элемент *баш*, входящий в вариант названия *Урнаш-баш*, а именно *баш* – ‘источник, родник’. *Арняш, Эрнэш, Урнаш* в современном татарском языке объяснения не находят. По-видимому, этот гидроним имеет финно-угорское происхождение, о чём свидетельствуют различные варианты его написания. Тем не менее, при формантном анализе можно выделить элемент, часто встречающийся в гидронимах угорского происхождения, *-аш / -ас*, который, скорее всего, имеет значение ‘вода’.

Гидроним *Берсут* – название реки, протекающей по территории Мамадышского района. Её исток находится в 3 км к северу от с. Верхний Арняш, устье у пос. Новый. Данный гидроним относится к числу отэтнонимных. Его происхождение может быть связано с именованием племени, проживавшего ранее в бассейне реки. Правильнее всего в этом случае апеллировать к работе, переведённой и изданной Д.А. Хвольсоном: «…Болгарская земля смежна с землёю буртасов. Живут болгаре на берегу реки, которая впадает в море Хозарское [Каспийское] и прозывается Итиль [Волгою], протекая между землями Хазарской и Славянской… Страна их состоит из болотистых местностей и дремучих лесов, среди которых они и живут… Болгаре делятся на три отдела: один отдел зовётся Берсула, другой – Эсегел, а третий – Болгар; относительно образа жизни все трое стоят на одной и той же степени» (Хвольсон, 1869, с. 19, 20, 22, 24).

Ф.Г. Гарипова, связывая происхождение гидронима *Берсут* с этнонимом *берсил*, подкрепляет его лингвистическим анализом: «Чередование звуков «а» – «э» в татарском и ряде других тюркских языков (уйгурском, туркменском) закономерно. Чередование во втором слоге звуков «и» – «у» наблюдается в древнетюркском и уйгурском языках. Берсут, Берсаут – это монгольская, а возможно, и древнетюркская форма множественного числа от берсул. Дальнейшее изменение шло в таком плане: Бэр-сут – Бурсэт – Борсэт» (http://www.xn----8sbarmcoc4a6a.xn--p1ai/interesnye-fakty/139-serebryanye-bulgary-i-belyj-bars).

Гидроним *Бахтияр* – название небольшой реки, протекающей по территории, прилегающей к деревне *Тёплое Болото*. Происхождение данного гидронима связывают с именем героя *Бахтияра Канкаева*, сподвижника Е.И. Пугачёва в Крестьянской войне 1773–1775 гг., главнокомандующего повстанцев.

Таким образом, наиболее древним по своему происхождению является гидроним *Арняш*. К такому выводу нас заставляет склониться отсутствие чёткого толкования на основе одного из современных языков.

Скорее всего, он был ассимилирован племенами, пришедшими в эти места позже, и его исходное значение в результате различных языковых процессов с трудом поддаётся толкованию. Следует также отметить наличие лимнонима *Кул* (*озеро*), который представляет собой апеллятивное именование водного объекта, на котором работала водяная мельница.

Ойконимы представляют интерес с точки зрения выявления номинативной функции, которую они выполняют (Горбаневский, Максимов, 2006). Ойконим *Тёплое Болото* – название населённого пункта, расположенного в Мамадышском районе. История заселения данного населённого пункта до конца ещё не изучена, имеются лишь отдельные факты. Считается, что ранее *Эрнэш* представлял собой один населённый пункт, впоследствии произошло разделение на *Верхний* (*өске*), *Средний* (*Урта*) и *Нижний* (*Тюбен*) *Эрнэш*, что нашло отражение на карте Мамадышского уезда 1881 г. Впоследствии эти названия претерпели изменения, и в настоящее время это деревни с названиями *Казаклар, Албай, Тёплое Болото*.

Особый интерес для изучения представляет комоним *Тёплое Болото*. Первым предположением насчёт появления русского топонима может быть следующее: искажение тюркского названия *Тюбен* ‘нижний’ *Булат* (*булак*) ‘родник’ и превращение его в *Тёплое Болото* (Мурзаев, 1996), тем более что по своему рельефу территория холмистая, пересечённая многими оврагами и речками. Согласно второй версии, закрепление названия деревни в такой форме произошло либо по воле русских помещиков, либо при переписи. В данном случае нужно учитывать физико-географический фактор, так как деревня находится на болотистой местности, поэтому можно предположить, что происхождение названия связано с местоположением населённого пункта.

Ойконим *Кордон* – название деревни Мамадышского района. В данном случае номинация произошла в связи с первоначальным функционированием деревни, так как кордон – это один из типов населённых пунктов в России. Первоначальным назначением подобного рода деревень являлась охрана лесных угодий и проживали в них егеря со своими семьями. В настоящее время деятельность проживающего в деревне населения не связана с лесным хозяйством. Напрашивается вывод, что этот комоним исторический, так как отражает причину возникновения данного населённого пункта.

Ойконимы, представленные в нашем исследовании комонимами *Тёплое Болото* и *Кордон*, немногочисленны. Наша задача – проанали-

зировать топонимы, входящие в топосистему деревни *Тёплое Болото*. Но даже в результате анализа этих двух примеров можно понять, что процесс номинации проходил разными путями: через ассимиляцию в русском языке комонима *Тёплое Болото* и как отражение функционального назначения населённого пункта в случае с комонимом *Кордон.*

Оронимы – названия, связанные с рельефом местности. В данном случае оронимы входят в топонимическую систему изучаемой территории деревни *Тёплое Болото*, что обусловлено холмистым рельефом местности. Ороним *Этэч тавы* – название холма, расположенного неподалёку от деревни. Предполагается, что происхождение названия связано с большой высотой холма. Кроме того, возможно и другое объяснение, никак не отрицающее данный вариант, а дополняющее его. В язычестве петух связывается с солнцем, считается бдительным стражем, отгоняющим нечистую силу. Его изображения помещались на крышах домов, на флюгерах, на ларцах с драгоценностями.

Ороним *Бахтияр тавы* – название холма, находящегося непосредственно у деревни, связывается с именем героя *Бахтияра Канкаева*, участника Пугачёвского восстания, проходившего в этих местах в 1774 г. Ороним *Куржэн тавы* – название холма, происходит от имени *Куржэн*, главы семьи, жившей у этой горы. Оронимы, представленные в нашем исследовании, отражают два способа номинации: отантропонимный (*Бахтияр тавы, Куржэн тавы*) и отзоонимный – от названия птицы (*Этэч тавы*). В случае с оронимами *Бахтияр тавы* и *Куржэн тавы* можно сказать, что, несмотря на общий способ номинации, причины возникновения оронимов разные.

Виконимы, микровиконимы, эрговиконимы играют немаловажную роль в топосистеме, являясь частью жизнеобеспечения сельского населённого пункта. Они представляют собой названия улиц, переулков. Вся деревня *Тёплое Болото* делится на три части: *Югары оч* (‘высокий конец’), *Тубэн оч* (‘нижний конец’) и *Арьяк* (‘обособленная часть деревни’). Это так называемые уличные, неофициальные названия, оказавшиеся в языке более устойчивыми в отличие от официальных названий улиц, среди которых сохранился виконим у*лица Октября*.

Виконимы *Югары оч* (‘высокий конец’) и *Тубэн оч* (‘нижний конец’) названы так ввиду своего расположения относительно центра деревни. Как известно, подобные названия присущи многим сельским населённым пунктам. Виконим *Арьяк* служит названием обособленной части деревни, которая отделена от основной части речкой Бахтияр.

Среди микровиконимов мы выделили именование *Чунник,* возникшее в результате усвоения русского слова *пчёльник* в тюркской языковой среде. В этом случае можно сослаться на исследования, касающиеся русских именований в разговорной речи и диалектах татарского языка, которые употребляются по аналогии с соответствующими русскими наименованиями, например, диал. *чунник, чинник, чуннекг чулник, чиннек, чилник* (рус. *пчельник*) (Зиязетдинова, 2003, с. 11; Ефремова, 2009; Баязитова, 2017).

Микровиконим *Мэче коесы* (‘кошкин колодец’) – название родника. Происхождение названия неясно. Можно предположить, что оно связано с небольшим размером. Если же обратить внимание на другие группы топонимов, можно заметить, что среди них есть группа зоонимов, связанных с названиями культовых животных. Поэтому данный микровиконим может представлять собой отражение языческих представлений местного населения.

Эрговиконим *Алпаутлар кибете* – название магазина, который сейчас не существует. Происхождение микротопонима, скорее всего, происходит от фамилии кулака, бывшего владельцем данного магазина. Оним *алпаут* в словарях толкуется как ‘знатный человек’.

Экклезионимы представляют собой названия культовых и религиозных построек. Употребление таких названий в сельских поселениях носит единичный характер. Экклезионим *церковь Рождества Иоанна Предтечи* (построена в 1873–1874 гг.) – название церкви в деревне *Албай*, в настоящее время утраченное. Церкви обычно строились в достаточно крупных сельских населённых пунктах. Можно предположить, что деревня *Албай* была самым крупным сельским населённым пунктом среди близлежащих.

Дримонимы – названия лесных массивов – играют важную роль в жизнеобеспечении сельской территории. Дримоним *Бахтияр урманы* – название смешанного леса, расположенного в северной стороне от деревни. Дримоним *Кардун урманы* – название хвойного леса. Обычно микротопонимы представляют собой разветвлённую систему, отражающую быт местных жителей.

В ходе исследования выявлена также группа топонимов, не поддающихся этимологизации на основе современного татарского языка: *Чишермэ елгасы, Сарба елгасы, Субак.*

Таким образом, топонимическая картина деревни *Тёплое Болото* и прилегающей к ней территории включает в себя практически весь

спектр топонимов: гидронимы, лимнонимы, ойконимы, комонимы, оронимы, виконимы, экклезионимы, дримонимы. Поэтому в целом здешняя топонимия представляет собой достаточно разветвлённую систему, характеризующуюся разнообразными способами номинации и отражающую физико-географические характеристики местности, религиозные и культурные представления населения.

Литература

Алексеев А.И., *Сафронов С.Г.* Изменение сельского расселения в России в конце XX – начале XXI века // Вест. МГУ. Сер. 5. География. 2015. № 2. С. 66–76.

Баязитова Ф.С. Керәшеннәр. Тел үзенчәлекләре һәм йола иҗаты // Режим доступа (свободный). URL: http://tatar-name.livejournal.com/3340.html [Дата обращения: 17.02.2017].

Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. 224 с.

Горбаневский М.В., *Максимов В.О.* О некоторых противоречиях в трактовке национально-культурной принадлежности антропонимов и топонимов // Ономастика Поволжья: Материалы X Междунар. науч. конф. Уфа: БГПУ, 2006. С. 37–44.

Девликамов А.А., *Шарифуллина Ф.Л.* Очерки по истории и культуре села Бастаново. Шацк: Шацкая типография, 2015. 359 с.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный // Режим доступа (свободный). URL:http://www.gramota.ru/slovari/info/efr/ [Дата обращения: 17.06.2009].

Зиязетдинова Г.Д. Лексика пчеловодства татарского литературного языка: Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Казань, 2003.

Мурзаев Э.М. Тюркские географические названия. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 1996. 254 с.

Суперанская А.В., *Исаева З.Г.*, *Исхакова Х.Ф.* Топонимия Крыма. Т. 1. М.: Московский лицей, 1997. 404 с.

Хвольсон Д.А. Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда Бен-Омар Ибн-Даста. СПб., 1869. С. 19–24. [Переводчик и редактор Д.А. Хвольсон. *Прим. отв. ред.*].

http://www.xn----8sbarmcoc4a6a.xn--p1ai/interesnye-fakty/139-serebryanye-bulgary-i-belyj-bars.

УДК 801.311, 81.373.21

Названия улиц в сёлах Тамбовской области

© 2018 г. А.А. Казанкова, В.Н. Левина

Средняя школа № 33, Тамбов, Россия;
Тамбовский государственный университет, Тамбов, Россия
medmevka@yandex.ru, levinavn@mail.ru

The street-names of settlements in the Tambov region

A.A. Kazankova, V.N. Levina

Secondary school № 33, Tambov; Tambov State University, Tambov, Russia
medmevka@yandex.ru, levinavn@mail.ru

The article deals with some street-names inside the settlements of the Zherdevka district of the Tambov region. Studying them one can see that the names of streets are a kind of specially organized onomastic space. It correlates with local geographical and historical features. For example, the central street of the Skoryatino village has the name Sobakeyevka (the "Dog-street"), because the local inhabitants kept a lot of dogs vexing passers-by.

Keywords: ***local features, onomastic space, street-names.***

В статье рассмотрены некоторые названия улиц в поселениях Жердевского района Тамбовской области. Эти названия образуют организованное ономастическое пространство, которое отражает местные исторические и географические особенности. Например, название улицы в деревне Скорятино – *Собакеевка* возникло по той причине, что местные жители разводили множество собак, досаждавших прохожим.

Ключевые слова: ***названия улиц, ономастическое пространство, местные особенности.***

Перспективность и актуальность обращения к региональному топонимикону, отражающему разные стороны жизни тамбовских жителей в контексте местной и общероссийской истории, вызывает особый интерес: ведь населённый пункт – это прежде всего улицы. Любой населённый пункт имеет свой неповторимый облик, и этот облик воспроизводят названия улиц, переулков, проездов, тупиков, площадей и т.п., являющие собой сознательный процесс наименования улиц в сельской местности, которые местные жители до сих пор называют «порядок».

Согласно словарю В.И. Даля, слово *улица* означает «простор меж двух порядков домов, полоса, проезд…, вообще простор полосою, меж двух рядов каких-либо предметов», т.е. «пустая, освобождённая» (Даль, 1866, с. 447). По своему происхождению слово *улица* общеславянское, предположительно оно образовано от несохранившегося слова *ула* – 'улица', на что указывают родственные слова *улей, улитка* и диалектное *улка* в зна-

чении ‘маленькая улица’ (ср. совр. *переулок, проулок*) (Цыганенко, 1989, с. 449; Черных, 1994, с. 288–289; Шанский, Боброва, 1994, с. 333).

Рассмотрим на примере урбанонимов сёл Жердевского района Тамбовской области названия некоторых улиц. Так, центральная улица села *Петровское* называется *Центральная*, на ней некогда жили весьма зажиточные люди, к которым часто обращались занять деньги, взять в долг продукты или просто получить добрый совет. По мнению местных жителей, эта улица получила название *Центральная* потому, что стала местом сбора многих людей. Заметим, что в России это самое распространённое название улицы. К 2011 г. улиц с таким названием в России было 23201 (https://ru.wikipedia.org/wiki/).

В деревне *Скорятино* Центральная улица называется *Кобелёвкой* или *Собакеевкой* потому, что все проживающие на этой улице разводили собак, нарушавших спокойствие прохожих. В селе *Михайловка* официальное название улицы *Животноводов* среди местных жителей почти не употребляется, общеупотребительно название *Самодуровка*, возможно, восходящее к названию села *Самодуровка* Моршанского района Тамбовской области, откуда могли быть переселенцы. Местная легенда гласит: «Люди долго жили в землянках и стали просить у местного начальства совхозного жилья. Им это жильё дали, а они отказались в нём жить. А объяснили свой поступок так: “Раз вовремя не помогли, так и вовсе не надо”». Речь идёт о том, что на улице *Животноводов*, т.е. *Самодуровке*, живут люди несговорчивые, т.е. самодуры (Казанкова, 2013).

В селе *Максим Горький* существует улица *Непочётка*, на которой, по одной из версий, живут люди, которых не уважают среди местных жителей за то, что они совершали поступки, которые осуждаются обществом как неблаговидные. По другой версии, эта улица застраивалась домами не по прямой линии, а вразброс (не по порядку). В результате такой застройки улица могла получить своё название не от слова *почитать*, а от слова *чётный*. Если все традиционно правильно застроенные улицы имеют чётную и нечётную стороны, то та улица, которая застроена хаотично, – «неправильная», значит, она застроена «не по чётному» принципу.

В селе *Петровское* есть улица *Зятевка*, на которой молодые люди после свадьбы жили вместе с родителями невесты. Однако в крестьянском быту это не приветствовалось, поскольку, согласно старорусской традиции, после свадьбы нужно «уводить» жену жить в дом к родителям мужа. Безусловно, название *Зятевка* имеет ироничный оттенок и отражает социальный уклад крестьянского семейного быта. Ср., например, тамбовские диалектные сло-

ва *привал*, *влазень*, *примак*, *приешка,* которыми называли зятя, живущего в семье жены. Такое явление было характерно для самых бедных семей.

Застройка города *Жердевка* проходила стихийно, и в настоящее время центральный район представляет собой самую старую часть города. Как и в любом городе России, главными улицами являются *Первомайская* и *Советская*, здесь же расположена площадь *Ленина.*

Семантическая сторона урбанонимов в однородном массиве онимов в каждом конкретном локусе имеет разную смысловую насыщенность (ср. название улица *Центральная*, которое есть почти в каждом городе). Наличие множества урбанонимических дублетов свидетельствует если не о стёртом, то о стереотипном содержании. Это широко распространённое повторение одинаковых названий не создаёт помех для коммуникативного использования имён собственных, поскольку такие имена принадлежат разным коммуникативным микросредам и языковым коллективам. Однако в то же время в одном и том же населённом пункте не может быть двух улиц с одинаковым названием, если только эти названия не имеют при себе порядковых номеров.

Наблюдения над жердевскими урбанонимами показали, что сознание человека воспринимает и отражает окружающий мир, фиксирует его образ и культурно-исторические и социальные факты развития Тамбовского края. Этот факт свидетельствует о том, что названия линейных объектов представляют собой особым образом организованное ономастическое пространство, соотнесённое с историей края и местными географическими условиями.

Литература

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1866. 712 с.

Казанкова А.А. Топонимы в региональной ономастической системе (на материале Жердевского района Тамбовской области). Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2013. 22 с.

Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд. Киев: Радянська школа, 1989. 511 с.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 2. М.: Русский язык, 1994. 560 с.

Шанский Н.М., *Боброва Т.А.* Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина, 1994. 400 с.

https://ru.wikipedia.org/wiki/

УДК 801.311, 81.373.6, 811.512.141

О происхождении топонима *Авдон* в Башкортостане

© 2018 г. А.Н. Беляев

Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия
anbelajew@mail.ru

On the origin of the place-name *Avdon* in Bashkortostan

A.N. Belyaev

The Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia
anbelajew@mail.ru

The aim of this paper is to attract the attention of linguists, historians and researchers of local lore to the history of *Avdon* – the name of the settlement and railway station near the city of Ufa. The author criticizes some previous etymologies of the place-name mentioned (its origin from some river-name, the Iranian roots of the name etc.) and assumes that its origin may go back to the Christian Orthodox name *Avdon* that probably could belong to the first settler on that land.
Keywords: *etymologies, name Avdon, place-name.*

Цель статьи – привлечь внимание лингвистов, историков и краеведов к истории топонима *Авдон*, названия поселения и железнодорожной станции недалеко от города Уфы. Критически рассмотрены некоторые существующие этимологии данного топонима, объясняющие его происхождение от гидронима или указывающие на иранские корни. Предполагается, что географическое название *Авдон* могло быть образовано от православного христианского имени *Авдон*, которое могло принадлежать первому поселенцу на этой земле.
Ключевые слова: *имя Авдон, топоним, этимология.*

Топонимистам хорошо известно положение о том, что топонимия любой области представляет собой слоёный пирог, в котором проявляются слои, образованные в разные эпохи и народами, говорящими на разных языках. Не составляет исключения и территория Башкортостана, которая была средоточием многочисленных и разнообразных контактов между сменявшими друг друга народами на протяжении ряда тысячелетий. Каждому из этнических образований соответствовала определённая языковая общность: индоевропейская (вначале иранская, позднее – славянская), финно-угорская, алтайская (тюркская и отчасти монгольская) (Гарипова, Гарипов, 1964, с. 185).

Все эти этнические образования не могли не наложить своего отпечатка на национальный состав населения Башкортостана, сформировавшийся на основных путях давних и устойчивых миграционных потоков между европейской и азиатской частями страны. Ныне здесь

живут представители более 30 национальностей: *башкиры*, *русские*, *татары*, *чуваши*, *марийцы*, *украинцы*, *мордва*, *удмурты*, *белорусы* и др. (Башкортостан…,1996, с. 26). Последовательно сменявшиеся социально-исторические этапы повлияли на развитие языка коренного населения Башкортостана и, в частности, на формирование топонимической системы.

Обратим внимание лингвистов, историков и краеведов на происхождение топонима *Авдон* – посёлка и железнодорожной станции в Уфимском районе Башкортостана. Является ли этот топоним современным образованием или он представляет собой реликт древнего языка, распространённого в прошлом на территории современного Башкортостана? Современное происхождение топонима затрагивает, прежде всего, вопросы, связанные с его мотивировкой. Почему село получило такое название? Что явилось отправной точкой, мотивом присвоения имени? Безусловно, установление причины, по которой был назван тот или иной географический объект, может оказаться решающим фактором при разработке этимологии названия. Отсутствие убедительной мотивировки, неосведомлённость в объективных экстралингвистических причинах номинации могут направить исследователя на ложный след, выдать желаемое за действительное.

Но важно не упустить из вида и древнейшие названия, дошедшие до нас из глубины веков. Что находится в самых нижних слоях топонимического «пирога»? Из какого субстратного теста и кем он был «испечён»? Эти и другие вопросы волнуют не одно поколение учёных гуманитарных наук. «Изучение субстратной топонимии, – пишет А.К Матвеев, – позволяет заглянуть в далёкое прошлое – восстановить в определённой степени древние языки, а также историю их носителей, причём ценность топонимических данных становится особенно ощутимой, если языки исчезнувших народов не были засвидетельствованы в памятниках письменности. В этих случаях топонимия является основным источником наших знаний о древних языках, а также ценным историческим свидетельством, позволяющим судить об этнической принадлежности их носителей» (Матвеев, 2006, с. 55). Топонимические источники служат важным свидетельством демографических показателей, структуры поселения и социальных связей, земельных отношений, ментальности его жителей (Доржиева, 2010, с. 158).

В названии села под Уфой *Авдон* Т.М. Гарипов усматривает скифские радикалы *аб/ab/an* ‘вода’ и *дон* ‘река’ с предполагаемым исход-

ным значением ‘вода реки’, т.е. ‘полноводная, непересыхающая река’ (Гарипов, 2004). Эту версию разделяет Г.Х. Бухарова, этимологизируя гидроним *Авдон* (река в Уфимском районе) из иранского *аб* ‘вода’ и осетинского *дон* ‘река’. Ср. в иранских языках *av/aw* ‘вода’; ‘влага’; ‘жидкость’; ‘слёзы’. Восходит к древне-иранскому **ap-*; авест. **ap*, древне-индийскому *apa*, средне-персидскому *ap*, перс. *ab*, *a danu* (санскр.) – ‘сочащаяся жидкость’. Этот корень известен очень широко. Самое знаменитое название – *Дон* (впадает в Азовское море). Древнегреческие авторы приводят название этой реки в форме *Танаис* (Поспелов, 2002, с. 121).

В индоиранских языках *danu*: ср. древне-индийское *danu-* ‘капающее течение, капающий; капель, роса’, интерпретируется как ‘капающий’ или как ‘дар (небес)’. Восходит к индо-европейскому **danu*, от глагольного корня **da-* ‘течь; текущий’. Не исключается праиранская контаминация с аналогичным образованием от **dan-* < арийское **dhan-* (ср. древне-индийское *dhan-* ‘бежать, течь’ и образованные от него вед. *dhdn-u-*, *dhan-v-a-* ‘бежать, течь’) от индо-европейское **dhen-* ‘бежать, течь’, скиф. **don-*, **dan-* ‘река, вода’ (Бухарова, 2011, с. 1248). Таким образом, гидроним *Авдон* Г.Х. Бухарова объясняет как ‘водное течение’, ‘водный поток’.

Следовательно, село *Авдон* получило название по гидрониму *Авдон*, на который указывает Г.Х. Бухарова. Обычно ойконим омонимичен гидрониму в том случае, если название населённому пункту дано по расположению на реке. В нашем же случае реки *Авдон* в Уфимском районе нет. Единственная река, которая могла дать название селу, – это *Дёма*, протекающая от *Авдона* примерно в 10 км. Учитывая довольно сильную извилистость русла пойменной реки *Дёма*, можно предположить, что когда-то она протекала в том месте, где расположено сейчас село *Авдон*. Башкиры называют её *Дим*. Гидроним, возможно, происходит от диалектного *дим* ‘омут’ (Хисамитдинова, 2006, с. 44). Это обстоятельство, на наш взгляд, затрудняет этимологизацию топонима *Авдон* из иранского, поскольку требуется объяснить, каким образом второй компонент *дон* оказался в русском языке, минуя башкирскую форму *дим*: *дон* → *дим* → *Дёма*.

Недалеко от села *Авдон*, ближе к *Дёме*, расположено с. Жуково с железнодорожной станцией *Авдон*. Разъезд *Авдон* был возведён на окраине деревни Жуково во время строительства Самаро-Уфимской железной дороги в 1886 г. Возникает интересный вопрос: почему он

был назван *Авдон*, а не *Жуковский разъезд*? Сама деревня Жуково была основана в 1736 г. поручиком М.Г. Жуковым, прибывшим в 1700 г. на жительство в Уфу и служившим до этого в Казани и Самаре.

Возможно, между селом *Авдон* и селом Жуково существовала в прошлом определённая связь, которая могла бы пролить свет на происхождение топонима *Авдон*. В основе его может лежать православное имя первопоселенца *Авдон*, ср. многочисленные производные от него: *Авдотя*, *Авдоня*, *Авдоха*, *Авдошка*, *Доня*, давшие начало множеству ойконимов.

Литература

Башкортостан. Краткая энциклопедия. Уфа: Башкирская энциклопедия, 1996. 669 с.

Бухарова Г.Х. Башкирские топонимы индоиранского происхождения, характеризующие ландшафт // Вест. Башкирского ун-та. 2011. Т. 16. № 4. С. 1246–1251.

Гарипов Т.М. Baškirica: моносборник избранных работ по башкироведению и тюркологии. Уфа: Восточный университет, 2004. 168 с.

Гарипова Н.Д., Гарипов Т.М. Заметки об иранских элементах в топонимии Башкирии // Топонимика Востока. Новые исследования. М.: Наука, 1964. С. 185–189.

Доржиева Г.С. Аборигенные топонимы Квебека. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. 204 с.

Матвеев А.К. Ономатология. М.: Наука, 2006. 292 с.

Поспелов Е.М. Географические названия России: Топонимический словарь. М.: Книжная находка, 2002. 352 с.

Хисамитдинова Ф.Г. Географические названия Башкортостана: Материалы для историко-этимологического словаря. 2-е изд. Уфа: Гилем, 2006. 132 с.

УДК 801.311, 81.373.6

К вопросу о происхождении топонима *Шуш*

© 2018 г. А.В. Чуманов

Музей истории Томска, Томск, Россия
avch-80@rambler.ru

On the origin of place-name *Shush*

A.V. Chumanov

Museum of Tomsk history, Tomsk, Russia
avch-80@rambler.ru

The name of *Shushenskoye* settlement in the southern part of Krasnoyarsk region descends from the river-name *Shush*'. The component *shush*' is found in many place-names, and it is also part of some ethnic names belonging to a number of Siberian peoples. The author supposes that this name is of Samoyed origin. There may be certain connections of this ethnic name with similar names of some ancient peoples of West Asia. In any case the archaeological data show that the Altaic peoples had close contacts with the Iranian sphere.
Keywords: ***Altai, ethnonyms, place-names, Siberia,West Asia.***

Статья посвящена анализу названия села *Шушенское* на юге Красноярского края в аспекте происхождения топонима от названия речки *Шуш*. Показано наличие компонента *шуш* во многих топонимах, а также в составе этнонимов ряда народов Сибири. Автор полагает, что это название имеет самодийское происхождение. Отмечены возможные связи этнонима *шуш* с наименованиями некоторых древних народов Передней Азии, поскольку археологические данные свидетельствуют о том, что народы Алтая имели тесные контакты с иранским миром.
Ключевые слова: ***Алтай, Передняя Азия, Сибирь, топонимы, этнонимы.***

В юбилейный год Февральской и Октябрьской революций в памяти многих людей воскресли знаковые события, а также имена партийных деятелей той эпохи. Из имён революционеров одним из первых вспоминается имя В.И. Ульянова-Ленина. В его биографии, как и в биографиях многих других большевиков, имелся период ссылки в Сибирь. Но в отличие от соратников по партии, которые отбывали ссылку в основном в холодных северных краях (Нарыме, Туруханске и др.), Владимира Ленина сослали в район с наиболее благоприятным климатом и условиями проживания – на юг Сибири в село *Шушенское* Енисейской губернии.

Название села происходит от речки *Шушь* (правый приток Енисея), на которой оно стоит. Пытаясь установить этимологию данного

названия, мы обнаружили, что сведения такого рода об апеллятиве *шуш* и топониме *Шушенское* в словарях, к сожалению, отсутствуют (Никонов, 1966, с. 481; Мурзаев, 1999, с. 328; Поспелов, 2007, с. 575). Однако *Шушенское* не единственный топоним, имеющий в основе компонент *шуш*. Данный компонент встречается преимущественно в гидронимах и в основном на юге Красноярского края. Например, в Шарыповском районе Красноярского края протекает р. *Малая Шушь*, приток оз. Белого. Уже упоминавшаяся р. *Шушь*, на берегах которой расположено с. *Шушенское*, имеет притоки *Малая Шушь* и *Средняя Шушь*. На северо-востоке Кемеровской области протекает р. *Шушул*, левый приток Урюпа.

Кроме того, апеллятив *шуш* зафиксирован во многих исторических источниках. Начиная с XVII в. в русских документах неоднократно упоминаются так называемые «*шушские* (*шустские*, *шуйские*) *татары*», которые занимали территории по р. Урюп, левому притоку Чулыма и рекам *Шушь* (ныне р. *Шушул*) и Береш, притокам Урюпа. Они считались данниками енисейских кыргызов, могущественных кочевников, занимавших территории Хакассии и левобережья Енисея на юге Красноярского края. Одним из следствий экспансии в Сибири и объясачивания кыргызских кыштымов (данников) со стороны Российского государства, в том числе и шушских татар, стала русско-киргизская война, продолжавшаяся без малого сто лет.

В отечественных документах XVII – начала XVIII вв. шушские татары часто назывались изменниками, поскольку нередко нарушали присягу на верность русскому царю, что выражалось в отказе выплачивать ясак, выступлении военными союзниками кыргызов и пр. В первой половине XVIII в. уже после поражения кыргызов в этой войне и наступления здесь мира известный российский учёный Г.Ф. Миллер проследовал по этим территориям. В «Описании Томского уезда Тобольской провинции в Сибири в теперешнем его состоянии, в октябре 1734 года» он отмечал, что в Шуйской волости имеется 20 плательщиков ясака. Плательщиками ясака были мужчины, главы семей, шушский род состоял из 20 фамилий. В начале XX в. потомки как шушских татар, так и енисейских кыргызов, проживавшие на территориях Минусинского и Ачинского уездов, были включены в состав искусственно образованного хакасского этноса.

Имеются упоминания и о других топонимах с компонентом *шуш*. Например, в 1722 г. учёный Д.Г. Мессершмидт во время путешествия

по Сибири оставил в своих дневниках упоминание о некоем озере *Sus-Urjup*, находившемся вблизи русла р. Чулым: «По ту сторону реки [Чулыма. – *А.Ч.*] расположено несколько татарских юрт, которые назывались юрты Sus-Urjup, от названия озера Sus-Urjup, и имели тучные стада, здесь я остановился до следующего переезда» (Мессершмидт, 2012, с. 92).

На кызыльском диалекте хакасского языка слово *шуш* означает 'утка-крохаль'. Поэтому упрощённым толкованием имени реки, имеющей в названии основу *шуш*, будет 'утиная река'.

Другое объяснение апеллятива связано с тем же переводом, однако оно несколько сложнее. В данном случае утка-крохаль была тотемом хакасского сеока (рода) *шуш*. Представителям данного рода было запрещено убивать уток и лебедей, а невесткам того же рода запрещалось произносить вслух слово *шуш*, его можно было лишь заменять другим близким по значению словом (Бутанаев, 1994, с. 21). Согласно этой версии, апеллятив *шуш* – это тоже этноним. У хакасов, ведущих свою родословную от *Шешугача*, главы Шуйского сеока в 1706–1718 гг., и в наши дни одной из наиболее распространённых является фамилия *Шушеначевых* (Бутанаев, 1994, с. 77).

По нашему мнению, апеллятив *шуш* имеет самодийское происхождение. В мифологии самодийских народов сохранились предания о прародине, располагавшейся на юге в горной стране *Нум*. Научные исследования подтверждают сведения из мифов. Ещё не так давно в Саянах и, возможно, в предгорьях Алтая обитали различные группы так называемых «саянских» (южносибирских) самодийцев.

В настоящее время в состав самодийской группы уральской языковой семьи входят селькупы. Одна из племенных групп селькупов с самоназванием *шешгула* (< *шеш* – 'таежный' + *гула* – 'люди') ко времени прихода русских в Сибирь жила на территории Среднего Приобья. Основываясь на фонетическом сходстве апеллятивов *шуш* и *шеш*, мы допускаем возможность генетических связей данных этносов. Оказаться же на Средней Оби предки группы *шешгула* могли, например, мигрировав из Минусинской котловины, где расположено с. *Шушенское* и протекает р. *Б. Шушь*, в направлении вниз по руслу Чулыма. В пользу данного предположения может послужить тот факт, что самодийцы в историческое время проживали и в местности, где встречаются топонимы с компонентом *шуш* (в Хакасско-Минусинской котловине), а также то, что распространение последнего

апеллятива в бассейне р. Чулым предположительно указывает на вероятный путь предков *шиешгула* в направлении с Енисея на Обь.

Удивительный факт, но известный из истории древний город *Сузы* на персидском языке назывался *Шуш*. На месте древнего города сейчас находится маленький иранский городок с тем же названием *Шуш*. Государство Элам, столицей которого были *Сузы*, шумеры, жившие по соседству, называли словом *Ним*. Вспомним, что самодийцы в собственных мифах почти так же называли свою южную прародину *Нум*. Простые ли это совпадения или звенья одной цепи, науке ещё предстоит выяснить.

Однако учёные давно обращали внимание на общие черты в языке и культуре у самодийских народов и народов Передней Азии. Этнограф Г.И. Пелих указывала на сходство селькупских орнамента, конструкции жилища (карамо), типа погребения, ряда лексем и др. – с шумерийскими (Пелих, 1972, с. 159–168). Впрочем, позднее В.Ю. Гусев, проанализировав лексические схождения в языках шумеров и самодийцев, установленные Г.И. Пелих, пришёл к выводу, что большинство из них ошибочны, а оставшиеся (четыре) довольно слабы (Гусев, 2011, с. 248–266). А.М. Малолетко отмечал, что, по данным топонимии, прародиной самодийцев, вероятнее всего, является Южный Туркменистан, в который они ранее мигрировали с Иранского нагорья (Малолетко, 2012, с. 170–171).

В настоящее же время определённая, хотя и не прямая, связь самодийцев и древних народов Передней Азии прослеживается благодаря последним исследованиям пазырыкской культуры Горного Алтая (VI–III вв. до н.э.). Согласно им, носители данной культуры были мигрантами из районов Средней или Передней Азии, смешавшимися с автохтонными самодийскими популяциями Алтая (Историческая…, 2009).

Учёные идентифицируют пришельцев с различными древними народами: саками, массагетами, согдийцами, усунями, сарматами, киммерийцами и др. Но то, что они принадлежали к индоиранским народам, практически не вызывает сомнений, поскольку и тип погребений, и положение тел, и татуировка мумий, но самое главное – предметы материальной культуры, сопровождавшие их, – всё свидетельствует об этом. Данные предметы отлично сохранились в условиях вечной мерзлоты высокогорий Алтая, как, например, знаменитый древнейший ковер возрастом 2500 лет с характерным иранским орнаментом, найденный в одном из пазырыкских курганов. Представители пазы-

рыкской культуры имели тесные контакты как с иранским миром, так и с соседними самодийскими народами, что и неудивительно, учитывая их происхождение. Возможно, что посредством данной культуры мигрировал и топоним *Шуш* из районов Передней Азии в бассейн Енисея. Поэтому территориальные и хронологические рамки апеллятива *шуш* могут быть значительно расширены в результате дальнейших исследований.

Литература

Бутанаев В.Я. Происхождение хакасских родов и фамилий. Лаборатория этнографии НИС Абаканского гос. пед. ин-та. Абакан, 1994. 93 с.

Гусев В.Ю. О лингвистических шумеро-селькупских параллелях у Г.И. Пелих // Археология и этнография Приобья: Материалы и исследования: Сб. трудов кафедры археологии и этнографии Томского гос. пед. ун-та. 2011. Вып. 4. С. 248–266.

Историческая энциклопедия Сибири: В 3 томах. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009.

Малолетко А.М. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Т. 6. Раннее заселение Северной Азии. Томск: Томский гос. ун-т, 2012. 336 с.

Мессершмидт Д.Г. Дневники: Томск – Абакан – Красноярск: 1721–1722. Абакан: [б. и.], 2012. 159 с.

Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. Т. 2. М.: Картгеоцентр – Геодезиздат, 1999. 354 с.

Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966. 509 с.

Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1972. 424 с.

Поспелов Е.М. География мира: Новейший топонимический словарь. М.: Русские словари: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. 683 с.

http://irkipedia.ru/content/pazyrykskaya_kultura_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009

http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000016/st026.shtml

http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller/pred6.phtml?id=9712

III. ВНУТРИГОРОДСКАЯ ТОПОНИМИЯ

УДК 801.311, 81.373.211, 343.533.4

Коммерческие урбанонимы: свобода творчества или спекуляция на эпатаже?

© 2018 г. Т.П. Соколова

Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина, Москва, Россия
tsokolova58@mail.ru

Commercial urban names: is it freedom of creative work or speculative purposes?

T.P. Sokolova

Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia
tsokolova58@mail.ru

The study of urban commercial nomination reveals unceasing expansion of speculative urban names. The naming examination, being a juridical and linguistic phenomenon, has every possibilities and instruments to expose scandalous and anti-social names. While checking up a declared name or registering that name and placing it on urban signboards the naming examination may serve as preventing inspection. Afterwards it may help the lawsuit to pronounce judgment if people make complaints about the appearance of scandalous urban names.
Keywords: ***commercial nomination, naming examination, scandalous names, urban names.***

Статья посвящена изучению сферы городской коммерческой номинации, что позволяет выявить постоянное расширение зоны употребления эпатажных (скандальных) внутригородских названий. Нейминговая экспертиза как юридико-лингвистический феномен имеет инструментарий для выявления скандальных и асоциальных названий. На этапе проверки заявленного обозначения, регистрации фирменного наименования и размещения на городской вывеске нейминговая экспертиза служит мерой профилактики появления эпатажных урбанонимов. На этапе судебного разбирательства жалоб граждан нейминговая экспертиза может способствовать вынесению объективных и обоснованных решений относительно появления в городе скандальных названий.
Ключевые слова: ***коммерческая номинация, нейминговая экспертиза, урбанонимы, эпатажные названия.***

Термин *коммерческие названия* (*commercial names*) используется в отечественной и зарубежной литературе для выделения из зоны номинации названий, имеющих коммерческую ценность. Их основная функция – привлечь внимание потребителя товаров и услуг. Такой

коммерческой ценностью обладают, прежде всего, товарные знаки и знаки обслуживания, зарегистрированные в Федеральном институте промышленной собственности (Роспатенте), а также фирменные наименования и коммерческие обозначения. Все эти средства индивидуализации могут быть вынесены на городские вывески кафе, ресторанов, магазинов, жилых комплексов, аптек, салонов красоты, рекламных агентств, туристических фирм и других предприятий, поэтому мы объединили их термином *коммерческие урбанонимы* (Соколова, 2016б).

Количество названий городских объектов неуклонно растёт, и стремление выделить своё предприятие среди однотипных приводит владельцев к поиску необычных, оригинальных названий, часто эпатажных, намеренно нарушающих общепринятые нормы и правила (орфографические, стилистические, этические, эстетические). Именно такие *скандальные, асоциальные, аморальные, эпатажные* коммерческие урбанонимы привлекают внимание общественности, лингвистов и юристов: бары «*Ёшкин Кот*», «*Забей*», «*Обираловка*»; кафе «*Жиртрест*»; ресторан «*Мафиози*»; салоны красоты «*Лысый стриж*», «*Баба Яга*»; жилые комплексы «*Одиннадцать Станиславского*», «*Barkli Virgin House*»; магазины «*Анна Ванна*», «*Ё Бельё*», «*Бельёмое*», «*Sisin dom*», «*Живоглот*», «*Пиво от Коляна*»; аптеки «*Медея*», «*Феерия*»; рекламные агентства «*Красавчег*», «*Пятый угол*», «*Маньяко*».

Эпатажные городские названия часто становятся предметом лингвистических дискуссий, а также вовлекаются в сферу правовых отношений и в связи с этим выступают как объекты нового вида судебной лингвистической экспертизы – *неймингoвой экспертизы*, которая представляет собой «процессуально регламентированное лингвистическое исследование нейма как речевого продукта, завершающееся дачей заключения по вопросам, разрешение которых требует применения специальных знаний в лингвистике, ономастике, судебном речеведении и судебной экспертологии» (Соколова, 2016а, с. 32).

Защищая эпатажные названия, их собственники ссылаются на Конституцию Российской Федерации, которая гарантирует каждому право на свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, а также охрану интеллектуальной собственности (ст. 44). Возникает вопрос, что представляют собой скандальные коммерческие урбанонимы: действительно реализацию права на свободу творчества или сознательное нарушение этических, эстетических и языковых норм, а значит – ущемляют право горожан на комфортную

Рис. 1. Реализация свободы языкового творчества или нарушение орфографических норм русского языка?

окружающую среду? Например, вынесенные на городские вывески названия «*БашМаг*», «*Красавчег*», «*Мебеля*», «*Шкап*», «*Трю-Мо*», «*Модагаскар*», «*вАСТОРг*», «*Окко*», «*Всё в ШИКоладе*», «*Па-На-Ма*» (рис. 1) – это реализация свободы языкового творчества (лингвокреатива) или нарушение орфографических норм русского языка?

И распространяются ли на такие словесные обозначения средств индивидуализации правила, утверждённые приказом Минэкономразвития России от 20 июля 2015 г. № 482? А именно: «При рассмотрении вопроса о противоречии заявленного обозначения общественным интересам, принципам гуманности и морали учитывается, что к таким обозначениям относятся, в частности, неэтично применённая национальная и (или) государственная символика (гербы, флаги, эмблемы), антигосударственные лозунги, слова и изображения непристойного содержания, призывы антигуманного характера, оскорбляющие человеческое достоинство, религиозные чувства верующих, ***слова, написание которых нарушает правила орфографии***» [Подчёркнуто нами. – *Т.С.*] (Приказ, 2015).

Обилие латиницы на городских вывесках, частое смешение кириллицы и латиницы в названиях магазинов, ресторанов, кафе, салонов красоты, жилых комплексов свидетельствует о массовой лингвокреативной деятельности или о несоблюдении закона «О государственном языке Российской Федерации» № 53-ФЗ, предписывающего использование русского языка в сфере наименований?

Для защиты русского языка от «армии иностранных слов», от «орфографической неграмотности», от «порчи» русского алфавита латинскими буквами «Ассоциация учителей литературы и русского языка» в 2016 г. предложила создать «лингвистическую полицию» (http://7info.ru/news/world-society/v_rossii_mozhet_pojavitsja_lingvisticheskaja_policija). В числе приоритетов работы нового ведомства назывались, в частности, контроль за количеством иностранных слов и защита литературных норм. Учителя предлагают обратить особое внимание на то, как названы магазины, и на вывески, которые часто изобилуют иностранными словами, имеющими аналоги в русской речи. «*Посмотрите сейчас на названия наших кафе, магазинов – это создаёт тот самый процент, который обеспечивает языковую среду для ребёнка. То есть он видит искажённые облики слов, видит слова, где латиница перемешана с кириллицей. И он это впитывает*», – заявил член Совета по русскому языку при Президенте Российской Федерации Роман Дощинский (https://lenta.ru/news/2016/09/08/grammarnazi/). В частности, учителя и общественного деятеля возмутила вывеска магазина «*mamase&papas*», иностранные слова которой он предложил заменить русскими «мама и папа». Однако господин Р. Дощинский не обратил внимания на размещённый на вывеске графический символ правовой охраны товарного знака ®, который защищает правообладателя от посягательств на его средство индивидуализации, его интеллектуальную собственность.

Отстаивая идею лингвистической полиции, учитель из Волгограда сформулировала тезис: «В героическом городе и названия кафе, баров, ресторанов должны нести героический посыл» (https://lenta.ru/news/2016/09/08/grammarnazi/). Однако такое заявление противоречит одному из основных правил нейминга: название должно соответствовать типу именуемого объекта. Пивной бар с героическим названием будет выглядеть кощунственно и оскорбит чувства ветеранов Великой Отечественной войны, в то время как «иноязычное» название, например «*Scoozi*», выполняет индивидуализирующую, а также информативную функцию – это семейное заведение с итальянской кухней. А название волгоградского арт-кафе «*Жаба душит*», с одной стороны, на основе дефразеологизации обыгрывает слово *жаба*: на вывеске и в интерьере кафе это антиэстетичное слизкое и бородавчатое земноводное превращается в милое и игривое сказочное существо – повсюду фигурки разряженных жаб на любой вкус и цвет – от мягких и пушистых игрушек на диванах, до вызывающих и вульгарных жаб-стауэток на подоконниках.

С другой стороны, в названии сохраняется значение фразеологизма: *жаба душит (давит, задавила, заела) – неодобр*. О проявлении жадности, зависти (Большой…, 2017), что осознаётся носителями языка, оставляющими свои отзывы о посещении данного заведения, например: «*Но идти ужинать и наслаждаться особой кухней сюда я бы не рекомендовала. Дорого и не бесспорно вкусно. Хотя, если вас не «душит жаба», и не пугают высокие цены… А если сомневаетесь, идти вообще в это арт-кафе или нет, сходить и проверить точно надо – а не задушит ли вас это слизкое и противное пресноводное?*» (http://tamvkusno.ru/review/tam-vkusno-zhaba1). Так надо ли бороться с такой жабой на городской вывеске?

Чтобы разобраться в существующих проблемах современного городского нейминга, необходимы специальные знания не только в области филологии, русского языка, но и ономастики и судебной экспертологии (Россинская и др., 2016), поэтому для «наведения порядка» на городских вывесках нужна не «лингвистическая полиция», а неймингoвая экспертиза (Соколова, 2016а).

Первая задача неймингoвой экспертизы – выявить юридический статус урбанонима: товарный знак, знак обслуживания, фирменное наименование, коммерческое обозначение (у каждого средства индивидуализации, предусмотренного Гражданским кодексом РФ, есть свои особенности и ограничения, в том числе в словесном оформлении).

Если это товарные знаки или знаки обслуживания, то большая часть эпатажных названий отсекается (а значит, не допускается и на городские вывески) уже на стадии регистрации, так как, согласно ст. 1483 Гражданского Кодекса РФ, в России нельзя зарегистрировать обозначение, противоречащее общественным интересам, принципам гуманности и морали. Однако недовольные отказом в регистрации собственники часто оспаривают решения Роспатента, и на вывесках всё-таки появляются «*Ё-моё*», «*Ядрёна Матрёна*», «*Япона Матрёна*» и другие комбинированные обозначения, в которых неприличный оттенок названия создаётся не только вербальной, но и невербальной составляющей. К таким *креолизованным урбанонимам* необходимо применять приёмы комплексного анализа и в качестве доказательной базы привлекать заключения не патентоведческой, а неймингoвой экспертизы.

Также специфичны фирменные наименования, которые не могут быть креолизованным знаком и не могут содержать латинские символы (например, ООО «МИН ХЕРЦ», «НАХ», «КАЙФ», «ФАК»),

Рис. 2. Сниженная и грубая лексика на вывесках, обыгранная невербальными средствами

однако часто они представляют собой аббревиатуры и искусственно изобретённые слова («НАХ», «ПОХ», «ЛИГР», «МАФ»), но убрать их с городских вывесок – значит нарушить закон, ибо владелец имеет право размещать своё фирменное наименование на вывеске. Поэтому необходима нейминговая экспертиза названий **перед** внесением их в Единый государственный реестр юридических лиц, а также на стадии судебного разбирательства, в том числе по инициативе Федеральной антимонопольной службы (ФАС).

Самый многочисленный и бесконтрольный разряд коммерческих урбанонимов – коммерческие обозначения, регистрация которых не требуется, а значит, владелец заведения может назвать его как угодно. Поэтому именно в коммерческие обозначения часто проникает сниженная и грубая лексика, которая, как и в товарных знаках, может обыгрываться невербальными средствами (рис. 2).

В каждом конкретном случае вопрос о креативности и эпатаже должен решаться на основе применения специальных знаний. Перед экспертом-речеведом могут быть поставлены вопросы: *Является ли название "X" индивидуальным, оригинальным? Является ли название "X" конфликтогенным? Если да, то каковы факторы конфликтогенности?*

Вопросы к эксперту могут быть сформулированы более конкретно, например: *Имеются ли в названиях, зафиксированных на вывесках, признаки нарушения норм гуманности и морали? Имеются ли в на-*

звании, зафиксированном на вывеске, нарушения норм русского языка? Соответствует ли коммерческий урбаноним ландшафту города?

Неймингoвая экспертиза позволяет, например, установить, что конфликтогенность названия клуба «*BarSuk*» обусловлена языковой игрой (на основе капитализации «S»), в результате которой часть потенциальных посетителей чувствует себя оскорблённой. Негативная семантика и сниженная стилистическая окрашенность второго компонента урбанонима «Сука – *Грубо.* О человеке, вызывающем своим поведением гнев, раздражение (обычно женщине)» (Большой…, 2000, с. 1288) легко распознаётся носителями языка. Об этом свидетельствуют данные опросов и интернет-форумов, например: «*От названия данного кафе веет помойкой!*»; «*Не пойду, потому, что так и написано Бар Сук, я себя к сукам не отношу*» (http://pln-pskov.ru/forum/116568.html).

Отсутствие компетентного лингвистического заключения привело к затянувшемуся противостоянию жителей Нижнего Новгорода с владельцами стриптиз-клуба «*Peshkov*» (подлинная фамилия писателя М. Горького), который открылся 4 ноября 2011 г. напротив музея детства писателя «Домик Каширина». А в декабре 2011 г. «Комсомольская правда» опубликовала статью «Пешков. Человек и стриптиз-клуб», рассказав широкой аудитории о разгоревшемся скандале: горожане пожаловались в антимонопольную службу, «эксперты» не увидели в названии связи с писателем, которого все знают как Горького («Мало ли Пешковых в России!»), но всё же порекомендовали руководству заведения сменить название (http://www.kp.ru/daily/ 25797/2779342/).

Мы употребили слово «эксперты» в кавычках, поскольку члены совета антимонопольного органа не обладают специальными знаниями и не проводят экспертизу названий и рекламного текста, «сила» их решения такова, что в случае отказа владельцев вывески исполнять рекомендации никакого наказания не предусмотрено. Разумеется, работники клуба продолжали использовать креолизованный знак (невербальный компонент *женские трусики-стринги, они же коктейльный бокал* актуализирует непристойность вербального компонента *Peshkov*), заявляя: «*А с чего вы взяли, что именно фамилия писателя стала названием нашего клуба?*» Нижегородцы продолжали борьбу против скандального клуба до 2014 г.: «*Когда ж его закроют то. Никому там не нравится, все его хают. Он там сто раз оскорбил кого-то своим названием и до сих пор стоит… Почему?*» (https://nn.zoon.ru › Рестораны Нижнего Новгорода › Кафе-клуб PESHKOV). А потому,

что нужна лингвистическая экспертиза, которая обосновала бы недопустимость такого названия в центре Нижнего Новгорода. (Теперь этот клуб, наконец, закрыт.)

В 2016 г. в Красноярске появилась служба доставки роллов и суши под названием «*ЁбиДоёби*». Один из организаторов проекта Константин Зимен поясняет: «Вдвоём с партнёром мы просто сели и просмотрели миллион названий уже действующих в Красноярске служб доставки суши. Они ничем не отличаются друг от друга – это части названий японских блюд, ещё какие-то типичные слова. Тогда мы взяли японский словарик и поискали что-то запоминающееся, так появилось наше название» (http://info.sibnet.ru/ article/462621/). «*ЁбиДоёби*» в переводе с японского языка означает «День недели – суббота». Но номинаторы выбрали эпатажное название не по семантике, а явно спекулируя на эпатаже – по созвучию с нецензурными русскими словами.

Управление архитектуры г. Красноярска предприняло меры, чтобы запретить использование вывески фирмы по доставке суши и роллов «*Ёбидоёби*» и обратилось в Федеральную антимонопольную службу (ФАС) по Красноярскому краю. Однако экспертный совет ФАС признал легитимность вывески. И в данном случае словосочетание «экспертный совет» вводит в заблуждение правоприменителей и общественность, поскольку вовсе не состоит из экспертов, обладающих специальными знаниями, и не производит экспертизу, в данном случае требовалось не решение экспертного совета по этике, а нейминговая экспертиза, которая выявила бы ***лингвистические*** признаки несоответствия названия фирмы нормам морали, так как «*ЁбиДоёби*» – языковая единица, содержащая в своём составе корень слова, обозначающего процесс совокупления, то есть принадлежит к обсценной лексике (Квеселевич, 2003, с. 204–205).

Из-за ошибочного решения ФАС нецензурное название красноярской фирмы доставки суши стало легитимным, превратилось в хит Интернета, обрело непристойное доменное имя ёбидоёби.рф (http://www.mk.ru/economics /2016/02/19/kompaniya-yobidoyobi-otstoyala-brend-pered-gosudarstvom.html; https://lenta.ru/news/2016/02/19/fas/). Как сообщается на странице «ЁбиДоёби» в «Вконтакте», большая часть молодёжной аудитории «оценила юмор маркетологов», но есть и те, кто оскорбился: «Спекулируют на низменных эмоциях…; название как минимум оскорбляет достоинство русского человека…» (https://info.sibnet.ru/article/462621/).

Отметим, что автоматические «антиматерные» фильтры, установленные на многих сайтах, оказались более «лингвистически грамотными», чем так называемые эксперты ФАС, и не пропускали рекламу и отзывы на услуги с таким ключевым словом – пришлось модераторам внести *ёбидоёби* в список допустимых исключений. И теперь авторы скандального названия развернули широкую рекламную кампанию в Интернете и гордятся своим «детищем», рождённым «на стыках двух величайших языков». Действительно, в сочетании с названием ресурса *mneohota.ru/* (мне охота) http://mneohota.ru/yobidoyobi изобретение выделяется и запоминается, только «в душу ли западает» и об «отличном ли чувстве юмора» свидетельствует?! Что-то душа номинации смещается в телесный низ!

Второе социально опасное направление в коммерческой номинации – грубое просторечие, приправленное или замаскированное языковой игрой. На проблему нарочитого огрубления языка города мы уже обращали внимание (Агеева, Соколова, 2012). В частности, речь шла о магазине алкогольных напитков, призывающего своим названием «Бухни»! Теперь это и доменное имя, и интернет-магазин пива http://moskva.spravker3.ru/pivovarennye-zavody/internet-magazin-piva-buxni-2739536.htm. В последние годы в Москве, Петербурге, Тамбове, Екатеринбурге, Северодонецке, Каменске, Звенигороде, Красноярске и других городах сформировалась целая сеть магазинов и ларьков разливного пива «*Бухен Хауз*», что побудило горожан выразить удивление и возмущение по поводу уродливого урбанонима: «…жаль, что нет такой структуры, которая бы отслеживала названия магазинов», «посредственное содержание, скрашиваемое попыткой создать образ», «после таких названий город [Екатеринбург. – *Т.С.*] только Ёбургом и можно назвать», «название это не более чем проявление "таланта" хозяина» (www.liveinternet.ru/users/zanzi/post130989750/).

Челябинское УФАС России откликнулось на жалобы горожан и провело опрос среди интернет-пользователей: «Что, по Вашему мнению, означает словосочетание "*Бухен хауз*"?» Согласно полученным данным, 38% опрошенных считают словосочетание «*Бухен хауз*» иностранным выражением; 62% воспринимают словосочетание «*Бухен хауз*» в значении ‘употреблять спиртные напитки’, кроме того словосочетание «*Бухен хауз*» в совокупности с изображением людей, держащих кружки с пенным напитком, воспринимается негативно в значении ‘распитие алкогольной продукции в данном заведении (доме)’ (www.chel.fas.gov.ru/news/7310?&page=29).

Совершенно очевидно, что большинство носителей русского языка в разных городах увидели в этом искусственном названии связь со словом *бухать* – ‘выпивать, употреблять спиртные напитки’, причём лексикографическое исследование показывает, что сниженная стилистическая окрашенность глагола *бухать* и его производных осознаётся не только специалистами, но и «рядовыми» пользователями. Данная лексема вошла в Большой толковый словарь русского языка с пометой «*разговорное сниженное*» (Большой…, 2000, с. 106), однако другими лексикографическими источниками квалифицируется как *арготизм* или *жаргонизм*, *грубый* и *вульгарный*, с явно негативной коннотацией.

Слова *бухать*, *бухло*, *бухой* и другие производные включены в «Словарь русского арго» (Елистратов, 2000, с. 51), в «Словарь русского сленга» (Юганов, Юганова, 1997, с. 40), в словари «Русская феня» (Быков, 1994, с. 36), «Современный русский жаргон уголовного мира» (Дубягина, Смирнов, 2001, с. 40), «Ключевые концепты молодежной культуры» (Никитина, 2013, с. 46), «Горячее городское арго» (Риндау, 2014, с. 19). Если рассматривать название «*Бухен хауз*» как «иностранное выражение», то и «немецкий след» содержит отрицательно-оценочный коннотат: *buhen гл.*, разг. ‘освистывать, выражать неодобрение, шикать, улюлюкать’, Haus *сущ.* ‘дом, здание’ (Multitran http://www.multitran.ru/). Дискуссия об уместности «*Бухен Хаузов*» на улицах современных городов продолжается, и существенную помощь региональным органам, регламентирующим городское пространство, может оказать нейминговая экспертиза.

Таким образом, мониторинг сферы городской коммерческой номинации позволил выявить постоянно расширяющуюся зону эпатажных урбанонимов, активно обсуждаемых в Интернете, в СМИ и вовлекаемых в правовое поле. Нейминговая экспертиза как юридико-лингвистический феномен обладает возможностями и инструментарием для выявления скандальных, асоциальных названий. На этапе проверки заявленного обозначения, на этапе регистрации фирменного наименования и размещения на городской вывеске коммерческого обозначения нейминговая экспертиза может служить мерой профилактики появления эпатажных урбанонимов, а на этапе рассмотрения жалоб граждан в ФАС и судебных разбирательств – способствовать вынесению обоснованных объективных решений и гармонизации ономастического пространства русских городов.

Литература

Агеева Р.А., Соколова Т.П. О московских эргонимах // Экология языка и речи. Материалы Междунар. науч. конф. Тамбов, 17–18 ноября 2011 г. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 2012. С. 316–319.

Большой словарь русских поговорок. Электронный ресурс. Режим доступа: http://my-dict.ru/dic/bolshoy-slovar-russkih-pogovorok/375968-zhaba-dushit-davit-zadavila-zaela (дата обращения: 02.09.2017)

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норит, 2000. 1536 с.

Быков В. Русская феня. Словарь современного интержаргона асоциальных элементов. Смоленск: ТРАСТ-ИМАКОМ, 1994. 222 с.

Дубягина О.П., Смирнов Г.Ф. Современный русский жаргон уголовного мира: Словарь-справочник. М.: Юриспруденция, 2001. 352 с.

Сведения о регистрации юридических лиц. [Электронный ресурс]. URL: www.egrul.ru/ (дата обращения: 12.09.2017)

Елистратов В.С. Словарь русского арго: Материалы 1980–1990 гг. М.: Русские словари, 2000. 694 с.

Квеселевич Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. М.: АСТ, 2003. 1021 с.

Никитина Т.Г. Ключевые концепты молодежной культуры: тематический словарь сленга. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2013. 864 с.

Приказ Министерства экономического развития РФ от 20 июля 2015 г. № 482 «Об утверждении Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков, Требований к документам, содержащимся в заявке на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и прилагаемым к ней документам и их форм, Порядка преобразования заявки на государственную регистрацию коллективного знака в заявку на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания и наоборот, Перечня сведений, указываемых в форме свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), форме свидетельства на коллективный знак, формы свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), формы свидетельства на коллективный знак». Электронный ресурс: http://www.rupto.ru/docs/regulations/pr_minek_482 (дата обращения: 12.08.2017)

Риндау Э. Горячее городское арго: Русско-русский разговорник. М.: ТОРУС ПРЕСС, 2014. 354 с.

Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология): Учебник. М.: Юр. Норма НИЦ ИНФРА-М. 2016. 368 с.

Сайт Челябинское УФАС. www.chel.fas.gov.ru/news/7310?&page=29 (дата обращения: 27.08.2017).

Соколова Т.П. Нейминговая экспертиза: организация и производство. М.: Юрлитинформ, 2016а. 208 с.

Соколова Т.П. Коммерческие урбанонимы России в аспекте нейминговой экспертизы // Ценности и смыслы. 2016б. № 6 (46). С. 79–86.

Юганов И., Юганова Ф. Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60–90-х годов). М.: Метатекст, 1997. 304 с.

Электронные ресурсы

http://7info.ru/news/world-society/v_rossii_mozhet_pojavitsja_lingvisticheskaja_policija

https://lenta.ru/news/2016/09/08/grammarnazi/

https://lenta.ru/news/2016/09/08/grammarnazi/

http://tamvkusno.ru/review/tam-vkusno-zhaba1

http://pln-pskov.ru/forum/116568.html

http://www.kp.ru/daily/25797/2779342/

http://nn.zoon.ru› Рестораны Нижнего Новгорода › Кафе-клуб PESHKOV

http://info.sibnet.ru/article/462621/

http://www.mk.ru/economics /2016/02/19/kompaniya-yobidoyobi-otstoyala-brend-pered-gosudarstvom.html

https://lenta.ru/news/2016/02/19/fas/

https://info.sibnet.ru/article/462621/

http://mneohota.ru/yobidoyobi

http://moskva.spravker3.ru/pivovarennye-zavody/internet-magazin-piva-buxni-2739536.htm

www.liveinternet.ru/users/zanzi/post130989750/

www.chel.fas.gov.ru/news/7310?&page=29

Multitran: http://www.multitran.ru/

УДК 801.311, 81.373.211.5

О месте исторических топонимов во внутригородской топонимии

© 2018 г. В.О. Максимов

Научно-исследовательский центр «История фамилии», Москва, Россия
Imaximov@mail.ru

The role of historical place-names inside the city

V.O. Maximov

Scientific research centre «History of surname», Moscow, Russia
Imaximov@mail.ru

The Russian scientists and cultural workers of the XIX–XX centuries contributed to the popularization of information about the history of their large and small homeland; they also possessed rich material on place-names inherited from previous generations. But the passion for place-names with a view to use them for memorial and political purposes was the reason that such place-names or, at least, part of them inside the city have now decreased to a considerable extent in percentage as compared with the total mass of these names. We also keep in mind that the present outskirts of big cities may once become local geographical centres and acquire the status of special cultural area, so their historical and unique place-names ought to remain.

Keywords: ***cultural heritage nominative principles, street-names.***

Российские деятели науки и культуры XIX–XX вв., которые внесли вклад в популяризацию сведений об истории своей большой и малой родины, располагали богатым топонимическим материалом, доставшимся от предыдущих поколений. Однако увлечение использованием топонимии в политических и мемориальных целях стало причиной того, что часть внутригородской топонимии сегодня значительно сократилась по отношению к общему массиву внутригородских топонимов. Современные окраины больших городов могут в перспективе стать местными географическими центрами и приобрести статус особой культурной зоны, поэтому их уникальные исторические топонимы следует сохранять.

Ключевые слова: ***внутригородские названия, исторические топонимы, культурная зона, топонимия.***

Многие участники конференции «Топонимические чтения 2017» заранее познакомились с темами и текстами заявленных докладов на сайтах Исследовательского центра «История фамилии» и Русского географического общества. Я с большим удовольствием прочитал доклад петербургского учёного Андрея Борисовича Рыжкова, в котором подробно рассматривается тема мемориальной топонимии, в том числе её политический аспект. По большинству пунктов я с ним солидарен. Поэтому позволю себе сконцентрироваться на другом подходе к этой проблеме.

Начать хотелось бы с объявления на сайте, предлагающего пешеходную экскурсию «Заповедные улочки Москвы»: «Названия улиц Москвы составляют важную часть повседневной жизни. Сознаём мы это или нет, но названия, имеющие корни в родном языке, обращаются к глубинам нашего существа. Ведь многие улицы были названы по царскому указу: *Пречистенка*, *Варварка*, *Ильинка*, *Зарядье*, улица *Старого Арбата* и др.» (http://mosexcursion.ru/39).

Вот такое, я бы сказал, антинаучное, безграмотное и смешное описание. Но в нём можно разглядеть важную деталь. Для того, чтобы привлечь внимание потенциальных участников экскурсии, автор рекламного текста использует названия объектов, об истории которых и даже о самих названиях он, судя по тексту, имеет весьма скудное представление, но выбирает те, которые ему кажутся наиболее красивыми и загадочными.

Действительно, многие внутригородские топонимы становятся своеобразными символами города. По ним в школе изучают историю своей малой родины (Горбаневский, 1997, 2007), по ним эту историю рассказывают туристам. Однако рост городов приводит к тому, что в понятии «малая родина» всё большее значение имеет не весь город, а его административный округ, район. А каковы качества топонимии в спальных районах, например, крупнейшего города России – Москвы? О чём они могут рассказать местным жителям? Что могут поведать туристам?

Логично было бы предположить, что в топонимах *Медведкова* будут максимально отражены исторические сведения об этом районе, о существовавших здесь селениях, о происходивших здесь событиях или, наконец, об исторических связях жителей этого района с соседними регионами, что очень ярко отражается, например, в названиях основных транспортных магистралей, идущих через район за пределы города. Здесь есть *Осташковская улица*, но есть и *Енисейская*. А ведшее ранее в деревню *Медведково Медведковское шоссе*, почему-то сохранило своё название лишь на отрезке от *Проспекта Мира* до *проезда Серебрякова*, а к самому *Медведкову* приходит уже как *Кольская улица*, по пути побывав *улицей Амундсена*. Таким образом, непосредственная связь названия этого шоссе и села, а теперь районов *Южное* и *Северное Медведково* неочевидна.

Сложнее с названиями крупных магистралей на юге Москвы. При оправданном наличии здесь *Чертановской улицы* и в некотором смысле объяснимых *Севастопольского проспекта* и *Липецкой улицы*, которая, впрочем, хотя и «направляется» в город *Липецк*, но начинается от *Бакинской*. Крупнейшими транспортными артериями этой части города явля-

ются *проспекты Мичуринский*, *Ленинский* и *Вернадского*; *Профсоюзная улица* и *Варшавское шоссе*. От имевших в прошлом большое транспортное значение *Большой* и *Малой Калужских улиц* осталась лишь *Малая*, не выходящая за пределы Москвы (Улицы…, 2003; Имена…, 2007).

Эти, а тем более мемориальные названия в форме «улица имени такого-то, такой-то», совершенно лишённые связи с историей местности и никак её не характеризующие, не позволяют сформировать некий поэтический образ малой родины. И даже если он формируется сам по себе, допустим, в силу особых ландшафтных условий, то они в него просто не вписываются. Обратите внимание, как диссонируют красота и романтика *Воробьёвых гор*, являющихся буквально местом паломничества москвичей и гостей столицы, с проходящей по этой территории *улицей Косыгина*, названной в честь очень уважаемого мною государственного деятеля. Уверен, будь у этой улицы иное, более подходящее местоположению название, оно бы уже многократно было воспето в стихах и песнях. А песня о родном городе или улице, о которых поют их жители, как мне кажется, многократно важнее тысячи билбордов, рассказывающих о том, что наш город преображается с каждым днём и очень любит своих жителей.

Иногда такие песни для формирования мнения местных жителей о малой родине – родном городе, посёлке, районе, области – значат больше, чем реальный уровень их жизни, успехи местной администрации и бизнеса. Я напомню, что песню «Человек, влюблённый в Сахалин» поэт и композитор Игорь Николаев написал в годы, когда уровень жизни жителей Сахалина был крайне низок. Но я неоднократно слышал, с какой любовью эту песню в те времена пели сами сахалинцы.

Я не призываю к тому, чтобы в будущем всем новым улицам и переулкам Москвы давали названия в стиле гламурных журналов: «*Аллея звёзд*», «*Звёздная*», «*Любимая*» и т.п. Названия могут быть и простыми, но по мере возможности должны соотноситься с историей района, его ландшафтом, быть связанными с соседними землями (Закон…, 1997; Закон…, 2017). Поэтический взгляд на родные места всегда найдёт способ связать их с другими реалиями современной жизни. Напомню пару строк любимейшей мной песни из фильма «Весна на Заречной улице»: «…но ты мне, улица родная, и в непогоду дорога» и, конечно же, «Когда на улице Заречной в домах погашены огни, горят мартеновские печи, и день и ночь горят они».

На эту проблему можно взглянуть иначе. Резкое обострение политических тем в последние годы обнажило интересные факты. Выяснилось, что даже многие представители «западных элит» имеют слабое представ-

ление обо всём, что находится и происходит за границами их государств. Можно вспомнить, например, обещание «отправить американские корабли к берегам Белоруссии». Или о том, что учения российской армии под Астраханью проводятся в опасной близости к границам Украины. Или о том, что части Первого украинского фронта состояли сплошь из украинцев. А чехи долго думали над официальным названием своего государства: им хотелось назвать просто *Чехия*, но были опасения (далее цитирую по памяти), «что такое название будет вызывать у туристов ассоциации с Чечнёй» (Исследовательский центр…). Выбрали название *Чешская Республика*. А истории о том, какие ответы дают граждане США и стран Евросоюза на вопросы о событиях второй мировой войны, в России можно рассказывать как остроумные анекдоты.

Но в российском обществе наблюдается другой перекос. При неплохом пока ещё знании мировой истории и географии многие граждане России имеют смутное представление об истории, экономической и даже физической географии своей страны, своей области, района, города, села. Об уровне таких знаний у нашей молодёжи также можно рассказывать анекдоты. Это значительно печальнее, чем если бы было наоборот, но я, разумеется, не призываю ограничить школьный курс изучением исключительно географии и истории России. Более того, такое изучение нельзя ограничивать только школьными курсами истории и географии. В связи с этим хочется отметить замечательную акцию – проводящийся Русским географическим обществом ежегодно с 2015 г. «Географический диктант». Такие мероприятия одновременно служат делу популяризации географической науки и стимулируют людей на её самостоятельное изучение. А интерес к малой родине можно пробуждать и поддерживать в том числе и при помощи осмысленно организованной внутригородской топонимии, которая действительно выполняет и роль наглядной агитации (Горбаневский, 1985).

Эти наблюдения, на мой взгляд, вновь настоятельно возвращают нас к оценке роли топонимических комиссий, отдельных топонимистов и краеведов в процессе формирования топонимических систем. Избавление от яростного антибольшевизма 1990-х годов, царившего в части российских элит, в том числе и научных, не привело, однако, к установлению разумного баланса в процедуре топонимического творчества.

Возвращается практика присвоения внутригородским объектам политически мотивированных и мемориальных названий. И вот уже станцию метро *Братеево* переименовывают в *Алма-Атинскую*; станцию *Улица Подбельского* – в *Бульвар Рокоссовского*, даже не находящийся

рядом. Администрация города *Сергиев Посад* принимает решение переименовать *улицу Карла Маркса* в *улицу Патриарха Пимена*. Следует заметить, что сама общественность *Братеева* была категорически против такого переименования, поскольку топоним *Братеево* не просто оригинален – он уникален как отражение несохранившегося к настоящему времени древнерусского личного имени **Братей*, не зафиксированного в письменных источниках (Веселовский, 1974, с. 49).

А история с *улицей Патриарха Пимена* ещё удивительнее, поскольку само духовенство не почувствовало, что предложенное название не вписывается в историческую традицию увековечивания памяти подвижников и предстоятелей Русской православной церкви, обмирщает её, уравнивая роль в нашей истории великого православного пастыря с ролью хотя и великих, но светских деятелей.

Основываясь на таких примерах и рассуждениях, я полагаю, что необходимо добиваться того, чтобы обсуждение и принятие решений, так или иначе касающихся любой топонимической системы – общероссийской или внутригородской – не могло проходить без участия специалистов. А мы знаем, что в последние годы их представительство, например, в «Городской межведомственной комиссии по наименованию территориальных единиц, улиц, станций метрополитена, организаций и других объектов города Москвы» резко сократилось.

Российские деятели науки, искусства, культуры, внёсшие свой вклад в популяризацию сведений об истории своей большой и малой родины, располагали богатым топонимическим материалом, доставшимся нам от предыдущих поколений. Но увлечение использованием топонимии в политических и мемориальных целях стало причиной того, что такая топонимия, во всяком случае её часть, относящаяся ко внутригородской, сегодня значительно сократилась в процентном отношении к общему массиву внутригородских топонимов (Голомидова, 2015, 2017).

Но необходимо думать и о будущем. Сохраняя существующий подход, мы обрекаем наших потомков на исключительно утилитарное отношение к своей малой родине, превращаем нынешние окраины городов, которые через сто или двести лет могут стать, например, географическими центрами гигантских мегаполисов, в вечные спальные районы. Возможно, в них будет превосходная транспортная сеть, множество благоустроенных парков, торговых центров, бассейнов и других объектов социального назначения. Но в них не будет одной из важных составляющих культурного пространства – неповторимой, свойственной только

данному кварталу или городскому району топонимии, которая могла бы подчеркнуть связь времён и поколений, единство малой родины с другими городами и землями огромной страны и которая давала бы возможность выразить эти ощущения и чувства в виде поэтических образов.

Литература

Веселовский С.Б. Ономастикон. М.: Наука, 1974. 382 с.

Голомидова М.В. Урбанонимический дизайн: к вопросу о названиях внутригородских объектов // Вопросы ономастики. 2015. № 1 (18). С. 186–196.

Голомидова М.В. Современная урбанонимическая номинация: стратегические подходы и практические решения // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 3. С. 185–203.

Горбаневский М.В. Основные тенденции развития топонимии Москвы в советский период // Вопросы географии. Сб. № 126. Географические названия в Москве. М.: Мысль, 1985. С. 108–125.

Горбаневский М.В. Москвоведение. Учебное пособие для начальной и средней школы. М.: Московские учебники, 1997. 368 с.

Горбаневский М.В. Москва: кольца столетий. Из истории названий местностей и районов, улиц и переулков столицы. М.: Олимп: АСТ: Астрель, 2007. 441 с.

Закон города Москвы № 40-70 от 8 октября 1997 г. «О наименовании территориальных единиц, улиц и станций метрополитена города Москвы» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MLAW&n=181874&rnd

Закон города Москвы № 41 от 22 ноября 2017 г. «О внесении изменений в закон города Москвы от 8 октября 1997 года № 40-70 "О наименовании территориальных единиц, улиц и станций метрополитена города Москвы"» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MLAW&n=181845&rnd

«Замоскворечье» – туристическая фирма: http://mosexcursion.ru/39

Имена московских улиц: Топонимический словарь. М.: ОГИ, 2007. 608 с.

Исследовательский центр «История фамилии»: http://www.familii.ru/slovo-news-arhiv/6112-cheshskaya-respublika-mozhet-ofitsialno-smenit-nazvanie-na-chekhiyu

Улицы Москвы. Старые и новые названия. Топонимический словарь-справочник. М.: ИЦ «Наука, техника, образование», 2003. 336 с.

УДК 801.311, 81.373.21

Региональные особенности систем урбанонимов (на примере больших городов Московской области)

© 2018 г. Р.В. Разумов

Ярославский государственный педагогический университет, Ярославль, Россия
rvrazumov@list.ru

Local features of urban names systems (as compared with Moscow regional cities)

R.V. Razumov

Yaroslavl' State pedagogical University, Yaroslavl', Russia
rvrazumov@list.ru

The author compares the urban names of the cities in the Moscow region with the toponyms in other regions of the Central Federal area. The statistical data show the distinctions between them. So in the big cities of the Moscow region it is only Sovetskaya-street that is represented in all settlements of the region, while in other regions one can see a greater variety of street-names in such situation.
Keywords: ***frequency, Moscow region, onymic systems, regions, urban names.***

В современной русской урбанонимике мало теоретических исследований, в которых анализируются закономерности онимических систем российских городов. В статье представлен сопоставительный анализ онимической системы больших городов Московской области и топонимов в других регионах Центрального федерального округа. На основе статистических данных устанавливаются расхождения в частотности названий. В частности, в больших городах Московской области преобладает урбаноним *улица Советская*, в то время как в других регионах наблюдается большое разнообразие в номинации улиц.
Ключевые слова: ***Московская область, онимические системы, регионы, урбанонимия, частотность.***

Современное состояние русской урбанонимики, к сожалению, по-прежнему характеризуется сравнительно малым количеством обобщающих теоретических исследований, в которых анализируются закономерности онимического пространства российских городов (Ахметова, 2010; Мадиева, Супрун, 2017). Нам представляется актуальной задачей переход от исследований урбанонимических систем отдельных населённых пунктов к анализу городских онимических систем Российской Федерации в целом.

В рамках настоящей статьи мы анализируем особенности систем урбанонимов больших городов Московской области. Для этого было проведено их сопоставление с топонимами, представленными в дру-

гих регионах Центрального федерального округа (далее ЦФО). При проведении исследования мы использовали данные открытых источников: информационных баз адресации объектов в Российской Федерации и баз почтовых индексов. Для выявления особенностей урбанонимической системы региона были привлечены материалы созданной нами базы данных «Урбанонимия Центральной России», содержащей сведения о наименовании внутригородских объектов ЦФО. При упоминании урбанонимов в тексте статьи мы будем использовать географический термин *улица* как универсальный для внутригородской топонимии российских городов.

В настоящее время в Московской области существует 15 населённых пунктов, имеющих статус большого города. Заметим, что лишь Коломна, Ногинск, Подольск и Серпухов имели статус города до революции 1917 г., а все остальные населённые пункты (Балашиха, Жуковский, Королёв, Люберцы, Мытищи, Одинцово, Орехово-Зуево, Сергиев Посад, Химки, Щёлково, Электросталь) получили его после Октябрьской революции в 1920–50-е годы.

Специфика систем урбанонимов больших городов региона выявляется благодаря коэффициенту относительной встречаемости урбанонимов (КОВУ), выраженному отношением суммарной абсолютной частоты городов, в которых был создан урбаноним, к суммарной абсолютной частоте количества населённых пунктов данного типа. КОВУ населённых пунктов Московской области не совпадает с КОВУ больших городов других регионов ЦФО.

Среди больших городов Московской области лишь урбаноним *Советская улица* представлен во всех населённых пунктах региона, т.е. имеет КОВУ равный единице. В больших городах ЦФО КОВУ, равный единице, имеют восемь названий: *Железнодорожная улица* (в Московской области – 0,86), *Комсомольская улица* (0,93), *улица Ленина* (0,8), *Лесная улица* (0,86), *Луговая улица* (0,66), *улица Маяковского* (0,8), *Молодёжная улица* (0,8) и *Советская улица*.

Более чем в 90% больших населённых пунктов Московской области представлено всего три названия. Помимо уже упомянутых урбанонимов *Советская улица* и *Комсомольская улица*, это топоним *Зелёная улица*. В ЦФО этот показатель превышен у 13 урбанонимов: КОВУ 0,96 имеют названия *улица Гагарина* (в Московской области – 0,5), *улица Максима Горького / улица Горького* (0,8), *Зелёная улица*, *Московская улица* (0,86), *Садовая улица* (0,86), *Солнечная улица* (0,73), *улица Ча-*

паева (0,8), а КОВУ 0,92 имеют названия: *Новая улица* (в Московской области – 0,8), *Октябрьская улица* (в0,86), *улица Островского* (в0,73), *улица Льва Толстого / улица Толстого* (0,53), *улица Фрунзе* (0,6), *Южная улица* (0,73).

Указанные расхождения в распространении названий обусловлены тем, что статус больших городов все населённые пункты Московской области приобрели лишь во второй половине XX в. – в 1950–90-е годы. По этой причине система названий больших городов Московской области не в полной мере соответствует данному урбанонимическому типу (Разумов 2010, 2014, 2016).

Знание типологических особенностей систем урбанонимов позволит выявить особенности номинации в системах названий отдельных городов, показать, какие из топонимов являются типичными для подобных населённых пунктов, а какие характеризуют лишь данную систему.

Литература

Ахметова М.В. Заметки о неофициальной русской урбонимии // Вопросы ономастики. 2010. № 2 (9). С. 53–68.

Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Система современной русской урбанонимической терминологии // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 2. С. 115–125.

Разумов Р.В. Географические термины в системах урбанонимов провинциальных городов // Вопросы ономастики. 2010. № 2 (9). С. 95–100.

Разумов Р.В. Активные процессы в урбанонимии Российской Федерации // Активные процессы в социальной и массовой коммуникации. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т, 2014. С. 290–307.

Разумов Р.В. Типология моделей урбанонимических систем Российской Федерации // Вест. Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. 2016. № 4. С. 121–125.

УДК 801.311, 316.64

Сакрализация мемориальной топонимии в общественном сознании

© 2018 г. А.Б. Рыжков

ООО «АНКОР Кадровые решения», Санкт-Петербург, Россия
randyred@yandex.ru

The sacralization of memorial place-names in social consciousness

A.B. Ryzhkov

Society "ANKOR Personnel solutions", St. Petersburg, Russia
randyred@yandex.ru

Originally the main mass of place-names in cities and other settlements were moulded spontaneously – following the geographical principle. Later the necessity appeared to regulate the nomination of urban objects by official authorities. Because of that much more so-called memorial place-names emerged (especially after the revolution in 1917) for political propaganda and perpetuation of certain names. The naming of a street after some outstanding personality was perceived as one of supreme awards. But the result of renaming was that many place-names, which were viewed as historical monuments, just disappeared. The author thinks that it is necessary to abandon the political preferences in the process of naming and come back to historical and cultural memory.

Keywords: ***cultural space, historical memory, place-names, political propaganda.***

Первоначально основной массив топонимов в городах и других населённых пунктах формировался стихийно – по географическому признаку. Позже номинация внутригородских объектов стали регулировать официальные власти. При этом появлялось всё больше так называемых мемориальных названий (особенно после 1917 г.) с целью политической пропаганды и увековечивания некоторых имён. Номинация улицы в честь известного деятеля стала восприниматься как одна из высших наград. При этом многие исторические названия – памятники культуры – исчезли. Автор убеждён в том, что в практике номинации географических объектов следует отказаться от политических предпочтений и сохранять исторические названия как ценные памятники культуры.

Ключевые слова: ***историческая память, культурное пространство, политическая агитация, топонимия.***

В общественном сознании россиян топонимия зачастую не воспринимается как часть культурного пространства, или же культурная роль топонимов сводится к задачам наглядной агитации, прославления тех или иных личностей или событий. При этом игнорируется важнейшая функция топонимии как средства сохранения исторической памяти

(Рыжков, 2015). Подобно тому, как при помощи русского языка мы сохраняем общую культурную преемственность поколений, топонимия в качестве «языка территории» также позволяет нам ощущать связь с предками. Однако ключевое положение культурно-исторического подхода к топонимии, сформулированное ещё Д.С. Лихачёвым, – «исторические названия – памятники культуры» слишком часто не находит понимания ни у властей предержащих, ни в общественном мнении.

Функция сознательного «увековечивания памяти» не представляется для топонимии изначально присущей. Ведь традиционно основная масса топонимов как в масштабах страны, так и на локальных пространствах городов и поселений формировалась стихийно. В том и ценность исторической топонимии, что она хранит память и об утраченных местных доминантах или о приметах жизни давних времён, о старинных языковых особенностях, дополняя «нетопонимические» исторические источники. Конечно, во все времена находились владыки, которые были не прочь присвоить своё имя каким-нибудь географическим объектам, чаще всего городам. Но основной корпус «именных» топонимов, особенно в городском пространстве, возникал вовсе не с целью увековечивания чьих-то заслуг, а стихийным образом, просто в качестве местных ориентиров, аналогично использованию в топонимии названий храмов, других приметных зданий, особенностей местности и т.д.

Впоследствии формирование упорядоченного городского пространства – для российских городов это было связано с введением системы поуличной адресации во второй половине XIX в. – привело к необходимости официальных усилий по присвоению наименований городским улицам. Стихийно сложившиеся топонимы часто дублировали друг друга или же просто не успевали возникнуть сами собой при планомерном освоении новых городских пространств. Но и будучи поставлены перед необходимостью придумывания большого количества городских названий, власти дореволюционного Петербурга не обращались к идее массового топонимического увековечивания, предпочитая «нейтральный» географический принцип. Названия «в честь» были весьма редки, зачастую они попросту не приживались и вытеснялись стихийными конкурентами, как это было, например. с *площадью Императора Петра Первого*, более известной в истории как *Сенатская*, или с *мостом Императора Александра*, который «в жизни» так и остался *Литейным*. Больше шансов прижиться было у «мемориальных» названий в традиционной форме согласованного

определения – *Екатерининский канал, Александровский парк*. До революции привычная ныне форма родительного падежа «улица (имени) такого-то» крайне редко использовалась и в официальных наименованиях, а в стихийных, «народных» – никогда (Светозарова, 2015).

Тем не менее, к 1917 г. сознательное увековечивание уже не было диковинкой в городской топонимии. Но практика топонимического признания заслуг, прославления событий и пропаганды идей приобрела действительно повальный характер после революции. Большевики сразу оценили большую наглядность городских названий и не могли устоять перед искушением их использования в политической агитации. И вот внезапно названия наших городов и улиц превратились в «стенгазету», из которой граждане должны были узнавать, какие личности, события и организации являются политически приемлемыми на данный момент. При этом уничтожение исторических названий, заменённых на политические новоделы, обосновывалось либо полным непризнанием их культурной ценности, либо, напротив, осознанным желанием стереть из памяти народа определённый культурно-исторический слой, связанный с религией или монархией.

Политизация топонимии была неразрывно связана с её нарастающей «мемориализацией». Но во главу угла ставилось исключительно сознательное прославление тех или иных личностей, а исконная топонимическая функция «исторической памяти» на первых порах признавалась даже вредной, поскольку история в целом могла ассоциироваться со старым режимом. Это сказалось даже в смене главенствующей формы присвоенных названий – несогласованные определения не только прочно закрепились в названиях улиц (*улица Ленина* вместо *Ленинская улица*), но и проникли даже в названия населённых пунктов (многочисленные посёлки *им. Дзержинского*, *им. Володарского*, *им. Тельмана* и т.д.). Подразумеваемое (но опускаемое на практике) слово «имени» в названиях улиц как бы добавляло названию торжественности, и такое отношение к форме наименования весьма популярно и в наше время.

Топонимическая пропаганда революционных ценностей стала и одним из орудий воцарения коммунистической квази-религии, насаждавшейся взамен традиционной, объявленной врагом нового строя. Были у неё свои «пророки» – Маркс, Энгельс и Ленин, был и собственный «пантеон», содержащий не только революционеров и «прогрессивных» философов, но и идеологически приемлемых деятелей науки и культуры. Имена последних пропагандировались в рамках насаж-

даемой антитезы «культура – религия» и «наука – религия», как бы отражая противопоставление «просвещения» религиозной «темноте». И в топонимии были часты переименования именно по типу противопоставления: например, *Архиерейская улица* на Петроградской стороне стала *улицей Льва Толстого* именно в целях педалирования имевшего места конфликта великого писателя и мыслителя с официальной церковью. Уничтожение топонимии религиозного происхождения в начале 1920-х годов стало предвестником разрушения храмов и последовательного физического уничтожения людей духовного звания.

Революционный пантеон, однако, принципиально отличался от «традиционного» своей исключительной злободневностью. Не было и речи о выдерживании каких-то посмертных сроков «топонимической канонизации», более того, большевики не стеснялись увековечивать вполне живых людей. Эта практика имела место с первых дней революции, задолго до сталинского культа личности, т.е. культ различных личностей как раз и составлял неотъемлемую часть «новой сакрализации». При этом «провинившийся», как бы высоко дотоле ни возносила его официальная пропаганда, подлежал немедленному изгнанию из топонимического пантеона. Переименованный в честь Л.Д. Троцкого город *Гатчина* сразу превратился в *Красногвардейск*, стоило тому попасть в опалу. А многие ли помнят, что Ленинградский университет, избавившийся в конце 1980-х от имени А.А. Жданова, в 1930-х несколько лет носил имя А.С. Бубнова? Зато официальные «мученики» новой «религии» – Шмидт, Володарский, Урицкий, Киров и др. – подлежали бесконечному топонимическому тиражированию во всех уголках нашей Родины.

Все эти особенности топонимической политики прочно закрепились в массовом сознании наших сограждан. Первым её следствием стала непреложная связь наличия именного топонима с заслугами личности и её «масштабом». Наименование улицы «в честь» превратилось в одну из высших наград, в синоним сакрализации личности, а вот переименование – опять же вследствие последовательной политики по искоренению «топонимических врагов» – в акт развенчания, десакрализации, попрания личности. За чехардой переименований – а некоторые улицы в довоенный период меняли названия по нескольку раз! – окончательно забылась историческая ценность традиционной топонимии. Да и о какой «исторической ценности» можно было говорить, если официальная история нашей страны должна была начинаться с 1917 г.

Учитывая все эти обстоятельства, парадоксально выглядит возвращение 20 ценнейших исторических названий незадолго до полного снятия блокады Ленинграда в 1944 г. Внезапно на карту вернулись имена, без которых мы сейчас не мыслим существование нашего города – *Невский проспект* (*пр. 25 Октября*), *Садовая улица* (*ул. 3 Июля*), *Литейный проспект* (*пр. Володарского*), *Дворцовая площадь* (*пл. Урицкого*). Были среди них и названия религиозного происхождения: *Исаакиевская площадь* (*пл. Воровского*), *Владимирский проспект* (*пр. Нахимсона*), *Казанская площадь* (*пл. Плеханова*).

При чтении архивных материалов, посвящённых принятию этого решения, невозможно не удивляться: как будто на мгновение с глаз ленинградских руководителей (А.А. Жданова, А.А. Кузнецова, П.С. Попкова) спала идеологическая пелена, а их рассуждения о ценности старинных названий сделали бы честь любому современному топонимисту. Разумеется, Ленинград не мог принять такого решения на свой страх и риск, и на возвращение исторических названий было получено высочайшее согласие И.В. Сталина. Но мало того – уже от имени самого Верховного главнокомандующего в приказах, посвящённых освобождению *Красногвардейска* и *Слуцка*, прозвучали подлинные исторические имена этих городов – *Гатчина* и *Павловск*, что привело к их фактическому восстановлению также в январе 1944 г.

Что же произошло с официальной топонимической политикой в разгар Великой Отечественной войны? Нет, коммунисты не превратились в одночасье в контрреволюционеров, монархистов и клерикалов. Но будучи прагматиками, руководители государства очень быстро осознали необходимость полной мобилизации народного патриотизма. А она оказалась невозможной без обращения к самым сокровенным корням русской идентичности, которые, конечно, лежали гораздо глубже 1917 г. Лучше всего об этом говорит немыслимое в предвоенные годы христианское обращение И.В. Сталина к населению: «Братья и сёстры!» В этом же русле – и смягчение антирелигиозной политики с открытием некоторых храмов, и даже восстановление армейских погон с «реабилитацией» некоторых выдающихся русских полководцев прошлого.

На этом фоне и топонимическое возвращение Ленинграду права на собственную историю, которое наш город заслужил немыслимыми страданиями, воспринималось как должное, как своеобразный подарок ко дню снятия блокады. Никакие прежние шаблоны идеологии при этом не сработали – ведь никто из «переименованных» в

Ленинграде деятелей не был при этом ошельмован, остальные улицы и города, названные в их честь, никто не переименовывал, как было заведено ещё недавно. А ведь в январе 1944 г. в Ленинграде даже *проспект Ленина* был переименован в *Пискарёвский*!

Однако в масштабах всего государства этот пример остался почти уникальным. Только в освобождённых и очень пострадавших городах Украины – Киеве, Харькове, Одессе – в 1944 г. имела место подобная топонимическая реставрация. Напрасно было бы думать, что в советской топонимике перестал действовать принцип идеологической целесообразности, просто в конкретный момент потребности государственной идеологии были обращены на возрождение истинных исторических ценностей. Но после окончания Великой Отечественной войны топонимическая политика вернулась к старым шаблонам, опять на первое место вышло увековечивание, причём сакральную составляющую в восприятии мемориальной топонимии усилили повсеместные наименования в честь героев войны. Пример 1944 г. забылся очень быстро, и ни о каких массовых возвращениях исторических названий не было речи до самого конца 1980-х годов. Но Ленинград «отличился» и здесь.

В 1952 г., к очередному дню рождения И.В. Сталина, ленинградский горком принимает решение избавиться от сотни «устаревших» названий городских улиц, сохранивших свои дореволюционные имена, данные в основном по фамилиям домовладельцев. Это решение явилось одним из мрачных последствий «ленинградского дела» и стоит в одном ряду с разгромом Музея обороны и блокады Ленинграда. Точно так же, как в 1944 г. город был награждён правом на историческую память, в 1952 г. он был жестоко наказан уничтожением этой памяти в названиях улиц, многие из которых сохранялись с XVIII в. и были абсолютно лишены какой-либо идеологической составляющей. И это, и последующее развенчание культа личности с сопутствующим искоренением имени И.В. Сталина из топонимии, было соответственно воспринято в массовом сознании, в котором окончательно закрепилась поощрительно-наказательная топонимическая модель с игнорированием понятия «собственной» исторической ценности топонима. Так, при переименовании *Сталинграда* и не подумали вернуться к историческому названию города *Царицына*, предпочтя «новодельный» *Волгоград* (Трубачёв, 1992, с. 76).

С огромным сожалением приходится признать, что эта модель восприятия топонимических ценностей не претерпела особых изменений и после 1991 г. К счастью, некоторым городам, в числе которых

и Санкт-Петербург, удалось вернуть ценные исторические названия, это же относится к улицам в некоторых городах. Но нельзя не признать, что в массовом сознании эта процедура носила не характер возрождения исторических ценностей топонимии, а имела привычный с советских времён оттенок наказания «провинившихся» идеологов. С течением времени резкая критика советского строя в официальной политике современной России сменилась более спокойным отношением, в последнее время сочетающимся и с примерами некоторой идеализации. То же можно наблюдать и в общественном сознании, а поскольку топонимика так и не отделилась в нём от политики, очень часто попытки вернуться к ценным историческим названиям, которые не удалось вернуть в 1990-е годы, воспринимаются не под культурным, а исключительно под политическим углом зрения.

Характерная особенность топонимической проблематики заключается в том, что сакральное отношение к увековеченным персоналиям присуще всем представителям политического спектра. Но у ярых «антисоветчиков» эта матрица отпечаталась в сознании с обратным знаком, и целью своей топонимической деятельности они видят не возвращение ценных старинных топонимов, а уничтожение неприемлемых с их точки зрения названий, «прославляющих палачей» (зачастую с заменой на представителей собственного «пантеона»).

Таким образом, на словах не приемля советский период истории, они целиком и полностью реализуют советский же топонимический подход и отказывают в исторической и культурной ценности даже тем топонимам, которые возникли на чистом месте, но прославляют «не тех» личностей. Разумеется, убеждённые поклонники СССР так же яростно защищают своих топонимических героев. Сакральность их топонимического восприятия, между прочим, характеризуется и крайне отрицательной реакцией на возможность изменения многочисленных дублирующих названий, по разным причинам оказавшихся в границах одного административного образования. Так, в современном Санкт-Петербурге имеется шесть (!) *проспектов Ленина* (не считая собственно *Ленинского*, а также улиц и площадей), но любое предложение о возвращении какому-либо из них исторического названия воспринимается коммунистами как покушение на священную личность Ильича и приравнивается к попытке его выноса из Мавзолея (Терентьев, 2015).

К сожалению, граждане, равнодушные в целом к политике, в топонимических вопросах склонны руководствоваться скорее «политическими»

соображениями. Десятилетия сознательного игнорирования собственной культурно-исторической ценности топонимов привели к тому, что название оценивается исключительно по принципу «плохой – хороший человек». Топонимистам не удаётся объяснить народу, что название *Малой Морской улицы*, возвращённое в 1993 г., применительно к этому объекту является гораздо более ценным, чем *улица Гоголя*, поскольку принадлежит к самым первым названиям улиц на «материковой» части Петербурга. Выслушав всю эту аргументацию, граждане пропускают её мимо ушей, требуя объяснить, чем же всё-таки провинился Гоголь! А напоминание о событиях 1944 г., явившихся безусловным доказательством наличия у названий собственной культурной ценности, отличной от «ценности» увековеченной личности, вводит людей прямо-таки в ступор: они отказываются верить, что *Невский проспект* мог когда-то называться по-другому.

Сакральное отношение к «увековечивающей» топонимии сказывается не только при попытках возвращения исторических названий. Не секрет, что после смерти очередного выдающегося деятеля науки, культуры, искусства, а также политика мгновенно звучат требования о присвоении названия улицы в его честь. А в некоторых регионах Российской Федерации имена улицам присваиваются и при жизни, хотя в своё время, после всех перипетий культа личности, советское руководство принимало решение запретить прижизненное увековечивание (Балашов, 2009). При этом робкие попытки топонимистов, помнящих историю, установить для присвоения названия хотя бы десятилетний период со дня смерти выдающегося человека, воспринимаются как покушение на его светлую память, граничащее с оскорблением. Названия улицам нужно давать так, чтобы впоследствии не возникало желания их поменять, но такая постановка вопроса звучит странно для людей, привыкших к «топонимической стенгазете».

Неадекватно зачастую воспринимаются и заявления топонимистов о том, что увековечиваемая персона должна иметь связь с конкретной местностью. Нужно искать, вообще говоря, не улицу для имени, а имя для улицы! Но мы помним, что «святые личности» советского периода были обязательны к наличию на карте во всех уголках страны, где, собственно, они присутствуют и до сего времени, так что и эти аргументы не убедительны для людей, задавшихся целью топонимически прославить «своего» героя хотя бы где-нибудь, а лучше везде.

И тем не менее, надежда на возвращение топонимической практики из заколдованного круга политических предпочтений в плоскость

культуры существует. Во многом здесь можно провести параллели с архитектурой, да и с другими областями культурной деятельности, в различные времена проходившими испытания политикой. Но для этого необходима последовательная, взвешенная топонимическая практика, основанная именно на культурно-историческом подходе. Десятилетиями насаждавшемуся политизированному отношению к топонимике можно противопоставить только планомерную практическую деятельность, безусловно, подразумевающую и возвращение ценных исторических названий, разъяснение истинной культурно-исторической ценности топонимии, возможность применения к ней принципов культурной реставрации аналогично памятникам архитектуры (Голомидова, 2017).

Литература

Балашов Е.А. Топонимический волюнтаризм вчера и сегодня // Новый топонимический журнал. 2009. № 2. С. 6–15.

Голомидова М.В. Современная урбанонимическая номинация: стратегические подходы и практические решения // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 3. С. 185–203.

Рыжков А.Б. Традиционная топонимия как культурно-историческая ценность: научные подходы и восприятие в массовом сознании (1989–2013) // Топонимический альманах. 2015. № 1. С. 15–22.

Светозарова Н.Д. Языковые особенности петербургской топонимики и проблемы их сохранения // Топонимический альманах. 2015. № 1. С. 37–42.

Терентьев Е.А. Общественная дискуссия о переименовании советских топонимов в Санкт-Петербурге: опыт социологического анализа // Топонимический альманах. 2015. № 1. С. 23–29.

Трубачёв О.Н. В поисках единства. М.: Наука, 1992. 184 с.

УДК 801.311, 81.373.2

Принципы номинации внутригородских объектов *Волгограда* и *Ковентри*. Сопоставительный аспект

© 2018 г. М.Н. Козинцева

Гимназия № 5 Ворошиловского района г. Волгограда, Россия
kozintseva72@mail.ru

The nominative principles of urban names in *Volgograd* and *Coventry*: the comparative aspect

M.N. Kozintseva

Classic school № 5, Voroshilovski district, Volgograd, Russia
kozintseva72@mail.ru

The urban names (of streets) in *Volgograd* and *Coventry* were studied from the point of view of nominative principle. Practically the naming in both cities is the same: it is the names of geographical objects and personal names of well-known people that were used. But there are some distinctions, e.g. only *Volgograd* has street-names formed from river-names, and only *Coventry* has street-names formed from bird-names, and so on. But in both cities one may see the careful attitude towards the street-names as cultural heritage of the past.
Keywords: ***cultural heritage, nominative principles, street-names.***

В статье представлен сопоставительный анализ внутригородских названий (улиц) *Волгограда* и *Ковентри*, который проведён на основании принципа номинации. Автор утверждает, что названия в обоих городах присваивались внутригородским объектам с учётом их специфики или по именам и фамилиям известных людей. Выявленные отличия заключаются в следующем: только в *Волгограде* существуют названия улиц, связанные с гидронимами; только в *Ковентри* существуют названия улиц, связанные с животными, птицами и т.д. В обоих городах прослеживается бережное отношение к названиям улиц, являющихся ценным культурным наследием.
Ключевые слова: ***культурное наследие, названия улиц, принципы номинации.***

Как известно, история становления и развития собственных имён во многом определяется культурой народа, создавшего их. В зонах с близкими культурными традициями (английской и русской) могут складываться сходные типы имён (Беленькая, 1977). Исследования последних лет показали, что существует определённая типология отражения реалий в основах собственных имён разных народов (Голомидова, 2015, 2017; Уразметова, 2016). Анализ этих явлений позволяет получить интересные сведения об особенностях психологии и о культурных ценностях людей, создающих, употребляющих и воспринима-

ющих имена собственные. Как отмечает Е.А. Сизова (2004), ономастическая система служит преобразующим механизмом топонимического материала в соответствии с заданными параметрами, которые зависят от истории развития топонимических моделей данного региона.

С этой точки зрения актуальным и перспективным представляется исследование внутригородской топонимии *Ковентри* и *Волгограда* (Долгачёв, 1989), двух городов-побратимов (с 1944 г.), с целью установления сходства и различия в системах внутригородских названий. Для достижения этой цели самым продуктивным представляется сравнительно-сопоставительный анализ собственных имён, созданных в одном языке, с собственными именами, созданными в другом языке, что позволяет выявить национально-культурные предпочтения имядателей. В качестве материала исследования рассматривались названия улиц двух городов в полном объёме 2362 названий улиц *Волгограда* и 3086 названий улиц *Ковентри*.

Сопоставительное исследование улиц *Волгограда* и *Ковентри* проводилось нами исходя из понятия *принцип номинации*. Под этим принципом понимаются «своеобразные ономасиологические модели, обобщающие наиболее характерные аспекты и признаки, по которым происходит называние однородных предметов» (Голев, 1981, с. 12). Принципы номинации позволяют составить мотивировочную классификацию названий, т.е. распределение их по группам, соответствующим какому-либо признаку.

Анализ улиц *Волгограда* по принципам номинации позволил установить восемь тематических групп урбанонимов, образованных по следующим основаниям: географическому признаку – 573 (25,93%); антропонимическому признаку – 419 (17,73%); историческим событиям в разные периоды истории города – 60 (0,25%); роду деятельности человека – 59 (0,24%); городским объектам, расположенным поблизости – 45 (0,36%); названиям, отражающим физические свойства объекта номинации, – 41 (0,17%); принципу привлекательности объекта номинации – 34 (0,14%); природным объектам, расположенным поблизости, – 30 (0,12%).

Как видим, ведущие позиции занимают урбанонимы, образованные по географическому и антропонимическому признакам. Преобладание географических названий свидетельствует о значении урбанонима как географического ориентира и принадлежности его к классу топонимов (Григорьева, 1983).

Анализ названий улиц *Ковентри* по принципам номинации позволил установить также восемь тематических групп урбанонимов, образованных по следующим основаниям: антропонимическому признаку – 565 (18%); городским объектам, расположенным вблизи, – 206 (6,67%); физическим свойствам объекта – 88 (2,85%); роду деятельности человека – 75 (2,33%); названиям деревьев – 72 (2,33%); географическому признаку – 56 (1,81%); природным объектам, расположенным вблизи, – 27 (0,87%); названиям насекомых, птиц и животных – 21 (0,68%). Таким образом, основные позиции занимают урбанонимы, образованные по антропонимическому признаку и по городским объектам, расположенным поблизости.

Количественный анализ показал, что урбанонимы *Волгограда* и *Ковентри* имеют практически одинаковые принципы номинации. В обоих городах улицы именовались преимущественно по географическим объектам или образовывались от имён и фамилий известных людей. Однако есть и различия.

Только в *Волгограде* отмечены наименования улиц по гидронимам (*Байкальская, Балтийская, Волжская, Двинская*), что может свидетельствовать об особой значимости водных объектов для жителей данного региона. Важное место в названиях улиц занимают имена отдельных героев Сталинградской битвы (*Михаила Паникаха, Маршала Чуйкова, Маршала Жукова*) и целых воинских подразделений (*39-я Гвардейская, 7-я Гвардейская*). В названиях улиц важное место занимают объединения людей по их принадлежности к определённой организации (*Коммунистическая, Социалистическая*), что свидетельствует о традиционном русском коллективизме. Основой других названий служат близлежащие города (*Саратовская, Городищенская, Московская*), а также иностранные города (*Ереванская, Тбилисская*), в том числе города-побратимы (*Порт-Саид, Ковентри, Хиросима*), что отражает международные связи и отношения *Волгограда*.

В отличие от *Волгограда* в *Ковентри* есть улицы, в названиях которых представлены животные и птицы (*Foxes Way, Harefield Road*, *Eagle Street*), что свидетельствует о значимости животного мира для британцев в условиях урбанизации и исчезновения некоторых видов животных; имена и титулы королев (*Queen Isabels Avenue, Queen Margarets Road, Queen Marys Road*), что передаёт информацию о стремлении создателей названий сохранить традиции британской монархии; имена святых (*St Augustines Walk, St Agathas Road, St Christians Croft*), что

свидетельствует о бережном отношении к традициям и обычаям Англии, которые поддерживаются с древности до настоящего времени (Алпатов, 2009, с. 21–27; 2010, с. 86–94; 2015, с. 17–46); легенды (*Albert Road, Albert Street, Barton Road, Diana Drive*), которые рассказывают об истории Англии и являются стереотипными для англоязычных стран.

Таким образом, развивающиеся урбанонимические системы *Волгограда* и *Ковентри* отвечают требованиям сегодняшнего времени, предполагающим, прежде всего, бережное отношение к названиям улиц как к культурному наследию, тщательную фиксацию и рациональное отношение к системам наименований.

Волгоград и *Ковентри* представляют собой разные типы городов, как с точки зрения времени их основания, так и истории развития, географического положения, планировки, наблюдается общность принципов наименования и общие модели именования улиц, что позволяет говорить о процессе взаимовлияния урбанонимических систем европейских городов, об общности культурно-исторического развития языковых коллективов.

К перспективам сопоставительного исследования урбанонимов можно отнести как привлечение более широкого материала, выходящего за рамки двух городов, так и выявление функциональной специфики русских и английских урбанонимов в текстах различных стилей и жанров, что может оказаться плодотворным для изучения национальных топонимических картин мира.

Литература

Алпатов В.В. Признак ‘предназначение’ в церковных названиях полей средневековой Англии // Вопросы ономастики. 2009. № 7. С. 21–27.

Алпатов В.В. Английские метафорические топонимы с христианскими ассоциациями // Вопросы ономастики. 2010. № 2 (9). С. 86–94.

Алпатов В.В. Топонимия с библейскими ассоциациями в Англии и других странах Западной Европы: хронология и мотивация // Вопросы ономастики. 2015. № 1 (18). С. 17–46.

Беленькая В.Д. Очерки англоязычной топонимики. Учебное пособие. М.: Высшая школа, 1977. 277 с.

Голев Н.Д. О некоторых общих особенностях принципов номинации в диалектной лексике флоры и фауны // Русские говоры Сибири. Томск: Изд. Томского гос. ун-та, 1981. С. 12–20.

Голомидова М.В. Урбанонимический дизайн: к вопросу о названиях внутригородских объектов // Вопросы ономастики. 2015. № 1 (18). С. 186–196.

Голомидова М.В. Современная урбанонимическая номинация: стратегические подходы и практические решения // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 3. С. 185–203.

Григорьева М.В. К вопросу об искусственной номинации в топонимии // Вопросы ономастики. Вып. 16. Методы топонимических исследований. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1983. С. 71–77.

Долгачёв И.Г. Язык земли родного края. 2-е изд. Волгоград: Нижне-Волжское книжное изд-во, 1989. 144 с.

Сизова Е.А. Лингвокультурологический анализ урбанонимов: на материале русского, английского и французского языков: дис. … канд. филол. наук. Пятигорск: Пятигорский гос. лингвистический ун-т, 2004. 199 с.

Уразметова А.В. Английская топонимика как лексическая подсистема языка (на материале топонимической лексики Великобритании и США): дис. … д-ра филол. наук. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2016. 461 с.

УДК 801.311, 81.373.2

Названия отелей *Москвы* и *Нью-Йорка* сквозь призму топонимики

© 2018 г. Н.А. Жук

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
zhuknatasha97@gmail.com

Naming of *Moscow* and *New York* hotels as seen through place-names studies

N.A. Zhuk

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
zhuknatasha97@gmail.com

The article deals with such notions as place-names and naming; the material is commercial objects. The place-name is very important for naming every hotel. The representation of place-names is investigated from the point of view of inter-cultural communication, which makes it possible to compare the principles of naming hotels in Moscow and New York. The author points out some common features for both cities (e.g. showing the exact address), and also some different features (e.g. in New York the hotel names, as a rule, take various urban names of the city, which is less typical for Russia and other countries).

Keywords: ***hotels, intercultural communication, Moscow, name study, naming, New York, onomastics, place-names, place- semiotics.***

В статье рассмотрена связь между топонимикой и неймингом и выявлены особенности в номинации отелей, содержащих топонимический компонент. Проблема репрезентации топонимов изучается в аспекте межкультурной коммуникации. Исследованы ключевые понятия топонимики и нейминга, проанализирована номинативная база из 105 единиц. Разработаны классификации топонимического компонента в названиях отелей Москвы и Нью-Йорка, что позволяет сделать вывод о частных и общих особенностях функционирования топонимов в названиях отелей Москвы и Нью-Йорка.

Ключевые слова: ***межкультурная коммуникация, Москва, нейминг, Нью-Йорк, ономастика, отели, семиотика, топонимика, топонимы.***

Топонимика, традиционно изучающая невероятно разнообразный массив географических названий (Мурзаев, 1974), обогатилась в последнее десятилетие новым направлением – неймингом (Елистратов, Пименов, 2013; Соколова, 2016). В данной работе рассматривается связь между топонимикой и неймингом на примере анализа названий

коммерческих объектов и даётся ответ на вопрос, почему топоним в названии отеля играет важную роль в его восприятии. Примечательно, что проблема репрезентации топонимов изучается с точки зрения межкультурной коммуникации, что позволяет сравнить подходы к номинации коммерческих объектов, а именно отелей, расположенных в Москве и Нью-Йорке.

Приведём определение терминов *топонимика* и *топономастика*, данное Н.В. Подольской в «Словаре русской ономастической терминологии»: «раздел ономастики, изучающий топонимы, закономерности их возникновения, развития, функционирования» (Подольская, 1988, с. 132). Кроме того, топонимы отражают культуру народа, его мировоззрение и мировосприятие (Березович, 2009). В связи с этим нельзя недооценивать роль топонимов в нашей жизни.

В.Д. Бондалетов предлагает следующую классификацию топонимов:

1. Макротопоним – наименование крупного физико-географического объекта, его собственное имя, как правило, имеющее широкую известность и сферу употребления. Например, *Африка, Тихий океан, Урал.*

2. Микротопоним – название незначительного (мелкого) физико-географического объекта (ручьёв, колодцев, покосов, выгонов, зимовий, будок, охотничьих домиков и т.п.), известное на ограниченной территории и обычно узкому кругу людей.

3. Мезотопоним – термин, используемый для топонимов, как бы промежуточных между макро- и микротопонимами. Он употребляется крайне редко (Бондалетов, 1983, с. 163–164).

Названия коммерческих объектов относятся к нашей языковой повседневности. Нас окружают названия магазинов, кафе и ресторанов, отелей, салонов красоты и любых других организаций. Бурное развитие рынка товаров и услуг ведёт к постоянно растущей конкуренции в области коммерческой номинации. Чтобы выделить свой объект из множества других, владельцы прибегают к различного рода уловкам, которые помогают сделать название заведения, в нашем случае – отеля, более привлекательным и креативным. Уникальное имя объекта, несущее в себе наряду с идентифицирующей и информативной аттрактивную или рекламную функцию, способствует росту его популярности, продвижению на рынке, формированию благоприятного имиджа и, как следствие, привлечению клиентов.

Создание имён коммерческих объектов входит в компетенцию отдельного направления ономастики – нейминга. Слово *нейм* имеет

английское происхождение, образовавшись от глагола *to name* – 'называть, давать имя'. Согласно В.С. Елистратову и П.А. Пименову, «нейминг – это теоретическая и практическая дисциплина, занимающаяся вопросами правильного, а значит, удачного, успешного названия, именования, номинации. В узком смысле нейминг – технология коммерческой вторичной номинации, т.е. создания коммерчески успешных имён собственных. В широком – наука и искусство называния вообще» (Елистратов, 2014, с. 18).

Финский учёный P. Sjöblom определяет имена коммерческих объектов с экономической точки зрения, подчёркивая, что их функция и цели являются коммерческими и заключаются преимущественно в ориентировании клиентов и помощи с выбором (Sjöblom, 2014, p. 93). В многочисленных зарубежных пособиях нейминг рассматривается именно с позиции экономики, нежели лингвистики. А.А. Исакова объясняет это тем, что «изучение словесных товарных знаков за рубежом имеет преимущественно прагматическую направленность, преследует лишь цели рекламы и успешного продвижения товарных знаков на рынке» (Исакова, 2008, с. 27).

В настоящее время ономастические единицы являются самыми популярными для обозначения фирм. Один из способов привлечь клиента, используя онимы, – добавить в название отеля топонимический компонент, что приведёт к узнаваемости коммерческого объекта по его названию, поскольку топонимы вызывают в сознании людей определённые образы и ассоциации. Для того чтобы успешно функционировать на рынке, название отеля должно нести в себе позитивный ассоциативный потенциал и вызывать положительные образы в сознании людей. Для подтверждения данной теории нами были изучены топонимы в названиях отелей Москвы и Нью-Йорка.

В ходе исследования методом сплошной выборки из списка названий отелей Москвы и Нью-Йорка, взятом с сайтов Booking.com, TripAdvisor и TravelTipz, была сформирована база названий, которая составила 919 единиц. Всего было проанализировано 501 название отелей Москвы, из них 49 с топонимическим компонентом, что составило 9,8% всех названий отелей Москвы, и 418 названий отелей Нью-Йорка, из них 56 с топонимическим компонентом, что составило 13,4% всех названий отелей Нью-Йорка.

Отобранные названия были классифицированы по источнику номинации и в семиотическом аспекте.

Первая классификация отелей Москвы – по источнику номинации

I. *Географические объекты*

1. Города и сёла: «*Пальмира*» бизнес-клуб; гостиницы «*Варшава*», «*Будапешт*», «*Берлин*», «*Севастополь Модерн*»; отели «*Брайтон*», «*Верона*», «*Старая Москва*», «*Милан*», «*Хостел Москва*», «*Белград*», «*Филадельфия*», «*Вавилон*»; курорт «*Красная Пахра*» (28%).

2. Государства, штаты и республики: отели «*Калифорния*», «*Монако*»; гостиницы «*Русь*», «*Русотель*», «*Алтай*»; хостел «*Нарния* на Арбате» (12%).

3. Историко-культурные / географические регионы: хостел «*Сибирь*», *бутик-отель* «*Савой*» (4%).

4. Оронимы: *Арарат Парк Хаятт*, гостиница «*Саяны*» (4%).

5. Гидронимы: «*Волга Апарт-Отель*», отель «*Байкал*» (4%).

6. Районы: гостиницы «*Лефортово*», «*Кузьминки*», «*Останкино*», «*Сокольники*»; отели «*Митино*», «Русские Апартаменты в *Лианозово*», «*Кастелло*», Hampton by Hilton Moscow *Strogino* (16%).

7. Урбанонимы: гостиницы «Садовое Кольцо», «*Сретенская*»; отели «*Арбат*», «*Арбат Хаус*», «*Балчуг Кемпински Москва*», «*Камергерский*», «*Отель на Казачьем*», «*Сухаревский*», «*Столешников*», «*Павелецкая Площадь*», «*Таганка*», «*Бродвей*», «Цветной Бульвар»; хостел «*Нарния* на *Арбате*» (28%).

II. *Точное местоположение*

Отели «*Петровка 17*», «*Маросейка 2/15*» (4%).

По нашим наблюдениям, в названиях отелей Москвы преобладают такие топонимические компоненты, как города / села и урбанонимы.

Классификация отелей Нью-Йорка по источнику номинации

I. *Географические объекты*

1. Урбанонимы: *New York Hilton Midtown, Hilton New York Fashion District, Hilton Times Square, Millennium Hilton New York Downtown, Hilton Garden Inn New York/West 35th Street, Hilton Garden Inn New York/Manhattan-Chelsea, Hilton New York Grand Central, Hilton Garden Inn New York - Times Square Central, Hilton Garden Inn New York/Tribeca, Hampton Inn Manhattan/Times Square South, Hampton Inn Manhattan-Chelsea, Hampton Inn Manhattan-Times Square North, Hampton Inn Manhattan-Seaport-Financial District, Hampton Inn Manhattan Grand*

Central, Pod 39, Pod 51, Pod Times Square, Pod BK, Hotel 31, Broadway at Times Square Hotel, Washington Square Hotel, NYLO New York City, Hotel Central Fifth Avenue New York, Park Central Hotel New York, Warwick New York, Hotel Stanford, The Bryant Park Hotel, Broadway Plaza Hotel, World Center Hotel, Flatiron Hotel, Wolcott Hotel, The Bowery Hotel, Soho Grand Hotel, Sohotel, Crosby Street Hotel, The Wall Street Inn, The Ludlow New York City, Greenwich Hotel, The Beekman, The Belvedere (71,4%).

2. Города и регионы: *The Gotham Hotel, The London NYC, Casablanca Hotel, The Lucerne Hotel, The Broome, The Lombardy Hotel, The Mansfield, The Tuscan* (14,3%).

3. Острова: *Radisson Martinique on Broadway, Avalon Hotel* (3,6%).

4. Гидронимы: *The Marmara Manhattan* (1,8%).

II. *Точное местоположение*

11 Howard, The Hotel 91, Hotel 48LEX New York, Hotel 373 Fifth Avenue, 414 Hotel (8,9%).

Мы выявили, что среди названий отелей Нью-Йорка первое место с большим отрывом занимают урбанонимы, что, в свою очередь, помогает ориентации на местности и более быстрому поиску отеля. Таким образом, названия отелей Москвы и Нью-Йорка мотивированы названиями городов, рек, озёр, гор, которые имеют широкий позитивный ассоциативный потенциал, позиционирующий определённый образ жизни.

Вторая классификация отелей Москвы – в аспекте семиотики

I. Индексальные: отели «*Петровка 17*», «*Маросейка 2/15*», «*Арбат*», «*Арбат Хаус*», «*Балчуг Кемпински Москва*», «*Камергерский*», «*Отель на Казачьем*», «*Сухаревский*», «*Столешников*», «*Павелецкая Площадь*», «*Таганка*», «Цветной Бульвар»; хостелы «*Нарния на Арбате*», «*Митино*», «*Русские Апартаменты в Лианозово*», *Hampton by Hilton Moscow Strogino*; гостиницы «*Садовое кольцо*», «*Сретенская*», «*Лефортово*», «*Кузьминки*», «*Останкино*», «*Сокольники*» (44%).

II. Неиндексальные

1. Реалии русские: гостиницы «*Севастополь Модерн*», «*Русь*», «*Алтай*», «*Саяны*»; отели «*Старая Москва*», «*Волга Апарт-Отель*», «*Байкал*», «*Русотель*»; хостелы «*Сибирь*», «*Москва*»; курорт «*Красная Пахра*» (22%).

2. Реалии иностранные: гостиницы «*Будапешт*», «*Берлин*», «*Варшава*», «*Верона*»; отели «*Пальмира бизнес-клуб*», «*Брайтон*», «*Милан*», «*Белград*»,

«*Филадельфия*», «*Вавилон*», «*Калифорния*», «*Монако*», «*Арарат Парк Хаятт*», «*Савой*», «*Бродвей*», «*Кастелло*»; хостел «*Нарния* на Арбате» (34%).

В индексальных названиях мы находим отсылку к месторасположению отеля – району, улице или точному адресу. Название в этом случае служит идентифицирующим фактором для отеля. Неидексальные названия отелей Москвы, составившие 56% отобранных названий, символизируют определённую реалию, отечественную или зарубежную. *Мы видим, что среди названий отелей Москвы наиболее популярны неиндексальные названия,* так как с учётом русского менталитета владелец делает упор на образы, вызывающие положительные ассоциации у клиента.

Классификация отелей Нью-Йорка в аспекте семиотики

I. Индексальные: *New York Hilton Midtown, Hilton New York Fashion District, Hilton Times Square, Millennium Hilton New York Downtown, Hilton Garden Inn New York/West 35th Street. Hilton Garden Inn New York/Manhattan-Chelsea, Hilton New York Grand Central, Hilton Garden Inn New York - Times Square Central, Hilton Garden Inn New York/Tribeca, Hampton Inn Manhattan/Times Square South, Hampton Inn Manhattan-Chelsea, Hampton Inn Manhattan-Times Square North, Hampton Inn Manhattan-Seaport-Financial District, Hampton Inn Manhattan Grand Central, Pod 39, Pod 51, Pod Times Square, Pod BK, Hotel 31, Broadway at Times Square Hotel, Washington Square Hotel, NYLO New York City, Hotel Central Fifth Avenue New York, Park Central Hotel New York, Warwick New York, The Bryant Park Hotel, Broadway Plaza Hotel, World Center Hotel, Flatiron Hotel, The Bowery Hotel, Soho Grand Hotel, Sohotel, Crosby Street Hotel, The Wall Street Inn, The Ludlow New York City, Greenwich Hotel, The Beekman, 11 Howard, The Hotel 91, Hotel 48LEX New York, Hotel 373 Fifth Avenue, 414 Hotel, The Gotham Hotel* (76,8%).

II. Неидексальные

1. Реалии американские: *Wolcott Hotel, Hotel Stanford* (3,6%).

2. Реалии иностранные: *The London NYC, Casablanca Hotel, The Lucerne Hotel, The Belvedere, The Broome, The Lombardy Hotel, Radisson Martinique on Broadway, The Mansfield, The Tuscany, The Marmara Manhattan, Avalon Hotel* (19,6%).

Таким образом, в названиях отелей Москвы наиболее популярны неиндексальные названия, а в Нью-Йорке – индексальные с большим

отрывом. Индексальные названия указывают на место расположения отеля, а в неиндексальных названиях заложена прагматическая функция привлечения реципиента ассоциативным потенциалом, который несут отечественные или иностранные реалии.

Заключение

На основе проведённого исследования были выявлены тенденции номинации отелей в Москве и Нью-Йорке.

Во-первых, в формах названий отелей Нью-Йорка прослеживается ориентация на его урбанонимы, поскольку они явно преобладают. Использование топонимов других стран по сравнению с американскими сравнительно невелико.

Во-вторых, прослеживается международная тенденция номинации отеля с указанием на его точный адрес, что характерно как для отелей Москвы, так и для отелей Нью-Йорка.

В-третьих, в названия отелей закладывается позитивный ассоциативный потенциал. В названиях отелей обоих городов преобладают иностранные, нежели отечественные реалии, что несомненно служит репрезентацией национальной культуры и ценностей.

В-четвёртых, 34% проанализированных названий отелей Нью-Йорка представляют сети отелей, которые для индивидуализации добавляют к известному названию второй элемент в виде топонимического компонента, который чаще всего представлен либо районом Нью-Йорка, либо самим городом, то есть компонентом “New York”. По этой причине все проанализированные названия сетевых отелей – индексальные.

Можно надеяться, что наше исследование окажется полезным для развития эффективных стратегий нейминга в городских объектах и выявления особенностей функционирования топонимов.

Литература

Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 328 с.

Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. 224 с.

Елистратов В.С., Пименов П.А. Нейминг: искусство называть: учебно-практическое пособие. М.: Омега-Л, 2013. 293 с.

Исакова А.А. Имя собственное в производстве: эволюция прагмонимического пространства: Монография. Тюмень: Печатник, 2008. 208 с.

Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. М.: Мысль, 1974. 382 с.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. М.: Наука, 1988. 192 с.

Соколова Т.П. Неймингговая экспертиза: организация и производство: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 208 с.

Sjöblom P. Commercial names // The Oxford Handbook of Names and Naming. Oxford, 2016. P. 92–98.

Практические источники

ТрипАдвизор Россия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.tripadvisor.ru/.

TravelTipz [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://traveltipz.ru/trips/hotels.

Booking.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://booking.com.

IV. НАЗВАНИЯ НАРОДОВ. ЛИЧНЫЕ ИМЕНА. ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

УДК 81.373.234, 159.923.2, 323.1

Этнонимия многонационального региона как зеркало национальной идентичности

© 2018 г. Т.А. Сироткина

Сургутский государственный педагогический университет,
Сургут, Россия
sirotkina71@mail.ru

Ethnonyms of multinational region as a mirror of national identity

T.A. Sirotkina

Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia
sirotkina71@mail.ru

In the article ethnic names of the Perm' multinational region are under discussion. The category of ethnic identity is studied from the linguistic point of view: the function of ethnic names in fiction produced by the Urals writers. The author concludes that those ethnic names are markers of national identity representing such components as peculiarities of outward appearance, community of language, culture, territory, history and traditions of naming. This kind of linguistic units helps the writers to reflect the opposition "ours" – "strange" that exits in the linguistic picture of any ethnic community. And it brings the idea of peaceful coexistence between peoples of different cultures on the same multinational territory.
Keywords: ***ethnic identity, ethnonyms, fiction, multinational region.***

Статья посвящена анализу этнонимов многонационального Пермского края. Категория этнической идентичности рассматривается в языковом аспекте: изучено функционирование этнонимов в художественных произведениях уральских писателей. Этнонимы служат маркерами национальной идентичности, представляя такие компоненты, как особенности внешнего вида, общность языка, культуры, территории, исторического прошлого, а также традиции номинации. Подобные языковые единицы помогают авторам художественных произведений отразить оппозицию «свой – чужой», существующую в языковой картине любого этноса, а также выразить идею толерантного существования представителей разных культур на конкретной многонациональной территории.
Ключевые слова: ***многонациональный регион, национальная идентичность, художественные произведения, этнонимы.***

Понятие «этническая идентичность» – базовое для современной этнографии, оно понимается как «человеческая потребность отождествлять себя со всей этнической общностью или её внутренними подразделениями – этнографическими группами как первого порядка, возникшими в результате территориальной аннексии, так и второго, сформировавшимися главным образом из мигрантов» (Чагин, 2002, с. 214).

Актуален и взгляд на этническую идентичность через призму языка (Сироткина, 2011). Одна из существенных для языкового сознания категорий – это, на наш взгляд, категория этничности. Под этой категорией мы понимаем универсальную познавательную категорию, посредством которой человек определяет принадлежность себя и других к тому или иному этносу. Для этого он использует стандартный набор классификаторов, к которым относятся язык, особенности внешности, характера и поведения, определённые черты материальной и духовной культуры представителей этноса. Языковая составляющая данной категории – названия народов (этнонимы), формирующие этнонимию данного языка (Этнонимы, 1970; Этническая…, 1987; Системы…, 1989).

Особенно актуально рассмотрение функционирования этнонимов в рамках отдельного региона. Это, на наш взгляд, помогает, с одной стороны, расширить лингвистические знания о региональном этнонимиконе, с другой – выстроить некую структуру категории этничности: выявить, какие единицы её образуют, как они меняются с течением времени, а также то, каким образом они представлены в различных типах дискурса.

Материалом для настоящей статьи послужил этнонимикон Пермского края, многонационального региона, в котором процессы этнической идентификации и самоидентификации протекают с достаточной степенью наглядности. Категория этничности – важный компонент структуры сознания региональной языковой личности. Ассоциативный потенциал лексического значения этнонимов отражает, с одной стороны, тот культурный фон, на котором функционируют данные языковые единицы, с другой – индивидуальный опыт существования личности в том или ином этническом окружении.

Этнонимы в составе экспрессивных оборотов выражают различные эмоции человека. Например, *будь ты жид* – восклицание, выражающее удивление, неприятие: «*Будь ты жид*, почет-то Любка туды идет»; *злой татарке не приведи Господь* – то же, что врагу не

пожелаю: «*Злой татарке* не приведи Господь. Вот так вот голову обносит, лишь бы не пасти, лишь бы не пасти. Какие адские боли!..» (примеры из записей диалектной речи).

Показательны в плане сопоставления "своих" и "чужих" устойчивые сравнения. *Как цыгане* – говорят о людях, не любящих жить подолгу на одном месте: «*Как цыгане*: своего дома не имели. Сёдня здесь – завтра там». Тёмный цвет лица и узкий разрез глаз служат поводом для возникновения сравнений *как китаец, глаза как у китайца*: «Да вот у нас тут в суседях есть парень. Такой чернущий, *как китаец*»; «Проспишь до утра. А утром глаза *как у китайца* станут. Распухнет лицо от комаров».

В настоящей статье проблемы этнической идентичности рассмотрены через призму функционирования этнонимов в художественных текстах уральских писателей. Попытаемся рассмотреть, какие составляющие этнической идентичности отражены в произведениях А. Иванова, Н. Никонова, Ф. Решетникова, Е. Туровой, Е. Фёдорова.

Одним из компонентов национальной идентичности служит внешний вид представителя того или иного этноса. Именно внешние отличия прежде всего бросаются в глаза и становятся объектом описания в художественном тексте: «Заходили они в кибитки, где у чувалов над котлами хлопотали *черноглазые башкирки*: волосы у них *иссиня-черные*, заплетены в тонкие косы» (Фёдоров, 1946, с. 98).

Другой немаловажный компонент национальной идентичности – общность материальной культуры, представленная в многообразии её традиционных составляющих. Многие предметы быта, описываемые в текстах исторических романов, имеют этническую маркировку, отражающую их принадлежность к культуре того или иного этноса: «Взор её упал на *кривой башкирский нож*, который валялся у порога; она подобрала его и спрятала» (Фёдоров, 1946, с. 89).

Следующий компонент национальной идентичности, отражённый в рассматриваемых текстах, – общность языка. Как известно, именно языковая принадлежность служит основанием для лексикографической дефиниции этнонимов. Именно язык и общность исторического прошлого являются одними из основных составляющих этнической идентичности: «Подлиповцы *говорят по пермякски*. Плохо понимая наши слова, или хотя и выговаривают их, но в исковерканном виде. Выговор их походит на выговор крестьян Вятской и Вологодской губерний» (Решетников, 1977, с. 96).

Ещё один компонент – особенности вероисповедания. Представляя неотъемлемую часть духовной культуры этноса, религия позволяет отличить «своих» и «чужих», оценить поступки представителя определённого этноса через призму духовной идентичности: «А *пермские боги* похожи на половцев, что привязывали пленников к хвостам диких кобылиц» (Иванов, 2003, с. 142); «Подлиповцев не любят жители других деревень ещё и за то, что подлиповцы своей *пермякской веры* держатся, слывут за ленивых, самых бедных, и их называют колдунами» (Решетников, 1977, с. 32).

Территориальный компонент национальной идентичности представляется в художественных текстах с помощью контекстов, в которых функционируют топонимы: «Дошли до места, где впадает в *Чусовую* крупнейший её приток – река *Сылва. По-вогульски* – талая вода» (Никонов, 1973, с. 15); «А вот скала *Вогулинская гора* так и не доползла до берега, чтобы тоже стать бойцом, и застряла в лесу: торчала там над еловыми остриями обиженной кучей» (Иванов, 2005, с. 551). Также данный компонент представлен в названиях территориальных групп того или иного этноса: «Можно бежать *к вогулам на Конду* или *на Пелым*, или *к сургутским хантам*, но там она, беглянка, станет такой же холопкой у какого-нибудь князя, как в Тобольске у Семульчи» (Иванов, 2017, с. 265).

Исторический компонент национальной идентичности отражается в текстах художественной прозы чаще всего с помощью сочетаний с отэтнонимными прилагательными, а также с помощью топонимов: «Такой провал называют *чудской ямой*, говорят, не то чудь белоглазая ушла в землю, не то ихний бог Кудэ-водэж сам собой закопался» (Турова, 2007, с. 162); «В октябре 1582 года под *Чувашским мысом* разразилась решающая битва» (Иванов, 2007, с. 194).

Таким образом, этнонимы в художественных текстах служат маркерами национальной идентичности, репрезентируя такие её компоненты, как особенности внешнего вида, общность языка и культуры, территории, исторического прошлого, а также традиции именования. Подобный вид языковых единиц помогает авторам произведений отразить оппозицию «свой – чужой», существующую в языковой картине любого этноса (Мишланова, Сироткина, 2013), а также выразить идею толерантного сосуществования представителей разных культур на определённой многонациональной территории (Сироткина, 2012).

Литература

Иванов А.В. Чердынь – княгиня гор. Пермь: Пермское книжное изд-во, 2003. 576 с.

Иванов А.В. Золото бунта, или Вниз по реке теснин. СПб.: Азбука-классика, 2005. 704 с.

Иванов А.В. Message: Чусовая. СПб.: Азбука-классика, 2007. 480 с.

Иванов А.В. Тобол. Много званых: роман-пеплум. М.: АСТ, 2017. 702 с.

Мишланова С.Л., *Сироткина Т.А.* Репрезентация «другого» в региональных художественных текстах // Изв. Сочинского гос. ун-та. 2013. № 3 (26). С. 230–232.

Никонов Н. Ермак // Уральский следопыт. 1973. № 4. С. 10–25.

Решетников Ф.М. Подлиповцы. М.: Советский писатель, 1977. 192 с.

Сироткина Т.А. Человек этнический в зеркале языка (на материале этнонимии Пермского края). Пермь: Кленовый лист, 2011. 265 с.

Сироткина Т.А. Языковая презентация категории этничности в русской лингвокультуре (на материале этнонимии Пермского края): Дисс. на соиск. уч. степ. д-ра филол. наук. Волгоград, 2012. 311 с.

Системы личных имён у народов мира. М.: Наука, 1989. 383 с.

Турова Е. Кержаки. Проза. Пермь: ООО «Маматов», 2007. 330 с.

Фёдоров Е.А. Демидовы. М.: Советский писатель, 1946. 344 с.

Чагин Г.Н. Этносы и культуры на стыке Европы и Азии. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2002. 384 с.

Этническая топонимика. М.: Московский филиал Геогр. об-ва СССР, 1987. 144 с.

Этнонимы. М.: Наука, 1970. 269 с.

УДК 81.373.234, 801.311, 811.512.31

«Хамниган» – этноним или экзоним?

© 2018 г. Р.Г. Жамсаранова

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия
rebeca_zab@mail.ru

«Hamnigan» – ethnonym or exonym?

R.G. Zhamsaranova

Transbaikal State University, Chita, Russia
rebeca_zab@mail.ru

The article is dedicated to the name *Hamnigan* that belongs to one of the ethnic groups of Eastern Buryats. The main task of this work is to clear up if this onym is the own name (ethnonym) or the name given from outside (exonym). The author's version is that originally in old times the name *Hamnigan* meant the Samoyed tribes, but later passed on the Tungus component as an exonym in the ethnic environment of Aginsk Buryats beyond the Baikal Lake.

Keywords: ***Aginsk Buryats, ethnonym, exonym, Samoyeds, Transbaikal, Tungus.***

Статья посвящена рассмотрению этимологии названия этнической группы восточных бурят *хамниган*. Автором предпринята попытка установить, является ли указанный оним самоназванием этнической группы (этнонимом), или же это название пришло извне как родо-племенное имя (экзоним). Гипотеза автора заключается в том, что название *хамниган* в древности могло относиться к самодийским племенам в качестве общего наименования, а затем стало относиться к тунгусскому компоненту в виде экзонима в этнической среде агинских бурят Забайкальского края.

Ключевые слова: ***агинские буряты, Забайкальский край, самодийцы, тунгусы, экзоним, этноним.***

Исследование родо-племенных имён собственных в ономастике представляет собой одну из самых сложных и спорных проблем. В этноязыковой среде агинской группы восточных бурят бытует наименование субэтнического компонента – *хамниган*(*е*) или *хамнеган*; *хамнегадууд* бур. Этническая и языковая принадлежность этих вариативных наименований представляет неразрешённую проблему в монголоведении. Появился «Хамниганско-русский словарь» (Дамдинов, 2015); активно изучается «хамниганский» язык (Грунтов, э/ресурс), отнесённый к северной группе монгольских языков; опубликован ряд научных статей (Ураи-Кёхальми, 1964; Туголуков, 1970; Цыдендамбаев, 1972 и др.) и защищена кандидатская диссертация (Дамдинов, 1967).

В настоящей статье освещается вопрос не о языке и не об этноязыковой принадлежности *хамниган*, а ономастический аспект – является ли оним самоназванием или же это аллоэтноним (экзоним), данное извне родоплеменное имя? Добавим, что этот аспект исследования был освещён в ряде статей (Туголуков, 1970; Цыдендамбаев, 1972; Дамдинов, 2002; Жамсаранова, 2002, 2009), что даёт основание считать эту группу ассимилированной в среде агинских бурят, под влиянием которых были утрачены язык и культура *хамниган*. Резолюция с таким решением была принята по результатам научно-практической конференции (Жамсаранова, 2002, с. 46).

В своих предыдущих статьях мы пришли к выводу о том, что название *хамниган* является экзонимным именованием отдельного субэтноса в среде агинских бурят, имеющим «тунгусское» происхождение (Жамсаранова, 2002, с. 46). Тунгусское население исторической Даурии – это тунгусы князя Гантимура, находившиеся в ведении Урульгинской Степной Думы.

Кратко опишем историю вопроса об этимологии названия *хамниган*. Упомянутое в китайском сочинении «Дациньт-унчжи» («Общее описание империи Дацин», 1744 г.) название племени *ка-му-ни-хань* представляет собой транслитерацию именования *хамниган* средствами китайского языка. В.А.Туголуков относил племя *ка-му-ни-хань*, а также его имя к тунгусскому населению. Ссылаясь на сообщение Палласа о происхождении названия *хамнеган*, он считает данный этнос обуряченным потомками солонов (хинганских тунгусов), состоявших на службе по охране северных границ Китая по р. Аргунь (Туголуков, 1970, с. 214–215).

Действительно, в документах Государственного архива Забайкальского края (далее – ГАЗК) в составе Арматской волости крещёных инородцев в 1897 г. упоминается селение *Хамнейский* с 18 дворами, где проживало 83 души тунгусов-хамнеган (ГАЗК, ф. 19, оп. 1, д. 86, лл. 81–84). В Кударинском инородческом ведомстве было два селения с названием *Хамнаевское*. В первом селении ясачными переписчиками было записано 43 души в 13 дворах, во втором – 19 дворов с 44 душами. В Урлукской волости (ныне Красночикойский район) было селение *Хамнегадайское* (258 душ) в 25 верстах от Читы (ГАЗК, ф. 1о, оп. 1, д. 89. л. 39). В.А. Туголуков отмечает, что «…бурятские предания называют древними обитателями забайкальских степей именно *хамнеганов*-тунгусов, а не монголов», ссылаясь на работу Д.А. Клеменца

(Туголуков 1970, с. 215). Эти факты свидетельствуют об историческом функционировании онима *хамниган*, от которого и были образованы названия поселений – *Хамнейский*, *Хамнаевский*, *Хамнегадайский*.

Изучение документов ГАЗК позволило выяснить, что тунгусы Нерчинского уезда Кужертаевской инородной управы шести родов – Чимчагирского, Гучитского, Узонского, Тукчинского, Гуновского и Баликагирского (ГАЗК, ф. 55, оп. 2, д. 61) – кочевали в Прионо́нье. Согласно ревизским описям 1858 г., тунгусы этих, равно как и остальных родов Нерчинского уезда, делились на крещёных (т.е. живущих осёдло) и кочующих некрещёных тунгусов. Со временем в результате политики русификации туземного населения Нерчинского уезда тунгусы и инородцы «исчезли».

Основная часть тунгусов «превратилась» в крестьянское сословие вследствие принятия крещения и смены прежней антропонимической системы на русскую. Другая часть стала именоваться бурятами. Например, 114 душ Гучитского рода Кужертаевской управы записаны под тибет-монгольскими именами. Это означает, что эта часть тунгусов стала считать себя бурятами. Среди современных хори-бурятских родов имеется род Гушаад, который, вероятно, и следует считать бывшим Гучитским родом. В остальных же родах число так называемых *некрещёных* тунгусов превалировало над крещёными. Этот факт свидетельствует в пользу малоизученного в научной литературе факта русификации тунгусов Гантимура.

Мы полагаем, что часть тунгусов, земли которых располагались на территориях приграничных с Китаем и Монголией, и относились к Кужертаевской и Онгоцонской инородным управам Урульгинской Степной Думы, стали впоследствии называть себя *тунгусами-хамниганами* (ГААБАО, ф. 5). Существовал Онон-Тунгусский хошун (хамниган) (ГААБАО, ф. 5, оп. 1, дд. 3, 4). Фамилии и имена мужчин-военнообязанных 1903 по 1911 г. включительно по Улачинскому сельскому совету, составленные 7 августа 1933 г., – Баркашев, Гантимуров, Бутаков, Похомов, Тимофеев, Потехин, Соколов, Бурлаков, Тараев, Кондратьев, Вершинин, Сапожников, Сажин, Барковский, Казыкин, Бобоченко, Нефедьев (всего 58 фамилий) – свидетельствуют об этнической неоднородности *тунгусов-хамниган.* Очевидно, что в своё время под соционимом *хамниган* подразумевались предки современных русскоязычных жителей Забайкалья, имевших предков-тунгусов и предки современных бурят, проживающих ныне в сёлах

Узон, Токчин, Гунэй на территории бывшего Агинского Бурятского автономного округа (АБАО).

Экзонимно-этнонимное обозначение *хамниган* имело в историческом прошлом широкую распространённость в качестве этнонима, соционима далеко за пределами Забайкалья, функционируя и в качестве экзонима. Это подтверждается сопоставлением онимов экзонимного происхождения, т.е. тем, как называли друг друга племена и группы. Так, в кетском языке этноним *тунгус* обозначен онимом *хъмга* (мн. ч. *хъмган*) (Вернер, 2002, с. 109); в позднем «Кратком кетско-русском словаре» под онимом *хъмга* именуются эвенк, тунгус (Максунова, 2001, с. 99).

По-видимому, именно это экзонимное название соседних с кетами племён было в своё время передано в китайской транслитерации как *ка-му-ни-хань*, где финальное *-ган* < (кит.) формально совпадало с апеллятивом *-хань* 'человек' (кит.). Наши исследования показывают, что изначально вариант экзонима *хамниган* мог состоять из онимов *хъмга* и *никан*. В результате анализа загадочных *никан*, точнее их этноязыкового начала, мы пришли к выводу о том, что под этим соционимом могли подразумеваться какие-то палеоазиатские племена, родственные современным юкагирам, тунгусо-маньчжурам, самоедоязычным народам Сибири.

Калькированный вариант древнего этнонима *никан* в русских «Отписках» был передан как *нелюди*, откуда и первоначальное название Нерчинского острога – *Нелюдский* (Музгин, без года, с. 19; Балабанов, 2003, с. 74). В документах ГАЗК сохранился документ «Дело о переписи по Государству, мужеска и женска полу людей 1816 г.» (ф. 1, оп. 1/5, д. 17513, л. 3). Мы уже подробно описывали семантику онима *никан* (vs. *Полулюди* / *нелюди*) (Жамсаранова, 2014в, с. 41–48), предводителем которых был князь Гантимуров. [Ошибочная трактовка людей мужского и женского пола как *полулюдей* / *нелюдей* в результате неверного прочтения словосочетания «мужеска и женска полу людей» в названии документа ГАЗК. – *Прим. отв. ред.*]. «*Никанами* «прозывались» племена, в этногенезе которых присутствовали разные сибирские племена – общность, нерасчленённая в языковом и тем более в этническом отношении.

Историк бурятского языка, выдающийся тюрколог-монголовед В.И. Рассадин пишет о поиске тех аборигенных народов, чей язык оказал влияние на бурятский: «…на определенном этапе возникшая тенденция ослабления артикуляции повлекла за собой перестройку

системы консонантизма (и не только) в бурятском языке» (Рассадин, 1982, с. 132). Он предложил гипотезу о том, что таковыми могли оказаться кетоязычные или палеоазиатские племена. Этот учёный выделяет Прибайкалье как зону, где и могли произойти эти древние контакты протобурят с некими аборигенными племенами, имевшими особую артикуляцию *ś*, испытали их влияние в виде субстрата и адстрата, усвоив, в частности, помимо прочих фонетических явлений и чередование *ś* и *h* в результате ослабления *ś* в *h* и *d* (Рассадин, 1982, с. 159). Подтверждением гипотезы В.И. Рассадина о каких-то кетоязычных племенах, язык которых повлиял на историческое развитие бурятского языка, служит, на наш взгляд, «расшифровка» тунгусского генонима *Тукчинский* – одного из родов Гантимура (Жамсаранова, 2013, с. 11–17). Мы полагаем возможным этимологизировать оним *Тукчинский* от кетского апеллятивного *дəгит* ‘ненец’ (Вернер, 2002, с. 35).

Кетоязычных топонимов, как и самодийских, в Восточном Забайкалье достаточно, чтобы утверждать о топонимическом субстрате (Жамсаранова, 2014г, с. 32–42). Добавим, что ойконим *Токчин* (Дульдургинский район Забайкальского края) представляет собой этнотопоним, т.е. топоним образован от генонима *Тукчинский*. Любопытно также предложить этимологию аймака *Дорнөөд* (Восточный аймак) соседней Монголии от формы мн. числа *дърең* ‘ненцы’, тогда как апеллятивное ‘восток’ в монгольских языках – *зүүн*. Напомним, что этноязыковую основу населения аймака *Дорнөөд*, русскоязычный вариант которого *Восточный аймак*, составляют буряты, переселившиеся в своё время с территории Восточного Забайкалья, вместе с которыми и могло «перенестись» название этнической группы.

По поводу образования онимов *Тукчинский* и *Токчин* от *дəгит* ‘ненец’ (кет.) напомним, что имена мужские в так называемом «тунгусском» языке образовывались путем добавления финального *-ча* к основе (Василевич, 1969, с. 171–172). Поэтому возможный первоначальный вариант мог быть и как *Дəг* + *ча* < *Тук* + *ча* < *Тук* + *ч*(*инск*+*ий*) < *Токчин.* В исходном *дəгит* ‘ненец’ конечное морфемное *-гит* сопоставимо с самоназванием кетов – *кет* ‘мужчина; человек настоящий’. Под влиянием северно-самодийского языка (ненецкого?) морфемное *кет* «перешло» в форму *-гит*, т.е. консонант *-к-* «превратился» в *-г-*. Морфемное *дə-* сопоставимо с кетским именованием людей вообще – *дэ'ӈ* ‘люди’ (Вернер, 2002, с. 37).

Заметим, что версия (вслед за ранними работами Е.А. Хелимского и Ю. Янхунена) об этимологии этнонима *тунгус* от ненецкого

tuŋgo, *tuŋgu* (pl. *tuŋgos*, *tuŋgus*) ‘эвенк, тунгус’ (Аникин, Хелимский, 2007, с. 26) позволяет нам высказать гипотезу о вероятных языковых контактах тунгусоязычных и самоедоязычных племён посредством кетоязычных носителей языка, особенно в плане предположения о ненецком языковом происхождении генонима тунгусов *Тукчинский*. Эта гипотеза подтверждаема частотным северно-самодийским субстратом в топонимии Восточного Забайкалья (Жамсаранова, 2011а, 2017).

Далее возникает закономерный вопрос о том, кого же называли *хамниганами*? И кто так кого-либо называл? Известно, что под соционимом *тунгус* были известны почти все аборигенные племена и народы Сибири. И оним «произошёл» из ненецкого языка. Возможно, что оним *хъмга* более древний по возрасту, тогда как сами кеты называли ненцев *дъгит/ дърең* “ненцы’. Оним *хъмга* < *камунихань* < *хамниган* (*хамнигадууд*) был известен гораздо шире и устойчивее, чем оним *дъгит/ дърең* ‘ненцы’, от которого известно только генонимное *Тукчинский* и ойконим *Токчин*.

Следовательно, более древние насельники Забайкалья кеты называли и эвенков (тунгусов) *хъмга*, а самоедоязычных ненцев – *дъгит*. Позже тунгусы-тукчинцы «получили» имя *хамнигане* уже в бурятской среде, считавшей их инородцами-тунгусами, чуть ли не этническими эвенками. Потому гипотетически северно-самодийский комплемент присутствует в этногенезе восточных бурят, хотя обнаружены хорошие лексико-семантические параллели бурятского и южно-самодийского – селькупского языка (Жамсаранова, 2011б, с. 140–147).

Однозначно, что этноним *хамниган* «прошёл» долгий путь от этнонима до экзонима. Все метаморфозы, случившиеся с этим онимом, свидетельствуют о его древности, а также подтверждают тезис о том, что при анализе этнонимно-экзонимных имён следует учитывать язык-источник, посредством которого и произошло «распространение» онима. Исследователи А.Е. Аникин и Е.А. Хелимский пишут об экзонимном *лӯча / лоча* ‘русский’, распространённом во всех тунгусо-маньчжурских и якутском языках. Источником этого заимствованного экзонима послужило ненецкое *lӣca* ‘русский’, а этноним *тунгус* от ненецкого *tuŋgo*, *tuŋgu* (pl. *tuŋgos*, *tuŋgus*) ‘эвенк, тунгус’ (Аникин, Хелимский, 2007, с. 26).

Этнонимом считается самоназвание племени, и в структуре этнонима имеется компонент или морфема со значением ‘человек; народ / люди’. Однако это, по-видимому, не всегда так, особенно в случаях

изучения онимической лексики в агглютинирующих языках. Оним *дəгит* «ненец», зафиксированный в лексике кетского языка, тому пример: компонент *-гит* от самоназвания *кет* ‘мужчина; человек настоящий’, иллюстрирует собой сложность проблемы разделения этнонима и экзонима. Исследователь В.В. Быконя указал на способность предэтнонимов отражать наличие «разных (этноязыковых) объединений, имевших место в этнической истории селькупов. Они не могут быть сведены в один этнонимический ряд, так как их характеризует отсутствие общего компонента со значением ‘человек; люди’», и поэтому «относятся к тому этапу семантических переходов в истории языка, на котором значение ‘человек; люди’ уже утеряно» (Быконя, 2011, с. 51).

Предварительно возможно высказать мнение о том, что аллоэтноним *хамниган* функционировал некогда как общее именование самоедоязычных племен (сомади / сомату), «оставшись» в качестве экзонимного (прозвищного) именования «тунгусского» компонента в этнической среде агинских бурят. Подтверждением этого служит локализация так называемого хамниганского населения в сёлах Токчин, Узон и Гунэй Дульдургинского (бывшего Агинского Бурятского автономного округа) района Забайкальского края.

Предварительные выводы об ониме *хамниган* способны иллюстрировать справедливое мнение В.А. Никонова о том, что «…у этнонимов три плана значений: доэтнонимическое (этимологическое), часто утраченное полностью или частично; собственно этнонимическое – само реальное содержание этнонима, т.е. соотнесенность с обозначаемым им объектом; отэтнонимическое, которое может и не возникнуть» (Никонов, 1970, с. 12). Потому мы связываем оним *хамниган* в плане значений как утраченное *самоед*, т.е. доэтнонимическое значение; переосмысленное *тунгус* в монголоязычной языковой среде, определяя реальное иноязычное (тунгусское) происхождение онима; *Токчин* – как отэтнонимное значение, где семантика ойконима отгенонимного именования рода тунгусов князя Гантимура и позволила выявить и подтвердить северно-самоедоязычное происхождение именования *хамниган*, а именно – ненецкое.

Литература

Аникин А.Е., Хелимский Е.А. Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи. М.: Языки славянской культуры, 2007. 256 с.

Балабанов В.Ф. История земли Даурской. Чита: Эффект, 2003. 400 с.

Быконя В.В. Селькупы: язык и культура (этнолингвистический очерк): монография. Томск: Томский гос. пед. ун-т, 2011. 236 с.

Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – нач. XX вв.). Л.: Наука, 1969. 304 с.

Вернер Г.К. Словарь кетско-русский и русско-кетский. 2-е изд. СПб.: Дрофа, 2002. 240 с.

Грунтов И.А. http://altaica.ru/LIBRARY/khamniganen.pdf. Дата обращения 13.06.2017 г.

Дамдинов Д.Г. Говор читинских хамниган в свете сравнительно-исторической монголистики. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Улан-Удэ: АН СССР, 1967. 22 с.

Дамдинов Д.Г. Языковая принадлежность хамниган // Забайкалье. Наука. Культура. Жизнь. 2002. № 4 (4). С. 44–45.

Дамдинов Д.Г. Хамниганско-русский словарь. Иркутск: Оттиск, 2015. 364 с.

Жамсаранова Р.Г. К вопросу о хамниганах // Забайкалье. Наука. Культура. Жизнь. 2002. № 4 (4). С. 46–48.

Жамсаранова Р.Г. Этноязыковая принадлежность генонима «забайкальский хамниган» // Вест. Читинского гос. ун-та. 2009. № 2 (53). С. 155–161.

Жамсаранова Р.Г. Субстрат в топонимии Восточного Забайкалья: монография. Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2011а. 237 с.

Жамсаранова Р.Г. Явления конвергенции и трансференции в лексике бурятского и селькупского языков // Вест. Томского гос. пед. ун-та, 2011б. Вып. 3 (105). С. 140–147.

Жамсаранова Р.Г. Вероисповедание и численно-родовой состав тунгусов Урульгинской Степной Думы XIX в. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 19. С. 11–17.

Жамсаранова Р.Г. Онимы Нелюдский острог (Нерчинский острог), Никанское царство и государство Гоу-Го в аспекте цивилизационных процессов Северной Азии // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2014в. Вып. 2 (4). С. 41–49.

Жамсаранова Р.Г. Кетоязычные онимы в ономастической системе Восточного Забайкалья // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2014г. № 1 (7). С. 32–42.

Жамсаранова Р.Г. Ойконимы Хоринской Степной думы: монография. Чита: Забакальский гос. ун-т, 2017. 274 с.

Максунова З.В. Краткий кетско-русский словарь. Среднекетский диалект. Красноярск: РИО КГПУ, 2001. 122 с.

Музгин Н.Д. К истории основания Читы и Нерчинска. Нерчинск: НКМ, без года. 23 с.

Никонов В.А. Этнонимия // Этнонимы. М.: Наука, 1970. С. 5–33.

Рассадин В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 199 с.

Туголуков В.А. Главнейшие этнонимы тунгусов (эвенков и эвенов) // Этнонимы. М.: Наука, 1970. С. 204–217.

Ураи-Кёхальми К. Ещё раз к вопросу о происхождении хамниган // Краткие сообщения Института народов Азии. Т. 83. М.: Наука, 1964. 162 с.

Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные (историко-лингвистическое исследование). Улан-Удэ: Бурятское книгоиздательство, 1972. 662 с.

Источники

ГААБАО – Государственный архив Агинского Бурятского автономного округа, ф. 5, оп. 1, дд. 3, 4.

Государственный архив Забайкальского края, ф. 55, оп. 2, д. 61.

Государственный архив Забайкальского края, ф. 10, оп. 1, д. 89.

Государственный архив Забайкальского края, ф. 19, оп. 1, д. 86.

Государственный архив Забайкальского края, ф. 1, оп. 1/5, д. 17513.

УДК 81.373.232.1, 913

Фамилии уральских казаков с формантом *-ков* / *-цков*

© 2018 г. А.И. Назаров

Редактор интернет-проектов, независимый журналист, Алматы, Казахстан
aloisnazarov@gmail.com

Surnames with the formant *-skov* / *-tskov* (*-ков* / *-цков*) of the Cossacks and their descendants in the Urals

A.I. Nazarov

Editor of internet projects, autonomous journalist, Almaty, Kazakhstan
aloisnazarov@gmail.com

The article is devoted to the surnames of the Cossack group mentioned in the title. That group of Russian Cossacks settled at the Lower and Middle Yaik-river (now the Ural-river) in the end of the 16th century. The list of the Cossack surnames was made due to the documents of late 18th and of 19th centuries. The author comes to the conclusion that this group of surnames is characteristic for the Cossacks, but not unique, because some concrete names may be found beyond the territory in question. Part of surnames studied in the article was formed in different regions independently.

Keywords: ***Cossacks, documents, regions, surnames, the Urals.***

В статье интерпретируются фамилии уральских (до 1775 г. – яицких) казаков с формантом *-ков* / *-цков*. Эта группа уральских казаков поселилась в нижнем и среднем течении р. Яик (современный Урал) в конце XVI в. Список фамилий казаков составлен автором по документам конца XVIII в. и документам XIX в. На основании проведённого анализа сделан вывод о том, что данная группа фамилий характерна для казаков, однако не уникальна, поскольку некоторые фамилии известны в других регионах, где эти фамилии сформировались независимо от изученной автором территории.

Ключевые слова: ***документы, регионы, уральские казаки, фамилии.***

Ранние сведения о фамилиях уральских казаков на *-ков* / *-цков*. История формирования фамилий данного типа

Главные источники, по которым выявлялся список изучаемых фамилий, как и общий список фамилий уральских казаков, указан в нашей книге (Назаров, 2003, с. 269–270). С момента её издания в круг источников добавлена Ревизская сказка уральских казаков, хранящаяся в Центральном историческом архиве Республики Башкортостан (фонд И-138, оп. 2, д. 188), фотокопию которой нам удалось сделать в Уфе в сентябре 2006 г. Также использованы материалы нескольких

интернет-сайтов: *gorynychforum.forum24.ru, hella.ru, list-memo.ru, obd-memorial.ru, ru.wikipedia.org, spravkaru.net, vk.com, www.yaik.ru.*

В статье не рассматриваются фамилии типа *Висков*, *Кусков*, *Носков*, *Сосков*, в которых *ков* является не формантом, а финалью основы после выпадения гласного *о* + формант *-ов* (*Висок* > *Висков*, *Кусок* > *Кусков*, *Носок* > *Носков*, *Сосок* > *Сосков*). В центре внимания в статье находятся фамилии типа *Азовсков*, *Донсков*, *Петровсков*. Генетически – это фамилии на *-ской* / *-ский*, включившиеся в модель фамилий на *-ов*. В большинстве случаев основы этих фамилий могут быть сопоставлены с топонимами.

Уже в ранних из известных списков яицких казаков, составленных полковником Богданом Змиевым в 1632 г. (Карпов, 1911б), встречаются прозвища с формантами *-ской* и реже *-ский*: *Василий Терской*, *Дружина Окунь Терской*, *Иван Васильев Терской*, *Иван Петров Терской*, *Иван Терской Черноярец*, *Ивашко Савельев Гребенской казак*, *Июдко Федоров Соликамской*, *Кузьма Иванов прозвище Гребенской*, *Максим Белоуской*, *Ондрей Петрекев Терской*, *Родка Микитин Вычегодской соли*, *Сава Володимиров Луговской*, *Семен Онисимов Черноярской*, *Степанко Онфимов Терской*, *Федор Дербенской*, *Семен Волынской*, *Денис Игнатьев Олферовский*, *Иван Семенов Черноярский*. К этой группе примыкает также именование *Данилко Иванов Бежацкого Верху*.

В списке «Оригинальных фамилий» по переписи яицких казаков полковника Захарова 1723 г. также встречаются фамилии с конечными *-ской* и реже *-ский*: *Горской*, *Донской*, *Заровской*, *Заседской*, *Камской*, *Коконской*, *Питерской*, *Польской*, *Полянской*, *Романовской*, *Русской*, *Сакмарской*, *Самарской*, *Хаванской*, *Хоперской*, *Турханской*, *Шеварковский* (Карпов, 1911б).

Из приведённых именований на *-ской* / *-ский* обеих переписей только два развились в фамилии на *-сков*, зафиксированные в документах XIX–XX вв.: *Донской* > *Донсков*, *Питерской* > *Питерсков*. В одном из документов XIX в. мы обнаружили также фамилию *Терсков*, но насчёт её связи с прозвищем *Терской* у нас есть сомнения, о чём подробнее сказано ниже. Почему это не случилось с другими именованиями? Причин, видимо, несколько.

Во-первых, казаки, перечисленные в списках 1632 г., могли не оставить потомства. Семейная жизнь, как писал А.Б. Карпов, у яицких казаков широко развивается лишь со второй половины XVII в. (Карпов, 1911а, с. 810). Первые яицкие казаки во главе с атаманами Василием

Гугней и Матюшей Мещеряком, а также казаки-участники Смоленского похода 1633 г., по мнению А.Б. Карпова, «все эти казаки-рыцари не оставили по себе потомства» (Карпов, 1911а, с. 809).

Во-вторых, в конкурентной борьбе могли победить другие именования, бытовавшие одновременно с именованиями на *-ской / -ский*. Примеры такой конкуренции есть уже в списках яицких казаков 1632 г.: *Дружина Окунь Терской*, *Иван Терской Черноярец*. В более позднее время у уральских казаков зафиксированы фамилии *Камцев*, *Сакмаркин*, *Самарцев*, *Черноряров*. Они свидетельствуют о том, что при наличии в более раннюю эпоху именований *Камский*, *Сакмарский*, *Самарский*, *Черноярский*, более продуктивными оказались другие способы образования фамилий с основами, отсылающими к территориям, откуда люди пришли на Яик.

Один из двух основателей Илецкого городка (1737 г.) в пределах Уральского казачьего войска и его первый атаман тоже имел фамилию на *-сков* – Иван Никифорович *Изюмсков*; он был черкасской породы (т.е. украинским казаком) (Поляков, 1999, с. 15). Основа его фамилии, вероятно, связана с топонимом *Изюм*, но скорее опосредованно – через название Изюмского слободского казачьего полка. В документах XIX–XX вв. этой фамилии среди уральских казаков нет. Возможно, она трансформировалась в фамилию *Изюмов* или даже *Изюмников*.

Наличие фамилий уральских казаков на *-сков / -цков* сближает фамильные фонды уральских и донских казаков, так как у донских казаков именования на *-ской* (*-ский*) / *-цкой* (*-цкий*) также развились в формы на *-сков / -цков* (Унбегаун, 1989, с. 107; Щетинин, 1994, с. 255). Видимо, в завершающий период формирования русских фамилий в некоторых регионах была сильна тенденция к стандартизации форм фамилий, к подстраиванию под ведущий формант русских фамилий на *-ов*/*-ев*. Фамилии уральских казаков на *-сков* обнаружил, по свидетельству В.А. Никонова, диалектолог из Уральска Н.М. Малеча (Никонов, 1988, с. 46). «Эта модель характерна для пограничных областей, например, по “засечной черте” XVII в.: Симбирск – Шацк – Белгород. Возможен прямой перенос этих фамилий на Дон, на Яик <…>» (Никонов, 1988, с. 46). На наш взгляд, наличие как у донских, так и у уральских казаков фамилий на *-сков / -цков* объясняется, прежде всего, контактами донских и яицких казаков в XVI–XVIII вв. При этом влияние шло, по-видимому, с Дона на Яик, а не наоборот.

Характеризуя начальный период истории Яицкого казачьего войска (вторая половина XVI – начало XVII вв.), А.Б. Карпов писал, что яицкие,

донские, волжские и гребенские казаки тогда составляли одну неразделимую семью, во главе которой стояло и «гегемонировало» донское казачество (Карпов, 1911а, с. 838). Поддержанию активных контактов между донскими и яицкими казаками содействовало совместное прохождение службы. Так, в приложении X к книге А.Б. Карпова есть список раздачи жалования донским и яицким казакам за декабрь 1637 г. и за январь–февраль 1638 г. (Карпов, 1911б, с. 50–53). Влияние с Дона на Яик осуществлялось и через донских казаков, переселившихся на Яик. Список таких казаков и их потомков по переписи 1723 г. можно найти в приложении V к книге А.Б. Карпова (1911б, с. 27–29). Примечательно, что уже в этом списке встречается именование на *–сков* – *Осиповсков*.

Фамилий уральских казаков с формантом *-сков* / *-цков* немного, если не рассматривать каждый вариант написания как самостоятельную фамилию, а объединять варианты в гнёзда фамилий. Приведём эти фамилии, зафиксированные нами по письменным памятникам конца XVIII–XIX вв., сопроводив этимологическими справками и указанием на локализацию на территории Уральского казачьего войска. Фамилии уральских казаков подобного морфологического типа в своей основе обычно содержат топоним. При их этимологическом исследовании необходимо стремиться к соответствию этимологических гипотез историческим фактам, внеязыковым реалиям и учитывать время образования предполагаемого в основе топонима. Топонимы, появившиеся в XIX и XX вв., следует исключать, так как, по нашему мнению, почти все фамилии уральских казаков на *-сков* уже существовали к началу XIX в. Однако в процессе этимологизирования сильно ощущается недостаток доступных сведений по времени возникновения малых населённых пунктов, и нередко приходится приводить вероятные топонимы-источники, требующие в будущем уточнения. Не являются окончательными и сведения по географическому распространению фамилий в пределах Уральского казачьего войска. В будущем они могут быть дополнены.

Этимологии фамилий уральских казаков на *-сков* / *-цков*

АДОВСКОВ (варианты: АДСКОВ, АТСКОВ, АЦКОВ). Из прозв. *Адовской* < топоним (далее – топ.) *Адово*, *Одово*. Напр., деревня Адово (Водовой, Большой Водовой) в Уржумском районе Кировской области на слиянии рек Правой и Левой Водовоек с рекой Водовойка, существующая с 1586 г. (Иконников, 2017). Локализация в Уральском

казачьем войске: Горячинская станица, Гурьев (1817), Калмыковская станица, Красноярский форпост (1834, 1876), Мергеневский форпост (1876), Сахарная крепость (1817), Уральск (1817), Щапов хутор (1817).

АЗОВСКОВ (варианты: АЗОСКОВ, АЗОВСКАВ). Из прозвища *Азовской* < топоним *Азов*. Прозвище могло указывать на место, откуда прибыл его носитель на Яик. Однако это прозвище мог получить и участник Азовских походов 1695–1696 гг., в которых принимали участие яицкие казаки. Именование *Азовский / Азовской* бытовало в среде яицких казаков ещё в первой четверти XVIII в.: *Василий Азовский/Азовской* (1717, 1721), *Алексей Азовский* (1723) (Карпов, 1911а, с. 509, 565, 735). Локализация: Антоновский форпост (1817, 1834), Танинских хутор / Владимирский хутор (1817, 1833, 1876), Бударинский форпост (1817, 1834), Гниловский форпост (1817), Гурьев (1817), Зеленовский форпост (1817, 1833), Иртецкий форпост (1876), Каленовский форпост (1834, 1876), Калмыковская крепость (1817, 1833, 1834, 1876), Каменный умёт (1817), Кирсановская станица (1876), Кожехаровский форпост (1828, 1833, 1834), Кошевский / Каршинский форпост (1817, 1834), Кожехаровский форпост (1817), Красноярский форпост (1834, 1872), Лбищенский форпост (1817, 1833), Мергеневский форпост (1828, 1834), Сахарная крепость (1834), Серебряков хутор (1817), Скворкина хутор / Скворкинский форпост (1834, 1876). Тополинская крепость (1834), Уральск (1776, 1782, 1789, 1795, 1817, 1828, 1833, 1876.), Царевский посёлок (1877).

АРОНСКОВ. Возможно, из прозвища *Аранской* < топоним *Араны* (деревня Араны в Тульской области впервые упоминается в 1633 г. (Гузеев, Луковкин, 2017). В дальнейшем под влиянием фонетических особенностей говоров казаков или сближения с мужским крестильным именем *Аарон* гласный [*а*] основы трансформировался в [*о*]. Но, возможно, основа этой фамилии не является топонимической по происхождению. По мнению И.А. Королёвой, все фамилии с суффиксом *-ск-*, имеющие в основе крестильные имена, могут происходить либо от патронимов на базе этих имён, либо от названий деревень, получивших их по именам владельцев-основателей (Королёва, 2003, с. 94). Прибавление суффикса *-ск*(ой) к бытующей у уральских казаков фамилии *Аронов* после выпадения в разговорной речи патронимического суффикса *-ов* и могло дать фамилию *Аронсков*. Локализация в Уральском казачьем войске: Илецкий городок (1862).

АСИНОВСКОВ (варианты: АСИНОВСКАВ, АСИНСКОВ, ОСИНОВСКОВ, ОСИНСКОВ). Из прозв. *Асиновской* < топоним *Осинов-*

ский, *Осиново*, *Осиновка* (часты в России и ряде сопредельных стран). Локализация: Горская крепость (1817), Кожехаровский форпост (1817, 1828, 1833, 1834), Колвертных хутор (1833), Круглоозерный форпост (1817), Лбищенский форпост (1833), Ливкин умёт (1832), Прорвинский хутор (1817), Тополинская крепость (1817, 1834), Уральск (1788, 1817), Чаганский форпост (1817).

АТАМАНСКОВ. Из прозвища *Атаманской* < топоним *Атаманово*, *Атаманка*, *Атаманский*. Как писал Н.М. Малеча, прилагательное *атаманский* часто в топонимах в Уральском казачьем войске (Малеча, 2002, т. I, с. 74). Однако как источник основы следует исключить пос. *Атаманский* на территории Уральского казачьего войска, так как это название появилось позже времени фиксации фамилии (пос. *Атаманский* – новое, с 1891 г., название пос. *Гнилой* Соболевской станицы). Но возможно, что основа этой фамилии – не топоним. Локализация в Уральском казачьем войске: Илецкий городок (1832).

БАРХАНОВСКОВ (вариант: БАРХАНСКОВ). Из прозвища *Бархановской* < топоним *Барханово*, *Бурхановский*, *Бурхановка*, *Бурхановка*, *Барканы*. Локализация: Дубовский хутор (1876), Илецкая станица (1817, 1832, 1833, 1876), Лапасский хутор (1876), Мухрановский форпост (1832, 1876).

БЕРЕЗОВСКОВ (варианты: БЕРЕЗОВСКАВ, БИРЕЗОВСКОВ, БИРЕЗЫСКОВ). Из прозвища *Березовской* < топоним *Березовский*, *Березово*, *Березовка* (часты в России и ряде сопредельных стран). Локализация: Мухрановский форпост (1832, 1833, 1862, 1876), Илецкая станица (1817, 1876).

БУДАРИНСКОВ. Из прозвища *Бударинской* < топоним *Бударинский*. Так назывался форпост яицких казаков, основанный в 1746 г. (Малеча, 2002, т. I, с. 45). В XIX в. стал станицей *Бударинской*. Сейчас – село *Бударино* в Западно-Казахстанской области. Топоним *Бударино* в Астраханской и Волгоградской областях как источник для образования прозвища уральского казака следует исключить, так как он там появился в XX в. Локализация в Уральском казачьем войске: Илецкий городок (1833).

ВОЛСКОВ. 1. Из прозвища *Волской* < топоним *Вольское* (деревни и сёла в Ивановской, Тверской, Ярославской областях), *Вольск* (город в Саратовской области). 2. Из прозвища *Волосок* < *волос* (с мотивировкой ‘маленький’ или ‘худой’). Локализация в Уральском казачьем войске: Бударинский форпост (1817), Трекин хутор(1817), Уральск (1817).

ГРАБОВСКОВ. Из прозвища *Грабовский* < топоним *Грабово*, *Грабовка*. Например, село *Грабово* в Бессоновском районе Пензенской области (основано во второй половине XVII в. (Полубояров, 2016, с. 135), деревня *Грабовка* в Ромодановском районе Республики Мордовия. Локализация в Уральском казачьем войске: Акутинский хутор (1876).

ГРАДОВСКОВ. Может быть ошибочной формой фамилии *Грабовсков* (см. выше). Но может иметь самостоятельное происхождение из прозвища *Градовской* < топоним *Градовка*, *Градовский*.

ГРОМСКОВ. Из прозвища *Громской* < топоним *Громов*, *Громово*.

ДЕСЯТСКОВ (варианты: ДЕСЯТЦКОВ, ДЕСЯЦКОВ, ДЕСЯЦЬКОВ, ДИСЯТСКОВ, ДИСЯЦКОВ). Из прозвища *Десятский* < 1. Апеллятив *десятский* ‘командир десяти человек’; ‘низшие выборные люди, явившиеся на посаде и в уезде при введении земских учреждений’ (Энциклопедический…, 1893, с. 497); ‘полицейский служитель, по наряду от обывателей; сторож от десятого дома, от десятка, десятни; помощник старосты, выборного, нарядчик; род рассыльного при земской полиции, иногда подчинённый сотскому’ (Даль, 1955, т. I, с. 433). 2. Топ. *Десятское*. В документах военных комиссариатов первой половины XX в. записаны д. с названием *Десятское* (на территории Архангельской, Ивановской, Ленинградской, Псковской областей, Ставропольского края). Локализация в Уральском казачьем войске: Гурьев (1901), Кармановский форпост, Тополинская крепость (1817), Уральск (1788, 1789, 1817), Яманхалинский посёлок (1901).

ДОНСКОВ (вариант: ДАНСКОВ). Из прозвища *Донской* < топоним *Дон*. Предки уральских казаков с этой фамилией – из донских казаков. В приложении V в книге А.Б. Карпова «Уральцы» приводятся материалы В. Бородина «Список донским казакам, поселившимся на Яике» по переписи полковника Захарова, 1723 г., в котором перечислены 52 казака (Карпов, 1911б). Для многих указано название прежнего места жительства на Дону их или их дедов, отцов: Кумылговская станица, Черкасский городок, городок Пяти-Изб, Зимлянская станица, городок Митюкина, Безплеменный городок. Локализация в Уральском казачьем войске: Бородинский форпост (1876), Бударинский форпост (1817), Волсков хутор (1817), Горячинский форпост (1833), Грязно-Иртецкий форпост (1869), Гурьев (1817), Иртецкий форпост (1817), Коловертный хутор (1817), Круглоозерный форпост (1817, 1834), Мергеневский форпост (1876), Рубеженский форпост (1817), Сакмарская станица (1817, 1832), Уральск (1782, 1788, 1789, 1817, 1828), Янайкин хутор (1817).

ДУБОВСКОВ. Из прозвища *Дубовской* < топоним *Дубовка*, *Дубово*, *Дубовое*, *Дубовский*, *Дубовское* (нередки в России и в ряде сопредельных стран). Например, с. *Дубовка* в Духовницком районе Саратовской области, основанное в 1735 г. (Козинец, 2013, с. 61). Локализация в Уральском казачьем войске: Алексеевский хутор (1876), Дубовских хутор (1832), Илецкая станица (1817, 1832, 1862), Лапасский хутор (1862), Мухрановский форпост (1832), Студеновский форпост (1833, 1876).

КАЛАЧЕНСКОВ. Наличие у уральских казаков фамилий *Калаченков*, *Клаченков* / *Клоченков* позволяет предположить, что у них общее происхождение. Наименее вероятно из прозвища *Калаченской* < топоним *Калач* (напр., хутор *Калач* – сейчас город *Калач-на-Дону* в Волгоградской области; слобода *Калач* – сейчас город *Калач* в Воронежской области). Скорее всего согласный *-с-* в фамилии *Калаченсков* вторичен, как и сама форма фамилии *Калаченсков* вторична по отношению к формам *Калаченков*, *Клаченков* / *Клоченков*. Наши наблюдения показывают, что при варьировании других фамилий с формантом *-сков* согласный *-с-* форманта обычно не выпадает. Поэтому маловероятно развитие *Калаченсков* > *Калаченков*, *Клаченков* / *Клоченков*. Развитие шло в обратном направлении. Согласный *-с-* в фамилии *Калаченсков* эпентетический. Этимология этих взаимосвязанных фамилий нас тоже интересует, но не в рамках данной статьи.

КУМСКОВ. Из прозвища *Кумской* < топоним *Кумово*, *Кумовка*, *Кумовский*, *Кума*. Напр., хутор *Кумовка*, Пятиизбянской станица (сейчас в Волгоградской области), основанный не позднее 1764 г. (Земля…, 1998, с. 50), деревня *Кумова* (*Кумты*) в Бирском уезде (сейчас в Башкортостане), впервые упомянутая в 1760 г. (Хисамитдинова, 2005, с. 170). Локализация в Уральском казачьем войске: Илецкий городок (1817).

КУНАКОВСКОВ (варианты: КУНАКЫВСКИВ, КУНАКОВКОВА – женский пол). Из прозвища *Кунаковской* < топоним *Кунаково*, *Конаково*, *Кунаковка*. Например, деревня *Кунаково* в Костромской области, известная с 1616 г. (Белоруков, 2000), деревня «Кунаковское Безобразова на речке на Вобле» в Рязано-Муромской епархии (Свод…, 2005, с. 151), деревни *Кунаково* в Архангельской, Кировской, Ярославской областях, в Удмуртской АССР, отмеченные в документах военкоматов первой половины XX в. Локализация в Уральском казачьем войске: Антоновский форпост (1817, 1833, 1834), Орловский форпост (1876), Рубеженский форпост (1817, 1834), Уральск (1787, 1788, 1817), Харкинский форпост (1872).

ЛЯВИНСКОВ (варианты: ЛЯВЕНСКОВ, ЛЕВАНСКОВ). Из прозвища *Лявинской* < топонимы *Левино*, *Лёвино*, *Левинская*, *Левинское*. Например, деревня *Левино* (или *Лёвино*) в Меленковском уезде Владимирской губернии, впервые упомянутая в 1676 г. (Епанчин, 2000); деревня *Лёвино* в Егорьевском районе Московской области, известная с 1577 г., а под этим названием – с 1627 г. (Поспелов, 2008, с. 327–328). Локализация в Уральском казачьем войске: Владимирский хутор (1876), Гнилой умёт (1817), Озерный умёт (1876).

МАНСКОВ (варианты: МАНЦКОВ, МАНАЦКОВ, МАНАВСКОВ). Из прозвища *Манасовской*, *Манаской* или *Манацкой* < 1. Топонимы *Манасовка*, *Манацкое*, *Манацкий*, *Манское*. По данным военкоматов, в первой половине XX в. населённые пункты с такими названиями были в Запорожской, Ростовской, Сталинской областях, в Крыму, в Мордовской и Чувашской АССР. В качестве источника прозвища можно рассматривать и варианты названия донской станицы *Манычской* – (городок) *Манок* (Королев, 2011, с. 112), *Маноцкая* (Географическое…, 1791, с. 263). 2. Авторы словаря тамбовских фамилий выводят фамилию *Мансков* либо из диалектного *манный* (*-ой*), которое в тульских говорах означает ‘обманчивый’, а в вологодских ‘безумный’, либо через прозвище *Мана* из диалектного *маниха*, означающего в ряде русских говоров ‘обманщик’ (Фамилии…, 2004). Но это неубедительно. Авторы данной этимологии правильно отмечают, что формант *-сков* указывает на донское происхождение фамилии, но не учитывают, что у донских казаков в основе фамилий на *-сков* лежат преимущественно топонимы. Маловероятно, чтобы из прозвищей *Манной*, *Манный* или *Мана* развилась фамилия *Манской*. Скорее – *Маннов*, *Манин*. Локализация в Уральском казачьем войске: Каменный умёт – *Манацков* (1817), Красная станица – *Мансков* (1876).

МЕДВЕДСКОВ (варианты: МЕДВЕДЦКОВ, МЕДВЕЦКОВ, МЕДМЕТЦКОВ, МЕДМЕЦКОВ, МЕДВЕДКОВ). Из прозвища *Медведской* < топоним *Медведка*, *Медведское*. Локализация в Уральском казачьем войске: Илецкий городок (1817).

МОРСКОВ (вариант: МАРСКОВ). 1. Из прозвища *Морской* < топоним *Мор*, *Морской*, *Морское*. 2. Могла возникнуть путем усечения первой части из фамилии *Черноморсков* (см.). Локализация в Уральском казачьем войске: Уральск (1817), Чаганский форпост (1817).

НОВИКОВСКОВ (вариант: НАВИКОВСКОВ). Из прозвища *Новиковской* < топоним *Новиковка*, *Новиково* (часты в России и в ряде

сопредельных стран). Например, деревня *Новиковка*, а сейчас посёлок в Чувашской Республике (существует с 60-х годов XVIII в.) (Шишкин, Трифонова, 2017); деревня *Новиковка* в Пензенской области (основана в конце XVII в.) (Полубояров, 2016, с. 631). Локализация в Уральском казачьем войске: Илецкий городок (1817, 1833), Кинделинский форпост (1876), Студеновский форпост (1833, 1862, 1876).

ПЕТРОВСКОВ. Из прозвища *Петерской* < топоним *Петровка*, *Петрово*, *Петровск*, *Петровский*, *Петровское* (многочисленны на территориях, откуда происходят предки первых яицких казаков). Локализация: Суслиных хутор (1817, 1833, 1834), Уральск (1776, 1788, 1817).

ПИТЕРСКОВ (вариант: ПИТИРСКОВ). На одном интернет-форуме встретилась народная этимология этой фамилии: мол, служил казак в лейб-гвардии казачьей сотне при императоре в Санкт-Петербурге и стал именоваться по неофициальному разговорному названию столицы (Питер) *Питерсковым*. А на самом деле из прозвища *Питерской* < топоним *Питер* (официальное название нескольких деревень), *Питерка*. Например, в Тамбовской области есть село *Питерка* (первоначально *Питерское*), впервые упомянутое в 1623 г. Локализация в Уральском казачьем войске: Генварцевский форпост (1817), Грязный умёт (1817), Зеленовский форпост (1833), Каленовский форпост (1834), Кожехаровский форпост (1817), Кулагинская крепость (1817, 1834), Лебяженский форпост (1876), Мергеневский форпост(1832, 1876), Уральск (1817).

РЫБИНСКОВ. Из прозвища *Рыбинской* < 1. Топоним *Рыбинка*, *Рыбино*, *Рыбинск*, *Рыбинское*. 2. От параллельного названия Острогожского слободского казачьего полка, именуемого также *Рыбинским*. Известно, что большинство первопоселенцев Илецкого городка – казаки Рыбинского полка (в количестве 121 человека) (Злобин, Поляков, 2006, с. 46). Локализация в Уральском казачьем войске: Илецкая станица (1817, 1833, 1862, 1876), Мустаевский хутор (1876), Студеновский форпост (1862).

СЕРПУХОВСКАВ (варианты (?): СЕРБУТОВСКОВ, СЕРПУТОВСКОВ). 1. Из прозвища *Серпуховской* < топоним *Серпухов*. Из Серпухова на Яик переселилось несколько человек (Малеча, 1955, с. 284). В трёх словах в говоре уральцев отмечен переход [*х*] > [*к*]: *къравот*, *кутыр*, *проклаждаться* (Малеча, 1954, с. 10). Аналогичная мена [*х*] на [*к*] могла произойти и в фамилии *Серпуховскав*. Впоследствии звук [*к*] мог быть заменен звуком [*т*]. Такая мена известна в говоре уральцев: *трахмальный* < *крахмальный* (Там же, с. 10). Озвончение [*п*] > [*б*], вызвавшее появление варианта *Сербутовсков*, могло про-

изойти под влиянием соседства с сонорным [*p*]. 2. Из прозв. *Серпутовской* / *Сербутовской* от топонима на территории ныне или ранее подконтрольной Польше. На крайнем северо-востоке Польши в Подляском воеводстве есть четыре села, в состав названий которых входит компонент *Sierzputy*: *Stare Sierzputy*, *Sierzputy Zagajne*, *Sierzputy Młode*, *Sierzputy-Marki*. В современной передаче *Sierzputy* > *Сежпуты*.

На дореволюционных российских картах – *Серспуты* и *Сербуты*. В начале XX в. фамилия *Серпутовский* встречалась у поляков – уроженцев нынешнего Подляского воеводства Польши (тогда эта территория была в составе Российской империи). В наше время она засвидетельствована в Беларуси (Гродно, Минск) и России (Ангарск, Петербург, Усолье-Сибирское). Известен участник партизанского движения поляков в 1833 г. Фаддей Серпутовский, а также унтер-офицер Вержболовской бригады Валентий Серпутовский, отличившийся в 1863–1864 гг. при подавлении польского мятежа.

На территорию проживания уральских казаков эта фамилия принесена с территории Польши, Украины или Беларуси. Как именно её носитель попал на Урал – вопрос? Известно, что яицкие (уральские) казаки несколько раз воевали против поляков. В 1634 г. 380 яицких казаков защищали Смоленск от поляков. В 1812–1815 гг. уральские казаки участвовали в войнах против Наполеона, в армии которого были и поляки. В 1830–1831 гг. они участвовали в подавлении польского мятежа. Пленённые казаками поляки иногда зачислялись в казачьи войска. После окончания Русско-польской войны 1654–1667 гг. пленные Речи Посполитой, а также шляхта Смоленского воеводства и других мест были отправлены на поселение в глубинные территории Московии, в основном на территорию между Саратовом и Самарой. Возникали целые польские сёла. Эти сёла были всего в 100–200 км от Уральска. Таким образом, исторические предпосылки проникновения в состав фамилий уральских казаков польской, украинской или белорусской фамилии *Серпутовский* или *Сербутовский* имелись. В таком случае написание *Серпуховскав* может рассматриваться как гиперкорректный вариант этой польской фамилии. Локализация в Уральском казачьем войске: Гниловский, Дарьинский, Трекинский посёлок – *Серпутовсков*, Уральск – *Серпуховскав* (1828).

СОЛОДСКОВ (варианты: СОЛОЦКОВ, САЛОЦКОВ). Из прозвища *Солодской* < топоним *Солодка*, *Солотка*, *Солодская*, *Солодское*, *Солодский*. Локализация в Уральском казачьем войске: Иртецкий форпост (1817), Уральск (1828).

СУРСКОВ. Из прозвища *Сурской* < топоним *Сура* или его производные. Исключаем город *Сурск* в Пензенской области, который возник только в 1849 г. Также исключаем посёлок *Сурское* в Ульяновской области, который это название получил только в 1931 г. (Барашков, 1994, с. 65). Более вероятные источники – Сурский Острог (с 1965 г. Первомайское) в Ульяновской области, так как крепость-поселение с этим названием основана не позднее середины XVII в. (Барашков, 1994, с. 52); с. *Сурский Майдан* в Республике Чувашия (известно с 1-й половины XVIII в. (Елахова, Трифонова, 2017). Локализация: Баксайская крепость (1834, 1876), Илецкий городок (1817).

ТЕРСКОВ. Эта фамилия встретилась лишь один раз – в документе 1876 г. На наш взгляд, не из топонима *Терек*, а усечённое из *Питерсков* (см.). В пользу этого предположения свидетельствует и его локализация – в Лебяженском форпосте (1876). В том же населённом пункте в 1876 г. отмечена фамилия уральского казака *Питерсков*.

ХАТИНСКОВА (женский пол). Из прозвища *Хотинской*, *Хатинской* < топоним *Хотин*, *Хотино*, *Хотиноновка*. Локализация в Уральском казачьем войске: Чаганский форпост (1833).

ЧЕРНОМОРСКОВ (вариант: ЧЕРНАМОРСКОВ). Из прозвища *Черноморской* < топоним *Черномор*, *Чёрное море*. Первый топоним, по документам военкоматов, в первой половине XX в. встречался в Башкирской АССР, Саратовской, Сталинградской областях и некоторых других местах, откуда происхождение предков уральских казаков маловероятно. Мы не уверены в том, что носители этой фамилии – потомки черноморских казаков (из них сформировалось Кубанское казачье войско). Впервые выражение «черноморские казаки» встречается в реляции Г.А. Потемкина-Таврического от 17 ноября 1788 г. (Калинин, 2017). Фамилия *Черноморсков* у уральских казаков на тот момент уже существовала, о чём свидетельствуют исповедные росписи Михаило-Архангельского собора в Уральске за 1788 г. Локализация в Уральском казачьем войске: Уральск (1788, 1817, 1828, 1833).

ШИРЯВСКОВ (варианты: ШЕРЯВСКОВ, ШИРЯВСКАВ, ШИРЯВСКИЙ, ШЫРЯВСКЕВА). Из прозвища *Ширявской* < 1. Топоним *Ширяево*, *Ширяевское*. Например, деревня *Ширяевская* в Егорьевском районе Московской области (под этим названием известна с 1627 г.) (Поспелов, 2008, с. 557); село *Ширяево* в Самарской области (впервые упоминается в 1643–1645 гг.) (Барашков и др., 2017); село *Ширяево* в Пензенской области (основано около 1706 г.) (Полубояров, 2016, с. 124). Одна из

отличительных особенностей диалекта уральских казаков – стяжение гласных. Отсюда [*jae*] > [*ja*]. 2. Как отмечает И.А. Королёва, фамилии с суффиксом *-ск-*, имеющие в основе крестильные или некрестильные имена, могут происходить либо от патронимов на основе этих имён, либо от названий деревень (Королёва, 2003, с. 94). Наличие в материалах переписи 1632 г. яицкого казака *Петра Ширяева* позволяет объяснить фамилию *Ширявсков* также как патроним *Ширяев* + вторичный суффикс *-ской*. Локализация: Бударинсий форпост (1817), Коловертный хутор (1876), Круглоозерный форпост (1817, 1833), Сластин хутор (1817), Прорвинский хутор (1817), Уральск (1776, 1789, 1817, 1832, 1833).

ШУРАНСКОВ. Из прозвища *Шуранской* < топоним *Шуран*, *Шураново*. Например, село *Шуран* в Лаишевском районе Татарстана (известно с периода Казанского ханства). Локализация: Прорвинский хутор (1833, 1876), Уральск (1789).

Локализация фамилий уральских казаков на *-сков* / *-цков* в пределах земель Уральского казачьего войска

Хотя на данный момент наши сведения по локализации фамилий с формантом *-сков* в пределах Уральского казачьего войска не являются полными, позволим себе сделать некоторые наблюдения относительно географии рассматриваемых фамилий. При этом будет указан только один вариант написания.

Самая широкая география из фамилий рассматриваемой группы у фамилии *Азовсков*. Она встречается в 25 населённых пунктах. Далее идут фамилии *Донсков* (14 населённых пунктов), *Асиновсков* (10), *Питерсков* (9), *Адовсков* (8), *Ширявсков* (6), *Десятсков* (5), *Дубовсков* (5), *Кунаковсков* (5), *Бархановсков* (4), *Серепутовсков* (4), *Волсков* (3), *Лявинсков* (3), *Новиковсков* (3), *Рыбинсков* (3), *Березовсков* (2), *Мансков* (2), *Морсков* (2), *Петровсков* (2), *Солодсков* (2), *Сурсков* (2), *Шурансков* (2). Только в одном населённом пункте отмечены фамилии *Аронсков*, *Атамансков*, *Бударинсков*, *Грабовсков*, *Кумсков*, *Медведсков*, *Терсков*, *Хатинскова*, *Черноморсков*.

Этот рейтинг фамилий с точки зрения географии их распространения составлен на основе данных, охватывающих период более ста лет. В случае оперирования данными за более короткий промежуток времени места тех или иных фамилий в рейтинге будут, вероятно, иными. Какие-то фамилии, видимо, вообще выпадут из рейтинга – либо как ещё

не появившиеся у уральских казаков, либо как исчезнувшие у них. Но, думается, лидерство первых шести–семи фамилий будет сохраняться.

Хотя фамилии с формантом *-сков* в пределах Уральского казачьего войска встречаются от Гурьева до Илека, заметна их разная концентрация в тех или иных частях этой территории. Наибольшее их разнообразие наблюдается в Илецкой станице (= Илецкий гор., Илек) – 15 фамилий. Несколько меньше (12) – в войсковой столице городе Уральске. В других населённых пунктах с такими фамилиями их число от одного до четырёх. Можно сравнить количество разных фамилий с формантом *-сков* исходя из деления Уральского казачьего войска на три военных отдела: 1-й (Уральский), 2-й (Лбищенский) и 3-й (Гурьевский). При этом вне классификации оказываются три населённых пункта. Это Сакмарская станица, которая в 1865 г. отошла к Оренбургскому казачьему войску, и хутора Волсков и Суслиных, местонахождение которых мы на данный момент не знаем.

Больше всего разных фамилий с формантом *-сков* мы насчитали в 1-м военном отделе – 28, что предсказуемо, так как в этот отдел входила Илецкая станица. Во 2-м отделе, населённые пункты которого находились юго-западнее и южнее 1-го отдела, нами отмечено 20 разных фамилий с формантом *-сков*. В 3-м отделе таких фамилий только восемь. Таким образом, по мере продвижения по течению Урала с севера на юг разнообразие фамилий с формантом *-сков* уменьшается. Для казаков 3-го отдела фамилии с этим структурным типом мало типичны. Наибольшее распространение этот структурный тип фамилий в Уральском казачьем войске получил в северной части, особенно среди той части уральского казачества, которая называется илецкими казаками. Исследователи отмечают своеобразие илецких казаков в хозяйственной и бытовой сферах. Более широкое распространение среди них фамилий с формантом *-сков* также является одной из особенностей этой группы Уральского казачьего войска.

Фамилии уральских казаков на *-сков* / *-цков* в современных Уральске, Атырау и в общерусском контексте

Рассмотрим ещё два вопроса: какие из проанализированных фамилий с формантом *-сков* сохранились на землях бывшего Уральского казачьего войска и какое место занимает каждая из этих фамилий в общерусском контексте. В полной мере ответить на эти вопросы пока

невозможно, так как в силу малочисленности источников мы ограничены в знании о том, какие фамилии встречаются в наши дни как на бывших землях войска, так и вообще в ареале проживания русских в Евразии. Поэтому сосредоточимся на городах Уральск и Атырау (Гурьев), чьи телефонные справочники можно найти на сайте *t.spravkaru.net*. Кроме того, географическое распространение интересующих фамилий выявлялось при помощи социальной сети *Вконтакте*. Для анализа параллелей мы использовали также телефонные справочники ряда городов России, Украины, Беларуси, других городов Казахстана.

Из 15 фамилий с формантом *-сков*, встретившихся нам в письменных памятниках дореволюционного периода (до 1917 г.) у казаков в Уральске, в телефонном справочнике современного Уральска и у пользователей Вконтакте из Уральска найдены 11 – *Адовсков* (*Адсков*), *Азовсков*, *Асиновсков* (*Осиновсков*, *Асинсков*, *Осинсков*), *Десяцков*, *Донсков*, *Марсков*, *Петровсков*, *Питерсков*, *Черноморсков*, *Ширявсков*, *Шурансков*. Остальные либо исчезли из Уральска вместе с их носителями, либо претерпели изменение форманта *-сков*, как *Кунаковсков* > *Кунаковский*. Аналогичное формальное преобразование претерпела и часть других фамилий с формантом *-сков* при сохранении их параллелей с формантом *-сков*: *Асиновскова* > *Асиновская*, *Морсков(а)* > *Морской(-ая)*, *Петровсков(а)* > *Петровский(-ая)*, *Черноморскова* > *Черноморская*. Впрочем, носители этих фамилий могут и не быть потомками уральских казаков, а их фамилии в прошлом не имели форманта *-сков*. Есть некоторое сомнение и в реальности существования фамилии *Морской(-ая)*. Её мы обнаружили у пользователей Вконтакте из Уральска. Возможно, это не фамилии, а никнеймы.

Также среди телефонных абонентов современного Уральска встретились другие казачьи фамилии с формантом *-сков*, которые в дореволюционных документах отмечены у жителей не Уральска, а других населённых пунктов Уральского казачьего войска – *Дубовсков*, *Лявинсков*, *Рыбинсков*. Возможно, эти фамилии бытовали у казаков, живших в Уральске и до революции, но просто не попали в просмотренные нами документы, но, возможно, что появление этих фамилий в Уральске стало результатом миграций внутри земель бывшего Уральского казачьего войска в послереволюционное время. Если предки современных жителей Уральска с фамилиями *Березовская*, *Грабовский(-ая)* были уральскими казаками, то их следует рассматривать как результат трансформации *Березовскова* > *Березовская*, *Грабовсков(а)* > *Грабовский(-ая)*.

В наши дни в Уральске встречается несколько фамилий с формантом *-сков*, которые в просмотренных нами документах по Уральскому казачьему войску у казаков не встретилась ни разу: *Алямсков*, *Ржавсков*, *Садомсков*, *Стансков*, *Суровсков*, *Шансков*. По крайней мере, две из этих фамилий известны в пределах земель бывшего Уральского казачьего войска лет сто – *Алямсков*, *Садомсков*. В 1902 г. в казачьем поселке Щапово 1-го военного отдела родился *Пётр Алямсков*. Его потомки сейчас живут в Уральске. В казачьем посёлке Дарьинский в 1923 г. родился *Павел Садомсков*, которому в 1943 г. за проявленный героизм на фронте было присвоено звание Героя Советского Союза. Сам он после войны жил в Самаре, но в Западно-Казахстанской области остались его ближайшие родственники. Вероятно, один из них – современный уральский художник *Анатолий Садомсков*. Фамилии *Алямсков и Садомсков* в Уральском казачьем войске, скорее всего, принадлежали людям неказачьего сословия (иногородним). Среди крестьян, живших в границах земель войска, нам в архивных документах встретились и другие фамилии с формантом *-сков*: *Берячинсков* (выходец из Симбирской губернии), *Землянсков* (из Саратовской губернии), *Лавенсков* (из Самарской губернии). Так что формант *-сков* на территории Уральского казачьего войска не был исключительным признаком казачьих фамилий. Но по разнообразию фамилий с формантом *-сков* и по количеству семей с этими фамилиями иногородние уступали уральским казакам.

По документам дореволюционного периода, которые мы проанализировали, в Гурьеве бытовали четыре фамилии казаков с формантом *-сков*. Все они есть у жителей современного Атырау – *Адсков*, *Азовсков*, *Десятсков*, *Донсков*. Дополнительно у атыраусцев отмечены другие фамилии этого структурного типа, встречавшиеся в прошлом у уральских казаков других населённых пунктов – *Питерсков*, *Сурсков* и *Терсков*. В прошлом первые две из этих фамилий можно было встретить у казаков Баксайской и Кулагинской крепостей (позднее соответственно посёлок и станица), которые территориально и административно тяготели к Гурьеву, что, видимо, способствовало миграциям казаков оттуда в Гурьев и пополнению фонда фамилий Гурьева. Если предки современных атыраусцев по фамилии *Петровский*(*-ая*) были уральскими казаками, то её следует рассматривать как результат трансформации *Петровсков* > *Петровский*.

Поиск фамилий с формантом *-сков*, отмеченных у предполагаемых потомков уральских казаков из Уральска и Атырау, в телефонных книгах других городов бывшего СССР показывает, что ни одна из этих

фамилий не уникальна только для уральцев или атыраусцев. Их можно встретить и в других городах за пределами бывшего Уральского казачьего войска. Правда, география одних фамилий очень незначительная, а других – очень широкая. Например, по доступным телефонным справочникам фамилии *Лявинсков*(*а*) кроме Уральска встретилась только во Владимире и Красноярске. Фамилия *Черноморсков*(*а*) помимо Уральска обнаружена лишь у абонентов Саратова и Тюмени. В то же время у фамилии *Донсков*(*а*) очень широкая география распространения – в более 50 городах Беларуси, Казахстана, России, Украины.

По частоте употребления некоторые из рассматриваемых фамилий с формантом *-сков* в современных Уральске или Атырау опережают те же фамилии в других городах Евразии. По крайней мере, это видно на основе доступных источников. Например, больше всего абонентов с фамилиями *Питерсков*(*а*) в Уральске – 16, на втором месте – Москва (6), на третьем – Атырау (5). Также Уральск опережает другие города по абсолютному числу телефонных абонентов с фамилиями *Лявинсков*(*а*) (9), *Петровсков*(*а*) (*4*), *Черноморсков*(*а*) (8). Особенно заметно лидерство Уральска по фамилии *Азовсков*(*а*) с 43 телефонными абонентами. В городах за пределами земель бывшего Уральского казачьего войска, в которых она есть, она встречается в основном у единичных абонентов, лишь в Москве немного больше – у пяти. Как видим, Уральск является, пожалуй, основным ареалом бытования фамилий *Азовсков*(*а*), *Лявинсков*(*а*), *Петровсков*(*а*), *Черноморскова*(*а*) во всей Евразии. Уральск в настоящее время и один из евразийских центров распространения фамилии *Донсков*(*а*). В доступном телефонном справочнике отмечены 67 абонентов с этой фамилией. В абсолютных числах это меньше, чем в Москве – 128 и в Волгограде – 83. По относительной частоте употребления (доля от числа абонентов) этой фамилии Уральск с 0,104% опережает и Москву (0,004%), и Волгоград (0,035%). Атырау также занимает на евразийском пространстве первые или высокие места по абсолютной и (или) относительной частоте ряда фамилий с формантом *-сков*: *Адсков*(*а*) (4 абонента), *Десятсков*(*а*) (7), *Донсков*(*а*) (12), *Питерсков*(*а*) (6), *Сурсков*(*а*) (7).

Заключение

В заключение исследования фамилий уральских казаков (а также их потомков) с формантом *-сков* подчеркнём, что эта группа фамилий – одна из наиболее характерных, но не уникальная, поскольку

параллели к конкретным фамилиям можно найти за пределами территории бывшего Уральского казачьего войска. И эти параллели не являются только результатом миграций уральских казаков или их потомков. В разных регионах та или иная часть этих фамилий формировались независимо друг от друга. Тема фамилий уральских казаков с формантом *-сков* не может считаться исчерпанной. Необходимо уточнить время существования и локализацию на территории войска фамилий *Атаманских*, *Громсков*, *Градовсков*, *Терсков*, *Хатинскова*. Нуждаются в уточнении и этимологии некоторые рассмотренные в этой статье фамилии, например, *Серпутовский* / *Сербутовский*. Неясно, существует ли причинно-следственная связь между фамилиями *Медведков* и *Медведсков*, *Сурков* и *Сурсков*. Наконец, интерес представляет и анализ варьирования фамилий с формантом *-сков* под влиянием местных говоров уральских казаков.

Литература

Барашков В.Ф. По следам географических названий Ульяновской области. Ульяновск: Симбирская книга, 1994. 90 с. URL: http://ulrgo.ru/region/elibrary/books/Barashkov V.F. Po sledam geograficeskih nazvaniy Ulyanovskoy oblasti.pdf (дата обращения: 18.07.2017).

Барашков В.Ф., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н. Самарская топонимика. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 1996. 192 с. URL: http://www.twirpx.com/file/1036612/ (дата обращения: 15.07.2017).

Белоруков Д.Ф. Деревни, сёла и города Костромского края: материалы для истории. Кострома: «Эврика-М», 2000. 536 с. URL: http://kostromka.ru/belorukov/derevni/parfen/338.php (дата обращения: 15.07.2017).

Географическое описание обитаемой земли Войском Донским // Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российские касающихся, изданная Николаем Новиковым. 2-е изд. М., 1788–1791. С. 241–446.

Гузеев В., *Луковкин А.* Деревня Араны Арсеньевского района Тульской области. URL: https://www.pryaniki.org/view/article/7589/ (дата обращения: 19.07.2017).

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955.

Елахова ВИ., *Трифонова З.А.* Сурский Майдан // Чувашская энциклопедия. URL: http://enc.cap.ru/?t=world&lnk=226 (дата обращения: 16.07.2017).

Епанчин А.А. Топонимика Мурома и его окрестностей. Муром: Дизайн-центр «РеКоМ», 2000. 90 с. URL: http://samlib.ru/editors/d/domnina_e_a/toponimikamuroma.shtml (дата обращения: 14.07.2017).

Земля Калачевская / Автор-составитель П.Н. Харитоненко. Волгоград: Комитет по печати и информации, 1998. 352 с. URL: https://yadi.sk/i/9OsMuGrUvsW8T (дата обращения: 22.07.2017).

Злобин Ю.П., *Поляков А.Н.* История Оренбургского региона. Ч. 1. С древнейших времен до 1921 года. Оренбург: ОГУ, 2006. 290 с.

Иконников А.Н. История сельских Советов Уржумского района. Ч. 2. Сельсоветы Буйского района в границах Уржумского района. Уржум, 2011. 521 с. URL: http://buiskoe.ucoz.ru/publ/istorija_selsovetov_urzhumskogo_rajona/adovskij_i_rubljovskij_selskie_sovety/36-1-0-339 (дата обращения: 20.07.2017).

Калинин С.Е. Черноморское казачье войско в эпоху Наполеоновских войн 1805–1815 гг. URL: http://www.museum.ru/1812/Army/Kalinin3/index.html (дата обращения: 19.07.2017).

Карпов А.Б. Уральцы [Текст]: Ч. 1. Яицкое войско от образования войска до переписи полковника Захарова (1550–1725 гг.): Исторический очерк. Уральск: Войсковая типография, 1911а. 904 с.

Карпов А.Б. Уральцы. Исторический очерк. [Приложения к книге]. Уральск: Войсковая типография, 1911б. 95 с.

Козинец С.Б. Топонимический словарь Саратовской области: справочное издание. Саратов: Саратовский источник, 2013. 206 с.

Королёв В.Н. Донские казачьи городки. 2-е изд. Ростов на-Дону: «Дончак», 2011. 239 с.

Королёва И.А. Фамилии Смоленского края сегодня: Материалы для словаря. Смоленск: Смоленский гос. пед. ун-т, 2003. 151 с.

Малеча Н.М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков: В 4 т. Оренбург: Оренбургское книжное изд-во, 2002–2003.

Малеча Н.М. Уральские казаки и их диалект // Учён. зап. Уральского пед. ин-та им. А.С. Пушкина. Т. III. Вып. II. Уральск, 1955. 58 с.

Малеча Н.М. Фонетический строй территориального диалекта уральских казаков: Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Уральск, 1954. 17 с.

Назаров А.И. Очерки по истории фамилий уральских (яицких) казаков. Алматы: Комплекс, 2003. 180 с. URL: http://www.cossackdom.com/book/nazarov_uralkazak.pdf (дата обращения: 27.07.2017).

Никонов В.А. География фамилий. М.: Наука, 1988. 192 с.

Полубояров М.С. Весь Пензенский край: историко-топографическое описание Пензенской области. М.: «Сам полиграфист», 2016. 813 с.

Поляков А.Н. Кинделинский форпост Илецкого казачьего войска в XVIII–XIX вв. // Вест. Оренбургского гос. ун-та, 1999. № 3. С. 14–18.

Поспелов Е.М. Географические названия Московской области: Топонимический словарь: более 3500 единиц. М.: АСТ: Астрель, 2008. 601 с.

Свод письменных источников по истории Рязанского края XIV–XVII вв. Т. 3. Рязань: Александрия, 2005. 692 с.

Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М.: Прогресс, 1989. 443 с.

Фамилии Тамбовской области: словарь-справочник (электронное издание / Авторы-составители: Л.И. Дмитриева, А.С. Щербак. 2004. Рег. свид-во № 5090 от 11.11.2004 г., № 0320401460.

Хисамитдинова Ф.Г. Названия башкирских населённых пунктов XVI–XIX веков. 2-е изд. Уфа: Информреклама, 2005. 280 с.

Шишкин В.М., *Трифонова М.М.* Новиковка // Чувашская энциклопедия. URL: http://enc.cap.ru/?t=world&lnk=1352 (дата обращения: 17.07.2017).

Щетинин Л.М. Фамилии донских казаков // Русская ономастика и ономастика России: Словарь / Под ред. О.Н. Трубачёва. М.: Школа-Пресс, 1994. С. 253–260.

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 10А (20): Десмургия – Домициан. СПб., 1893. URL: http://www.runivers.ru/lib/book3182/10151/ (дата обращения: 14.07.2017).

УДК 81.373.231, 81.373.2, 27-23

Особенности репрезентации библейских антропонимов в современных ономастиконах России и США

© 2018 г. А.С. Коваленко

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
anytak151@mail.ru

The peculiarities of presenting the biblical proper names in modern anthroponymy of Russia and the USA

A.S. Kovalenko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
anytak151@mail.ru

The aim of the investigation is the comparative analysis of biblical proper names as they are used in Russia and the USA today. The author comes to the conclusion that this kind of names is still actual in both countries. The classification of the names shows that their main layer is of Hebrew Jewish origin. The increase or decrease of their popularity depends on many extralinguistic factors, including the religion, but the religious factor is not the main one, if the process of nomination is meant.

Keywords: ***extralinguistic factors, personal names, popularity, Russia, the Old Testament, the USA.***

Статья посвящена изучению личных имён, представленных в Ветхом Завете, специфике их употребления в современных антропонимических системах России и США. Автор на основании сравнительного анализа российских и американских личных имён библейского происхождения сделал вывод об их продолжающемся функционировании в обеих системах. Классификация имён показывает, что их основной пласт имеет древнееврейское происхождение и что они весьма популярны в России и США. Увеличение или уменьшение популярности имён зависит от многих экстралингвистических факторов, включая фамилию, однако религиозный фактор не является решающим в вопросе имянаречения.

Ключевые слова: ***Ветхий Завет, личные имена, популярность, Россия, США, экстралингвистические факторы.***

Библейское имя – это разновидность имени собственного, т.е. антропоним, встречающийся в Библии, собрании текстов – священных в иудаизме и христианстве (Demsky, 2016). Всего в Библии содержится около 3000 личных имён, большинство из которых имеет древнееврейское происхождение.

В ходе истории развития человечества многие библейские имена прочно укрепились в именниках ряда стран. В настоящее время библейские имена наиболее распространены в еврейских семьях. А.В. Суперанская пишет про библейские имена: «Библейские имена очень

традиционны по составу. Они содержатся в Библии и продолжают употребляться в еврейских семьях, где до сих пор принято называть новорождённого именем ближайшего недавно умершего родственника. Другая традиция исключает возможность наречения ребёнка именем живого родственника и даже женитьбу на девушке, чьё имя совпадает с именем матери жениха. Всё это способствует сохранению в полном объёме древнейших имён и не позволяет отдельным именам достигать слишком высокой популярности» (Суперанская, 2007, с. 16).

Ни в российской, ни в американской культуре нет подобной традиции поддержания популярности библейских имён, однако они настолько прочно вошли в нашу повседневную жизнь, что большинство из них перестало ассоциироваться у людей с Библией, и элемент религии стёрся. Поэтому антропонимы библейского происхождения уже долгое время занимают лидирующие позиции в рейтингах самых популярных имён. Именно этим определяется актуальность данной работы. Объектом нашего исследования стали имена, упомянутые в Ветхом и Новом Завете, собранные Гербертом Локвайром в словарях «All the Men of the Bible» и «All the Women of the Bible», а также их русские эквиваленты. Предметом анализа служат особенности репрезентации и функционирования библейских имён в современных именниках России и США. Цель данной работы – изучение особенностей репрезентации библейских имён в современном мире, а также определение популярности данных антропонимов. Теоретической базой для написания работы послужили труды отечественных учёных (Бондалетов, 1983; Скрозникова, 1989; Суперанская, 2007 и др.), а также исследования зарубежных учёных в области ономастики (Lieberson, 2000; Demsky, 2016 и др.).

В качестве практического материала были использованы антропонимы библейского происхождения из словарей Герберта Локвайра (Lockyer, 1983, 1988), а также статистические данные за 2015 г., находящиеся в открытом доступе на сайте Службы социального страхования США (Social Security Administration), Управления Записей актов гражданского состояния города Москвы, а также Государственного комитета по делам Записей актов гражданского состояния Приморского края.

Историческое развитие библейских имён в России

Библейские имена пришли на Русь с принятием христианства в 988 г. Однако переход от языческой религии к христианской проходил очень медленно. На Руси сложилась сложная ситуация, получившая на-

звание «двоеверие». У славянских народов долго сохранялись обряды веры в языческих богов и одновременно укоренялись православные таинства и религиозные праздники.

Новое имятворчество началось у нас сразу же после Октябрьской революции 1917 г. Декрет Советской власти об отделении Церкви от государства (1918 г.) уничтожил обязательность церковного крещения, и родители получили право называть своего ребёнка любым именем, не следуя церковным канонам. «Дехристианизация русской личной антропонимии» (Бондалетов, 1983, с. 128) возродила интерес людей к древнерусским дохристианским именам, что породило огромную волну имятворчества и бум на иностранные имена. Однако несмотря на активные попытки советской власти изменить ценности людей, искоренить религию из жизни советского народа путём антирелигиозной пропаганды, террора и репрессий, многие люди всё равно продолжали считать себя верующими. Институт Церкви сломить не получилось, а канонические имена (в том числе библейские) продолжили существовать.

В современной России наблюдается общая тенденция роста числа верующих примерно с 2008 г., одной из причин которой социологи считают экономический кризис (Синелина, 2013; Фурман, Каариайнен, 2000). Вместе с ростом религиозности растёт и число библейских имён.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что введение христианства на Руси стало одним из важнейших событий в истории нашей страны, предопределивших дальнейшее историческое развитие. С новой религией на Русь пришли и новые имена. Несмотря на изменение отношения людей к каноническим именам, частью которых являются и библейские, в разные периоды времени эти имена прочно вошли в ономастикон России и продолжают в настоящее время функционировать в качестве антропонимов.

Историческое развитие библейских имён в США

Американские имена собственные берут своё начало от латинских, германских, древнееврейских, славянских и кельтских источников. Пуритане сыграли значительную роль в распространении библейских имён. Они подвергались репрессиям в годы правления королей Якова I и Карла I, и многие были вынуждены переселиться из Англии в Континентальную Европу. Именно с их поселения в штате Массачусетс в 1620 г. фактически началось английское заселение Северной Америки (Макинерни, 2009; Ефимов, 2013). Благодаря пуританам в моду вошли имена из Ветхого и Нового Заветов:

Samuel (*Самуил*), *Abraham* (*Авраам*), *Sarah* (*Сара*), *Benjamin* (*Вениамин*) и др. Некоторые люди начали изобретать имена: *Charity* (благотворительность), *Chastity* (непорочность), *Sorry-for-Sin* (Сожалею-О-Грехе), *Faith-My-Joy* (Вера-Моя-Радостъ), *Stand-Fast-on-High* (Вознесисъ-Поскорее), *Fight-the-Good-Fight-of-Faith* (Борисъ-За-Добро-Борисъ-За-Веру).

Большинство таких имён довольно скоро вышло из употребления (Комова, 2012). Англичане и американцы вернулись к традиционному именослову, время от времени заимствуя личные имена из других языков. Однако многие библейские имена всё же успели укрепиться в американском именнике.

Классификация библейских имён

На основе материала, собранного Гербертом Локвайром в словарях "All the Men of the Bible" и "All the Women of the Bible" (Lockyer, 1983, 1988), методом сплошной выборки мы выделили самые интересные примеры антропонимов библейского происхождения (121 личное имя). Эти имена были проанализированы и классифицированы с целью рассмотрения их особенностей.

Классификация № 1: по происхождению. В основу данной классификации был положен критерий происхождения библейских антропонимов. Классификация отражает полученные результаты: большинство библейских имён собственных имеет древнееврейское происхождение. Из 121 антропонима 98 были заимствованы из иврита, что составило 81%. Вот некоторые из этих имен: *Aaron* (*Аарон*), *David* (*Давид*), *Isaac* (*Исаак*), *Rachel* (*Рахиль*) и др. Из латыни заимствованы *Claudia* (*Клавдия*), *Claudius* (*Клавдий*), *Cornelius* (*Корнилий*), *Mark* (*Марк*), *Paul* (*Павел*), *Titus* (*Тит*). Два имени (1,6%) имеют арамейское происхождение: *Bar abb as*. 16 имён (13,2%) из тех, которые мы выбрали для классификации, имеют греческое происхождение: *Baltasar* (*Валтасар*), *Barnabas* (*Варнава*), *Bartholomew* (*Варфоломей*), *Jason* (*Иасон*), *Herod* (*Ирод*), *Andrew* (*Андрей*), *Aristarchus* (*Аристарх*), *Archippus* (*Архипп*), *Artemas* (*Артема*), *Luke* (*Лука*), *Peter* (*Петр*), *Nicolas* (*Николай*), *Phebe* (*Фива*), *Philip* (*Филипп*), *Thomas* (*Фома*), *Timothy* (*Тимофей*).

Ещё меньшее количество имён (всего шесть, что составляет примерно 5%) пришло в текст из Священного Писания: (*Варавва*), *Martha* (*Марфа*). Данная классификация показывает источники для формирования состава библейских имён, а также подтверждает идею о том, что

большинство имён, встречающихся в Библии и изученных нами, было заимствовано из иврита.

Классификация № 2: по мотивировке. Данную классификацию мы разработали с целью изучения мотивировки библейских личных имён, так как значение имён собственных непосредственно связано с ценностями людей. Огромное количество библейских имён имеют в своём значении компонент ***Бог / правитель***: *Abda* (*Авда*) – 'слуга Божий'; *Archippus* (*Архипп*) – 'властвующий над лошадьми, управляющий лошадьми'; *Aristarchus* (*Аристарх*) – 'наилучший правитель'; *Jeremiah* (*Иеремия*) – 'Яхве вознёс'; *Raphael* (*Рафаил*) – 'Бог исцелил'; *Timothy* (*Тимофей*) – 'почитать Бога' и др.

Смысловые доминанты, включённые в эти имена собственные, позволяют нам понять библейское отношение к Богу: Он всемогущ и всепрощающ, Он мудр и совершенен. Многие из проанализированных нами антропонимов обозначают какое-либо ***явление природы или животное*** (второй выделенный нами компонент): *Вагас / Вагак* (*Варак*) – 'молния'; *Caleb* (*Халев*) – 'собака, пёс'; *Cornelius* (*Корнилий*) – 'рог'; *Rachel* (*Рахиль*) – 'овца, ягнёнок'; *Zara* (*Зара*) – 'восход, заря' и др.

В этой части классификации мы отмечаем наличие компонентов живой природы и природных явлений, относящихся к неживой природе. Третий компонент, нашедший своё отражение в значениях некоторых библейских имён, – ***семья***: *Abigail* (*Авигея*) – 'радость отца'; *Abraham* (*Авраам*) – 'отец множества племён'; *Dinah* (*Дина*) – 'суженая'; *Ruth* (*Руфь*) – 'друг, подруга' и др. Как мы видим, в семантике данных антропонимов, основной упор делается на ядро семьи, отца или сына, гораздо реже в основе значений личных имён встречается компонент ***дочь***.

Таким образом, можно сделать вывод о некоторых библейских ценностях. Главное место в жизни религиозного человека занимал Бог, однако семья и окружающий мир были не менее важны для него. Благодаря мотивировке имён, их символическому значению Библия транслировала людям основные векторы поведения, а также представление о том, что и кого необходимо ценить, уважать, почитать.

Особенности современного функционирования библейских имён

Насколько популярны библейские имена сегодня? Влияет ли фактор религиозности на выбор имени? Мы проанализировали статистические данные по России, взятые из открытой статистики ЗАГСов Москвы и Владивостока. Выбор городов происходил по уровню

религиозности населения. 70% москвичей на вопрос «Верите ли Вы в Бога?» ответили «да» (исследовательская служба «Среда»). Этим определяется выбор г. Москвы. По данным ФОМ на июнь 2013 г. 25% россиян не считают себя верующими людьми. Согласно данным всероссийских опросов, больше всего атеистов в Приморском крае (35%), Алтайском крае (27%), Якутии (26%), Новосибирской (25%) и Амурской областях (24%). Этим определяется выбор г. Владивостока.

Управление ЗАГС г. Москвы опубликовало статистику самых популярных имён девочек и мальчиков за 2015 г. В тридцать самых популярных имён вошли пять имён библейского происхождения: *Мария* (2-е место), *Анна* (3-е место), *Елизавета* (6-е место), *Вероника* (15-е место) и *Ева* (19-е место). Эти имена составляют почти 17 (16,7)% от общего числа имён.

Имён библейского происхождения оказалось в два раза больше среди популярных имён мальчиков за 2015 г. Четвёртую, пятую, шестую и девятую позиции соответственно заняли *Михаил, Даниил, Иван и Андрей.* На 11-й строчке в рейтинге оказался *Илья*; *Тимофей* занял 12-е место. Также в рейтинг попали такие имена, как *Матвей* (14-е место), *Николай* (27-е место) и *Павел* (30-е место). Таким образом, библейские имена составили 33,3% от самых популярных имён мальчиков, родившихся в 2015 г.

Самые популярные имена для новорождённых 2015 г. назвали в отделах ЗАГС Владивостока. Лидером среди имён для девочек во Владивостоке стало имя *София.* Не менее популярным оказалось имя *Алиса.* Далее следуют *Виктория, Анастасия* и *Мария.* Как мы видим, в топе имён только имя *Мария* является библейским и занимает пятую строчку, в отличие от московского рейтинга.

Что касается имён мальчиков, то родители в 2015 г. отдали предпочтение именам *Артём* и *Михаил.* В топ пяти мужских имён также попали *Дмитрий, Александр, Максим.* Как сообщили в отделе ЗАГС по Фрунзенскому району администрации Владивостока, также пользуются спросом имена из так называемого «стандартного набора на все времена»: *Ани, Саши, Кати, Лёши.* Как мы видим, во Владивостоке действительно среди самых популярных имён меньше имён библейского происхождения. Однако даже здесь можно обнаружить эту категорию имён среди первой пятёрки, что свидетельствует об их большой популярности.

Мы проанализировали также статистические данные, опубликованные на сайте Службы социального страхования США. Были

рассмотрены данные по двум штатам: Массачусетс (один из самых религиозных штатов) и Орегон. Хотя большинство людей в штате Орегон считают себя христианами, там наблюдается самая низкая посещаемость церквей по стране. Например, в Массачусетсе около 80% населения посещают церкви, в то время как в Орегоне их число составляет всего 12%. Почти каждый четвёртый житель штата считает себя неверующим.

Из 100 самых популярных мужских имён за 2015 г. в штате Массачусетс 37 являются библейскими, что составляет 37%. Шесть подобных имён входят в первую десятку самых популярных имён: *Benjamin, Noah, James, Jacob, Lucas, Michael.* В статистике по штату Орегон мы насчитали 34 библейских имени из 100 (34%). В первую десятку вошли имена *James, Noah, Elijah.*

В списке популярных женских имён в штате Массачусетс в 2015 г. всего 13 библейских имён (13%), три из которых (*Isabella, Ava, Abigail*) попали в первую десятку. В штате Орегон таких имён было обнаружено 11 (11%), два из них (*Ava* и *Abigail*) заняли соответственно 4-е и 7-е места (таблица).

С учётом достаточно низких показателей религиозности людей в этом регионе такой маленький процентный разрыв между данными весьма интересен. Столь высокая популярность библейских имён в англоязычных странах, в частности в США, может быть объяснена следующим образом: «С одной стороны, они отражают англо-саксонскую основу их культуры и свидетельствуют о приверженности большей части населения к сложившейся христианской религии. С другой стороны, с течением времени эти имена утратили своё исходное содержание, и в современном употреблении оно переосмыслено и ассоциативно наполняется новым содержанием» (Комова, Гарагуля, 2012, с. 112; Комова, 2016).

Действительно, большое число имён библейского происхождения сегодня перестало ассоциироваться с героями Священного Писания. Например, *Бенджамин* в настоящее время часто ассоциируется с Бенджамином Франклином; *Ребекка* – с одноимённым романом Дафны Дюморье или «Ярмаркой Тщеславия» Уильяма Теккерея, а *Пётр* – с Петром I.

С. Либерсон (Lieberson, 2000) изучает социальный аспект имянаречения, вопросы моды на имена, а также причины и мотивы, влияющие на выбор личного имени. Он выделяет три фактора, связанные с изменением моды на антропонимы: внешнее влияние (социально и культурно значимые персонажи); внутреннее влияние (смена источников

Таблица. Статистика самых популярных имён мальчиков и девочек в 2015 г. в штатах Массачусетс и Орегон

Massachusetts		Oregon	
Male name	Female name	Male name	Female name
Benjamin	Olivia	Liam	Emma
William	Emma	Henry	Olivia
Noah	Sophia	Oliver	Sophia
Mason	Isabella	James	Abigail
James	Charlotte	Noah	Charlotte
Liam	Ava	Mason	Evelyn
Jacob	Emily	Wyatt	Ava
Lucas	Mia	Elijah	Mia
Michael	Abigail	Alexander	Amelia
Jack	Grace	William	Harper
Logan	Amelia	Benjamin	Isabella
Ryan	Avery	Jackson	Emily
Ethan	Madison	Logan	Avery
John	Ella	Lucas	Elizabeth
Owen	Evelyn	Owen	Hazel
Joseph	Hannah	Ethan	Sofia
Daniel	Nora	Jacob	Penelope
Andrew	Sofia	Gabriel	Grace
Alexander	Elizabeth	Isaac	Madison
Matthew	Victoria	David	Hannah
Jackson	Maya	Daniel	Ella
Samuel	Chloe	Samuel	Brooklyn
Henry	Harper	Hunter	Paisley

популярных имён); уникальные исторические условия определённого времени (например, феминизм или сепаратистское движение).

Принимая во внимание полученную статистику по России и США, мы можем согласиться с С. Либерсоном, а также с рядом других зарубежных учёных в области ономастики (M. Bertrand, C.K. Evans, R.G. Fryer, S.D. Levitt, L. Wattenberg), разделяющих его точку зрения о влиянии различных экстралингвистических факторов на рост или снижение популярности имён собственных в тот или иной период.

Таким образом, в настоящее время роль религии в процессе имянаречения не является приоритетной, так как на выбор того или иного имени для ребёнка оказывает влияние весь комплекс факторов, являющихся неотъемлемой частью культуры современного социума.

В результате проведённого ономастического исследования было подтверждено, что библейские имена прочно вошли в ономастиконы России и США и продолжают функционировать в качестве антропонимов в настоящее время. Результаты, полученные нами при классификации

библейских имён, показывают, что основной пласт данного типа антропонимов имеет древнееврейское происхождение. Все библейские имена мотивированы. Анализируя полученные результаты, мы можем сделать вывод о том, какие ценности транслирует Библия: любовь к Богу, почитание отца, уважительное отношение к природе. На рост и снижение популярности имён собственных влияет множество экстралингвистических факторов, в число которых входит и религия, однако фактор религиозности не является определяющим в вопросе имянаречения.

Литература

Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. 224 с.

Ефимов А.В. Очерки истории США: От открытия Америки до Гражданской войны (1492–1870 гг.). 2-е изд. М.: Учпедгиз, 1958. 439 с.

Комова Т.А. Введение в сопоставительную лингвокультурологию: Великобритания – Россия. 4-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2016. 124 с.

Комова Т.А., *Гарагуля С.И.* Имя личное в англоязычном культурно-историческом пространстве. М.: URSS, 2012. 160 с.

Макинерни Д. США. История страны. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2009. 736 с.

Синелина Ю.Ю. Религиозность в современной России // Отечественные записки. 2013. № 1 (52). URL: http://www.strana-oz.ru/2013/1/religioznost-v-sovremennoy-rossii.

Скрозникова В.А. Американцы // Системы личных имён у народов мира. М.: Наука, 1989. С. 27–36.

Суперанская А.В. Имя – через века и страны. М.: ЛКИ, 2007. 192 с.

Фурман Д.Е., *Каариайнен К.* Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании постсоветской России. СПб.; М.: Летний сад, 2000. 248 с.

Demsky A. Biblical Names. London: Oxford University Press, 2016. 284 p.

Lieberson S. A matter of Taste: How Names, Fashions, and Culture Change. London: Yale University Press, 2000. 350 p.

Lockyer H. All the Men of the Bible. Zondervan Publishing Company, 1983. 384 p.

Lockyer H. All the Women of the Bible. Zondervan Publishing Company, 1988. 321 p.

Электронные ресурсы: fom.ru; http://primamedia.ru/; http://sreda.org/; https://www.ssa.gov/; https://zags.mos.ru

УДК 81.031.4:37.013.43

Образовательный потенциал использования художественной ономастики в научно-исследовательской деятельности учащихся

© 2018 г. Ю.Е. Сапогова, Д.А. Салимова

Елабужский институт Казанского федерального университета, Елабуга, Россия
julia.sapogova@mail.ru

The educational potential of proper names in belles-lettres for the research-work carried out by the pupils

Yu.E. Sapogova, D.A. Salimova

Elabuga Institute (branch) of Kazan (Volga Region) Federal University, Elabuga, Russia
julia.sapogova@mail.ru

The aim of the article is to show the role of proper names in widening the outlook of schoolchildren when they study literature. The proper names are very important because they keep and transfer the great historical and cultural information. The material used in this case is based on learning personal names taken from D.I. Stakheev's story "The hermit". This method assists the children in learning much that was new to them: about the history of their native country and peoples living there.

Keywords: ***culture, cultural and historical information, belles-lettres (fiction), proper names, traditional values.***

В статье рассмотрена проблема использования ономастики в практике школьного преподавания, поскольку специфика имён собственных заключается в сохранении и передаче огромной культурно-исторической информации. Авторы убеждены в том, что наиболее перспективно изучение местного ономастического материала. Такой подход способствует развитию личности подростка, его культуры, воспитывает уважение к представителям других национальностей и способствует приобщению к традиционным общечеловеческим ценностям. В статье проанализировано 35 антропонимов из повести Д.И. Стахеева «Пустынножитель». На фоне прецедентных имён выделены модели антропонимов, выбор которых зависит от социального положения персонажа, отношения к нему автора или другого персонажа.

Ключевые слова: ***антропонимика, культура, культурно-историческая информация, традиционные ценности, художественная литература.***

В данной статье мы попытаемся осветить один из аспектов учебно-воспитательной работы со школьниками: так называемое «обучение детей Словом», в нашем случае – текстом. Исследование имён собственных (онимов) имеет огромное значение вследствие специфики их сохранения

и передачи огромной историко-культурной информации. Поскольку главная функция имени собственного – служить своего рода указателем на определённый предмет, оним способен сохранять свою основную значимость при полном затемнении этимологического значения. Отсюда – накопительная функция онимов, их способность сохраняться при коренных изменениях в языке и даже при смене одного языка другим. В силу своей консервативности имена собственные позволяют в процессе ономастических исследований получить различную языковую и неязыковую информацию о языке – источнике того или иного имени (Васильева, 2009).

Имена собственные различных видов, как известно, составляют значительную часть лексического фонда любого языка, они окружают нас во всех сферах общественной жизни, что делает изучение соответствующих ономастиконов чрезвычайно важным для формирования лингвистической и культуроведческой компетенций школьников. Ономастика как раздел лексикологии не значится в школьной программе. Однако широкое распространение собственных имён, онимов в материалах многих предметов, таких, как литература, география, история и других естественных и гуманитарных наук, делает необходимым изучение фактов ономастики наравне с другими дисциплинами (Зинин URL: http://imja.name/poehtonimy/poehtonimy.shtml).

Имена собственные, часто употребляемые нами в повседневной речи, требуют осмысления, правильного написания, произношения и использования, что должно исследоваться в курсе ономастики. Ономастика связана со многими другими научными дисциплинами: историей, археологией, этнографией, литературоведением, географией, астрономией и т.д. Ономастический материал обладает междисциплинарной направленностью, что позволяет использовать его в преподавании различных предметов, однако мы рассмотрим его изучение в аспекте мероприятий по литературе (Фонякова, 1990; Рублева, 2005; Бахвалова, 2014; Романова, 2015).

Подчеркнём, что научная деятельность в школе является наиболее эффективным методом получения компетенций учащимися. Она развивает в детях исследовательские способности, умение мыслить критически; вносит разнообразие в учебный процесс и развивает у учащихся интерес к приобретению знаний. Исследование какой-либо проблемы позволяет ученику почувствовать себя настоящим учёным, совершившим какое-то новое для него открытие. Особенно это значимо, если исследовательский материал непосредственно связан с местом, где живёт школьник, или с именами, о которых он знает с детства (Жуковец, 2012; Пахнова, 2013).

Широкий материал для исследований даёт ономастика. Она позволяет выяснить ряд вопросов по истории языка и народа, повысить языковую культуру учащихся, воспитать бережное отношение к языку. Наиболее перспективно изучение регионального, местного ономастического материала, поскольку это способствует развитию личности подростка, его культуры, уважения к людям других национальностей и приобщению к традиционным общечеловеческим ценностям (отечество, семья, знания и др.). Использование материалов региональной ономастики позволяет вызвать интерес подростка к родной земле, родному языку, осознать своё единство с «малой родиной» (Сироткина, 2014; Кюршунова, 2016).

Изучение ономастики на уроках русского языка и литературы с использованием местного языкового материала важно не только с воспитательной, но и с образовательной стороны. У учащихся формируются следующие знания и умения: умение анализировать и оценивать речевые факты окружающих людей, способствовать повышению речевой культуры; умение связно выражать свои мысли на региональные темы в соответствии с нормами русского литературного языка; умение анализировать художественные тексты; знание речевого этикета.

Поскольку мы живём в г. Елабуга Республики Татарстан, есть возможность в ходе изучения произведений национальных писателей заняться исследованием творчества выдающегося русского писателя Дмитрия Ивановича Стахеева. Он родился в Елабуге 2 (14) февраля 1840 г. в семье богатого купца Ивана Ивановича Стахеева, известного своей благотворительной деятельностью и торговлей мануфактурными товарами. В 14 лет Д.И. Стахеев был отправлен отцом в Сибирь по торговым делам, откуда в 1863 г. он уехал на Амур, где занимался хлебопашеством. Позднее писатель переезжает в Санкт-Петербург, где его литературный талант окончательно раскрылся. В Петербурге Стахеев становится профессиональным писателем. Он написал такие популярные произведения, как «На закате» (1881), «Избранник сердца» (1884), «Студенты» (1888) и др. В 1891 г. выходят его избранные произведения, включавшие повести «Обновлённый храм», «Нищета» и «Пустынножитель».

В качестве примера научно-исследовательской работы, которая может быть проведена учащимися средней школы, мы взяли для анализа антропонимический корпус повести «Пустынножитель» (Стахеев, 2015). Эта повесть относится к периоду позднего творчества

писателя, она была написана в 1890 г. Это произведение, впервые опубликованное только в прошлом году Евгенией Третьяковой (из династии Стахеевых, г. Сочи), рассказывает о жизни петербургского книжника Николая Александровича Климентова. Прототипом главного героя стал известный философ, публицист и библиофил Николай Николаевич Страхов, близкий друг Д.И. Стахеева, с которым Дмитрий Иванович в течение восемнадцати лет проживал в одном доме в Санкт-Петербурге.

Методом сплошной выборки мы выявили около 35 антропонимов, которые мы разделили по их структуре на несколько моделей: *имя*; *имя + отчество*; *имя + фамилия*; *фамилия*; *имя + фамилия + отчество*; *отчество*. Выбор той или иной модели зависит от социального положения персонажа, отношения автора к именуемому или другого персонажа и от коммуникативной ситуации. Например, модель *имя* используется для именования второстепенных персонажей. Здесь играет роль социальный критерий, так как *имя* используется для наименования прислуги и преимущественно в речи слуг. Например, прачка в разговоре с сапожником Михайло:

– Смотрю я на тебя, Михайло, и дивлюсь. Как ты, я погляжу, плох, даже до ужасти (Стахеев, 2015, с. 48).

Половой из трактира:

– Очень просили, убедительно, сбегай, говорят, Елистрат, и ответ получи (Стахеев, 2015, с. 104).

Д.И. Стахеев в своём произведении с помощью лексико-семантических средств литературной ономастики чутко отразил социальный строй конца XIX в.: имена явно «не городские», подчёркивается деревенское, крестьянское происхождение прислуги: *Елистрат*, *Михайло*, *Прасковья*.

Модель *имя + отчество* в произведении наиболее популярна и составляет 1/3 от всей группы имён персонажей: Николай Александрович, Иона Матвеевич, Павел Кузьмич, Прасковья Трофимовна и т.д. Это связано со временем написания повести –1890 г. В XIX в. использование модели *имя + отчество* было распространено не только в официальной обстановке, как в наше время, но и широко применялось в неофициальных ситуациях, в быту. Автор использует данную модель в речи главного и некоторых второстепенных персонажей.

Интересной особенностью представляется использование данной модели главным героем: он называет по имени–отчеству не только

равных себе по социальному статусу дворян, но и прислугу, людей гораздо более низкого положения. Например, обращение Н.И. Климентова к своей домработнице:

– Прасковья Трофимовна! Что бы это такое могло быть? (Стахеев, 2015, с. 63).

Или в общении с переплётчиком книг:

– Будет. У вас, Карл Иванович, всё будет хорошо,– отвечал на такие сомнения Николай Александрович, – вы великий мастер своего дела… (Стахеев, 2015, с. 38).

Такая специфика показывает глубокую интеллигентность, учтивость, доброту главного героя, его уважение к людям независимо от их социального положения.

Особенность произведения заключается в большом количестве прецедентных имён – ссылок на исторических лиц, известных авторов и персонажей литературы (почти 50% от числа всех антропонимов). Это объясняется спецификой сюжета повести – описанием жизни библиофила, начитанного и культурного человека, погружённого в мир книг и часто ссылающегося на исторические и литературные источники (Супрун, 2000).

Главный герой повести часто цитирует всевозможные философские, религиозные и литературные труды. В качестве примера можно привести следующую реплику Николая Александровича: «*Однако же не со вчерашнего дня мыслящий человек спрашивает вместе с Экклезиастом: "Дух сынов человеческих восходит ли вверх и дух животных сходит ли вниз в землю – кто знает?*"» (Стахеев, 2015, с. 156).

Такое обилие интертекстуальных имён безусловно характеризует главного героя как образованного, высококультурного человека (Салимова, Пащенко, 2008; Салимова, Павлова, 2013). Но, кроме того, характеризует оно и личность самого Д.И. Стахеева. Оно показывает начитанность, филологическую подготовленность автора, его культуру. Многочисленные отсылки к религиозным трудам также говорят об искренней вере Д.И. Стахеева, а, следовательно, и главного героя Н.А. Климентова, в Бога. Это закономерно, поскольку Дмитрий Иванович был воспитан своим отцом в религиозности, регулярно с раннего детства посещал церковь и даже обучался местным дьяконом.

Проведение подобного анализа позволяет рассмотреть способы наименования персонажей, характерологическую роль имени собственного в произведении, зависимость того или иного способа наи-

менования от отношения самого автора либо другого персонажа к описываемому герою, стилистические особенности использования того или иного антропонима (Андреева, 1977; Силаева, 1977; Фомин, 2009; Салимова, Павлова, 2013). В результате проведённого анализа учащиеся узнают больше о личности самого писателя, его судьбе, различных фактах его биографии. Наконец, исследование художественного произведения писателя-земляка позволяет узнать об истории родного края, о быте и жизни людей в эпоху, описываемую писателем, выявить характерные особенности и отличия использования языковых средств в разные периоды времени.

Таким образом, обращение к ономастическому материалу при организации исследовательской работы учащихся средней школы на уроках литературы позволяет оживить учебный процесс, сделать его более ярким, запоминающимся, привить детям интерес к истории родного края, к русскому языку, способствовать развитию толерантного, уважительного отношения к культурам других народов и, наконец, воспитывать всесторонне развитую личность, осознающую себя частью народа (Водопьянова, 2006; Шоренкова, 2010).

Литература

Андреева Л.И. Семантика литературного антропонима // Русская ономастика. Рязань: Рязанский гос. пед ин-т, 1977. С. 157–160.

Бахвалова Т.В. Текст художественного произведения как источник изучения антропонимической системы в один из периодов её развития // Ономастика Поволжья. Материалы XIV Междунар. науч. конф. Тверь, 10–12 сентября 2014 г. Тверь: Изд-во Марины Батасовой: Альфа-Пресс, 2014. С. 286–290.

Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста. 2-е изд. М.: URSS, 2009. 224 с.

Водопьянова Ю.А. Устный лингвистический журнал «Что в имени тебе моём?..» // Русский язык в школе. 2006. № 1. С. 38–43.

Жуковец Л.М. Из опыта работы по формированию исследовательской компетенции учащихся // Русский язык в школе. 2012. № 7. С. 40–43.

Зинин С.И. Введение в поэтическую ономастику. Интернет-ресурс: URL: http://imja.name/poehtonimy/poehtonimy.shtml.

Кюршунова И.А. Этапы исследования региональных ономастиконов в вузовской практике // Русский язык в школе. 2016. № 11. С. 65–69.

Пахнова Т.М. Исследовательская деятельность учащихся как средство воспитания языковой личности (VIII–XI классы) // Русский язык в школе. 2013. № 12. С. 3–6.

Романова Т.Н. Использование ономастического материала в школьной практике // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 24. URL: http://e-koncept.ru/2015/95280.htm.

Рублева О.Л. Ономастика в школе. Учебное пособие. Владивосток: Изд-во ПИППКРО, 2005. 151 с.

Салимова Д.А., *Павлова В.Г.* Поэтонимы как интертекстуальные элементы в текстовом поле Николая Алешкова // Современные исследования социальных проблем. 2013. № 1. http://journal-s.org/index.php/sisp/issue/view/8.

Салимова Д.А., *Пащенко Г.Р.* Антропонимия романов Д.И. Стахеева. Елабуга: Изд-во Елабужского гос. пед. ун-та, 2008. 112 с.

Силаева Г.А. О содержании понятия «литературный антропоним» // Русская ономастика. Рязань: Рязанский гос. пед. ин-т, 1977. С. 152–156.

Сироткина Т.А. Региональный ономастикон и художественная ономастическая среда // Ономастика Поволжья: Материалы XIV Междунар. науч. конф. Тверь, 10–12 сентября 2014 г. Тверь: Изд-во Марины Батасовой: Альфа-Пресс, 2014. С. 319–323.

Стахеев Д.И. Пустынножитель / Избранные произведения. Краснодар: Экоинвест, 2015. 284 с.

Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград: Перемена, 2000. 171 с.

Фомин А.А. Всегда ли *литературная ономастика* тождественна *поэтической ономастике*? // Вопросы ономастики. 2009. № 7. С. 57–67.

Фонякова О.И. Имя собственное в художественном тексте. Л.: ЛГУ, 1990. 104 с.

Шоренкова И.В. «Что в имени тебе моём?» (Урок-телепередача в VIII классе) // Русский язык в школе. 2010. № 7. С. 42–45.

V. ЛИТЕРАТУРА ПО ТОПОНИМИКЕ (2009–2018)

УДК 01, 801.311

Литература по топонимике (2009–2018)

© 2018 г. А.В. Барандеев, Р.А. Агеева

Топонимическая комиссия МГО РГО,
Москва, Россия
abarandeev@mail.ru

Reference list on place-names (2009–2018)

A.V. Barandeev, R.A. Ageeva

Place-names Committee of Moscow branch of the Russian Geographical Society,
Moscow, Russia
abarandeev@mail.ru

Статьи

Абкадыров Р.Р. Крымская топонимия в системе туристско-рекреационных ресурсов Крыма // Учён. зап. Крымского инженерно-педагогического ин-та. Вып. 47. Экономические науки. Симферополь, 2014.

Агапкина Т.А., *Березович Е.Л.*, *Сурикова О.Д.* Топонимия заговоров Русского Севера. I: моря и реки // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 1.

Агеева Р.А. Топонимические работы В.Н. Топорова. I // Балто-славянские исследования. Т. 18. М., 2009.

Агеева Р.А. О статусе этнонимов в языке: Заметки на полях // Актуальные проблемы гуманитарных исследований: Материалы науч. сессии, посвящ. 60-летию Л.В. Шулуновой. Улан-Удэ, 2011.

Агеева Р.А. Топонимические работы В.Н. Топорова II. // Балто-славянские исследования. Т. 19. М.; СПб., 2014.

Агеева Р.А., *Соколова Т.П.* О московских эргонимах // Экология языка и речи: Материалы Междунар. науч. конф. Тамбов, 17–18 ноября 2011 г. Тамбов, 2012.

Агеева Р.А. «Смоленский этнографический сборник» В.Н. Добровольского как источник исследования топонимии в фольклоре // Язык и прошлое народа: сб. науч. статей памяти проф. А.К. Матвеева. Екатеринбург, 2012.

Алпатов В.В. Признак ‘предназначение‘ в церковных названиях полей средневековой Англии // Вопросы ономастики. 2009. № 7.

Алпатов В.В. Английские метафорические топонимы с христианскими ассоциациями // Вопросы ономастики. 2010. № 2 (9).

Алпатов В.В. Топонимические исследования в Великобритании (XX–XXI вв.): история, основные направления развития // Вопросы ономастики. 2013. № 1 (14).

Алпатов В.В. Топонимия с библейскими ассоциациями в Англии и других странах Западной Европы: хронология и мотивация // Вопросы ономастики. 2015. № 1 (18).

Андрейчева В.Ф. Троицкое поле // Топонимический альманах. 2016. № 1 (3).

Андрейчева В.Ф. Куракина дача сквозь века // Топонимический альманах. 2017. № 1 (5).

Афанасьев О.Е. Топонимическая стратиграфия в изучении истории регионального природопользования // Материалы чтений, посвящ. 95-летию со дня рождения докт. геогр. наук, проф. В.А. Жучкевича. Минск, 2011.

Афанасьев О.Е., *Троценко А.В.* Категория «легенда» в региональном топонимическом пространстве (на примере Днепропетровской области Украины) // Псковский регионологический журнал. 2014. № 17.

Ахметова М.В. Заметки о неофициальной русской урбонимии // Вопросы ономастики. 2010. № 2 (9). [Ошибочное терминообразование – должно быть *урбанонимии*. См.: Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988. С. 140. – *Прим. отв. ред.*].

Ахметова М.В. Из материалов к «Словарю неофициальных топонимов» // Вопросы ономастики. 2011. № 1 (10).

Ахметова М.В. Прецедентные онимы в неофициальной топонимии // Вопросы ономастики. 2013. № 1 (14).

Ахметова М.В. Ещё раз о суффиксе *-чане* (история одной полемики) // Русский язык в научном освещении. 2013. № 2 (26).

Ахметова М.В. *-Овцы* vs. *-чаны*: языковая игра в полемике о названиях жителей Тамбова // Антропологический форум. 2015. № 24.

Ахметова М.В. «Альтернативные» оттопонимические дериваты: *тартуанцы* и *тартуанский* // Genius Loci: сб. статей в честь 75-летия С.Ю. Неклюдова. М., 2016. [Ошибочное терминообразование – должно быть *оттопонимные*. См.: Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988. С. 102. – *Прим. отв. ред.*].

Ахметова М.В. «Маргинальные» катойконимы: от окказионального к систематическому // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 1

Бабаева Л.И., *Лобачёва А.С.*, *Сигалова С.Г.* Ломоносов. Имя русского гения в топонимии Невского района Санкт-Петербурга // Новый топонимический журнал. 2012. № 1 (38).

Бабурин А.В. Улицы г. Москвы, названия которых связаны с именами и географическими объектами Рязанской области // Вест. Рязанской Топонимической комиссии. Вып. 1. Рязань, 2012 (на правах рукописи).

Бабурин А.В. Топоним «Рязань» на карте России // Вест. Рязанской Топонимической комиссии. Вып. 2. Рязань, 2012 (на правах рукописи).

Бабурин А.В. Посёлок Борки: топонимия, гидронимия // Вестник Рязанской Топонимической комиссии. Вып. 4. Рязань, 2012 (на правах рукописи).

Бабурин А.В. Любопытные названия улиц ряда городов России // Вест. Рязанской Топонимической комиссии. Вып. 6. Рязань, 2012 (на правах рукописи).

Бабурин А.В. Забавные названия Рязанской области // Вест. Рязанской Топонимической комиссии. Вып. 7. Рязань, 2012 (на правах рукописи).

Балашов Е.А. Топонимический волюнтаризм вчера и сегодня // Новый Топонимический журнал. 2009. № 2.

Барандеев А.В. Гуси-лебеди на карте России // Русский язык в школе. 2009. № 2.

Барандеев А.В. Ещё раз про Тамбов // Русский язык в школе. 2010. № 5.

Барандеев А.В. Нужно ли переименовывать географические объекты? // Русский язык в школе. 2010. № 6.

Барандеев А.В. Капустин Яр // Русский язык в школе. 2010. № 8.

Барандеев А.В. Пропойск и *Славгород* // Русский язык в школе. 2010. № 12.

Барандеев А.В. Лингвистическая и картографическая атрибуция топонимов *Московия* и *Тартария* // Вопросы ономастики. 2011. № 1 (10).

Барандеев А.В. Почему роща *Марьина*? // Русский язык в школе. 2011. № 3.

Барандеев А.В. От *Царицына* до *Волгограда* // Русский язык в школе. 2011. № 6.

Барандеев А.В. Ахтубинск и *Актюбинск* // Русский язык в школе. 2011. № 7.

Барандеев А.В. Таруса // Русский язык в школе. 2011. № 10.

Барандеев А.В. Бутырки // Русский язык в школе. 2011. № 12.

Барандеев А.В. Лихоборы – лихие боры? // Русский язык в школе. 2013. № 2.

Барандеев А.В. Долгие топонимы // Русский язык в школе. 2013. № 8.

Барандеев А.В. Народная этимология в русской топонимии // Русский язык в школе. 2014. № 5.

Барандеев А.В. Народная этимология в топонимии Подмосковья // Русский язык в школе. 2014. № 6.

Барандеев А.В. Крымские топонимы в Москве // Русский язык в школе. 2015. № 4.

Барандеев А.В. Культура топонимического исследования и лженаучная этимология // Русский язык в школе. 2015. № 6.

Барандеев А.В. Серебряные топонимы // Русский язык в школе. 2016. № 11.

Белакова М. Этническое прошлое Западной Словакии по данным гидронимии // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13. № 1.

Беленов Н.В. Характерные особенности волжско-булгарской топонимии // Philology. 2016. № 2 (2).

Березович Е.Л. «Перед нами – дороги новые…»: размышления о работе Топонимической экспедиции Уральского университета в первое десятилетие XXI в. // Вопросы ономастики. 2011. № 2 (11).

Березович Е.Л. О современных задачах семантико-мотивационной реконструкции народной топонимии // Вопросы языкознания. 2014. № 2.

Березович Е.Л., *Кучко В.С.*, *Сурикова О.Д.* Топонимическое предание и исторический факт (на материале преданий о разбойниках восточного Вологодско-Костромского пограничья) // Вопросы ономастики. 2015. № 1 (18).

Борисова Е.О., *Кривощапова Ю.А.*, *Кучко В.С.*, *Синица Н.А.* Из материалов к Словарю русских оттопонимических дериватов // Вопросы ономастики. 2013. № 2 (15). [Ошибочное терминообразование – должно быть *оттопонимных*. См.: Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988. С. 102. – *Прим. отв. ред.*].

Бурцева Т.Н. От Полтавщины к Вашингтонщине… // Русский язык в школе. 2011. № 11.

Быкасов В.Е. Путешествие имён по карте // Дальневосточный регион России. XVII–XIX вв. Владивосток, 2015.

Быкасов В.Е., *Быкасов С.В.* Топонимия северной части побережья Карагинского залива (Камчатка) // Изв. РАН. Сер. геогр. 2017. № 3.

Варбот Ж.Ж. О возможности альтернативного истолкования одного гидронимического гнезда // Балто-славянские исследования. Т. 18. М., 2009.

Варникова Е.Н. Топонимия Вологодского края в вопросах и ответах // Язык земли Вологодской. Вологда, 2015.

Варникова Е.Н. Вытегра // Краеведческий альманах. Сер. «Старинные города Вологодской области». Т. 5. Вологда, 2015.

Варникова Е.Н. Река Режа: версии происхождения гидронима // Громовские чтения: сборник материалов и исследований Междунар. науч. конф. М., 2016.

Варникова Е.Н. Русские названия притоков Средней Сухоны // Родная речь. Вологда, 2017.

Васильев В.Л. Архаическая топонимия с префиксом *по-/па-* на Русском Северо-Западе // Вопросы ономастики. 2009. № 7.

Васильев В.Л. Древнеевропейская гидронимия на Русском Северо-Западе // Балто-славянские исследования. Т. 18. М., 2009.

Васильев В.Л. Названия на *-га* в обратном словаре гидронимии Русского Северо-Запада // Вопросы ономастики. 2011. № 1 (10).

Васильев В.Л. Структурно-словообразовательная типология гидронимов Русского Северо-Запада // Вопросы ономастики. 2012. № 2 (13).

Васильев В.Л. Гидронимия на *-жа* в регионе Русского Северо-Запада (структура, этимология, микросистемные связи, лингвоэтническая принадлежность) // Вопросы ономастики. 2013. № 1 (14).

Васильев В.Л., *Вихрова Н.Н.* Переименования советского времени: деревни и сёла Новгородской области // Новый Топонимический журнал. 2011. № 1/2 (34/35).

Васильев В.Л., *Вихрова Н.Н.* Типология наименований новгородских погостов (по данным писцовых книг конца XV–XVI в.) // Вопросы языкознания. 2014. № 3.

Васильев В.Л., *Вихрова Н.Н.* О принципах составления гидронимических каталогов (из опыта каталогизации гидронимов бассейна р. Мсты) // Вопросы ономастики. 2015. № 1 (18).

Васильев В.Л. Ещё раз о происхождении названия реки *Вятка* и города *Вятка* (совр. *Киров*) // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13. № 2.

Векслер А.Ф., *Гусева А.В.* Улица под псевдонимом или…? // Новый топонимический журнал. 2012. № 1 (38).

Векслер А.Ф. Салтыковка, Салтыково, Салтыки… Знаменитые имена на карте страны // Новый топонимический журнал. 2013. № 2 (43).

Векслер А.Ф. Шерёма, Шереметово, Шереметьево // Новый Топонимический журнал. 2015. № 1 (50).

Владимирович А.Г. Статусные части топонимов Санкт-Петербурга // Топонимический альманах. 2016. № 1 (3).

Владимирович А.Г. Массовая топонимия на территории «большого» Санкт-Петербурга // Топонимический альманах. 2017. № 1 (5).

Вольский К.П. О названии *Кенозеро* // Вопросы ономастики. 2011. № 2 (11).

Вольский К.П. Двина – название русское // Вопросы ономастики. 2015. № 1 (18).

Вольский К.П. Соловецкие острова – название русское // Philology. 2017. № 3 (9).

Вольский К.П. К вопросу о названии «Печора» // Philology. 2017. № 4 (10).

Гармаева Н.И. Священные горы Монголии // Актуальные проблемы гуманитарных исследований: Материалы науч. сессии, посвящ. 60-летию Л.В. Шулуновой. Улан-Удэ, 2011.

Гейн К.А. О некоторых проблемах идеографического описания топонимического материала // Вопросы ономастики. 2014. № 2 (17).

Герцен А.А., *Паскарь Е.Г.* Распространение топонимов с основами *Молдав-* / *Молдов-* в Центральной Европе (Карта, 2013 г.) // Паскарь Е.Г. Неизвестная Молдавия: Европейские книгопечатные источники XV–XVI вв. о древнейшей и современной Молдавии. Одесса, 2014.

Глущенко О.А. Языковая концептуализация физических свойств объекта (на материале гидронимов Камчатки) // Philology. 2016. № 2 (2).

Глущенко О.А. Языковая концептуализация представлений о сорасположении географических объектов (на материале топонимов Камчатки) // Philology. 2016. № 6 (6).

Гнездиловых Ю. Старая Деревня: Ваганово. Следы топонимов // Новый Топонимический журнал. 2011. № 1/2 (34/35).

Гнездиловых Ю. Острова Петербурга. История некоторых имён // Новый Топонимический журнал. 2014. № 1 (46).

Голомидова М.В. Урбанонимический дизайн: к вопросу о названиях внутригородских объектов // Вопросы ономастики. 2015. № 1 (18).

Голомидова М.В. Современная урбанонимическая номинация: стратегические подходы и практические решения // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 3.

Гордеев А.Ю. Анализ топонимов на картах-портоланах Весконте Петра 1311–1321 гг. // Изв. РАН. Сер. геогр. 2014. № 6.

Гордова Ю.Ю. Ономастическая картография // Вопросы ономастики. 2012. № 2 (13).

Гордова Ю.Ю. Топонимическая стратиграфия Среднего (рязанского) Поочья: результаты совмещения ареалов субстратной топонимии с ареалами археологических культур // Вопросы ономастики. 2014. № 2 (17).

Гройле А. «Ономастическая археология» (на материале топонимии Германии) // Вопросы ономастики. 2015. № 2 (19).

Гуркович В.Н. «Прошли по Кирхенштрассе, свернули на Румынскую…»: топонимия Крыма в годы Великой Отечественной войны // Топонимический альманах. 2015. № 2.

Гусейнов Г.-Р. А.-К. Происхождение названий города Дербента и топонимии его региона в контексте этноязыковой ситуации раннего Средневековья // Вопросы ономастики. 2014. № 2 (17).

Дзиццойты Ю.А. К вопросу о реликтах скифо-сармато-аланской лексики в топонимии Осетии // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 1.

Дмитриева Т.Н. Хантыйский гидроним *Wangr-wasch-jugan* и лингвоэтнические контакты на Казыме // Вопросы ономастики. 2011. № 1 (10).

Дмитриева Т.Н. Топонимия реки Пелым на рукописных картах Антала Регули и этимологизация мансийских топонимов // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 1.

Ерофеев А.Д. Топонимические путешествия с Маминым-Сибиряком // Новый Топонимический журнал. 2009. № 4.

Ерофеев А.Д. Рассказы о петербургских улицах // Топонимический альманах. 2017. № 2 (6).

Жданов А.М. Особенности Коломяжской топонимии // Новый Топонимический журнал. 2013. № 2 (43).

Завёрткина Е.В. Лингвистические факторы ойконимической номинации Камбрии периода англосаксонского завоевания // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. Вып. 4.

Завёрткина Е.В. Лингвистические факторы формирования названий поселений Камбрии скандинавского периода // Армия и общество. 2014. № 2.

Завёрткина Е.В. Экстралингвистические факторы ойконимической номинации Камбрии XV–XVII веков // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. Т. 6 (№ 6). Ч. 2.

Завёрткина Е.В. Ойконимная номинация Девона периода XV–XVII веков (лингвистические факторы) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. Вып. 3.

Зайналова Л.А. Изучение топонимов в поликультурной школе // Русский язык в школе. 2014. № 8.

Захарова Е.В. О некоторых ойконимных моделях // Вопросы ономастики. 2014. № 1 (16).

Захарова Е.В., *Макарова А.А.*, *Муллонен И.И.* В поисках топонимических границ в Белозёрье // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13. № 1.

Зеленин А.В. Русский след на городской карте Тампере // Новый Топонимический журнал. 2010. № 3 (32).

Зеленцов Л.С. Повторяемость названий населённых пунктов и географический фактор // Вопросы ономастики. 2010. № 1 (8).

Иванов Вяч. Вс. К происхождению этнонима пруссов. Название Purušẖanda (княжество и город III–II тыс. до н.э.) // Балто-славянские исследования. Т. 19. М., 2014.

Иванов Н.М. Географические термины в топонимии Республики Саха (по материалам рукописи Багдарыына Сюлбэ «Словарь местных географических терминов Якутии») // Актуальные проблемы гуманитарных исследований: Материалы науч. сессии, посвящ. 60-летию Л.В. Шулуновой. Улан-Удэ, 2011.

Иванова Е.Э. К составлению маршрутного топонимического словаря // Вопросы ономастики. 2009. № 7.

Иванцова Е.В. Концепция ономастикона диалектной языковой личности: лексикографический аспект // Вопросы ономастики. 2015. № 2 (19).

Ивашова Н.М. Об одном из первых памятников русской топонимической лексикографии («Изъяснение некоторых корельских слов…» П.П. Свиньина, 1829 г.) // Вопросы ономастики. 2010. № 2 (9).

Ивашова Н.М. Топонимическая лексикография и методики сбора полевого материла (1900–1920-е гг.) // Вопросы ономастики. 2012. № 1 (12).

Ильин Д.Ю. Трансформация ойконимических наименований в топонимиконе региона // Вестник Челябинского гос. университета. 2011. № 10 (225). [Некорректное тавтологическое употребление термина *ойконимические наименования*. – *Прим. отв. ред.*].

Ильин Д.Ю. Региональный топонимикон как источник разноплановой информации о человеке и крае // Вест. Нижегородского гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6.

Ильин Д.Ю. Динамические процессы в региональном топонимиконе // Вест. Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2013. № 3.

Ильин Д.Ю. Теоретические основы построения словаря-справочника региональной топонимики // Вест. Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2014. № 3. [Некорректное употребление в данном контексте термина *топонимика* вместо *топонимия*. – *Прим. отв. ред.*].

Ильин Д.Ю. Переименования в региональном топонимиконе // Историческая разметка пространства и времени: Материалы семинара, проведённого при поддержке Фонда Ф. Эберта. Волгоград, 2014.

Ильин Д.Ю. Топонимикон полиэтнического региона: формирование и функционирование // Антропогенная трансформация геопространства: история и современность: Материалы II Междунар. науч.-практич. конф. Волгоград, 2015.

Ильин Д.Ю. Факторы унификации в топонимическом пространстве региона // Научное наследие академика В.И. Борковского и современная русская словесность: Материалы Междунар. науч. конф. Волгоград, 2015.

Ильин Д.Ю. Полевая организация функционально-семантического единства топонимов // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2016. № 5.

Ильин Д.Ю. Региональные топонимические названия в туристическом дискурсе // Вест. Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2016. Т. 15. № 4. [Некорректное употребление тавтологичного обозначения *топонимические названия. – Прим. отв. ред.*].

Ильин Д.Ю. Региональные географические названия в модально-оценочном восприятии носителей языка // Категория модальности в речевой коммуникации. Калининград, 2016.

Ильин Д.Ю. Взаимосвязь системного и функционального в языке (на материале топонимической лексики) // Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б.Н. Головина): Сб. статей по материалам Междунар. науч. конф. Нижний Новгород, 28–30 сентября 2016 г. Нижний Новгород, 2016.

Ильин Д.Ю. Образование катойконимов: проблемы и противоречия системы, нормы и узуса // Культура русской речи (Гротовские чтения). V Междунар. науч. конф. Москва, 16–18 февраля 2017 г. М., 2017.

Кабинина Н.В. Топонимические реликты нижнего Подвинья (Лодьма, Онега, Соломбала) // Вопросы языкознания. 2009. № 1.

Кабинина Н.В. Субстратная гидронимия бассейна реки Немнюга (Мезенский район Архангельской области) // Вопросы ономастики. 2009. № 7.

Кабинина Н.В. Семантическое моделирование и проблемы этимологизации регионального топонимического субстрата (на материале топонимии Архангельского Поморья) // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. 2009. Т. 68. № 2.

Кабинина Н.В. Народная топонимическая геометрия (на материале названий озёр Архангельской области) // Вопросы ономастики. 2013. № 2 (15).

Кабинина Н.В. Загадка гидронима *Мезень* // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 3.

Казаков А.Н. Древняя топонимия Северного Приладожья // Новый Топонимический журнал. 2011. № 3 (36).

Казакова Е.Д. Вятка и *вятчане* в русской языковой традиции // Вопросы ономастики. 2011. № 2 (11).

Казакова С.Л. Урбанонимы в составе лексической системы языка // Проблемы теории, практики и дидактики перевода: Материалы II Междунар. науч. конф. Вып. 11. Нижний Новгород, 2009.

Калуцков В.Н. «Имя» в географии: от топонима – к геоконцепту // Изв. РАН. Сер. геогр. 2016. № 2.

Канна В.Ю. Формирование коннотативного ореола топонимов // Восточноукраинский лингвистический сборник. Вып. 14. Киев, 2012.

Картавенко В.С. Смядынь: загадка названия // Русский язык в школе. 2009. № 4.

Картавенко В.С. Диалектная региональная лексика по данным исторической микротопонимии // Русский язык в школе. 2010. № 3.

Качалкова Ю.А. Урбанонимическое пространство современного Екатеринбурга (официальные названия) // Вопросы ономастики. 2013. № 1 (14).

Качиньска Э. Отойконимические гидронимы Крита // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 1. [Ошибочное терминообразование – должно быть *отойконимные*. – *Прим. отв. ред.*].

Керт Г.М. Топонимия Карелии: саамские проникновения // Новый Топонимический журнал. 2009. № 1.

Климкова Л.А. Микротопонимия через призму концепта «дом» // Русский язык в школе. 2009. № 2.

Коган Е.С. Имя собственное в диалектном фразеологизме: этапы идиоматизации // Вопросы ономастики. 2014. № 1 (16).

Коларжик Й. Легенда и реальность в названиях деревень в окрестностях курорта Лугачовице // Вопросы ономастики. 2009. № 7.

Корнева В.В., Меняйлова Д.Б. Основные направления изучения топонимов // Вест. Воронежского гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2.

Корнева В.В. Топонимические исследования в новой научной парадигме // Вест. Воронежского гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 1.

Кривощапова Ю.А., Макарова А.А. Из материалов к Словарю русских оттопонимических образований: *Сибирь* (пробная статья) // Вопросы ономастики. 2010. № 2 (9). [Ошибочное терминообразование – должно быть *оттопонимных*. См.: Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988. С. 102. – *Прим. отв. ред.*].

Кривощапова Ю.А. Русские речные гидронимы: потенциал ассоциативно-деривационной семантики (на материале лексики народных говоров) // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 2.

Крюкова И.В., Супрун В.И. Проблемы современной ономастики. XVI Международная научная конференция «Ономастика Поволжья» // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 1.

Кузьмин Д.В. К проблеме происхождения названий с формантами *-ngV / -н(ь)rV* в топонимии Карелии // Вопросы ономастики. 2010. № 1 (8).

Кузьмин Д.В. Влияние финского языка на топонимию Приграничной Карелии // Вопросы ономастики. 2013. № 1 (14).

Кузьмин Д.В. Географические термины русского происхождения в топонимии и диалектной лексике карельского ареала Тверской области // Вопросы ономастики. 2015. № 1 (18).

Кульпинов Ю.А. Лингвистическое краеведение на уроках русского языка в V классе // Русский язык в школе. 2009. № 2.

Кюршунова И.А. Этапы исследования региональных ономастиконов в вузовской практике // Русский язык в школе. 2016. № 11.

Левашов Е.А. Ещё раз о *Москве-реке* и *Москва-реке* // Русская речь. 2009. № 3.

Левашов Е.А. Тмуторокань – Тьмутаракань // Русская речь. 2015. № 3.

Лома А. Из топонимии древней Скифии – в поисках страны будинов // Вопросы ономастики. 2010. № 1 (8).

Лопорт Е.П. Оттопонимические и отэтнонимические наименования лодок в русских говорах Архангельской области // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13. № 1. [Ошибочное терминообразование – должно быть *оттопонимные*, *отэтнонимные*. См.: Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988. С. 102. – *Прим. отв. ред.*].

Лумбунова Г.О. Роль иностранных переселенцев в формировании топонимии Японии // Актуальные проблемы гуманитарных исследований: Материалы науч. сессии, посвящ. 60-летию Л.В. Шулуновой. Улан-Удэ, 2011.

Маврина О.Ю. Историческая местность Власьевка // Топонимический альманах. 2017. № 1 (5).

Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Система современной русской урбанонимической терминологии // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 2.

Мазур Л.Н. История России XX века в названиях населённых мест // Вопросы ономастики. 2011. № 2 (11).

Майорова Т.В. Топоним и гидроним: единство и противоположность? (Занятие по лингвокраеведению) // Русский язык в школе. 2010. № 2.

Мамбетова Г.Ж. Семантика некоторых гидронимических индикаторов в каракалпакском языке // Philology. 2017. № 1 (7).

Маркина Е.Е. Название *венец* в городской микротопонимике // Русский язык в школе. 2010. № 3. [Некорректное употребление в

данном контексте термина *микротопонимика* вместо *микротопонимия*. – *Прим. отв. ред.*].

Мартынов Г.Г. Пять веков топонимии Колтушской земли // Новый Топонимический журнал. 2012. № 1 (38).

Мартынов Г.Г., *Сизёнов Е.П.* Вдоль верхнего течения реки Мги // Топонимический альманах. 2016. № 1 (3), № 2 (4).

Мартынов Г.Г. Заметки о топонимии Поволховья в пределах Ленинградской области // Топонимический альманах. 2017. № 2 (6).

Матвеев А.К. Тенденции и практики в современной российской урбономинации // Вопросы ономастики. 2009. № 7.

Матвеев А.К. Субъективные факторы и лженаука в топонимических исследованиях // Вопросы ономастики. 2010. № 1 (8).

Матвеева Т.В., *Лукьянин В.П.* Александр Константинович Матвеев. Ономатолог и исследователь древних языковых контактов // Quaestio Rossica. 2015. № 3.

Махиянова Л.Р. Урбанонимы мегаполиса: национально-культурный компонент в названиях ресторанов Москвы // Homo Communicans III: Человек в пространстве межкультурной коммуникации. Щецин, 2013.

Махиянова Л.Р. Чему может научить вывеска? (Работа с урбанонимами на уроках русского языка) // Русский язык в школе. 2014. № 6.

Махиянова Л.Р. Коммерческие имена поликультурного города (на примере урбанонимов Казани) // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 г. В 15 томах. Т. 9.

Михайличенко Н.Є. Відгідронімні ойконими на -ець західного регіону України // Восточноукраинский лингвистический сборник. Вып. 13. Донецк, 2009.

Михайлова Л.В. Топонимия Валаамского архипелага. Взаимодействие культур // Новый Топонимический журнал. 2009. № 1.

Мищенко О.В. Электронная база данных «Топонимия Костромской области»: обработка и систематизация полевого материала // Вопросы ономастики. 2011. № 2 (11).

Молчанов А.К. О топонимии Зеленогорска и окрестностей // Новый Топонимический журнал. 2009. № 2.

Муллонен И.И. Полевые исследования по топонимике в Карелии // Вопросы ономастики. 2012. № 1 (12).

Никитенко Г.Ю. Место топонимических памятников в общей структуре культурного наследия // Новый Топонимический журнал. 2010. № 4 (33).

Никитина Т.Г. Городской топонимикон: уникальное и универсальное (на материале г. Пскова) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. Ч. 2.

Никифорова Л.В. Номинация объектов городской среды как символическая практика и проблемы исторического отношения к наследию советской эпохи // Новый Топонимический журнал. 2010. № 4 (33).

Отин Е.С. Гидронимия Дона ниже устья реки Тузлов, его дельта и гирла // Восточноукраинский лингвистический сборник. Вып. 13. Донецк, 2009.

Отин Е.С. Заметки по топонимии бассейна реки Дон // Λογος ὀνομαστική. 2012. № 1 (4).

Отин Е.С. О принципах составления гидронимических каталогов современного типа // Матеріали наукової конференції Донецького національного університету за підсумками науково-дослідницької роботи за період 2011–2012 рр. Т. 2. Донецьк, 2013.

Отин Е.С. Ономастические мелочи // Λογος ὀνομαστική. 2013. № 5. [VII. Народные географические термины в топонимии Заонежья].

Паскарь Е.Г., *Герцен А.А.* Топоним Молдавия: древнейшие упоминания и новые этимологии // Русин. 2016. № 1 (43).

Пахомов В.М. В Митине или *в Митино*? // Русский язык в школе. 2010. № 12.

Петров Д.В. Возвращение названий как реституция // Новый Топонимический журнал. 2010. № 4 (33).

Петров Д.В. Законодатели или исполнители? Кто имеет право переименовывать // Новый Топонимический журнал. 2011. № 1/2 (34/35).

Петров Д.В. «…специфика Ленинграда стёрта». К вопросу о возвращении уничтоженных исторических названий улиц // Новый Топонимический журнал. 2012. № 1 (38).

Прокопьева Ю.Ф. Названия провинций Китая // Актуальные проблемы гуманитарных исследований: Материалы науч. сессии, посвящ. 60-летию Л.В. Шулуновой. Улан-Удэ, 2011.

Пустяков А.Л. К проблеме разграничения марийских и пермских топонимов в Ветлужско-Вятском междуречье // Вопросы ономастики. 2014. № 2 (17).

Пушкарёва Ю.Г. Номенклатурные термины в годонимии г. Улан-Удэ // Актуальные проблемы гуманитарных исследований: Материалы науч. сессии, посвящ. 60-летию Л.В. Шулуновой. Улан-Удэ, 2011.

Пушкарёва Ю.Г. Специфика типовых моделей городской топонимии // Вест. Иркутского гос. технич. ун-та. 2014. № 12 (95).

Разумов Р.В. Географические термины в системах урбанонимов провинциальных городов // Вопросы ономастики. 2010. № 2 (9).

Ратников Д.С. Садоводы-топонимисты // Топонимический альманах. 2016. № 2 (4).

Рахконен П. Границы распространения мерянско-муромских и древнемордовских гидронимов в верховьях Волги и бассейне реки Оки // Вопросы ономастики. 2012. № 1 (12).

Ремчукова Е.Н., *Махиянова Л.Р.* Потенциальное словообразование в сфере городской номинации // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем. Ч. II. М., 2014.

Ремчукова Е.Н., *Махиянова Л.Р.* Лексико-грамматические механизмы лингвокреативности в сфере городской номинации // Вест. Российского ун-та дружбы народов. Сер. «Теория языка. Семиотика. Семантика». 2015. № 2.

Ремчукова Е.Н., *Махиянова Л.Р.*, *Соколова Т.П.* Проблемы нейминга: новые русские урбанонимы в лингвокреативном аспекте // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 9.

Ремчукова Е.Н., *Соколова Т.П.* Своё и чужое в сфере городской номинации России // ACTA SLAVICA ESTONICA VIII. Тр. по славянской филологии. Лингвистика XVII. Своё – чужое в языке и речи. Тарту, 2016.

Ринчинова А.В. Стандартизация и эволюция топонимов // Актуальные проблемы гуманитарных исследований: Материалы науч. сессии, посвящ. 60-летию Л.В. Шулуновой. Улан-Удэ, 2011.

Рубцова З.В. Закон и окружающая среда (к написанию географических названий) // Геодезия и картография. 2009. № 3.

Рыженко А.Ю. Функционально-семантические признаки ойконимов в текстах региональных печатных изданий // Вест. Волгоградского гос. ун-та. 2012. Сер. 9. Вып. 10.

Рыжков А.Б. Улица для имени или имя для улицы? [Электронный ресурс] // Новый Топонимический журнал. 2010. № 4 (33). http://annales.info/sbo/contens/toponim.htm#10_04.

Рыжков А.Б. Возвращение исторических названий – культура или идеология? // Новый Топонимический журнал. 2011. № 4 (37).

Рыжков А.Б. Традиционная топонимия как культурно-историческая ценность: научные подходы и восприятие в массовом сознании (1989–2013) // Топонимический альманах. 2015. № 1.

Рыжков А.Б. Имя на табличке – нить в лабиринт истории // Топонимический альманах. 2015. № 2.

Рысев С.Е. Охота на зайцев: к происхождению топонима Купчино // Новый Топонимический журнал. 2014. № 2 (47).

Рябов Д.С. Гатчина: Ещё раз об истории названия // Новый Топонимический журнал. 2010. № 1/2 (30/31).

Рябов Д.С. Топонимическое путешествие по Средней Луге // Новый Топонимический журнал. 2013. № 4 (45).

Саарикиви Я. К вопросу о дохристианских прибалтийско-финских личных именах в топонимии Русского Севера // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 3.

Святозарова Н.Д. Языковые особенности петербургской топонимики и проблемы их сохранения // Топонимический альманах. 2015. № 1. [Некорректное употребление в данном контексте термина *топонимика* вместо *топонимия*. – *Прим. отв. ред.*].

Секей Г.Б. Топонимия верхнего течения реки Лозьва и прилегающих территорий на рукописном плане карты Антала Регули (Karte Nro I. 1844) // Вопросы ономастики. 2012. № 2 (13).

Семёнова Г.В. Окрестные деревни Царского Села // Новый Топонимический журнал. 2010. № 1/2 (30/31).

Сизёнов Е.П. Особенности колпинской топонимии: послевоенный период градостроительства // Новый Топонимический журнал. 2009. № 1.

Сизёнов Е.П., *Иволга Р.С.* Возвращение исторических названий и проблема общественного сознания в Колпине // Новый Топонимический журнал. 2010. № 4 (33).

Сизёнов Е.П. Колпино: имя из глубины столетий. О происхождении названия и его склонении // Новый Топонимический журнал. 2012. № 2 (39).

Сизёнов Е.П. Имена Колпинской земли: прошлое и настоящее // Новый Топонимический журнал. 2012. № 3 (40).

Сизёнов Е.П. Поселения на реке Ижоре: История названий за пять веков // Новый Топонимический журнал. 2013. № 1 (42).

Сизёнов Е.П. «Славянка тихая, сколь ток приятен твой…». Настоящее и прошлое названий прибрежных поселений // Новый Топонимический журнал. 2013. № 2 (43).

Сизёнов Е.П. Поселения на реке Тосне: История названий за пять веков // Новый Топонимический журнал. 2013. № 3 (44).

Сизёнов Е.П. Колпинская народная топонимия // Новый Топонимический журнал. 2013. № 4 (45).

Сизёнов Е.П. Топонимическое путешествие по Верхней Луге // Новый Топонимический журнал. 2014. № 1 (46).

Сизёнов Е.П. Топонимическое путешествие по Нижней Луге // Новый Топонимический журнал. 2014. № 2 (47).

Сизёнов Е.П. Историко-топонимический путеводитель по Таллинну // Новый Топонимический журнал. 2014. № 4 (49).

Сизёнов Е.П. Топонимия реки Волхов. От города Кириши до города Волхова // Новый Топонимический журнал. 2014. № 4 (49).

Сизёнов Е.П. Военная топонимика города Колпино // Топонимический альманах. 2015. № 1. [Некорректное употребление в данном контексте термина *топонимика* вместо *топонимия*. – *Прим. отв. ред.*].

Сизёнов Е.П. Топонимия Великой Отечественной войны в Тихвине // Топонимический альманах. 2015. № 2.

Сизёнов Е.П. В поисках Полуштофной, или Новые загадки колпинской топонимики // Топонимический альманах. 2017. № 1 (5). [Некорректное употребление в данном контексте термина *топонимика* вместо *топонимия*. – *Прим. отв. ред.*].

Сизёнов Е.П. Топонимическое путешествие по реке Назии // Топонимический альманах. 2017. № 2 (6).

Сироткина Т.А. Региональный ономастикон как средство вербализации ономастических категорий // Восточноукраинский лингвистический сборник. Вып. 15. Киев, 2014.

Смирнов О.В. Субстратная мансийская топонимия на территории былого проживания манси // Вопросы ономастики. 2012. № 1 (12).

Смирнов О.В. К вопросу о пермском топонимическом субстрате на территории Марий Эл и в бассейне среднего течения реки Вятки (в свете этнической интерпретации археологических культур). 1 // Вопросы ономастики. 2013. № 2 (15).

Смирнов О.В. К вопросу о пермском топонимическом субстрате на территории Мариё Эл и в бассейне среднего течения реки Вятки (в свете этнической интерпретации археологических культур). 2 // Вопросы ономастики. 2014. № 1 (16).

Смирнов О.В. «Марийская» гипотеза в исследовании топонимии Оки и Унжи и западные границы древнемарийской топонимии // Вопросы ономастики. 2015. № 2 (19).

Соболев А.И. Карельское наследие в топонимии Юго-Восточного Обонежья // Вопросы ономастики. 2015. № 1 (18).

Соколова Т.П. Типология раннегородских названий (на материале урбанонимов древнего Новгорода и старой Москвы) // Этнолинг-

вистика. Ономастика. Этимология: Материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г. Екатеринбург, 2009.

Соколова Т.П. Искусственная номинация в эргонимии Москвы // Проблемы общей и региональной ономастики: Материалы VII Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию Адыгейского гос. ун-та и филологического ф-та. Майкоп, 20–22 мая 2010 г. Майкоп, 2010.

Соколова Т.П. Тенденции эргонимичекой номинации // Ономастика Поволжья: Материалы XII Междунар. науч. конф. Казань, 14–16 сентября 2010 г. Казань, 2010.

Соколова Т.П. Топонимы Подмосковья: деревня *Потапово* или таунхаусы *Марк Твен*? // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: Материалы II Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г. Ч. 1. Екатеринбург, 2012.

Соколова Т.П. Иностранные топонимы в Подмосковье // Ономастика Поволжья: Материалы XIII Междунар. науч. конф. Ярославль, 13–14 сентября 2012 г. Ярославль, 2012.

Соколова Т.П. Функционирование русского языка в ономастическом пространстве Подмосковья // Язык. Право. Общество. Сб. статей II Междунар. науч.-практич. конф. Пенза, 9-10 апреля 2014 г. Пенза, 2014.

Соколова Т.П. Проблема наименования новых городских объектов // Ономастика Поволжья: Материалы XIV Междунар. науч. конф. Тверь, 10–12 сентября 2014 г. Тверь, 2014.

Соколова Т.П. Новые «урбанонимы» Москвы // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: Материалы III Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г. Екатеринбург, 2015.

Соколова Т.П. Коммерческие урбанонимы России в аспекте нейминговой экспертизы // Ценности и смыслы. 2016. № 6. Т. 1.

Соколова Т.П. Интерпретация поликодовых урбанонимов // Век информации. Медиа в современном мире. Петербургские чтения: Материалы 56 Междунар. форума. Санкт-Петербург, 13–14 апреля 2017 г. № 2. В 2 томах. Т. 2. СПб., 2017.

Соколова Т.П. Методы и приёмы анализа коммерческих урбанонимов // Ономастика Поволжья: Материалы XVI Междунар. науч. конф., посвящ. 50-летнему юбилею первой Поволжской ономастической конференции и памяти её организатора В.А. Никонова. Ульяновск, 20–23 сентября 2017 г. В 2 томах. Т. 1. Ульяновск, 2017.

Соловьев А.Н. Урбанонимические термины и урбанонимы в словаре В.И. Даля // Вопросы ономастики. 2011. № 1 (10).

Столярова С.В. На берегу пустынных волн… Финно-угорский след в топонимии Ленинградской области // Новый Топонимический журнал. 2015. № 2 (51).

Столярова С.В. Финно-угорская топонимика Волго-Окского междуречья как свидетельство славяно-финских контактов в первой половине II тысячелетия // Топонимический альманах. 2016. № 2 (4). [Некорректное употребление в данном контексте термина *топонимика* вместо *топонимия*. – *Прим. отв. ред.*].

Сухачев Н.Л. К этимологии топонима *Брэила* // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13. № 2.

Талалай М.Г. Пороки волевой номинации // Новый Топонимический журнал. 2009. № 3.

Талалай М.Г. Переименования в Невской дельте, или переименовывают ли реки? // Новый Топонимический журнал. 2010. № 3 (32). [В названии статьи сохранена орфография автора. – *Прим. отв. ред.*].

Талалай М.Г. «Подземная» топонимика. Заметки праздного наблюдателя // Новый Топонимический журнал. 2011. № 1/2 (34/35). [Некорректное употребление в данном контексте термина *топонимика* вместо *топонимия*. – *Прим. отв. ред.*].

Талалай М.Г. «Русские имена» Милана // Новый Топонимический журнал. 2011. № 3 (36).

Талалай М.Г. Топонимика и политика // Новый Топонимический журнал. 2011. № 4 (37).

Терентьев Е.А. Общественная дискуссия о переименовании советских топонимов в Санкт-Петербурге: опыт социологического анализа // Топонимический альманах. 2015. № 1. [Стилистическая ошибка в лексической сочетаемости слов: топонимы нельзя переименовать – можно переименовать географические объекты. – *Прим. отв. ред.*].

Тишков А.А. Ландшафтная основа происхождения названия «Валдай» // Изв. РАН. Сер. геогр. 2014. № 1.

Торчинський М.М. Денотатно-номінативна структура гідронімії як складник української ономастичної терміносистемы // Λογος όνομαστική. 2012. № 1 (4).

Фокин П.М. Топонимика Рыбацкого // Новый Топонимический журнал. 2009. № 2. [Некорректное употребление в данном контексте термина *топонимика* вместо *топонимия*. – *Прим. отв. ред.*].

Хенгст К. Германо-славянские гибридные образования в топонимии Восточной Германии // Вопросы ономастики. 2015. № 2 (19).

Черникова Н.В. Новые смыслы *Чернобыля* // Русская речь. 2013. № 3.

Чижмарова Л. О методологических принципах работы над «Словарём микротопонимов Моравии и Силезии» // Вопросы ономастики. 2010. № 1 (8).

Шамин С.М. На Украине: исключение из общего правила? // Русская речь. 2012. № 3.

Шварев Н.М. Русские имена собственные с основой *Балах*(*о*)*н-* в историческом и этимологическом освещении // Вопросы ономастики. 2015. № 1 (18).

Шилов А.Л. Субстратная топонимия Русского Севера в свете работ А.К. Матвеева // Вопросы языкознания. 2009. № 6.

Шилов А.Л. Ещё раз о названии реки *Выг* // Вопросы ономастики. 2009. № 7.

Шилов А.Л. Топонимические маркеры путей экспансии восточных славян в Подмосковье // Вопросы языкознания. 2010. № 2.

Шипкова М. Словарь микротопонимов Моравии и Силезии: теоретический и интерпретационный аспекты // Вопросы ономастики. 2010. № 1 (8).

Шмелёва Т.В. Переименования улиц сегодня: новые аспекты проблемы // Новый топонимический журнал. 2010. № 4 (33).

Шмелёва Т.В. Культурная практика увековечения и ономастикон Великого Новгорода // Топонимический альманах. 2016. № 1 (3).

Шмелёва Т.В. Имена героев войны на карте Великого Новгорода // Топонимический альманах. 2016. № 2 (4).

Эккерт Р. Что нам говорят имена собственные о жизни древних пруссов? // Балто-славянские исследования. Т. 18. М., 2009.

Balode L., *Hirša Dz.* On several names of Latvian inhabited places // Балто-славянские исследования. Т. 18. М., 2009.

Blažek V. On etymology of the ethnonym Čехъ // Балто-славянские исследования. Т. 19. М.; СПб., 2014.

Blažienė G. Zu den altpreussischen dehydronymichen oikonymen (2) // Балто-славянские исследования. Т. 18. М., 2009.

Breeze A. "Good Friend" and the Goodwin Sands, Kent // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 3.

Coates R. Review of *Gloucestershire Place Names* and *Hampshire Place Names* by Anthony Poulton-Smith // Journ. of the English Place-Name Society. V. 44, 2012.

Coates R. Review of *East Sussex Place Names* and *West Sussex Place Names* by Anthony Poulton-Smith // Sussex Past and Present. V. 129 (April). 2013.

Coates R. Popular Books on English Place-Names – a Serious Issue in Onomastics // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 2.

Győrffy E. The Toponymic Competence: A Case Study in the Hungarian Settlement Tépe // Вопросы ономастики. 2015. № 2 (19).

Hasan H.J. Etymology of the komonyms *Kulfallar*and *Konop* in the light of A. Ishirkov's article // Λογος όνομαστική. 2013. № 5.

Lozić Knezović K., *Marasović-Alujević M.* Transonymization as Revitalization: Old Toponyms of Split // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 2.

Perono Cacciafoco F. Water Place Names in the Pre-Latin Ligurian Context. A. Study in Prehistoric Toponomastics and Semantics // Вопросы ономастики. 2013. № 2 (15).

Reszegi K. The Acquisition of Place Names in Mothe Tongue Learning: Some Observations on Children's Spatial Cognition // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13. № 2.

Schaarschmidt G. Some Good Reasons for Renaming Places, and Some Not So Good Ones: a Gross-Cultural Sketch. In honour of Canada's 150th Birthday and the Year of Reconciliation // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 1.

Sokolova T. The problem of renaming stations of Moscow Metro // International Scientific Conference ONOMASTIC INVESTIGATIONS to commemorate the 100th anniversary of Vallija Dambe (1912–1995), Latvian onomastician. Riga, 10–12 May, 2012. Riga, 2012.

Sokolova T. Borrowings Adaptation in Urban Names (Адаптация заимствований в урбонимии Москвы) // Многомерные миры языка: Избранные труды Междунар. науч. конф. Москва, 28 октября 2015 г. Российский ун-т дружбы народов. М., 2015.

Иностранные журналы и сборники

Acta onomastica. Ročník LI, 1. Praha, 2010. [Проект электронного «Словаря микротопонимов Моравии и Силезии»].

Acta onomastica. Ročník LI, 2. Praha, 2010. [Классификация микротопонимов. Названия вымерших деревень. Словообразовательные модели в топонимии. Урбанонимы.].

Acta onomastica. Ročník LII. Praha, 2011. [Универсальная типология исторических изменений топонимов. Микротопонимы Моравии и Силезии].

Acta onomastica. Ročník LIII. Praha, 2012. [Способы образования топонимов от личных имён. Микротопонимия. Контрастивный анализ английских и венгерских типов топонимов].

Acta onomastica. Ročník LIV. Praha, 2013. [Большинство статей посвящено топонимии и микротопонимии].
Namenkundliche Informationen: Journ. of Onomastics. № 97. Leipzig, 2010. [Полемика по поводу этимологии топонима *Магдебург*. Грузинские топонимы, образованные от названий деревьев].
Namenkundliche Informationen: Journal of Onomastics. № 98. Leipzig, 2010. [Оттопонимные фамилии. Топонимы. Ойконимы].
Namenkundliche Informationen. 99/100. Leipzig, 2011. [Большинство статей по топонимике].
Namenkundliche Informanionen. 101/102. (2012–2013). Leipzig, 2013.
Names: A Journal of Onomastics. Journal of American Name Society. 2009. № 54 (December). [Англофонные топонимы. Специфика топонимической номинации в разделённой Германии. Топонимы Иллинойса].
Names: A Journal of Onomastics Names. Philadelphia, 2011. № 59 (2); № 59 (3); № 59 (4). [№ 2 – вопросы топонимической типологии; № 3 – динамика соотношения мексиканских и американских топонимов в штате Техас; № 4 – «мемориальные» топонимы; нигерийская топонимия].
Names: A Journ. of Onomastics Names. Philadelphia, 2012. № 60 (2); № 60 (3). [№ 2 – историко-этимологические разыскания, связанные с топонимом *Миссури*; № 3 – доколониальная топонимия островных территорий, её соотношение с топонимией, привнесённой европейцами].
Névtani Értesítő 32. Budapest, 2010. [Ойконимия. Селенонимия. Оронимия. Гидронимия].
Névtani Értesítő 33. Budapest, 2011. [Старовенгерская ойконимия. Сленговые топонимы в системе имён].
Névtani Értesítő 34. Budapest, 2012. [Субстратная гидронимия и ойконимия региона Эрмеллек. Терминология стандартизации топонимов].
Névtani Értesítő 35. Budapest, 2013. [«Глоссарий терминов по стандартизации географических названий»].
Névtani Értesítő 36. Budapest, 2014. [Венгерские топонимы в Молдавии. Роль топонимов в легитимизации идеологических представлений].
Névtani Értesítő 37. Budapest, 2015. [Электронная база данных венгерских топонимов].
Névtani Értesítő 38. Budapest, 2016. [Механизмы использования топонимии. Диалекты и топонимия. Гидронимы. Оронимы. Ойконимы].
Onomastica Canadiana: Journ. of the Canadian Society for the Study of Names. 2009. № 91 (June).

Onomastica: Pismo poświęcone nazewnictwu geograficznemu i osobowemu oraz innym nazwom własnym. Rocznik LVI. Kraków, 2012. [Функции народной этимологии в топонимии. Топонимы, культурное наследие и туризм].

Onomastica: Pismo poświęcone nazewnictwu geograficznemu i osobowemu oraz innym nazwom własnym. Rocznik LVII. Kraków, 2013. [Силезские топонимы. Урбанонимы Вроцлава. Названия морских объектов в арабском языке. Названия рыболовных вод Гнезненского Поозёрья].

Onomastica: Pismo poświęcone nazewnictwu geograficznemu i osobowemu oraz innym nazwom własnym. Rocznik LVIII. Kraków, 2014. [Большой блок статей по топонимике].

Ономатолошки прилози XXI. Београд, 2011. [Интерпретация среднебоснийских топонимов *Солун*, *Лобун* и топонима *Острва Диоклеје*, упоминаемого в византийском источнике].

Poradnik Językowy. 2011. Nr. 7. [Проблемы семантической классификации польских топонимов].

Rivista Italiana di Onomastica. № 16 (1); № 16 (2). Roma, 2010. [Сардинские топонимы. История итальянской годонимии. Мифы и полемика о названиях мест и наций].

Rivista Italiana di Onomastica. № 17 (1). Roma, 2011. [Топонимия и норма. Топонимы романского происхождения. Неофициальные разговорные и официальные топонимы в Риме, Монце и Москве].

Z zagadnieńiu językoznawstwa słowiańskiego. Tom dedykowany Profesorowi Stefanowi Warcholowi. (Rozprawy sławistyczne. 23). Lublin, 2011. [Изучение топонимов Любельщины].

Сборники статей. Тезисы конференций

Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXI Междунар. науч. конф. Москва, 12–14 апреля 2018 г. М., 2018. [Ономастика в трудах В.В. Иванова. Исчисление имени. Историческая топонимия Ташкента в конце XIX – начале XX вв. Северо-Западная Европа по данным Певтингеновой карты. Вариативность написания российских дворянских фамилий. Корни тюркских топонимов на исторических картах Приднестровья].

Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования. Вып. 3. Пермь, 2009.

Лингвокультурное пространство Пермского края: материалы и исследования. Пермь, 2009.

Ономастика Поволжья: Материалы XII Междунар. науч. конф. Казань, 14–16 сентября 2010 г. Казань, 2010.

Ономастика Поволжья: Материалы XIII Междунар. науч. конф. Ярославль, 13–14 сенября 2012 г. Ярославль, 2012.

Ономастика Поволжья: Материалы XIV Междунар. науч. конф. Тверь, 10–12 сентября 2014 г. Тверь, 2014.

Ономастика Поволжья: Материалы XV Междунар. науч. конф. Арзамас, 13–16 сентября 2016 г. Арзамас; Саров, 2016.

Ономастика Поволжья: Материалы XVI Междунар. науч. конф., посвящ. 50-летнему юбилею первой Поволжской ономастической конференции и памяти её организатора В.А. Никонова. Ульяновск, 20–23 сентяьря 2017 г. Т. I–II. Ульяновск, 2017.

Проблемы общей и региональной ономастики: материалы X Междунар. науч. конф., посвящ. юбилею заслуженного деятеля науки Адыгеи и Кубани, докт. филол. наук, проф. Адыгейского гос. ун-та Р.Ю. Намитоковой. Майкоп, 2016.

Студії з ономастики та етимології. 2011–2012. Київ, 2012. [Историко-этимологический анализ украинских топонимов. Материалы для топонимических словарей].

Студії з ономастики та етимології 2013. Київ, 2013. [Изучение древнегреческих и польских топонимов. Топонимия, гидронимия и ойконимия].

Студії з ономастики та етимології 2014. Київ, 2014. [Изучение ойконимов].

Топонимика Крыма 2010. Сборник статей памяти И.Л. Белянского. Симферополь, 2011. [Некорректное употребление в данном контексте термина *топонимика* вместо *топонимия*. – *Прим. отв. ред*.].

Топонимика Крыма 2011. Симферополь, 2012. [Некорректное употребление в данном контексте термина *топонимика* вместо *топонимия*. – *Прим. отв. ред*.].

Фалилеев А.И. Selecta Celto-Balcanica. СПб., 2012. [Ч. 1 – «Топонимика»].

Язык и прошлое народа. Сб. науч. статей памяти проф. А.К. Матвеева. Екатеринбург, 2012.

Язык и традиционная культура Русского Северо-Запада. Сборник статей памяти Лидии Яковлевны Петровой. Великий Новгород, 2010. [Раздел «Ономастика»].

In nōminum Spatio. Материалы II Междунар. ономастических чтений им. Е.С. Отина 22–23 октября 2016 г. Донецк, 2017.

Name and Naming. Proc. of Third Intern. Conf. on Onomastics "Name and Naming", Conventional / Unconventional in Onomastics. Baia

Mare, September 1–3 2015. Cluj-Napoca, 2015. [Один из пяти разделов – топонимический].
Onomastica bellica. Da Torino a Malta. Malta, 2015. [Топонимы театра военных действий].
Ономатолошки прилози. XIX–XX. Београд, 2009. [Топонимия. Гидронимия. Оронимия].
19. slovenská onomastická conferencia. Bratislava, 28–30 apríla 2014. Bratislava, 2015. [Один из пяти разделов – топонимический].

Монографии

Агеева Р.А. Как появились названия рек и озёр. М., 2012.
Ашихмина Е.Н. Историческая топонимика Орловской области. Орёл, 2014. [Некорректное употребление в данном контексте термина *топонимика* вместо *топонимия. – Прим. отв. ред.*].
Багомедов М.Р. Топонимия Дарга: структурно-семантический аспект. Махачкала, 2013.
Барандеев А.В. История географических названий: Русская топонимия в терминах. 4-е изд. М., 2017.
Барбашов Е.Р. Река Русов. Тула, 2014.
Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: пространство и человек. 2-е изд. М., 2009.
Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: мифопоэтический образ пространства. 2-е изд. М., 2010.
Бондалетов В.Д. Русская ономастика. Изд. стереотип. М., 2016. [Гл. IV. Русская топонимика].
Бурыкин А.А. Имена собственные как исторический источник. По материалам русских документов об открытии и освоении Сибири и Дальнего Востока России XVII–XIX веков. СПб., 2013.
Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста. 2-е изд. М., 2009.
Владимирович А.Г., *Ерофеев А.Д.* Петербург в названиях улиц. Происхождение названий проспектов, рек и каналов, мостов и островов. М., СПб., Владимир, 2009.
Владимирович А.Г., *Ерофеев А.Д.* Откуда приходят названия. Петербургские улицы, набережные, площади от аннинских указов до постановлений губернатора Полтавченко. М., 2014.
Горбаневский М.В., *Емельянова М.И.* Улицы Старой Руссы: История в названиях. 2-е изд. М., 2010.

Гордеев А.Ю. Топонимия побережья Чёрного и Азовского морей на картах-портоланах XIV–XVII веков. Киев, 2014. [сайт academia.edu].

Гурулёв С.А. Реки бассейна Байкала: историко-топонимический анализ. Иркутск, 2012.

Ерофеев А.Д. Неформальный Петербург: от улицы де Гоголя до Рубинштрассе. Путеводитель по неофициальной топонимике. М., 2015. [Некорректное употребление в данном контексте термина *топонимика* вместо *топонимия*. – *Прим. отв. ред.*].

Завёрткина Е.В. Эволюция ойконимической номинации графств Камбрии и Девона. Сопоставительный анализ. М., 2016.

Ильин Д.Ю., *Сидорова Е.Г.* Топонимические наименования Волгоградской области: функционально-семантические и ортологические особенности. Учебно-методич. пособие. Волгоград, 2015. [Некорректное употребление тавтологичного обозначения *топонимические наименования*. – *Прим. отв. ред.*].

Кабинина Н.В. Субстратная топонимия Архангельского Поморья. Екатеринбург, 2011.

Керт Г.М. Саамская топонимная лексика. Петрозаводск, 2009.

Кузнецов А. Именослов Устьянских волостей. Происхождение названий деревень, рек, озёр и фамилий устьяков. Тотьма; Вологда, 2010. [Ч. 1 – «Словарь названий устьянских деревень»; Ч. 3 – «Словарь названий рек и озёр Устьи»].

Кушков Н.Д. Топонимы Возвышенного берега, а также имена, фамилии и прозвища терских поморов. Умба, 2015.

Лившиц В.А. Парфянская ономастика. СПб., 2010. [Парфянские личные имена, топонимы и теонимы].

Мезенко А.М., *Генкин В.М.*, *Деревяго А.Н.* и др. Белорусская ономастика: Топонимия. Учебное пособие. Минск, 2012.

Моисеев Б.А. Топонимические очерки Оренбуржья. Научно-популярное издание. Оренбург, 2016. [Более 170 топонимов].

Насимович Ю.А. Топонимика Северо-Восточного округа Москвы. М., 2012. [Некорректное употребление в данном контексте термина *топонимика* вместо *топонимия*. – *Прим. отв. ред.*].

Никитин С.А. Прогулки по Риму. Историко-топонимическое исследование. М., 2010. [Фактически эта книга – путеводитель. – *Прим. отв. ред.*].

Никонов В.А. Введение в топонимику. Издание стереотипное. М., 2018.

Ономастика Сахалинской области / Авт.-сост. А. Пашков. Южно-Сахалинск, 2012.

Отин Е.С. Гидронимия Дона. В 2 томах. Т. 1: Верхний и Средний Дон. Донецк, 2011.

Отин Е.С. Гидронимия Дона. В 2 томах. Т. 2: Нижний Дон. Донецк, 2012.

Отин Е.С. Гидронимия Северного Приазовья. Донецк, 2012.

Отин Е.С. Топонимия Донетчины. Донецк, 2013.

Отин Е.С. Происхождение географических названий Донбасса. Донецк, 2014.

Полубояров М.С. Древности Пензенского края в зеркале топонимики. 2-е изд. М., 2010.

Поляков В.Е. Топонимика Крыма. Учебное пособие. Симферополь, 2011. [Некорректное употребление в данном контексте термина *топонимика* вместо *топонимия*. – *Прим. отв. ред.*].

Рогалёв А.Ф. Географические названия в калейдоскопе времён. Гомель, 2009.

Рогалёв А.Ф. Назвы Бацькаўшчыны (тапанімія Беларусі). Гомель, 2009.

Родоман Б.Б., *Сигалов М.Р.* Центральная Россия. Ландшафт, общение, искусство. 3-е изд. М., 2012. [1.3. Географические названия на карте региона].

Синдаловский Н.А. Книга Перемен. Судьбы петербургской топонимики в городском фольклоре. М., 2009. [Некорректное употребление в данном контексте термина *топонимика* вместо *топонимия*. – *Прим. отв. ред.*].

Скляренко О., *Скляренко О.* Типологічна ономастика: у 5 кн. Кн. 1: Лексико-семантичні особливості онімного простору. Одеса, 2012.

Скляренко О., Скляренко О. Типологічна ономастика. Кн. 2. Ономастичний словотвір у типологічному ракурсі. Одеса, 2013.

Соколова Т.П. Неймінговая экспертиза: организация и производство. М., 2016. [Гл. II, §1].

Суперанская А.В., *Сталтмане В.Э.*, *Подольская Н.В.*, *Султанов А.Х.* Теория и методика ономастических исследований. 3-е изд. М., 2010.

Суперанская А.В. Что такое топонимика? Из истории географических названий. Издание стереотипное. М., 2014.

Теория и практика ономастических и дериватологических исследований. Майкоп, 2017.

Уразметова А.В. Топонимическая система США: первичная и вторичная номинация. М., 2017.

Успенский Л.В. Загадки топонимики. М., 2010.

Цагаева А. Дз. Топонимия Северной Осетии. Владикавказ, 2010.

Шахоўская С.У. Беларуская анамастічная лексікаграфія: фарміраванне, сучасны стан, вектары развіцця. Мінск, 2012.

Шмелёва Т.В. Ономастикон российского города. М., 2014.

Afeltowicz B. Nazwy miejscowe byłego powiatu łobeskiego. Szczecin, 2012.

Ainiala T., Saarelma M., Sjöblom P. Name in Focus. An introduction to Finnish Onomastics. Helsinki, 2012. [Гл. 3-я – многоаспектное изучение топонимии].

Балкански Т. Местните имена в Пазарджишко. София, 2013. [Алфавитное описание топонимов].

Beckmann G.A. Onomastik des Rolandsliedes. Namen als Schlüssel zu Strukturen, Welthaltigkeit und Vorgeschichte des Liedes. Berlin; Boston, 2017.

Delamarre X. Les noms des ganlois. Les Cent Chemins, 2017.

Duma J. Nazwy wodne w dorzeczu Warty od Prosny po Ujście do Odry (z wyłączeniem dorzecza Noteci). Cz. 1: Nazwy rzek; Cz. 2: Nazwy jezior. Warszawa, 2010.

Fossat G. Les noms de l'eau en Vaucluse: toponymie et hydronymie. Paris, 2012.

Kuzmin D. Vienan Karjalan asutushistoria nimistön valossa. Helsinki, 2014. [Изучение распространения типов топонимов в прибалтийско-финских языках].

Лома А. Топонимија Бањске хрисовуље. Ка осмишљењу старосрпског топономастичког речника и бољем познавању општесловенских именских образаца. Београд, 2013. [Основной раздел – «Словарь топонимов Баньского хрисовула» (около 650 словарных статей)].

Николић В. Nomen est omen (ономастички прилози). Ужице, 2009. [Раздел «Вопросы топонимии»].

Rácz A. Adatok a népnévvel alakult régi településnevek történetéhez. Debrecen, 2011. [Словарь отэтнонимных ойконимов Венгерского королевства IX–XVI вв. 1244 этнотопонима].

Wenzel W. Slawen in Deutschland. Ihre Namen als Zeugen der Geschichte. Hamburg, 2015. [Гидронимия и топонимия].

Wodtko D. Lusitanian. Language, writing, epigraphy. Zaragoza, 2017.

Wolnicz-Pawlowska E. O nazwach wodnych w Polsce. Warszawa, 2013.

Словари. Словарные статьи. Справочники. Каталоги. Энциклопедии. Указатели. Методические рекомендации

Агошков В.И. Топонимический словарь Кромского района Орловской области. Орёл, 2009. [Более 660 топонимов].

Амиров К.Ф., Ахметзянова Р.Х., Вениаминов Р.Г. Казанских улиц имена. 2-е изд. Казань, 2010.

Арзамасов А.А., *Морохин Н.В.* Наши реки, города и сёла. Н. Новгород, 2015. [Книга написана в форме словаря. История происхождения топонимов Нижегородской области].

Ахметова М.В. От А-Аты до Ярска: словарь неофициальных названий населённых пунктов. М., 2015.

Бальбек Р. Исторические названия населённых пунктов Крыма. Справочное издание. Симферополь, 2017.

Баранде ев А.В. Краткий этимологический топонимичекий словарь: Избранные топонимы. 2-е изд. М., 2018.

Барбашов Е.Р. Топонимический словарь Белёвского района Тульской области. Тула, 2011.

Беленов Н.В. Историко-топонимический словарь Самарского Поволжья. Самара, 2014.

Блау М.Г. Судьба эпонимов. 300 историй происхождения названий: словарь-справочник. М., 2010.

Большая российская энциклопедия: в 35 т. М., 2004–2017.

Большая топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга. СПб., 2013. [15000 городских имён].

Бугаев Д.В. Словарь географических названий Крыма. Симферополь, 2013. [Более 2300 словарных статей].

Будаев Д.И., *Махотин Б.А.* Топонимический словарь Смоленской области. Смоленск, 2009.

Бурлаков А.В. Гатчинские названия по-свойски: прогулки по городу от Мадрида до Карлухи с пикником на Вшивой горке и обедом в ресторане Коряга: первый народный микротопонимический словарь. Гатчина, 2013. [В названии сохранены орфография и пунктуация автора – *Прим. отв. ред.*].

Бутеев Д.В., *Никифорова В.В.*, *Сергеев В.Ю.* Под покровом имён: словарь неофициальных топонимов г. Смоленска. Смоленск, 2012.

Вагнер Б.Б. Географические названия Подмосковья: Популярный топонимический словарь. 3-е изд. М., 2013.

Вагнер Б.Б. Карта рассказывает. Природа и история, имена и судьбы в географических названиях Подмосковья: Топонимико-краеведческий словарь. М., 2014. [Около 5000 словарных статей].

Вербич С.О. Гідронімія бассейну Нижнього Дністра. Етимологічний словник. Луцьк, 2013.

Виноградова Т.Н. Язык земли родного края: Словарь географических названий Холмского района. Холм, 2010.

Волгин В.А., *Поздеев В.В.* Аркаим: «Страна городов»: Топонимический словарь-путеводитель. Челябинск, 2009. [Указатель географических названий – с. 157–168].

Вохменцева Л.Д., *Вохменцев М.П.* Географические названия Курганской области. Челябинск, 2012. [8636 топонимов].

Вэлла Ю. (Айваседа Юрий Кылевич). Река Аган с притоками: опыт топонимического словаря: Бассейн реки Аган. Ч. 1–3. Ханты-Мансийск, 2010–2012.

Гайдук С.Г. Топонимы Петрозаводска: улицы и парки. М., 2017. [2285 топонимов].

Герцен А.А. Кишинёв // БРЭ: в 35 т. Т. 14. М., 2009.

Глебко Г.И. Словарь ойконимов бассейна Нижней Печоры. Сыктывкар, 2009.

Гончаров Н.И. Иллюстрированный словарь эпонимов в морфологии. Волгоград, 2009.

Гурулёв С.А. Географические названия Иркутской области: Топонимический словарь. Иркутск, 2015.

Данилюк О.К. Словник народних географічних термінів Волині. 2-е вид. Луцьк, 2013. [Около 1500 словарных единиц].

Дубанов И.С. Географические названия Чувашской Республики: краеведческий словарь. 3-е изд. Чебоксары, 2017. [Около 3500 топонимов].

Дьякова В.И., *Хитрова В.И.* Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями). Воронеж, 2009.

Ена В.Г., *Ена Ал.В.*, *Ена Ан.В.* Краткий географический словарь Крыма. Симферополь, 2009. [2100 географических объектов].

Железняк І.М. Київський топонімікон. Київ, 2013.

Иванова Е.Э. По Чусовой: Топонимический словарь. Екатеринбург, 2014.

Идиолектный ономастикон сибирского старожила. Томск, 2015.

Клименко Е.Н., *Попова Т.В.* Словарь екатеринбуржца: неофициальные названия городских реалий. Екатеринбург, 2012.

Козинец С.Б. Топонимический словарь Саратовской области. Справочное издание. Саратов, 2013.

Колесников В.А. Станицы Ставрополья: историко-статистический и топонимический справочник (последняя треть XVIII–1917 г.). М., 2012.

Корнилов Г.Е., *Молниева М.В.*, *Обжогин А.А.* Исторический словарь топонимов Симбирской губернии (1859–1913 гг.). Чебоксары, 2016.

Котляков В.М., *Комарова А.И.* Толковый двуязычный словарь по географии: русско-английский, англо-русский. М., 2012.

Кравченко А. Топонимический словарь Волгоградской области. Волгоград, 2011.

Кривошеин Н.В. Лебедянский историко-топонимический словарь. М., 2011.
Крюкова И.В., *Супрун В.И.* Реки и водоёмы Волгоградской области: гидронимический словарь. 2-е изд. Волгоград, 2009.
Майоров М.В., *Майорова Т.В.* Энциклопедия тульских городских названий. Тула, 2010.
Майорова Т.В. Топонимические предания в «Приходах и церквях Тульской епархии (1895). Тула, 2010. [Словарь ойконимов].
Майорова Т.В., *Полухин О.В.* Историко-топонимический словарь Новосильского уезда Тульской губернии. Тула, 2014.
Майорова Т.В., *Полухин О.В.* Историко-топонимический словарь Ливенского уезда. М., 2017.
Максимчук Н.А. Шумячское Порубежье в именах и названиях. Ч. 1. Материалы к ономастическому лингвокраеведческому словарю. Смоленск, 2012.
Мартынов А.А. Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями. 5-е изд. М., 2016.
Матвеев А.К. Материалы по мансийской топонимии горной части Северного Урала. Екатеринбург, 2011.
Мельников А.В. Географические названия Дальнего Востока России: Топонимический словарь. Благовещенск, 2009. [Около 1000 словарных единиц].
Мельников А.В. Словарь народных терминов Дальнего Востока. Благовещенск, 2009.
Мельников А.И. Топонимический словарь Амурской области. Благовещенск, 2009.
Миначев М.М. Топонимический словарь Мещёры. М., 2014.
Муллонен И.И., *Азарова И.В.*, *Герд А.С.* Свод топонимов Заонежья. Петрозаводск, 2013. [Около 12000 названий].
Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. Издание стереотипное. М., 2018.
Отин Е.С. Гидронимия Северного Приазовья. Донецк, 2012.
Поздеев В.В. Топонимика Южного Урала: историко-топонимический словарь. Челябинск, 2013. [Около 1200 словарных статей. Некорректное употребление в данном контексте термина *топонимика* вместо *топонимия*. – *Прим. отв. ред.*].
Полубояров М.С. Древности Пензенского края в зеркале топонимики. 2-е изд. М., 2010.
Полунин Ф.А., *Миллер Г.Ф.* Географический лексикон Российского государства / Сост. С.С. Илизаров. М., 2012.

Полухин О.В., *Майорова Т.В.* Историко-топонимический словарь Малоархангельского уезда. Орёл, 2017.

Рачинский Я.З. Полный словарь названий московских улиц. М., 2011.

Рублева О.Л. Владивосток в названиях от «А» до «Я»: топонимический лингвострановедческий словарь. 2-е изд. Владивосток, 2010.

Рублева О.Л. От Або до Ясной Поляны по карте Приморского края: Школьный топонимический словарь. Владивосток, 2010.

Рябов Д.С. Топонимия Верхнего Пооредежья: Словарь-справочник. 4-е изд. СПб., 2010.

Слинкина Т.Д. Мансийские оронимы Урала. Ханты-Мансийск, 2011. [235 словарных статей; 1483 оронима, 483 гидронима, 81 ойконим].

Слободинская Т.Ф. Географические названия Оренбургской области: Краткий топонимический словарь. 5-е изд. Орск, 2016.

Соколова Т.П. Методические рекомендации по наименованию улиц в Москве. М., 2015.

Суперанская А.В. Словарь географических названий. М., 2013. [Более 3500 топонимов].

Топонімічний довідник присвячений 755-річчю від першої (1257 р.) літописної згадки про Звягель. Новоград-Волинський, 2013.

Українська ономастика: бібліограф. покажник. Київ, 2013.

Хренова Т.А. Память земли Озёрской. Озёры, 2015. [Топонимический словарь Озёрского района Московской области].

Цыганкин Д.В. От Суры… до Мокши: названия рек и озёр Республики Мордовия: этимологические разыскания. Саранск, 2010. [Этимологический словарь гидронимов, 1086 названий].

Щербак А.С., *Бурыкин А.А.* Названия населённых пунктов Центрального Черноземья: словарь. Тамбов, 2013.

Яцій В.О. Ойконімія Ивано-Франківської області: історико-етимологічний словник. Київ, 2015.

Albaladejo Vivero M. Léxico de topónimos y etnónimos del Noroeste de la Península Ibérica en la Antigüedad. Madrid, 2012.

Gelling M. The place-names of Shropshire, 6. The hundreds of Brimstree and Bradford South. Nottingham, 2012.

Jakus-Borkowa E., *Nowik K.* Nazwy miejscowośi w Polsce. Układ a tergo. Opole, 2010.

Slovník pomístních jmen v Čecháh. IV. Bíg–Bož; V. Bra–Buc. Praha, 2009.

Snoj Marko. Etimološki slovar slovenskih zemljepisnih imen. Ljublana, 2009.

Атласы

Гордова Ю.Ю. Топонимический атлас Рязанской области. М., 2015.

Авторефераты диссертаций

Адукова З.А. Семантика и структура кумыкских топонимов: автореф. дис. … канд. филол. наук. Махачкала, 2013.

Асанов А.Ю. Урбанонимия города Тамбова в лингвокогнитивном аспекте: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 2015.

Баньої В.Ф. Мікротопонімія бассейну річки Ужа (на матеріалі українських говірок Закарпаття): автореф. дис. … канд. філол. наук. Івано-Франківськ, 2009.

Беляев А.Н. Формирование и развитие топонимической системы немецкого языка: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Уфа, 2017.

Васильева Т.Ю. Ойконимия белорусского Поозерья в лингвокультурологическом аспекте: автореф. дис. … канд. филол. наук. Минск, 2014.

Волянюк І.О. Становлення і розвиток ойконімії Північної Тернопільщини XII–XX ст.: автореф. дис. … канд. філол. наук. Івано-Франківськ, 2009.

Габдрахманова К.В. Топонимы в современном немецком языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2016.

Галай О.Б. Українська урбанонімія Закарпаття в XX–XXI ст.: автореф. дис. … канд. філол. наук. Ужгород, 2009.

Гальцова А.С. Лингвокультурологический потенциал петербургской топонимии: автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2011.

Герцен А.А. Эволюция административно-территориального деления Молдавии: автореф. дис. … канд. геогр. наук. М., 2010.

Давлеткулова Л.Н. Топонимы в лингвокультурологическом аспекте (на примере географических названий графства Оксфордшир и Челябинской области): автореф. дис. … канд. филол. наук. Челябинск, 2014.

Джаватова Г.А. Топонимика селения Нижнее Казанище Буйнакского района Республики Дагестан: автореф. дис. … канд. филол. наук. Махачкала, 2010. [Некорректное употребление в данном контексте термина *топонимика* вместо *топонимия*. – *Прим. отв. ред.*].

Дика Л.Л. Ойконімія Східного Поділля (XIV–XX ст.): автореф. дис. … канд. філол. наук. Івано-Франківськ, 2009.

Дмитриев А.В. Лингвистически ориентированный картографический компонент автоматизированной топонимической базы Ингерманландии: автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2010.

Доржиева Г.С. Топонимия Квебека как отражение франкоязычной культуры региона (этнолингвистический аспект): автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2011.

Евсеева О.С. Топонимия смоленско-витебского пограничья: структурно-семантический аспект: автореф. дис. … канд. филол. наук. Смоленск, 2015.

Журавлёва Н.Ю. Словообразовательный и лексико-семантический потенциал оттопонимических номинаций в мексиканском национальном варианте испанского языка: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2013. [Ошибочное терминообразование – должно быть *оттопонимных. – Прим. отв. ред.*].

Замалетдинова Л.Р. Современные русские урбанонимы в аспекте креативной речевой деятельности: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2016.

Захарова Е.В. Интеграция субстратных прибалтийско-финских топонимов в русскую топосистему Восточного Обонежья: автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2015.

Іліаді О.І. Праслов'янська топонімія балканського ареалу: автореф. дис. … д-ра філол. наук. Київ, 2009.

Ильин Д.Ю. Динамические процессы функционально-семантических изменений в региональной топонимике (на материале географических названий в газетных текстах конца XIX – начала XXI вв.): автореф. дис. … д-ра филол. наук. Волгоград, 2012. [Некорректное употребление в данном контексте термина *топонимика* вместо *топонимия. – Прим. отв. ред.*].

Исламова Ю.В. Субстратная топонимия Нижне-Среднего Приобья: автореф. дис. … канд. филол. наук. Сургут, 2009.

Исмаилова Э.И. Рутульская топонимия: структурно-семантический анализ: автореф. дис. … канд. филол. наук. Махачкала, 2009.

Казанкова А.А. Топонимы в региональной ономастической системе (на материале Жердевского района Тамбовской области): автореф. дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 2013.

Калинина Е.Л. Особенности адаптации субстратных топонимов в концептосфере языка-приемника (на материале ойконимов Амур. обл.): автореф. дис. … канд. филол. наук. Барнаул, 2009.

Канна В.Ю. Структура, функції та лексикографія конотативної топонимії: автореф. дис. … канд. філол. наук. Донецьк, 2009.

Картавенко В.С. Становление региональной топонимической системы (западный регион России): автореф. дис. … д-ра филол. наук. Смоленск, 2012.

Кичикова Н.А. Топонимия Республики Калмыкии как составная часть ономастического пространства Российской Федерации: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2011.

Ковлакас Е.Ф. Особенности формирования топонимической картины мира: лексико-прагматический и этнокультурный аспекты: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Краснодар, 2009.

Кравченко Ю.В. Гідронімія колишнього Великого Лугу Запорізького: автореф. дис. … канд. філол. наук. Запоріжжя, 2009.

Курбанова М.Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика: автореф. дис. … канд. филол. наук. Астрахань, 2014.

Легенкова В.И. Топонимы в межъязыковом пространстве (на материале английского и русского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Кемерово, 2010.

Ливинская И.В. Единицы региолекта и их лексикографическая интерпретация (на материале регионализмов и неофициальных речевых топонимов г. Новосибирска): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2017.

Макарова А.А. Русская озёрная гидронимия Белозёрья: системно-функциональный аспект: автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2012.

Мартыненко И.А. Испаноязычные топонимизации США: лингвопрагматический анализ: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2015.

Махмаджонов О.О. Историко-лингвистическое исследование топонимии Гиссарской долины Таджикистана: автореф. дис… д-ра филол. наук. Душанбе.

Мерзлякова А.В. Семантический потенциал топонимов современного французского языка: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2015.

Озтюрк Л.И. Русская отойконимическая лексика Республики Татарстан: деривационный и лингвографический аспекты: автореф. дис. … канд. филол. наук. Казань, 2009.

Осыка М.В. Топонимические фразеологизмы в национальной концептосфере (на материале русской и французской лингвокультур): автореф. дис. … канд. филол. наук. Белгород, 2010.

Пустяков А. Названия исчезнувших селений Республики Марий Эл (структурно-семантический и историко-этимологический анализ): автореф. дис. … канд. филол. наук. Тарту, 2011.

Путова И.Н. Этнокультурные особенности испанских паремий с топокомпонентом: автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2009.

Радович М. Топонимика Южной Испаноамерики и Бразилии: катойконимы и метафорика: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2017. [Некорректное употребление в данном контексте термина *топонимика* вместо *топонимия*. – *Прим. отв. ред.*].

Садохова М.В. Номенклатурные названия в современном русском языке: автореф. дис. канд. филол. наук. Мурманск, 2011.

С*ундукова Е.А.* Ойконимия севера Удмуртии: автореф. дис. … канд. филол. наук. Ижевск, 2011.

Тимиров Р.Р. Тюркская топонимия Ингальской долины: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тюмень, 2009.

Тихоненко Е.В. Названия внутригородских объектов Минска: мотивация, структура, функционирование: автореф. дис. … канд. филол. наук. Минск, 2015.

Тужикова Д.Б. Ойконимы в испанской языковой картине мира: автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2013.

Уразметова А.В. Английская топонимика как лексическая подсистема языка (на материале топонимической лексики Великобритании и США): автореф. дис. … д-ра филол. наук. Уфа, 2016. [Некорректное употребление в данном контексте термина *топонимика* вместо *топонимия*. Может ли быть *топонимика* (наука) подсистемой языка? – *Прим. отв. ред.*].

Фёдорова Е.А. Мифолингвистическая интерпретация топонима *Сибирь* в современном языковом сознании: автореф. дис. … канд. филол. наук. Майкоп, 2014.

Халтуева Г.О. Топонимический лексикон «Сокровенного сказания монголов» и «Кодзики»: общее и частное: автореф. дис. …канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2009.

Хамуркопаран Д. Взаимодействие тюркских и славянских языков в топонимии Северного Причерноморья: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2017.

Целебровская Е.И. Топонимия Минусинского района Красноярского края и города Минусинска: к проблеме специфики языковых реализаций: автореф. дис. … канд. филол. наук. Абакан, 2013.

Чочаева Х.И. Структура и семантика микротопонимов Черекского района Кабардино-Балкарской Республики: автореф. дис. … канд. филол. наук. Нальчик, 2010.

Шарифуллина Л.В. Историко-лингвистический анализ топонимов бассейна реки Уй – притока Иртыша: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тобольск, 2009.

Шералиева С.М. Гидронимия Хатлонской области (историко-лингвистическое исследование): автореф. дис. … канд. филол. наук. Душанбе, 2017.

Яцій В.О. Ойконімія Івано-Франківської області: автореф. дис. … канд. філол. наук. Київ, 2009.

Рецензии

Агеева Р.А. Доржиева Г.С. Аборигенные топонимы Квебека. Улан-Удэ, 2010; Доржиева Г.С. Франкофонные топонимы Квебека. Улан-Удэ, 2011 // Вопросы ономастики. 2012. № 2 (13).

Барандеев А.В. Зализняк А.А. Из заметок о любительской лингвистике. М., 2010 // Русский язык в школе. 2011. № 1. [Оценка трактовки топонимов идеологами «новой хронологии»].

Васильев В.Л. Вопросы географии. Сб. 132. Современная топонимика. М., 2009 // Вопросы ономастики. 2010. № 2 (9).

Гейн К.А. Васильева С.П. Идеографический словарь топонимов Приенисейской Сибири. Красноярск, 2008 // Вопросы ономастики. 2011. № 1 (10).

Голомидова М.В. Мир городской повседневности в зеркале неофициальной ойконимии [Рец. на: Ахметова М.В. От А-Аты до Ярска: словарь неофициальных названий населённых пунктов. М., 2015] // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13. № 1.

Дмитриева Т.Н. Мансийские оронимы Урала: новый материал и новые подходы. [Рец. на: Слинкина Т.Д. Мансийские оронимы Урала. Ханты-Мансийск, 2011] // Вопросы ономастики. 2013. № 1 (14).

Душечкина Е.В. Ономастическое пространство, или Что, как и почему мы называем. [Рец. на: Шмелёва Т.В. Ономастика. Учебное пособие. Славянск-на-Кубани, 2013] // Вопросы ономастики. 2014. № 1 (16).

Иванова Е.Э. Майорова Т.В. Топонимические предания в «Приходах и церквях Тульской епархии» (1895). Тула, 2010 // Вопросы ономастики. 2012. № 1 (12).

Кабинина Н.В. Муллонен И.И. Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008 // Вопросы ономастики. 2011. № 2 (11).

Качалкова Ю.А. Социология урбанонимии. [Рец. на: Влахова-Ангелова М. Улиците на София: картографиране на градската идентичност. София, 2013] // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13. № 1.

Молчанова О.Т. Дмитриева Т.Н. Топонимия бассейна реки Казым. Екатеринбург, 2005 // Вопросы ономастики. 2011. № 1 (10).

Мызников С.А. Глебко Г.И. Словарь ойконимов бассейна Нижней Печоры. Сыктывкар, 2009 // Вопросы ономастики. 2011. № 1 (10).

Напольских В.В. Матвеев А.К. Материалы по мансийской топонимии горной части Северного Урала. Екатеринбург, 2011 // Вопросы ономастики. 2012. № 1 (12).

Напольских В.В. Прорыв в исследовании мерянской проблемы. [Рец. на: Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. IV. Топонимия мерянского типа. Екатеринбург, 2015] // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13. № 2.

Рут М.Э. На пути к типологической ономастике. [Рец. на: Скляренко О., Скляренко О. Типологічна ономастика: (монографія): у 5 кн. Кн. 1: Лексико-семантичні особливості онімного простору. Одеса, 2012] // Вопросы ономастики. 2013. № 1 (14).

Соколова Т.П. Проблемы описания городского ономастикона. [Рец. на: Шмелёва Т.В. Ономастикон российского города. Саарбрюккен, 2014] // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 1.

Соколова Т.П. Шмелёва Т.В. Новгородская словесность: учебное пособие. Великий Новгород, 2016 // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 1.

Селимски Л.П. Отин Е.С. Гидронимия Дона. Т. 1. Верхний и Средний Дон. Донецк, 2011; Т. 2. Нижний Дон. Донецк, 2012 // Восточноукраинский лингвистический сборник. Вып. 15. Киев, 2014.

Теуш О.А. Дьякова В.И., Хитрова В.И. Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями). Воронеж, 2009 // Вопросы ономастики. 2011. № 1 (10).

Фалилеев А.И. Новая книга по валлийской топонимии. [Рец. на: Parsons D.N. Martyrs and memorials. Merthyr place-names and the chuch in earle Wales. Aberystwyth, 2013] // Вопросы ономастики. 2015. № 2 (19).

Шапошников А.К. Древнеславянская топонимия Новгорода. [Рец. на: Васильев В.Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М., 2012] // Вопросы ономастики. 2013. № 2 (15).

Сведения об авторах

Агеева Руфь Александровна – кандидат филологических наук, зам. председателя Топонимической комиссии Московского городского отделения РГО
E-mail: *ruf09382008@yandex.ru*

Барандеев Андрей Васильевич – кандидат филологических наук, профессор, председатель Топонимической комиссии Московского городского отделения РГО
E-mail: *abarandeev@mail.ru*

Барбашов Евгений Ростиславович – педагог дополнительного образования Тульского областного центра краеведения, туризма и экскурсий
E-mail: *barbashovevgenii@mail.ru*

Беляев Андрей Николаевич – кандидат филологических наук, доцент Башкирского государственного аграрного университета
E-mail: *anbelajew@mail.ru*

Боброва Мария Владимировна – кандидат филологических наук, доцент Пермского государственного национального исследовательского университета
E-mail: *bomaripgu@yandex.ru*

Герцен Андрей Артёмович – кандидат географических наук, научный сотрудник Института географии РАН, председатель Комиссии рекреационной географии и туризма Московского городского отделения РГО, Почётный председатель Ассоциации гидов, экскурсоводов и переводчиков Республики Молдова, председатель Молдавского историко-географического общества
E-mail: *andrulea@mail.ru*

Доржиева Галина Сергеевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкого и французского языков Института филологии и массовых коммуникаций Бурятского госуниверситета
E-mail: *galdor@yandex.ru*

Евсеева Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, зам. директора Заборьевской средней школы Демидовского района Смоленской области
E-mail: *evseevoly@yandex.ru*

Жамсаранова Раиса Гандыбаловна – доктор филологических наук, профессор Забайкальского госуниверситета
E-mail: *rebeca_zab@mail.ru*

Жук Наталья Антоновна – студентка факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: *zhuknatasha97@gmail.com*

Казанкова Анастасия Александровна – кандидат филологических наук, преподаватель русского языка и литературы средней школа № 33 г. Тамбова
E-mail: *medmevka@yandex.ru*

Коваленко Анна Сергеевна – студентка факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: *anytak151@mail.ru*

Козинцева Мария Николаевна – учитель иностранных языков, зам. директора гимназии № 5 Ворошиловского района г. Волгограда
E-mail: *kozintseva72@mail.ru*

Левина Вера Николаевна – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина
E-mail: *levina vn@mail.ru*

Максимов Владимир Олегович – кандидат филологических наук, директор информационно-исследовательского центра «История Фамилии»
E-mail: *Imaximov@mail.ru*

Михайлова Любовь Петровна – кандидат филологических наук, доцент Института филологии Петрозаводского государственного университета
E-mail: *posnm87@bk.ru*

Назаров Алоис Ильич – редактор интернет-проектов «Планета имён и фамилий», «Ономастика Поволжья», независимый журналист
E-mail: *1d212@yandex.ru, aloisnazarov@gmail.com*

Рыжков Андрей Борисович – региональный представитель ООО «АНКОР Кадровые решения»
E-mail: *randyred@yandex.ru*

Салимова Дания Абузаровна – студентка 3 курса РАО факультета русской филологии и журналистики Елабужского института Казанского федерального университета
E-mail: *julia.sapogova@mail.ru*

Сапогова Юлия Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и контрастивного языкознания Елабужского института Казанского федерального университета
E-mail: *julia.sapogova@mail.ru*

Сироткина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, доцент Сургутского государственного педагогического университета
E-mail: *sirotkina71@mail.ru*

Смирнова Вера Ефимовна – старший преподаватель кафедры французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: *veras777@mail.ru*

Соколова Татьяна Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, магистр юриспруденции, член Международного совета по ономастическим исследованиям (ICOS)
E-mail: *tsokolova58@mail.ru*

Хайрутдинов Данил Данилович – ученик 11 класса средней общеобразовательной школы № 56 г. Набережные Челны
E-mail: *danil.hayrutdinov@mail.ru*

Цветкова Елена Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии и журналистики Костромского государственного университета
E-mail: *elv15@list.ru*

Чуманов Александр Владиславович – младший научный сотрудник муниципального автономного учреждения «Музей истории Томска»
E-mail: *avch-80@rambler.ru*

Шайхулов Алмас Галимзянович – доктор филологических наук, профессор кафедры татарской филологии и культуры Башкирского государственного университета
E-mail: *almazufa2004@mail.ru*

Шарифуллина Лариса Владимировна – кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы средней общеобразовательной школы № 7, г. Набережные Челны
E-mail: *sto@bk.ru*

Научное издание

ВОПРОСЫ ГЕОГРАФИИ

Сборник 146

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТОПОНИМИКИ

Утверждено к печати
Учёным советом Института географии РАН

На обложке:
План Московского Кремля в самом начале XVII века

Оригинал-макет выполнен П.Р. Накаловым
Рисунки подготовлены Л.В. Набоковой

Подписано к печати 06.06.18
Формат 60 × 90 1/16.
Печать офсетная
Усл. печ. л. 19,5
Тираж 150 экз. Заказ № 18-0548

Русское географическое общество
Штаб-квартира Русского географического общества в Москве
109012, Москва, Новая пл., 10, стр. 2
e-mail: rgo@rgo.ru
www.rgo.ru

ООО «Издательский дом «Кодекс»
г. Москва, Графский переулок, д. 9, стр. 2.

Отпечатано в ООО «ТИПОГРАФИЯ КЕМ»
г. Москва, Графский переулок, д. 9, стр. 2.
Тел.: (495) 933-59-00

9 785604 096963

PROBLEMS OF GEOGRAPHY

ISSN 0372-5758

146

URGENT PROBLEMS OF PLACE-NAMES STUDIES